

BROWN SLAVIC
CONTRIBUTIONS
VOL. XII

G. R. Derzhavin

Poetic Works

A Bilingual Album

Edited by
Alexander Levitsky

Translated by
Alexander Levitsky
and
Martha T. Kitchen

Department of
Slavic Languages
Brown University
Providence, 2001

G. R. Derzhavin

Poetic Works

A Bilingual Album

Edited by
Alexander Levitsky

Translated by
Alexander Levitsky
and
Martha T. Kitchen

Catherine II,
The Empress of Russia (1762-96)

Григорій Державинъ

G. R. Derzhavin (1743-1816)
after Tonci, 1801

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ

СОЧИНЕНІЯ
АЛЬБОМЪ ВИНЬЕТЪ

Редакція
А. А. Левицкаго

G. R. Derzhavin

Poetic Works

A Bilingual Album
Commemorating the Bicentennial of
A. S. Pushkin

Edited, with an Introduction and Commentary
by Alexander Levitsky

Translated by
Alexander Levitsky and Martha T. Kitchen
and with
A Note on the Translations by
Lauren G. Leighton

Department of Slavic Languages
Brown University
Providence, 2001

Brown Slavic Contributions

Volume XII

Principal Editorial Assistants:

Martha T. Kitchen (English Section)
Natalia Lechtchenko (Russian Section)

Additional Assistants and Translators:

Charles Arndt
Margo Ballou
Emeline K. Diener
Alisa G. Mayor
Olga Partan
Maria Sokolova
Olga Yoshizumi

Brown University Graphic Services:

Deborah Berlo
Joseph Pitassi

© 2001 by the Department of Slavic Languages at Brown University
All rights reserved

ISSN number: 0-9712998-1-1

Published under the auspices of the Department of Slavic Languages
Box E, 20 Manning Walk
Brown University
Providence, Rhode Island 02912-9105

Email: Slavic_Languages@brown.edu

Website: http://www.brown.edu/Departments/Slavic_Languages

"Ode to Princess Felitsa" and "The Waterfall" by Gavrila R. Derzhavin, from THE LITERATURE OF EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIA, VOL. 2, translated by Harold B. Segel, copyright (c) 1967 by Harold B. Segel. Used by permission of Dutton, a division of Penguin Putnam Inc.

*Dedicated to
Margareta,
my colleagues, students, and friends,
Derzhavin enthusiasts,
and
to the approaching
Tricentennial of St. Petersburg-
the city which binds us all.*

Contents:

L. G. Leighton: A Note on the Translations.....	vi
Notes on Transliteration and Abbreviations.....	viii
Editions, Works, and Archival Holdings.....	ix
Preface and Acknowledgements.....	1
Introduction: Gavriil Romanovich Derzhavin (1743-1816)	7

Part 1:

A: From the volume dedicated to Catherine II

1. In Lieu of the Epigraph: From <i>The Waterfall</i>	13
2. The poet's Dedication and Epigraph to Volume 1	15
3. <i>My Queen</i> (Monarkhinia)	15
4. <i>God</i> (Bog).....	16
5. <i>To Rulers and Judges</i> (Vlastiteliam i sudiiam)	22
6. <i>True Happiness</i> (Istinnoe shchastie)	24
7. <i>Felitsa</i> (Felitsa)	26
8. <i>The Murza's Vision</i> (Videnie Murzy)	37
9. <i>The Spring</i> (Kliuch)	44
10. <i>On the Death of Prince Meshcherskii</i> (Na smert' Kn. M.)	47
11. <i>Autumn During the Siege of Ochakov</i> (Osen' vo vremia osady...)	51
12. <i>To N. A. Lvov</i> (K N.A. Lvovu)	56
13. <i>The Waterfall</i> (Vodopad).....	60
14. <i>An Outing at Saarskoe Selo</i> (Progulka v Saarskom sele)	78
15. <i>The Swallow</i> (Lastochka)	81
16. <i>An Invitation to Dinner</i> (Priglasenie k obedu)	84
17. <i>The Peacock</i> (Pavlin)	88
18. <i>Monument</i> (Pamiatnik).....	90

B: From the volume dedicated to Alexander I

Dedication to Alexander I: <i>My Monarch</i> (Monarch)	93
19. <i>The Immortality of the Soul</i> (Bessmertie dushi)	94
20. <i>In Praise of Country Life</i> (Pokhvala sel'skoi zhizni).....	102
21. <i>To Kapnist</i> (K Kapnistu)	106
22. <i>The Bullfinch</i> (Snigir').....	110
23. <i>The Magic Lantern</i> (Fonar')	112
24. <i>To Olenin</i> (Oleninu).....	120
25. <i>To Eugene. Life at Zvanka</i> (Evgeniiu. Zhizn' zvanskaia)	123
26. <i>The Swan</i> (Lebed').....	135

C: From the volume *Anacreontic Songs*

27. <i>A Tribute to Lovely Women</i> (Prinoshenie krasavitsam)	140
28. <i>On the Birth in the North of a Royal Scion</i> (Na rozhdenie...)	142
29. <i>The Ruins</i> (Razvaliny)	146
30. <i>Longing</i> (Mechta)	151
31. <i>To Angelica Kauffmann</i> (K Kaufman)	152
32. <i>The Fiery Spring</i> (Goriuchii Kliuch)	154
33. <i>Russian Maidens</i> (Russkii devushki)	156
34. <i>The Gypsy Dance</i> (Tsynganskaia Pliaska)	158
35. <i>Chains</i> (Tsepi)	160
36. <i>To Sappho</i> (Safe)	162
37. <i>To Tonci</i> (Tonchiiu)	164
38. <i>A Crown of Immortality</i> (Venets bessmertia)	167

D: From other volumes and late years

39. <i>Corruptible and Incorruptible</i> (Tlenie i netlenie)	171
40. <i>The Baths of Aristippus</i> (Aristipova bania)	175
41. <i>Zlogor, Volkhv of Novgorod</i> (Novgorodskii volkhv Zlogor)	180
42. <i>To Polyhymnia</i> (Poligimnii)	184
43. In Lieu of the Epitaph: <i>On Transience</i> (Na tlenost')	187

Bi-lingual Appendix to Part 1:

Programme of the 1815 examination at Tsarskoe Selo	190
A. S. Pushkin: Three Dialogues with Derzhavin	191
I. <i>Reminiscences at Tsarskoe Selo</i> (Vospominaniia v Tsarskom sele)	194
II. <i>Autumn. A Fragment</i> (Osen'. Otryvok)	206
III. Exegi Monumentum	214
Endnotes for Texts in English	217
References and Select Bibliography	244

Part 2: Derzhavin's Poetry in Russian with original illustrations

Editorial Note in Russian	254
Russian Table of Contents	255
Derzhavin's Preface to Readers (<i>Works</i> , Vol1)	257
Derzhavin's Poetry (Numbers Parallel English Section from #2)	258
Derzhavin's <i>Notes</i> (Ob'iasnenia) to His Poetry	435
Tables of Contents for the Five Volumes of Derzhavin's <i>Works</i>	465
Derzhavin's <i>Discourse on Lyric Poetry</i>	473
Conclusions (in Russian)	583

G. R. Derzhavin. *A Bilingual Album.*

A note on the translations

I cannot think of any project more perilous than a translation project, especially in verse, and especially when the poet is as complex and contradictory as Derzhavin. I have read through this collection with an eye to the print and an ear to the sound, rather than with the analytical tools of a translation critic. I cannot find any significant perils that were not avoided and undone in this collection, translated by Professor Alexander Levitsky and Martha T. Kitchen. I especially appreciate that their basic principle is *fidelity* (as opposed to exactness or precision): all their translations fall into the center of the translation spectrum without deviating in the direction of libertarianism at one extreme of the spectrum or of literalism at the other.

Most translators know that it is impossible to erase the translator's voice from a translation. Every translator has his or her own different style. There is a paradox here: translators cannot and even should not hide themselves, yet they must and if they are professional, they will translate the original author, not themselves. Happily, the translators of this magnificent collection of Derzhavin's poetry have observed their stated intent to translate Derzhavin rather than themselves. They have apparently taken good advice for avoiding what is known as foisting the translator's personality on the original poet. Some poets are especially notorious in this respect. The translations in this collection are not this kind of egoistic display of the translators' "originality" or "versatility." Instead, they show the translation quality that Walter Arndt says is obligatory: *modesty*. In this respect, these are exemplary translations.

I have also noted that modern translators do not like to use archaic English. I do not understand why—they are a natural part of English poetry in the 18th century and the Romantic period. I very much like this usage in select poems of this collection. For example "bless'd" and "sitteth" (*True Happiness*), "thou" throughout, and so on. Perhaps the only reservation I can make apropos of style is a virtual absence of Derzhavin's sporadic awkwardness and instances of bad grammar. This is, after all, the poet whom Pushkin, while praising him, called a barbarian and about whom Chernyshevsky said he broke the back of the Russian language. Yet, I must acknowledge that there is a risk here that an English-language reader (unaware of the complex paths Russian poetry took before Pushkin) would receive this quality as bad poetry.

I do not wish to comment on specific translations—I prefer to deal with the collection as a whole—but I especially admire those translations, which are rhymed (about one half), especially the *tour de force* versions of *God, On the Death of Prince Meshchersky*, and *To Eugene. Life at Zvanka*. Clearly the translators have a keen awareness of eighteenth and nineteenth-century English poetry, but in their rhymes they have also made every attempt to reproduce the bold creativity that so frequently characterized Derzhavin's Russian rhymes. There are instances of partly rhymed poems (*A Tribute to Lovely Women, A Crown of Immortality*). I tended at first to see these as anomalies, but when I read Derzhavin's own experiments in this regard (such as in *The Peacock*), I forgot this apprehension.

I prefer translations that are faithful to the essential verse elements of poetry—rhyme, meter, alliteration, imagery. I cannot dispute Nabokov's assertion, in his defense of his translation of *Eugene Onegin*, that it is mathematically impossible to convey both the form and the meaning of the original, and I am aware that in order to recreate the famed Onegin stanza translators have had to resort to departures from meaning, sometimes even to stylistic-semantic "concoctions," but I cannot endorse the results of Nabokov's ultra-literalist method. Here in this collection, however, I find that I approve of the apparent agreement to offer, what are in many instances, unrhymed versions. This is not a theoretical question for me—I have been struggling to convey both rhyme and meter in versions of excerpts of Russian Romantic poetry, and I am unhappy with many of the departures from meaning and awkward syntactic formulations that are the result of my efforts. Here I find that liberation from rhyme (in about one half of the poems) has enabled the translators to concentrate on meaning, meter, and many other essential elements. Some translations exhibit departures from the original, but even in these instances the result is a more natural, faithful, and artistic "flow" of syntax, phrases, lines, and stanzas. I especially appreciate the consistent adherence to iambic meter. I think my appreciation arises from a suspicion that this method—abandonment of rhyme in favor of freedom to honor technical elements—is appropriate to eighteenth-century Russian verse. It has certainly done justice to Derzhavin—I hear his voice in the iambs and in the resultant effective syntactic formulations. That this voice is now indeed heard for the first time in English in such a major collection is no doubt the greatest accomplishment any translator could hope for and the best possible tribute to this patriarch of Russian letters.

Lauren G. Leighton

Professor Emeritus

Note on Transliteration

A simplified Library of Congress system for transliterating the Russian alphabet is used throughout the volume.

Abbreviations

AN	Akademia Nauk
Bib.	Biblioteka
com.	Commented [by]
diss.	Dissertation
ed.[s]	Edited by; Editor[s]
Imp.	Imperatorskii [-aia]
Inst.	Institut
Izd.	Izdatel'stvo
Khud. lit.	Khudozhestvennaia literatura
L.	Leningrad
M.	Moscow (Moskva)
n.d.	no date
n.p.	no place
NY	New York
SPb.	St. Petersburg (Sankt Peterburg)
Tip.	Typography (Tipografia)
P.	Press
Sov.	Soviet (Sovetskii, Sovetskaia)
U.	University (Universitet[-skii;-skaia])
Vol.	Volume[s]

Abbreviations for Major Editions used:

<i>Grot.</i>	Sochineniia Derzhavina s ob"iasnitel'nymi primechaniiami Ia. Grot, 9 vols (SPb.: AN, 1864-1883).
<i>Works.</i>	Sochineniia Derzhavina, chasti 1-4 (SPb.: Schnor, 1808) with the added chast' 5 (SPb.: Plavil'shchikov, 1816).
<i>Works 1798</i>	Sochineniia Derzhavina, chast' 1 (M.: UP, 1798)

Select Editions and Works by Derzhavin:

(Followed by an Alphabetical Listing)

Oda na vseradostnoe brakosochetanie ikh imperatorskikh vysochestu. Sochinennaia potomkom Atil'by, zhitel'em reki Ra (SPb.: [Tip. AN], 1773), 8 pp.

Ody perevedennyya i sochinennyya pri gore Chitalagae 1774 goda (SPb.: Tip. AN, 1776), 38 pp.

Pis'mo Eia imperatorskomu velichestvu, v kotorom prinosisia blagodarnost' ot poluchishago Eia milosti kolezhskago sovetnika Derzhavina (SPb.: Tip. AN, 1777), 8 pp.

Difiramb na vyzdorovlenie pokrovitel'ia nauk. (SPb., 1781)

Oda na uspokoennoe neveriie (SPb., 1781)

Oda k premudroi kirgizkaisatskoi tsarevne Felitse, pisannaia nekotorym tatarskim Murzoiu (n.p.[SPb.], n.d. [1784?])

Oda Bog (n. p. [SPb.], n.d. [1785?]); 2nd ed. (M.: U. tip., Okorokov, [c. 1792])

Prolog na otkrytie v Tambove teatra i narodnago uchilishcha. Predstavl'en v den' tezoimenistva eia imperatorskago velichestva noiabria 24 dnia 1786 goda (SPb.: [AN], 1787); 2nd edition (Tambov: Vol'naia Tip. Shnaidera, 1787)

Osen' v sele Zubrilovke 1788 v noiabre (Tambov: Vol'naia Tip., 1788), 8 pp.

Rech', gouv'ernaia v 22 den' sentiabria 1786 goda pri otkrytii v Tambove glavnago narodnago uchilishcha Kozlovskoi okrugi sela Nikol'skago chto na Surene, odnodvortsem Petrom Mikhailovym synom Zakhar'inyi i v tomzhe godu perevedena v Sanktpeterburge na raznyia inostrannyia iazyki (Tambov: Vol'naia Tip., 1788), 16pp.

Torzhestvo voshhestviia na prestol e. i. v. Ekateriny Vtoryia, otpravlennoe v Tambove 1786 goda, iiunia 28 dnia (Tambov: Vol'naia Tip., 1788)

Osen' v sele Zubrilovke 1788 v noiabre ([Tambov: Vol'naia Tip., 1788])

Oda na vysochaishee v S. Peterburg pribytie k torzhestvu o mire s korolem Shvedskim imperatritsy Ekateriny II 1790 goda avgusta 15 dnia (SPb.: Tip. AN, 1790)

Khory (N.p., n.d., [1791])

Pamiatnik geroiu. 28 iiunia 1791 (SPb., 1791); republished, with French and German prose translations (Riga, 1791 and 1792), 16 pp.

Pes' domu liubiashiemu nauki i khudozhestva v novyi god (SPb.: [Tip. AN, 1791]); 10pp.

Pes' liricheskaiia Rossu po vziatii Izmaila (SPb.: Tip. AN, 1791)

Izobrazhenie Felitsy (n.p.[SPb.], n. d.[1792 acc. to Sopikov])

K Kalliope v 31 den' oktiabria 1792 goda (SPb.: I. K. Shnor, 1792)

Opisanie prazdnstva, byushago po sluchaiu vziatii Izmaila, u ego svetlosti gospodina general-fel'dmarshala i velikago getmana kniazia Grigoriia Aleksandrovicha Potemkina-Tavricheshogo, v prisustvii eia imperatorskago velichestva i ikh imperatorskikh vysochestu, v Peterburge, v dome ego b'iz' Konnoi gvardii, 1791 goda apreliia 28 dnia (SPb.: Tip. I. K. Shnor, 1792), 39pp.

Prazdnik vospitannits Obschestva blagorodnykh devits, Bessmertie dushi i Molitva (SPb.: Gos. meditsinskaia kollegiia, 1792)

- Rech' govorennaiia, 1786 goda v den' vysokotorzhestvennago korovaniia na userossiiskii prestol, velikila gosudaryni Ekateriny Alekseevny II, to est', 22 chisla sentiabria; pri otkrytii v namestnicheskom gorode Tambove glavnago narodnago uchilishcha v sobranii vsego pritom byvshago znamenitago obshchestva, Poselianinom Petrom Zakhar'inym* (N.p., n.d. [c.1792])
- Videnie Murzy. Der Traum des Mursa. Aus dem Russischen des Herrn von Derschawin übersetzt von A[ugust]. v[on]. Kotzebue* (SPb., I. K. Schnoor, 1792).
- Oda na panikhidu v Katolitskoi tserkve, byvshuiu v Sanktpeterburge, po pokoinom korole frantsuzskom Liudovike XVI marta 16[26] dnia 1793 goda, soprovozhdennuiu muzykoiu g. Sartiia* (n.p., n.d. [SPb., 1793])
- Pesn' e. i. v. Ekaterine II, na pobedy grafa Suvorova-Rymnitskago 1794 goda* (SPb.: Tip. Korpusa chuzhestrannykh edinoverstov, 1794)
- Irod i Mariamna, tragediia v piati deistviiakh* (SPb., 1798)
- Oda na rozhdenie e. i. v. velikago kniazia Mikhaila Pavlovicha, 1798 goda genvaria 28 dnia* (SPb.: Imp. Tip., 1798)
- Sochineniia Derzhavina. Chast' I* (M.: Ridiger i Klaudii, 1798)
- Oda na pobedy frantsuzov v Italii fel'dmarshalom grafom Suvorovym Rymnitskim 1799 godu* ([SPb.: Imp. Tip., 1799])
- Perekhod v Shteitsarii chrez Al'piiskiiu gory, Rossiskikh Imperatorskikh voisk, pod predvoditel'stvom generalissima; 1799 goda* (SPb.: Imp. Tip., 1800)
- Stikhi Elene Aleksandrovne Naryshkinoi* (SPb., 1800)
- Gimn krotosti* ([M., 1801])
- Utro i gimn Kleantov* (SPb., 1802)
- Poslaniie Indeiskago Bramina i Gimn solntsu* (SPb., 1803)
- Anakreonticheskiia pesni* (SPb., 1804)
- Kolesnitsa* (SPb., 1804)
- Fonar'* (SPb., 1807)
- Persei i Andromeda, Kantata na pobedu, oderzhannuiu russkim nad frantsuzami i stikhi na vystupleniie v pokhod Gvardii* (SPb., 1807)
- Sochineniia, 4 chasti* (SPb.: I. K. Shnor, 1808) with the added 5th chast', (SPb.: Plavil'shchikov, 1816)
- Dva psalma, perelozhennii stikhami* ([SPb., 1809])
- Irod i Mariamna: Tragediia v piati deistviiakh* (SPb., 1809).
- Oda po sluchaiu pareniia orla nad Rossiskoii armieiu, pod predvoditel'stvom Kniazia Golenishcheva-Kutuzova pri sele Borodine* (SPb., 1812)
- Gimn liro-epicheskii na prognanie frantsuzov iz Otechestva, 1812 god* (SPb., 1813) *Episch-lyrischer Hymnus...* übers. von P. Göze (Riga u. Dorpat, 1814)
- Khristos, svyshe Blagoslovennomu prinosheniie* (SPb., 1814);
- Oda na sreteniie pobeditelia, svoboditelia i promiritelia Evropy... Aleksandra Pervago* (SPb., 1814)
- Stikhi na pokoreniie Parizha* (SPb., 1814)
- Lira Derzhavina, ili izbranniiia ego stikhotvoreniia* (M., 1817)

- Sochineniia*, 4 vols (SPb.: A. S. Smirdin, 1831); 2nd edition (SPb.: A. Smirdin, 1833-34)
- Ob"iasneniia na sochineniia Derzhavina, im samim diktovannymi rodnoi ego plemiannitse E. N. Lvovoi v 1809 godu...*, 4 parts (SPb.: F. N. Lvov, 1834)
- Sochineniia*, 4 vols (SPb., 1843)
- Sochineniia* (SPb.: D. P. Shtukin, 1845)
- Sochineniia*, 2 vols (SPb.: A. Smirdin, 1847); 2nd edition (SPb.:1851)
- Temnyi. Tragediia v piati deistviiakh* (SPb., 1852)
- Anakreonticheskiia stikhotvoreniia* (SPb., 1857)
- Zapiski G. R. Derzhavina (1743-1812)*. ed. by P. I. Bartenev. Special issue of *Russkaia beseda*. (M.: Tip. A. Semena, 1860), 500 p.; 2nd edition: *Zapiski Derzhavina*. ed. by Ia.K. Grot, in *Grot*, vol.6 (SPb., 1871), reprint: Oriental Research Partners (Cambridge: 1973)
- Sochineniia s ob"iasnitel'nymi primechaniiami Ia.K. Grota*. 9 vols. 1st AN edition]. (SPb.: Tip. Imp. AN, 1864-1883).
- Sochineniia s ob"iasnitel'nymi primechaniiami Ia. K. Grota*. 7 vols. 2nd AN edition. SPb.: Tip. Imp. AN, 1878-83.
- Izbrannye sochineniia*, ed. by L. Polivanov (M., 1884; revised edition, M.: G. O. Nemirovsky, 1894)
- Sochineniia*, 4 vols, ed. by Ia. K. Grot (SPb.: N. O. Merts, 1895)
- Stikhotvorenia*, ed. R. V. Ivanov-Razumnik (SPb., 1911)
- Stikhotvoreniia*, ed. by G. A. Gukovsky, Bib. poëta, bol'shaia seriia (L.: Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade, 1933)
- Stikhotvoreniia*, ed. by G. A. Gukovsky; intro by I. A. Vinogradov. Bib. poëta, malaia seriia (M.: Sov. pisatel', 1935)
- Stikhotvorenia*. ed. by G. A. Gukovsky, Bib. poëta, malaia seriia, 2nd ed., (L.: Sov. pisatel', 1947).
- Stikhotvoreniia*, ed. by D.D. Blagoi, com. by V.A. Zapadov. Bib. poëta, bol'shaia seriia (L.: Sov. pisatel', 1957), 472 pp.
- Stikhotvoreniia*, ed. by A. Ia. Kucherov (M.: Khud. lit., 1958), 564 p
- Stikhotvoreniia*, ed. V. I. Druzin, com. by V. A. Zapadov. Bib. poëta, malaia seriia (M-L.: Sov. pisatel', 1963), 456 pp.
- Almazna sypletsia gora* (M.: Sov. Rossiia, 1972), 240 pp.
- Stikhotvoreniia*, ed. by V. Prikhod'ko (Petrozavodsk: Kareliia, 1984), 208 pp.
- Ody*, ed. by S. S. Averintsev (L.: Lenizdat, 1985), 336 pp.
- Sochineniia*. 3 vols. (M.: Khud. lit., 1985)
- Sochineniia*. ed. by I. I. Podol'skaia (M.: Pravda, 1985), 576 pp.
- Anakreonticheskiia pesni*, ed. G. P. Makogonenko, G. N. Ionin, and E. N. Petrova, Lit. pamiatniki (M.: Nauka, 1986), [192]+472 pp.
- Sochineniia*, Intro. by G. P. Makogonenko; Ed. by V. P. Stepanov and G. P. Makogonenko (L.: Khud. lit., 1987), 504 pp.
- Dukhovnye Ody*, ed. by B. N. Romanov (M.: Kliuch, 1993), 384 pp.

Select Editions and Works by Derzhavin:
(An Alphabetical Listing)

- Almazna sypletsia gora* (1972)
Anakreonticheskie pesni (1804)
Anakreonticheskiia pesni (1986)
Anakreonticheskiia stikhotvoreniia (1857)
Gimn krotosti (1801)
Gimn liro-epicheskii na prognanie frantsuzov <...> (1813)
Difiramb na vyzdorovlenie pokrovitelia nauk. [1781]
Dva psalma, perelozhennye stikhami [1809]
Dukhovnye Ody (1993)
Fonar' (1807)
Irod i Mariamna, tragediia v piati destviiakh (1798)
Izbrannia sochineniia (ed. by L. Polevanov, 1884);
_____ (2nd revised edition by G. O. Nemirovski, 1894)
Izobrazhenie Felitsy ([1792])
Khory (1791)
Khristos, svyshe Blagoslovennomu prinosheniie (1814);
K Kalliope v 31 den' oktiabria 1792 goda (1792)
Kolesnitsa (1804)
Lira Derzhavina, ili izbrannia ego stikhotvoreniia (1817)
Ob"iasneniia na sochineniia Derzhavina<...> 4 vols (1834)
Oda Bog ([1785?]) and c. 1792)
Oda k premudroi kirgizkaisatskoi Tsarevne Felitse <...> [1784?]
Oda na panikhidu v Katolitskoi tserkvi, byvshuiu <...> (1793)
Oda na pobedy frantsuzov v Italii<...> Suvorovym<...> (1799)
Oda na rozhdenie e. i. v. velikago kniazia Mikhaila P<...> (1798)
Oda na sreteniie pobeditelia<...> Aleksandra Pervago (1814)
Oda po sluchaiu pareniia orla nad Rossiskoiu armieiu<...> (1812)
Oda na uspokoennoe neveriie (1781)
Oda na useradostnoe brakosochetaniie <...> (1773)
Oda na vysochaishee v S. Peterburg pribytie <...> (1790)
Ody (1985)
Ody perevedennnyia i sochinennia pri gore Chitalage <...> (1776)
Opisanie prazdnestva, byvshago po sluchaiu vziatiiia <...> (1792)
Osen' v sele Zubrilovke 1788 v noiabre (1788);
Pamiatnik geroiu. 28 iiunii 1791 (1791)
Perekhod v Shveitsarii chrez Al'piiskiia gory<...> (1800)
Persei i Andromeda, Kantata na pobedu<...> i stikhi <...> (1807)
Pesn' domu liubiashechemu nauki i khudozhestva v novyi g. (1791)
Pesn' e. i. v. Ekaterine II, na pobedy Grafa Suvorova<...> (1794)

Pesn' liricheskaiia Rossu po vziatii Izmaila (1791)
Pis'mo Eia imperatoskomu velichestvu <...> Derzhavina (1777)
Poslaniie Indeiskago Bramina i Gimn solntsu (1803)
Prazdnik vospitanits Obshchestva blagorodnykh devits<...>(1792)
Prolog na otkrytie v Tambove teatra i narodnago uchilishcha (1787)
Rech' govorennaia v 22 den' sentiabria 1786 pri otkrytii <...>(1788)
Sochineniia, Chast' 1 (Ridiger i Klaudiv, 1798)
Sochineniia, 4 chasti (Shnor, 1808); 5 chast (Plavil'shchikov, 1816)
Sochineniia, 4 vols (Smirdin, 1831); 2nd edition (Smirdin, 1833-34)
Sochineniia, 4 vols (1843)
Sochineniia (Shtukin, 1845)
Sochineniia, 9 vols (Grot, 1864-83); 2nd ed., 7 vols (Grot, 1868-78)
Sochineniia, 4 vols (Mertts, 1895)
Sochineniia, 3 vols. (Khud. lit., 1985)
Sochineniia, (Pravda, 1985)
Sochineniia (Khud. lit., 1987)
Stikhi Elene Aleksandrovne Naryshkinoi (1800)
Stikhi na pokoreniie Parizha (1814)
Stikhotvoreniia (Ivanov-Razumnik, 1911)
Stikhotvoreniia (Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade, 1933)
Stikhotvoreniia (Sov. pisatel', 1935 and 1947)
Stikhotvoreniia (Sov. pisatel', 1957)
Stikhotvoreniia (Khud. lit., 1958)
Stikhotvoreniia (Kareliia, 1984)
Temnyi. Tragediia v piati deistviiakh (1852);
Torzhestvo voshchestviia na prestol e. i. v. Ekateriny <...> (1788)
Utro i gimn Kleantov (1802)
Videnie Murzy. Der Traum des Mursa (1792)
Zapiski G. R. Derzhavina (1860)

Archival Holdings

Gavriil Romanovich Derzhavin's literary archive is divided between the State Public Library in Saint Petersburg (fond no. 247); the Institute of Russian Literature (Pushkin House) in Saint Petersburg (fond nos. 88 and 96); and the Central State Archive of Literature and Art in Moscow (fond no. 180).

Preface and Acknowledgements

Russia has given birth to many poets of world stature, including Alexander Pushkin, Anna Akhmatova, Iosif Brodsky, Osip Mandelshtam, Boris Pasternak, and Marina Tsvetaeva, among others. To a greater or lesser degree all these authors acknowledged their poetic debt to the legacy of Gavrila Romanovich Derzhavin, whose works have held an amazing sway over the best of Russia's poets. So far, however, Derzhavin's poetry has not attracted the critical mass of non-Russian admirers necessary for his recognition abroad.

The extent to which this collection may succeed in bringing Derzhavin to a rightful level of recognition is difficult to judge. For one thing, Derzhavin was not in any sense a martyr—a detail of biography common to all of the poets noted above, and one which is never a hindrance to fame. He was not killed in a duel, did not perish in a concentration camp, did not commit suicide, nor was he subject to political oppression. He died at the ripe old age of 73.

Derzhavin's life spanned the period in which Russian literature was known mostly for its imitations of western and ancient models—a period that is traditionally of limited interest to those post-Romantic devotees who privilege novelty above all. Derzhavin did indeed imitate ancient and contemporary poets in the spirit of the preceding epoch, yet his poetry is at the same time remarkably original. Unabashedly vibrant in color, sound, and imagery, it celebrates the magnificence and opulence of life. Moreover, it is so striking in its execution of these subjects and its transformations of genre expectations that we hope it may finally earn him the recognition he eminently deserves.

If one were to seek an analog to Derzhavin's Russian renown in Europe of that time, the fame of his contemporary, J. W. Goethe, comes to mind. Whereupon disclaimers arise at once, since each represents a different literary sensibility. The fabric of Derzhavin's Russian diction is hardly like Goethe's German. Moreover, the scope of Goethe's influence at home was clearly unlike that of Derzhavin in his own culture: Derzhavin wrote nothing like *The Sufferings of Young Werther* in prose or *Faust* in drama.¹

Yet after such points have been conceded, the analogy may stand. Both men were extremely long-lived and participated in the ever-changing literary trends spawned by much younger writers.² The contemporaries of each man regarded him as a writer endowed

with the Romantic notion of genius. Both had served in the highest governmental posts, and their mansions became important cultural centers of their respective societies.³ Finally, both had a supreme sense of the historical specificity of the times and places in which they themselves and the preceding generations lived: the depth of their chronotopic probing is for both a salient feature of their art.

The present volume attempts to offer a representative selection of Derzhavin's works in English, while keeping whenever possible every nuance of his thought intact. In order to achieve the latter aim, we have had to part with the idea of making rhymed versions of all the works selected. Instead we have confined ourselves to rhyming certain key poems, especially the sacred odes. However, throughout the collection Derzhavin's meters and stanzaic lengths have been scrupulously preserved unless otherwise noted.

As translators of Derzhavin our aspiration was to create for the poet an English voice, rather than to replicate the stylistic novelty for which his ode writing is famed in Russian literary history. By the 18th century English poetry could boast a history of incredible accomplishments, such as the works of Shakespeare, Spenser, Dryden, Johnson, Donne, Herbert, Milton, and the Metaphysicals, to name a few. Russia had nothing of the kind, in fact it had no cohesive notion of *belles lettres* prior to the 18th century. And Russian poets spent most of that century searching for a normative poetic voice which might bring them to full membership in this well-tuned chorus. Derzhavin is the first Russian who succeeds in this endeavor.

The notion of publishing a meaningful sampling of Derzhavin's poetry in English began taking shape in earnest during a seminar on "Derzhavin and His Epoch" that I taught at Brown some years ago. Five students, Charles Arndt, Martha Kitchen, Alisa Mayor, Olga Partan, and Maria Sokolova, submitted their translations of Derzhavin's poetry in partial fulfillment of the requirements for the seminar, and it is their translations that began to form the core of the present publication.⁴ Overcoming considerable financial obstacles and time constraints, this volume is finally appearing as part of *Brown Slavic Contributions*. If the editorial work, the introductions based on archival research, and all final translations are mine, substantial credit should go to the aforementioned translators for contributing initial unrhymed versions of several poems,⁵ but chiefly to my principal co-translator Martha Kitchen, who imprinted our former readings with the necessary changes to make them not only reflect Derzhavin's

metric preferences, but to fit the tenor of the volume as a whole. The project also attracted the help of the Pennsylvania based poet Emeline K. Diener, who was not part of the seminar, but who contributed to the volume by providing her renditions of *A Tribute to Lovely Women* and the last four variants of *On Transience*. Moreover, major credit for this publication should go to my editorial assistants, Margo Ballou, Natalia Lechtchenko, Alisa Mayor, and Olga Yoshizumi, as well as to Andrew Koyfman and Joseph Pitassi III, who provided technical support.⁶

The volume also contains reprints, with no changes, of two translations as published by Harold B. Segel in his *The Literature of Eighteenth-Century Russia*, Volume 2, copyright (c) 1967 by Harold B. Segel, used by permission of Dutton, a division of Penguin Putnam Inc. The poems reprinted are *Ode to Princess Felitsa* and *The Waterfall*, and include all of Segel's comments.

In order to allow Derzhavin's works to read as original poetry in both languages, the volume is divided into two parts, English and Russian (rather than presented side by side, as is characteristic of bilingual editions). The collection presents Derzhavin's poetic material in the order he chose for the five-volume edition of his works, the last to be published during his lifetime.⁷ Apart from following the poet's own ordering, and choosing to open our anthology with an epigraph from his famous meditative ode *The Waterfall* and to close it with an "epitaph"—his tour de force poem, *On Transience* (not published during his life)—no other organizing principle is maintained. This has been done primarily in accordance with our second objective for this book, namely to let Derzhavin's poetry unfold before the reader just as the poet wished. He was clearly concerned with the ways in which his books began and ended, as well as to whom they were dedicated. Every volume (except his *Anacreontic Songs*) starts with a sacred ode touching on the theme of immortality; likewise, each ends with an adaptation of a Horatian or Anacreontic ode on the same theme. The Academy edition of Derzhavin's works, edited by Ia. K. Grot,⁸ though monumental in its execution, jettisoned this principle altogether in favor of a diachronic approach. It thereby lost Derzhavin's implicit philosophical design for each of his volumes, which rested on the notion of the poet's immortality in both the sacred and the profane domains.

Despite the incremental way this translated material was put together, the collection is responsive to a central theme Derzhavin

explored throughout his career: the meaning of life—not necessarily as a philosophical concept or an exercise in syllogism (though he was by no means a rustic thinker), but always as material for poetic contemplation, celebration, and transformation. That he succeeds in Russian is beyond any doubt; that we have approached transposing his success into English is yet to be decided.

The volume's second part should be of keen interest to English and Russian readers alike. Based on archival research, it resurrects—for the first time in full color—select illustrations to the handwritten volumes that Derzhavin prepared for publication.⁹ Black and white engravings from Grot's edition accompany the English section of the volume.¹⁰ Part Two is separately introduced in Russian and contains a larger sampling of Derzhavin's works than its antecedent in English. Among them are Derzhavin's marginalia and explanations of certain "unclear passages" (*temnye mesta*), as dictated to his niece, his full introduction to the edition of his *Works*, and his monumental *Discourse on Lyric Poetry or the Ode*, never before published in full.¹¹ The volume reproduces the texts exactly as wished by Derzhavin, rather than by Grot six decades later. All readers should benefit from becoming familiar with the poems as Derzhavin's contemporaries saw them, rather than printed in the simplified orthography in which Russians were forced to read them after 1917. Our attempt here is to move back to the poet's time. In so doing we hope we have allowed Derzhavin's art to impel the forward motion of its own meaning, erecting bridges to our time and to our understanding of his art.

We have called our publication an *album* in token of the fact that it is not freighted with a full scholarly apparatus. For the future a complete edition is planned, which will include a detailed explication and provenance for each illustration—itsself material sufficient for a monograph—and cross-references to Grot's edition. Thus, the present volume is designed as a first step in bringing Derzhavin's artistic vision to the general English reader as well as to students of Russian literature.

But why issue a volume of Derzhavin's poetry to commemorate the bicentennial of A. S. Pushkin? Derzhavin died approximately one year after the fifteen-year-old Pushkin, during a *viva voce* examination at the Tsarskoe Selo Lycee, declaimed a meditative poem entitled *Reminiscences at Tsarskoe Selo* before the grand old man of Russian letters. This incident, immortalized in Russian cultural history, is considered to be the inauguration of modern

Russian literature. Indeed, as the years unfolded, Pushkin was to develop a new vein in Russian poetry, removed, it would seem, from Derzhavin's inimitable style, a vein which all Russians have come to embrace. Yet Pushkin was to return to Derzhavin's model over and over again throughout his lifetime, for in it he consistently found sources for his own poetic themes, philosophical aims, and aesthetic transformations. Our volume contains (in the Appendix 1) but a mere sampling of this creative dialogue, as reflected in three seminal works representing the process: *Reminiscences at Tsarskoe Selo*, which Pushkin declaimed in Derzhavin's presence, marking the onset of his poetic career; *Autumn*, a pivotal philosophical work devoted to the problem of poetic creativity and written at the pinnacle of his fame; and his last Derzhavinian variation, *Exegi Monumentum...*¹² This Horatian *Ode to Melpomene*, the famous epilogue to the first three books of *Odes* (III, 30), had been previously rendered by several eighteenth-century poets, including M. V. Lomonosov, but it is clearly Derzhavin's version with which Pushkin engaged shortly before his own untimely death. Pushkin's works are meant to crown the English part of the volume as some of the first examples of how Derzhavin's poetry spans generations.

This publication would not have been possible without the help of individuals far too numerous to list; they work in various Russian archives and the Academy of Sciences in St. Petersburg, and they have consistently contributed to my research over the past years. However, I would especially like to thank all the members of the archival division of the St. Petersburg Public Library (*Rossiiskaia Natsional'naia Biblioteka*), and M. Pavlova and E. Obatnina in the manuscript division of the *Pushkinskii Dom*. I am also thankful to this division for making it possible to photocopy the watercolor images of the Derzhavin manuscripts in F. 96, Op. 1, Nos. 1-4, and to the manuscript division of the St. Petersburg Public Library for other manuscript images which were used in this book, as well as to the Brown University Library. Thanks also to Professors Victor Terras and Lauren G. Leighton for their constant encouragement and praise of this project. I am indebted to IREX and to the Joukowsky Foundation for their support of my research. Financial support for this publication was provided by the Department of Slavic Languages, the Offices of the Dean of the Graduate School and the Dean of the Faculty, Brown University.

*Justitia in scopulo, rutilo mens delphica in ortu
Fingitur, in alba corque fidesque nive.*

Portrait of G. R. Derzhavin: an engraving after S. Tonci.¹³

"Derzhavin was a poet of his age and of his country"—with such laconic exactness an eminent Russian scholar, G. A. Gukovskii, began one of his studies devoted to the poet whose illustrious life and career spanned the reigns of five Russian monarchs (Elizabeth I, Peter III, Catherine II, Paul I and Alexander I) and who was to become one of Russia's most important historical and literary figures, dominating the last quarter of the eighteenth century and the first two decades of the nineteenth. Although Derzhavin based his reputation on dedicated service in government posts, he is best remembered for his kaleidoscopic, imaginative lyrics and odic poetry.

Derzhavin entered the Russian army in 1762, having traveled from his birthplace near Kazan' to Petersburg and enrolled in the Preobrazhensky Guard Regiment. During the same year, wearing the Preobrazhensky uniform and mounted on a white horse, the young Catherine II assumed her control of the throne in a palace coup and became the Empress of all Russia. This event left a permanent impression on the nineteen-year-old ensign: in his fertile imagination he deemed himself an active participant in the rise to power of this charismatic monarch. Indeed, Derzhavin's adult life and his most productive years as a poet were to become closely connected with this formidable Empress, soon to be called the Great. But if his own greatness was to become associated with the era of Russia's last female monarch, the only time he was ever near Catherine during the 1760's was at her coronation, when he and the others attending the event were allowed to kiss her hand.

Like his father, Derzhavin planned to make a career in the army, but his promotions did not come about nearly as rapidly as he wished, and he was able to earn the rank of an officer only in 1772. During this time he wrote occasional original poetry as well as verse letters for other soldiers. Finally, in 1773, an opportunity arose to enlist in General Aleksandr Bibikov's campaign to suppress the Cossack-peasant rebellion led by Pugachev.¹⁴ For the first time in his life, Derzhavin was entrusted with what he described as interesting and important work, gathering intelligence under orders from top command. He fulfilled his commissions with alacrity and was soon promoted to lieutenant. This was but one of the many promotions that were to follow in his suddenly more eventful life. Entering the civil service in

1777 in St. Petersburg, Derzhavin spent several years in various appointed positions, including the provincial governorship at Olonets and Tambov. Later his career path was to advance him to the highest levels of government, in which he served as a Senator and ultimately Minister of Justice.

Derzhavin was thirty-four at the time of his first marriage—to Catherine Bastidon, daughter of a former associate of Peter III and Grand Duke Pavel Petrovich's nurse. Their marriage lasted sixteen years, until Catherine's death, and was extremely happy. Derzhavin left a touching cycle of love poetry devoted to his first wife, whom he affectionately addressed as "Plenira" (a name suggesting the Latin for "fullness" or "plenty"), and these poems to Plenira constitute the first cycle of love lyrics from a husband to a wife ever written in modern Russian prosody.

Catherine introduced Derzhavin into the house of the Chief Prosecutor of the Senate, A. A. Diakov, a superbly educated man and a patron of the arts. Connected with the house was a circle of Russian literati headed by Nikolai L'vov. The circle attracted some of the best talents in Russia, including Vasilii Kapnist, Ivan Khemnitser, Iakov Kniazhnin, Mikhail Murav'ev, and several other actors and artists. Derzhavin found there not only admirers of his talent, but badly needed friendly critics, who, possessing a broader cultural framework, were able to channel his poetic talent in directions he might not have discovered on his own. German was the only foreign language Derzhavin knew, and the group's members were able to introduce him to Greek, Latin, French and English literatures. They did this by translating for Derzhavin both works of classical poetry and works of more recent poets.

Having enriched his life with the company of his adored wife, and as a result of the productive interplay of ideas in the circle of newly found friends, Derzhavin's poetry began to mature rapidly and within a year he began to compose some of his best works. His 1779 ode *On the Death of Prince Meshcherskii* (Na smert' kniazia Meshcherskago), written in response to Edward Young's *Night Thoughts on Life, Death and Immortality* (1742-1745), earned him instant recognition in Russia's literary circles. As opposed to his early attempts at ode writing, this work was truly original, a marvelous transformation of some of the somber imagery found in Young. If the purpose of Young's image of death was to show the inescapable power of God, the power of Derzhavin's poem lies precisely in its depiction of the absurdity of any reasoning

on this question. Derzhavin ingeniously answers Young with the Horatian *carpe diem* in his last stanza, and it is in Horace that Derzhavin finds at this time his lasting inspiration (such as in Horace's ode to the Bandusian Spring [*Odes*, III, 13] to which he composed a response in the ode *The Spring* [Kliuch] in 1778). Another source of inspiration in these years was the Psalter, and within two years of his marriage his gifts had matured sufficiently to complete the best known transposition of any psalm in Russian, his Psalm 82: *To Rulers and Judges* (Vlastiteliam i sudiiam). He continued to polish his poetic voice in such pioneering odes as *Verses on the Birth in the North of a Porphyrogennete Child* (later retitled *On the Birth, in the North, of a Royal Scion*), which has no stanzaic division and offers one of the first effective depictions of the Russian winter.

If the first two years following his marriage to Catherine were marked with feverish activity in poetic discoveries, the next fourteen years brought about Derzhavin's recognition as the leading poet in Russia. With the 1783 ode *Felitsa*, he won the admiration and favor of the Empress Catherine II, whom he was later to serve as chief secretary. His sacred ode *God* (Bog), which was translated into many languages upon its publication in 1784, transported Derzhavin and Russian poetry to worldwide fame. Among several other poems earning him recognition during this time, his long meditative ode *The Waterfall* (Vodopad, 1791-94) was, perhaps, the most outstanding. The years between 1794 and 1796 were to become for Derzhavin his most heart-wrenching, as the two principal sources of his poetic inspiration, his wife Catherine and his Empress Catherine II, died within these years. He continued his association with his friends, but his civil service and continuous promotions occupied much of his time. After his first wife's death Derzhavin took one of the five Diakov daughters, Dar'ia, as his second wife, thus becoming related by marriage to Kapnist and L'vov, who had married two other Diakov sisters.

Derzhavin's renewed strength in poetry became evident in 1803 when he retired from public service and divided his time equally between his summer estate, Zvanka (near Novgorod, on the Volkhov River), and his mansion in St. Petersburg. His Petersburg residence, at No. 118 Fontanka, became the meeting place for some of the most illustrious and talented poets and writers of the day. In 1804 Derzhavin published an edition of love songs and humorous poems, called *Anacreontic Songs*

(Anakreonticheskie pesni). Some of the songs from this collection are still included in the general repertoire of Russian romances and choral works.

In 1807 Derzhavin composed what is, perhaps, his best work: *To Eugene. Life at Zvanka* (Evgeniiu. Zhizn' zvenskaia). This poetic epistle functions as a unique celebration of life, depicting an ordinary day at the poet's estate in all of its sensory fullness. The sounds of birds, horses, lambs, of human songs, chatter and gossip, of horns, harps, and other musical instruments—all these blend with the aromas, tastes, and splendid patterns and colors of the poet's surroundings to re-create his experience of a life enjoyed amid cow barns, beehives, birdhouses, and ponds; amid the gold of butter, honeycombs, and leaves; amid the purple of berries and the velvet down of mushrooms. At the midday meal he sees a flower garden of dishes, set out in patterns on the table with "Crimson ham, green sorrel soup with yolk of yellow, rouge-golden pie, white cheese, red crayfish, caviar, both pitch-black and amber, and a rainbow pike with a blue fin—all beautiful." At the end of the poem Derzhavin in a waking dream overlooks his lands on the Volkhov River and expresses doubts about the future of Zvanka. He prophesies that it "will be torn down, its forests and gardens will wither," so that only "fire-green eyes of owls will peer from the hollows" where it used to be. Yet he also understands that his own and Zvanka's immortality have already been achieved through his art.

Derzhavin was clearly a patriot, and singing of the Russian countryside was one of his major achievements in *Zvanka*. In it he presents readers with a multi-dimensional imagination and a life-affirming spirit. Another of his accomplishments was to find ways to see all phenomena of life as possible subjects for poetry. He was one of the first Russian poets to sing of feasts, as in *An Invitation to Dinner* [Priglasenie k obedu]. The objects of Derzhavin's mature poetic vision are as richly vibrant as the most accomplished still-lives by seventeenth-century Dutch painters: their specificity is attained not only by descriptions of their visual, oral, and tactile texture, but by their origin as well. Hence his fish is either from the river Sheksna or from Astrakhan, his beer Russian or English, his ham Westphalian, his seltzer water drunk from Viennese crystal glasses, his coffee sipped from Chinese faience. In depicting such native foods as *kaimak*, *borscht*, or *pirogi*, as tastier to his persona than those preferred by his peer francophile aristocrats, Derzhavin

gives Russian cuisine the status of a self-sustained, rich tradition worthy of respect in world culture. In this he anticipated the views that Tolstoy was to voice in his novelistic world.

Derzhavin is one of those few poets in whose work philosophy is as much a product of poetry as it is its agent. Continually aware of death, he overcomes death's seeming omnipotence by capturing life as it manifests itself in varied colors, smells, sounds and moods; he covets life and easily assures us of its continuance in his art.

In the last years of his life, Derzhavin focused his energies on two projects, neither of which was fully realized at the time of his death. He had wished to complete and publish the *Discourse on Lyric Poetry, or the Ode*, and to bring out an edition of his poems with accompanying illustrations. Derzhavin did complete the *Discourse*, but did not see it published in its entirety; nor was he able to raise the funds necessary to produce the illustrated edition of his works. Grot, for unexplained reasons, chose to include only one half of the completed treatise in his edition of the poet's works, whereas he was unable, of course, to reproduce the exquisite watercolor images accompanying individual manuscript volumes of these works due to the limitations of the printing technology of his time. The Russian section of our volume nearly fulfills Derzhavin's goals. It finally presents the extant parts of Derzhavin's *Discourse* together with only minor omissions (explained in the Russian notes). This work allows the modern reader to gain an insight into the aesthetic preferences of the poet and offers a lavish sampling of the many now rarely reproduced examples of Russian poetry of his time. Moreover, the Russian section reproduces—for the first time in full color—the entire set of illustrations accompanying Derzhavin's volume devoted to Catherine, as well as a generous sampling of illustrations from the remaining volumes.

If throughout his works Derzhavin invoked Horace's *carpe diem* as a guide to the well-lived life, on the eve of his own death he was to return to the solemn mood of *Exegi monumentum*. The eight-line masterpiece *On Transience* contains an acrostic whose encrypted message seems to be at odds with the poem's theme of *sic transit gloria mundi*. "*Ruina chti*, " it reads—"Honor the ruin." In this brief but supremely powerful work the poet in fact raises for himself a lasting monument: his poetic legacy is to be understood as the indestructible ruin from which both Time's all-effacing river and Poetry's eternal waterfall flow. It is indeed for this legacy that Derzhavin richly deserves the appellation Russia's Horace, accorded to him both by his contemporaries and later generations.

T. 3. XXV a

I. From The Waterfall¹⁵

*A mount sifts diamonds in tiers
from heights, cascading down four cliffs;
below, a pearl and silver chasm
churns water up in massy heaps;
a blue hill looms within the spray;
the roar resounds from far away.*

*It roars; amidst the thick pine groves
diffuses, blending with the brush;
athwart the stream a swift ray darts;
beneath the shifting vault of trees
the waves roll slowly, weighed with sleep;
a milky surge, their course they keep.*

*In dark, dense thickets by the shores,
the gray foam mounds; the wind conveys
the sound of hammers, and the whir
of saws, of bellows groaning deep.
O Waterfall! Your dread abyss
devours all in depthless mist!...*¹⁶

To Her Imperial Highness
The Empress Catherine II
Autocrat of all Russia

this work is with reverence dedicated by
the Author

Be to my Muse both cornerstone and armored prow

II-III. Dedication to the Empress with the Epigraph to vol. 1.¹⁷

*O Age rare and fortunate, when thought and speech
were not forbidden, when incompatible conditions—
strong rule and freedom—coexisted under the mildest
of governments and civil safety was not merely
sought or desired, but firmly assured.*

Tacitus

My QUEEN!

These gifts of Poesy's and my bold hand's inscribing,
Both God and form of true Felitsa nobly born,
As well Thy virtue and Thy virtue's works describing,
I dare to offer up unto Thy royal throne;
I here commend them not for elegance of scansion,
But for the love of Thee that dwells within my soul,
As an unblemished sacrifice before God's mansion,
Accept these works, let Thy celestial smile console.
Accept and sanctify them in Thy high compassion,
Be to my Muse both cornerstone and armored prow,
As She ascends, by Thee reprieved from slander's ashes,
That She may thus, elated, and with wakeful brow
Stand forth amongst Her heirs, traverse the mirk of Ages,
Their judgment dreading not, cry out to Thee in praise;
And when within my splintered tomb the worm, voracious,
Attacks my dust, all memory of me to raze;
When long forgotten is Bagrim and his last scion,¹⁸
No man will seek my home, then sunk to earthen mound;
But yet, wherever in the dust shall flash my Lyre,
The music of Her ancient strings will then resound,
Her tone will swell, Thy name compose Her measure;
Thy deathless Fame in echoes I—alive—shall seek.
Its heroes and its bards the Universe doth treasure:
I shall be in the grave—yet ever shall I speak.

IV. *God*.¹⁹

After its publication in 1784, Derzhavin's *God* (Bog) became the first Russian poem to gain worldwide acclaim and to be translated into numerous foreign languages. It has been recognized over the last two centuries as one of the greatest works of Russian literature. Even major literary protagonists (for instance, Dmitrii in *Brothers Karamazov*) are fond of quoting from it.

The poem is not only a descriptive or didactic ode, but the presentation of an entire philosophical system. Going well beyond mere praise of the Deity, the poet imbues man's relationship to God with a multidimensional, spherical character, as exemplified in the words, "Thou formest in me Thine own likeness, as in a drop Sol finds its trace..." (7th stanza).

The work, which took Derzhavin almost four years of intermittent work to complete, is replete with dazzling neo-baroque images that relate the poet—or any man—to the Godhead. The poet noted in his memoirs that he found the way to end the ode only after he had labored over the last stanza for days. Having fallen asleep, he suddenly awoke and saw candlelight dancing along the walls. At that moment, tears appeared in his eyes; he went to his desk and wrote the final words: "Pour forth before Thee grateful tears." If shedding tears is a uniquely human way of expressing complex emotions, it could be said that Derzhavin found in this last image not only a way to relate the radiance of a dew drop to the luster of his own tears by candlelight, but more importantly a way to express man's role as a co-Creator of the world governed by God. For it is in man's "grateful tears" that the physiological reflection of God's universe finds its ultimate meaning. Without man's ability to create such analogs to his inner world, God's world—no matter how resplendent when reflected in a water drop—would be devoid of that emotional substance which, ironically enough, not God but only man can provide.

GOD

O Thou, in universe so boundless,²⁰
Alive in planets as they swarm
Within eternal flow, yet timeless,
Unseen, you reign in triune form!
Embracing all, Thy single Spirit
Knows no abode, no cause to stir it,
Nor paths that Reason ever trod,
Who fills, incarnate, all that's living,
Embracing, keeping and fulfilling,
To Whom we give the name of GOD!

(2)

To put the ocean depths to measure,
To sum the sands, the planet's rays,
A lofty mind might want at leisure —
But knows no rule for Thee, nor scales!
Nor can the spirits brought to seeing,
Born from Thy light into their being,
Trace the enigmas of Thy ways:
Our thought, with daring, space traverses,
Approaching Thee, in Thee disperses,—
A blink in the Abyss — no trace.

(3)

Thou didst call forth great Chaos' presence
From out the timeless, formless deep,
And then didst found Eternal essence,
Before the Ages born in Thee:
Within Thyself didst Thou engender
Thy selfsame radiance's splendor,
Thou art that Light whence flows light's beam.
Thine ageless Word from the beginning
Unfolded all, for aye conceiving,
Thou wast, Thou art, and Thou shalt be!

(4)

The chain of Being Thou comprisest,
And dost sustain it, give it breath;
End and Beginning Thou combinest,
Dost Life bestow in Thee through death.
As sparks disperse, surge upward, flying,
So suns are born from Thee, undying;
As on those cold, clear winter's days
When specks of hoarfrost glisten, shimmer
Gyrate and whirl — from chasms' glimmer
So Stars cast at Thy feet bright rays.

(5)

Those billions of lumens flaming
Flow through the measureless expanse,
They govern laws, enforce Thy bidding,
They pour forth life in gleaming dance.
Yet all those lamps thus blazing,
Those scarlet heaps with crystal glazing,
Or rolling mounds of golden waves,
All ethers in their conflagration,
Each world aflame in its own station —
To Thee — they are as night to day.

(6)

A drop of water in the ocean:
Such is Creation in Thy sight.
What sets the Cosmos into motion?
And what — before Thee — what am I?
Should I count worlds, afloat by billions
In heaven's seas on unseen pinions,
And multiply them hundredfold,
Then dare compare to Thee their measure,
They'd form a blot for quick erasure:
And so, before Thee, I am Naught.

(7)

Before Thee, Naught!—And yet Thy brightness
Shines forth through me by Thy good grace;
Thou formest in me Thine own likeness,
As in a drop Sol finds its trace.
But Naught?—Yet Life in me is calling,
Uplifts me in an upward soaring
Beyond the clouds my course to chart;
In search of Thee my Spirit wanders,
It reasons, contemplates and ponders:
I am—assuredly, Thou art!

(8)

Thou art! Thus claim the laws of Nature,
This Truth my heart has erstwhile known,
It gives my mind the strength to venture:
Thou art! —No naught, my Self I own!
Made part of universal order,
And set, meseems, not on its border,
But in Creation's central site
Whence crowned Thou Earth with creatures living,
With light celestial spirits filling,
And linked through me their chain of life.

(9)

I bind all worlds Thou hast created,
Creation's top and crown am I,
To be Life's center I am fated,
Where mortal borders on Divine.
My body sinks to endless slumber,
And yet my mind commands the thunder,
A king — a slave — a worm — a god!
I am most marvelously fashioned,
Yet, whence came I? I cannot fathom:
Myself could not this self have wrought.

(10)

Thy creature am I, O Creator!
Thy wisdom shaped me, gave me form,
Blest Giver, Life's Originator,
O Soul of mine own soul—my Lord!
To Thy Truth was it necessary
For my immortal soul to carry
Its life, unscathed, o'er Death's abyss,
My spirit should don mortal cover,
So that I might return, O Father,
Through death to Thine immortal bliss.

(11)

Ungraspable, beyond all knowledge,
My feeble fancy's listless flight
Can never capture, I acknowledge,
The merest shadow of Thy light;
But hast Thou need of exaltation?
No mortal's pale imagination
Could craft a song fit for Thine ears,
But must instead—to Thee aspiring,
Thy boundless variance admiring—
Pour forth, before Thee, grateful tears.

V. *To Rulers and Judges*.²¹

The poem *To Rulers and Judges* was conceived as a transposition of Psalm 82 (in Eastern Orthodox numeration Psalm 81) rendered in iambic tetrameter with alternating feminine and masculine rhymes. An early version of the work was written in 1780; it was to have been published in the same year, but the editors of the November issue of *The St. Petersburg Messenger* (*Sanktpeterburgskii Vestnik*), after a trial run of the psalm,²² were forced to omit its printing at the last moment either due to an official decree or the objection of one of the censors. The pages formerly containing this poem (pp. 315-6) were published with a substitute text and thus began the saga of Derzhavin's attempts to publish this transposition, which lasted for over a quarter of a century. A revised draft of the ode did see the light of day in 1787 in the journal *Mirror of the World* (*Zerkalo sveta*). But in the first major edition of Derzhavin's works, published in 1798, the censors again disallowed inclusion of the ode due to suspicions that it might incite Jacobin sympathies. (A version of the psalm was sung in Paris during the French Revolution.) Derzhavin was enraged, but was unable to secure a full printing of *To Rulers and Judges* until 1808 in the first volume of his *Works*.

To Rulers and Judges

To judge the gods of Earth in council
Arisen is the Most High God:
How long, quoth He, how long your counsel
Will spare the wicked and corrupt?

You must uphold the Law's just ordinance,
Display no favors to the strong,
Leave not the widows nor the orphans
Without defense or help for long;

Your charge: help Innocence recover,
Give shelter to all those in pain;
Defend the powerless from Power,
The poor deliver from their chains.

They list not—though they know, they see not!
Their gaze is veiled by bribery;
The wicked shake the Earth, the Sea-bed,
And Falsehood makes the Heavens reel.

Ye Kings! I deemed you gods almighty,
With none to give your word the lie,
Yet you are passionate and flighty,
You are but mortal—as am I.

As autumn leaf drops earthward, crumbled,
So shall you plummet from on high;
And you shall perish, as the humbled
Poor slave you rule shall surely die!

Arise, ye Ruler of the righteous!
Give ear unto the men of worth.
Come judge the wicked and the spiteful,
And Thou alone be King of Earth!

VI. *True Happiness*.²³

True Happiness is another of the many sacred odes Derzhavin composed during his long life. In addition to his original meditative and philosophical poems (among which *God* and his much longer ode, *Christ*, are best known), Derzhavin also versified a good part of the *Psalter*, over thirty psalms. He often adapted their contents for special occasions, a royal birth, for example, or the wedding of an important dignitary such as Rzhevsky (cf. *Happy Family*). In so doing he frequently transposed only a part of the selected psalm and chose to title such poems with what he considered to be their dominant theme. Eventually he supplied all his rhymed versions of psalms with such titles, whether they closely followed the canonical text of the *Psalter* or not. This transposition of Psalm 1, like the preceding *To Rulers and Judges*, was in fact one of his more faithful transpositional attempts and, according to his contemporary, Ostolopov, was composed in this fashion mainly because many Russian poets had transposed the psalm before him. *True Happiness* was initially published in Derzhavin's first collected *Works* in 1798.²⁴

True Happiness

Most bless'd is he who sitteth not
In council with the men of slaughter,
Nor standeth midst the sinners' plot,
Nor goeth down to their dark quarters;

But who, throughout the day and night,
Will bend his mind to know God's scripture,
And will endeavor with his heart
To follow it beyond all stricture.

As by the current of clear stream
A tree is planted in the valley,
Set 'round with colored blooms agleam,
In season yielding fruitful tally;

The leaf of which, so green and fair,
Falls not, its fruit forever choice:
So shall he prosper, unimpaired,
In all his works he shall rejoice.

Not so are those who scorn the law:
From off the earth's face shall they scatter,
Be winnowed, cast away as stones —
As dust is strewn by wind—and shatter'd.

When called to the All-Seer's Court,
From Death they shall not rise—the faithless,
Nor at the righteous council's board
Shall dare transgressors show their faces.

From far beyond the cosmic dust
Our Lord sees all — our dreams' faint flicker:
He giveth refuge to the just,
With death repayeth all the wicked.

VII. *Felitsa*.²⁵

This ode, originally titled *Oda k premudroi Kirgizkaisatskoi tsarevne Felitse, pisannaia nekotorym tatarskim murzoiu, izdavna poselivshimsia v Moskve, a zhivushchim po delam svoim v Sankt-peterburge* (English translation provided on the next page), made a sensation in Russia upon its appearance in 1783. It not only propelled Derzhavin's career to new heights, but it also made a revolution with respect to the previous Russian odic norms, as detailed in H. B. Segel's commentary (cf. Endnote #29).

Apart from the changes introduced by the poet on the formal level of the odic genre (discussed by Segel), Derzhavin's principal accomplishment was to project his quite honest admiration of the Empress without over-reliance on the heavy-handed rhetorical maneuvers favored by his Russian predecessors. Ever since the mid-summer of 1762, when Catherine, clad in the uniform of the young Derzhavin's own Preobrazhensky Guard Regiment and mounted on a white charger, set out to assume her control of the throne, the poet was enchanted by this attractive monarch;²⁶ her allure clearly had not waned decades later, as this ode shows.

At the same time *Felitsa* occupies a central position in the poet's own myth-making about his poetic persona. A decade earlier, in his first published work the poet posed as "an inhabitant of Ra's River and a descendant of Attila."²⁷ The pose of a *murza* (denoting an Eastern sage of noble heritage) forms an important step in the process of mythologizing the poet's stature and elevating it to the proximity of the highest authority—later to the supreme deity, as in his ode *God* (begun in 1780, but completed a year after *Felitsa*). If Derzhavin's ode-writing persona in *Felitsa* engages in lowly pursuits (such as smoking, playing cards or drinking beer) so as to create a contrast with the idealized portrait of Felitsa's virtues, a reader should not forget for a moment that the poet also poses here as a noble *murza*.²⁸

Further information is provided by H. B. Segel in the Endnotes section²⁹ of this anthology, as well as by his subsequent notes to the poem, the translation of which is reprinted here without change.

Felitsa

[Ode to the Wise Princess Felitsa
of the Kirghiz Kazakh Horde,

Written by a Certain Murza, Long a Resident of Moscow,
but Now Living in St. Petersburg Because of His Affairs.]

O Princess, fair as a divinity,
Of the Kirghiz and Kazakh horde,
Whose wisdom, which is without equal,
Revealed unto the young Prince Khlor
The true path that he had to follow
To reach the peak of that high mountain
Where grows the rose that has no thorns,
Where virtue has its habitation—
It captivates my mind and spirit,
I beg you help me find it too.

(2)

Felitsa, help me with instructions
On living uprightly but well,
On taming passions' agitation
And being happy on this earth!
Your voice is my enthusiasm,
Your son, who led Prince Khlor, my guide;
But I lack strength to follow him.
Of worldly vanity a plaything,
Today I am my own true master—
Tomorrow just a slave of whims.

(3)

Not following your *murzas'* custom,
You often go about on foot,
And only have the simplest dishes
Permitted in your dining room.
Not valuing your leisure hours,
You read and write before a lectern,
And grant a true felicity
Unto all mortals by your writings.³⁰
Nor do you have a gambling passion,
Like me who plays from morn 'til morn.³¹

(4)

For masquerades you care not greatly
And never set foot in a club;
Preserving ceremonies, customs
You never act quixotically;
Parnassus's mount you do not saddle,³²
Nor enter gatherings of spirits,³³
You leave your throne not for the East;³⁴
But following the path of meekness,
Your soul concerned for others' welfare,
You pass your days in usefulness.

(5)

But I, not rising until noontime,³⁵
Drink coffee and enjoy a smoke;
I make vacations of my work days
And spin my thoughts in chimeras:
now steal captives from the Persians,
Or at the Turks direct my arrows;
Now dreaming I a Sultan am,
I terrify the world by glances;
Or struck by some fine piece of clothing
Hop off to have a *caftan* made.

(6)

Or I am at a sumptuous banquet,
Which has been tended in my name,
Where gold and silver deck the table,
Where courses by the thousands come;
The famed Westphalian ham is served there,
And fish of Astrakhan in slices;
Pilaff and pirogi in mounds.
I wash down waffles with champagne
And leave my worldly cares behind me
'Midst sweetmeats, wines, and nice aromas.

(7)

Or 'midst a lovely little orchard,
An arbor, where a fountain plays,
A sweet-voiced harp within my hearing,
Where hardly does a zephyr breathe,
Where everything presents me splendor,
My thoughts ensnares for divers pleasures,
First wearies then awakes my blood;
Reclining on a velvet divan,
A maiden's tender feelings coddling,
I fill her youthful heart with love.

(8)

Or in a gilded English carriage,
By truly splendid tandem drawn
With hound, companion, or a jester,³⁶
Or with some beauty—better yet—
I go off riding to the Swings;
I stop at taverns for some spirits
Or, if this too becomes a bore—
My nature does incline to changes—
I set my cap at jaunty angle
And fly atop a sportive steed.³⁷

(9)

Or bring refreshment to my spirit
With music, singers, and with dance,
Accompanied by pipes and organ,
Or pleasure find in boxing bouts;
Or, putting to a side all worries,
I go off to the woods for hunting
And take delight in mastiff's barks;³⁸
Or by the banks of river Neva
Enjoy the sound of horns on evenings³⁹
And agile oarsmen's rowing skill;

(10)

Or staying just at home make mischief,⁴⁰
Playing "Old Maid" with my lady;
Or both of us climb in the dovecote,
Or sometimes romp in blindman's-buff;
Or have a good time playing ringtoss,
Or have her give my head a scratching;⁴¹
Or burrowing through books at times
My heart and mind I do enlighten
Polkan and *Bova* reading through,⁴²
Or o'er the Bible, yawning, sleep.

(11)

You see, Felitsa, my debauchery!
But all the world resembles me.
Someone may be renowned for learning,
Yet every person is a lie.⁴³
We travel not by paths of lightness
But chase instead sweet dreams of pleasures.
'Twixt Indolent and Choleric,⁴⁴
'Twixt sinfulness and vain delusion,
Has anyone save by mere chance found
The direct path of righteousness?

(12)

And if one found it—can weak mortals,
Can we not err upon this path
Where even Reason may be stumbled
And have to follow passions' way;
Where learned ignoramuses
Bedim our sight as mist does wanderers'?
False praise and lures are everywhere
And luxury torments all Pashas—
Where then is Virtue's habitation?
Where grows the rose that has no thorns?

(13)

To you alone is it behooving,
O Princess, to bring light from dark!
In equal spheres dividing Chaos,
To strengthen them by common bond,⁴⁵
'Tis you alone who have the power
To bring forth harmony from discord
And happiness from savage lusts.
The helmsman thus, the ocean traveling,
A strong wind 'neath his sails ensnaring,
Can keep his vessel on its course.

(14)

'Tis you alone who wounds no feelings,
Nor gives offense to anyone;
Toward foolishness you can be tolerant
But suffer evil not a whit.
Misdeeds you treat with condescension;
As wolves do sheep, you choke not people,
But know wherein their merit lies.
To rulers' wills are people subject,
But to their righteous God more greatly,
Who lives within their very laws.

(15)

You judge of merits reasonably,
And honor to the worthy give;
You do not rank among the prophets
Who can do naught but spin out rhymes;
But as this mind's fair entertainment
Brings honor, glory to good caliphs,
You do indulge the lyric strain;
Poetic art is pleasant to you,
Agreeable, and sweet and useful,
Like summer's tasty lemonade.⁴⁶

(16)

Of your behavior hearsay has it
That you are not the least bit proud;
In weighty or light matters pleasant,
Agreeable in friendship, firm;
That in misfortune you keep spirit,
But so magnanimous in glory
You did refuse the title Wise.⁴⁷
They also say, and 'tis no falsehood,
That now and always one is able
To come to you and speak the truth.⁴⁸

(17)

And 'tis a thing unheard of also,
Though worthy just of you alone,
That you permit the people boldly
To know and think of everything
Both in the open and in secret,
And that you do prohibit no one
To speak of you both true and false;
That you are always prone to pardon
These Zoiluses⁴⁹ of your graces,
The snapping crocodiles themselves.

(18)

Rivers of joyful tears flow swiftly
From out my dear soul's very depths.
Oh, how those people must be happy
With their fate, who have been bestowed
An angel who is meek and peaceful,
From heaven sent to bear the scepter,
In royal purple's splendor garbed!
There one may whisper conversation,
And without fear of being punished⁵⁰
At dinners not toast sovereigns.⁵¹

(19)

There one need have no fear of blotting
Felitsa's name in any line,⁵²
Or carelessly permit her portrait
To drop somewhere upon the ground.⁵³
There jesters' weddings are not feted,
Nor are there people steamed in ice baths,⁵⁴
Or nobles' whiskers tweaked for fun.⁵⁵
Like brood-hens princes do not cackle,
Nor favorites laugh loudly at them,
And smear their faces black with soot.

(20)

You know, Felitsa, what the rights are
Of ordinary men and kings;
While you enlighten all their manners
You turn not people into fools;
In leisure from your busy schedule
You author tales with moral lessons⁵⁶
And teach Prince Khlor the alphabet:⁵⁷
"Do nothing bad, Prince, and I promise
The worst of satirists you render
A liar held in base contempt."

(21)

Lest you be held in fear and hated
You are ashamed to be called great;
It only suits a savage she-bear
To claw up beasts and drink their blood.
Who ever had a need for lancets,
Except in direst case of fever,
When he could do without their use?
And for one great, like God, in goodness
Is being a tyrant any glory,
A cruel Tamerlane the Great?

(22)

Felitsa's glory is the glory
Of a god who brought peace to strife,
A god who sheltered, clothed, and nourished
The orphaned and impoverished;
Who with a radiant eye his light grants
To ingrates, cowards, and buffoons
And also to all righteous men;
All mortals equally enlightens,
Brings comfort to the ill and heals them
And does good just for goodness' sake.

(23)

Who has extended all the freedom
To travel off to foreign parts,⁵⁸
And gave permission to his nation
To go in quest of silver, gold;
Who makes the waters of his realm free⁵⁹
And puts no limit on the trees felled;⁶⁰
Who bids that all weave, spin, and sew
And, liberating mind and hands then,⁶¹
Commands to love both trade and learning,
And to find happiness at home;

(24)

Whose statutes and right hand distribute
Both justice and beneficence.
Announce, Felitsa, in your wisdom
Where knaves from honest men are told;
Where old age does not go a-begging,
And merits find due compensation;
Where vengeance drives no one in fear;
Where dwell together truth and conscience;
Where virtues shine in all their splendor—
If not at your own very throne?

(25)

But, pray, where shines your throne in this world?
Where do you blossom, heavenly branch?
In Baghdad, Smyrna, or in Kashmir?
But hear: where'er you make your home—
As you receive my praises to you
Think not I wished as payment for them
Some jacket or a cap, perhaps.
To sense the pleasantness of goodness
Is for the soul so great a treasure
As even Croesus did not mass.

(26)

I ask that the great prophet let me
Touch just the dust beneath your feet
And revel in your words' sweet current
No less than in your countenance!
The heavenly powers I entreat
That they extend their wings of sapphire
And you protect invisibly
From every evil, ill, and boredom;
That in posterity your deeds' fame⁶²
Shine as the stars in heaven do.

VIII. *The Murza's Vision* .⁶³

The Murza's Vision opens with some of the most memorable lines composed in eighteenth-century Russia. It is with this poem that St. Peterburg (or the Venice of the North, as it was known by Derzhavin's time) enters Russian literature for the first time as a city-scape endowed with enchantment and mystery. Ostensibly written as a companion piece to *Felitsa*, whereby Derzhavin defended himself against detractors who found that famous panegyric to the Empress disingenuous, *The Murza's Vision* begins an entire tradition of writing about this enigmatic city of Peter. Countless Russian writers, often with conflicting literary aims and resolutions to the enigma, have explored the theme.

St. Petersburg, built on the shores of the Baltic at the mouth of the Neva, is a city of islands and waterways—which Derzhavin finds to be a magically appealing element of Peter's semi-utopian creation.⁶⁴ In this regard, it is interesting to compare *The Murza's Vision* with the vision of the city immortalized by Pushkin in his *Bronze Horseman*. The latter work elicits a far more ambiguous response to the meaning of the capitol itself, which was engulfed by a great flood in 1824 as a result of its location. Nonetheless, in Pushkin's poem the city's enchantment and grandeur endure.

In order to accentuate Derzhavin's founding role in this vein, as well as to give full weight to the impact his poem has had in Russian, our decision was to rhyme the opening Petropolis section (the poem's first 88 of 185 lines), including the onset of his vision of *Felitsa*,⁶⁵ which Derzhavin renders in nearly full accord with the famous painting by D. S. Levitskii.⁶⁶ We end our rhymed version at the point where the Empress begins to speak.

The original iambic tetrameter is rhymed throughout in a simple alteration of feminine and masculine endings and has no stanzaic division.

The Murza's Vision.

Within the ether's dark-blue ocean,
Down casting silver from on high,
The golden moon was floating lonesome;
She, gleaming from the northern sky,
Brought light to my house through its windows,
And with the palest of her beams
Traced down the glazing's golden sheen-glow
Flat on my lacquered flooring seams;
Sleep, with its languorous, silent hand
Poured forth the dew of dreams engendered
In douce oblivion's distant land,
Enchanting thence my family members;
Now sunk in slumber was the district:
Petropolis amidst its spires,⁶⁷
Neva in granite urn, all glistened,
The Baltic coast bore twinkling fires;

And Nature, in her silent twilight,
Sunk deep into her mighty dream,
Seemed dead to hearing and to eyesight;
Yet from the heights and depths unseen
Cool zephyrs wafted 'round blue ether,
And brought refreshment to my heart.

I could not sleep— my lyre grew sweeter,
Attuned to my song's quiet art;
I sang: "Blest he who is delighted
By his own lot within this world,
Who's healthy, free, and well-provided,
Knows peace within himself, not war;
Pure is his heart and just his conscience,
His morals firm throughout life's span,
Who grounds his character, his essence,
On being simply— a good man;
Gives thanks that neither dwarf nor giant
Nor imp misshapen was he born,
That he was neither made an idol,
Nor to praise Falsehood was he sworn.
That all the present world's perfection
He finds in family at home;
In his Plenira's sweet affection,
(About which he could craft a tome),
Or in a few true friends' devotion
At work, or in his carefree time!
Blest is the one to whom a Sovereign,
Or Queen of whatsoever tribe,
From out her chambers, amber harems,
And from her silv'ry-rosy lairs,
Sends out, as if from distant reaches,
In secret from her courtiers' stares,
In payment for his jests and preaching,
Or verses—anything at all—
Most precious gifts, covertly hiding
Great diamonds in caskets small;

He's blest! " —A surge, a sudden tiding
 Just then began to shake my home,
 The walls split wide: celestial lightning—
 Outflaring bolt of earthly storm—
 Embraced me in its radiant bright'ning;
 The moon was dimmed now, clad in cloud.
 And I beheld a vision marvelous:
 A woman from the sky came down—
 Descended—like unto a Goddess,
 Or priestess fair she met my gaze,
 Her form was veiled in moon-white garments,
 Which streamed in gilded silver waves:
     A crested crown adorned her tresses,
 Upon her breast—a sash of gold;
 Of jetty tissue, flame-black byssus
 All rainbow-hued, her mantle's fold
 Cascading, fell from her left shoulder
 Along her left flank thence to lie,
 Her arm outstretched above the altar,
 She, onto sacrificial fire
 The sweetly fragrant poppies pouring,
 Made worship unto the Most High.
 The northlands' Eagle, he whose soaring
 Kept pace with lightning's awesome strike,
 The herald of heroic virtues,
 Upon a heap of tomes there massed,
 Kept watch o'er all her sacred statutes,
 Spent bolts of thunder in his grasp
 With bay and olive did he offer,
 And yet appeared sunk deep in dreams.
 Like sapphires from a jeweled coffer
 Her eyes in wrath or ardor gleamed:
 The goddess turned, her gaze addressed me—
     Forever in my soul remains
 That stamp with which she then impressed me.⁶⁸
 "Murza!"—she thus began to speak—

You hope to find your heart's contentment
By filling every morn and night
With music played upon your lyre,
With hymns you sing to kings alone.
Murza! Unhappy one, now tremble,
And to those awful truths take heed,
Which on the earth all ardent poets
Full oft are hard put to believe;
To you alone does my indulgence
Constrain me to reveal them. If
Fair Poetry is not mere raving,
But the Immortals' highest gift,
This sacred boon of the Immortals
To honor them and teach their ways
Must be employed, not used to flatter,
Or voice the fading fame of Man.
The great are not less thereby mortal,
Not less do they the passions feel,
Take no less harm from flattering poison,
And where do poets flatter not?
See that your thunderous sirens never
Be used to Virtue's detriment;
Who simply does what right requires
Has no need whatsoe'er for praise.
A man who keeps to blameless actions,
Minds Duty and his own concerns,
Brings thus more glory to his monarch
Than all the praises of the bards.
Do not take up that nectar-brimming
Chalice, where the poison lurks."
Who is this wight, bold and defiant,
Whose lips pour forth such wounding words?
Wast thou a goddess born, or priestess?—
I questioned thus my waking dream.
She answered me: "I am Felitsa."
She answered—and a radiant cloud

From my as yet unsated vision
Her heav'nly features did conceal.
And straightway swirls of priceless incense
O'erswept the spot where she had stood,
And blossoms rained down on my mansion.
My Goddess, angel here made flesh!
My soul to follow her fell yearning
But in her steps I could not go,
Like one whom thunder has o'erpowered,
Deprived of sense I was, and mute.

But then, bedewed with copious weeping,
I found myself again and cried:
Is't possible, o gentle regent,
That thou to thy Murza shouldst be
So coldly stern, and wax so wrathful,
That thou, yes even thou shouldst dart
Thine arrows deep into my bosom,
That even thou shouldst disapprove
My heartfelt ardor for thyself?
Enough—without thee, full enough—
Are there of those from whom the poet
For every thought, each line expressed,
Must beg in this vile world acquittal,
Enough foul satyrs to repulse!
Sufficient also golden idols,
Who read my songs with hearts of stone;
Sufficient kadis, and those fakirs
Who, envious, to thee impart
Their own unfit and fulsome paeans;
I've won myself sufficient foes!
One takes it as a great dishonor
The poet's whiskers are not tweaked,
Another finds it passing painful
I'm not compelled to hatch an egg;⁶⁹
Another—here with greatest frankness
Addresses thee thine own murza—

Imputes to me a great transgression,
Since I a goddess heaven-born
Have thus envisioned in my rapture,
And, spellbound, shed profaning tears.
So in a word, one This demanded,
Whilst yet another called for That.

But let my Muse inform them straightly:
I am not of the flatterers' tribe;
The precious wares of mind and spirit
For riches I shall never sell,
Nor ever offer to bedeck thee
With raiment from another's stores.
O thou, so virtuous and royal!
I sang not flattery nor dreams,
But that to which the world was witness:
Thy virtue's deeds are fair to see.
I sang them, and shall sing them always,
And, jesting, raise on high the Truth.
With Tatar strains, like hidden candles,
I shall shed light on all our heirs;
Like to the sun, the moon, Thine image
I shall present to future days;
I shall uplift Thee, sing Thy praises;
Through Thee immortal shall I be.

IX. *The Spring*.⁷⁰

In this 1778 ode Derzhavin addresses a spring at Grebenev, the estate of M. M. Kheraskov, who is best known today as the author of the first Russian epic triumphantly completed in the classicist mode, *The Rossiad* (*Rossiada*).⁷¹ Derzhavin's model here is undoubtedly Horace's ode to the Bandusian Spring (*Odes*, III, 13). Along with Horace, Derzhavin starts by creating an overpowering image of the font and proceeds to use it as the locus of the implicit philosophical underpinnings derived from this image. The poem, when taken as a whole, then serves as one of the emblems of life's meaning, glorious in its resplendence.

The Spring, quite typically for Derzhavin, contains a tacit argument with its model. If Horace asserts that his Bandusian Spring will become famous simply because he chooses to sing of it, the spring at Grebenev is presented as already immortal in the eyes of Derzhavin's persona through its association with Kheraskov. Its implied role here is, therefore, more like that of the Castalian spring—in the classic tradition held to be sacred to Apollo, and hence a source of poetic inspiration. In addition, as opposed to the Horatian original, Derzhavin's ode markedly avoids mention of the pagan tradition of blood sacrifice.

The Spring

Crowned with plaited sedge, and seated
Where casts its shade the drooping bough,
An arm upon an urn reposing,
With visage raised up, heaven-bound,
I there descry a spring resplendent.

O spring so murmurous, transparent,
Down flowing from the mountain steep
To slake the vales and grassy meadows,
Bedewing blooms with pearly drops,
How pleasing art thou to the vision!

So pure—each glance finds thee enchanting,
So swift—thy murmur lulls the ear;
As on the hills the leaping roebuck
Yearns for the brook, thus do I yearn
For thee: I burn to sing thy praises.⁷²

And when fair daybreak spies her image
Within thy glinting silvery arcs,
What rich and fiery hues of purple,
And rosy tints like flickering flames
Fall downwards with thy rolling waters!

The hill, at noon with dense flocks covered,
In thee admires its own form;
The passing breeze upon thy waters
Stirs images of green oak-groves
And ripples through the golden harvest.

Rich crimson is thy shoreline turning,
When from on high the Sun descends,
Igniting with its ray thy crystal,
As distant groves turn deepest blue,
A sea of mist all overspreading.

And O! When shades of night have fallen,
How fair thy moon-lit aspect seems:
How pale the hills above thee looming,
How silent are the slumbering glades,
Whilst thou alone art trilling, sparkling!

I, burning with a bardic fervor,
Make my approach to thee, fair spring:
The poet's fate I sorely covet,
Who, having tasted of thy streams
Is thenceforth crowned with wreath Parnassan.

Give me my fill of thy blest waters,
And I shall likewise 'gin to sing,
And in my strains my thought shall mirror
The essence of thy lucid course:
My lyre's douce tone—repeat thy flowing.

Let thus thy fame, afar resounding,
Find echo through the dreaming wood:
Thou, source of Grebenyov—blest fountain—
Hast filled with springs of Poesy
Th' immortal *Rossiad's* creator.

X. *On the Death of Prince Meshcherskii.*⁷³

Derzhavin wrote this ode to mark the death of his acquaintance, A. I. Meshcherskii—a wealthy government official and administrator in the Customs Department, famous for hosting lavish parties and feasts—and published it anonymously in 1779.⁷⁴ A response to Edward Young's *Night Thoughts on Life, Death and Immortality* (1742-1745),⁷⁵ *On the Death of Prince Meshcherskii* made a deep impression on Derzhavin's peers.⁷⁶ Surpassing his early attempts at ode writing, this work was truly innovative, a marvelous transformation of his English model's somber imagery. Young's purpose was to show the inescapable power of Death and, by means of rather simple syllogistic reasoning, to enforce acceptance of and submission to a pre-determined afterlife. But the power of Derzhavin's poem lies precisely in its assertion of the absurdity of any reasoning on this question: we can know nothing at all of what lies beyond death. The ode's addressee (S.V. Perfil'ev, a friend of Meshcherskii) and the reader are therefore advised in the last stanza to enjoy what life offers while maintaining a philosophical awareness of its transience.

Comprising eleven octaves of iambic tetrameter rhymed *AbAbCd dC*, the poem recalls in its overall pathos the octaves on *The Book of Job* transposed by Lomonosov almost three decades earlier. The opening stanzas of the original are particularly memorable to Russian readers for their powerful euphonic organization, an effect our translation attempts to convey.

*On The Death
of
Prince Meshchersky*

1.

Loud peal of Time! Cold metal's toll!
Your dreadful chant disturbs my spirit;
It calls! It calls me with its moan,
Calls to the tomb: I must draw near it.
This world I've barely come to know,
Dame Death, her teeth already grinding,⁷⁷
Cuts short my days—her scythe is blinding—
As lightning downs the wheat just grown.

2.

No one escapes Death's fatal claws;
No creature breaks away still living;
Both slave and king are food for worms;
The grave devours all hopes, misgivings.
Time gapes, our glory to erase:
As to the Sea flow torrents raging,
Our days drown in the Maw of Ages;
Whole realms shall grasping Death efface.

3.

Our tread, unsure, skirts the abyss,
Which shall receive our blind plunge thither.
We take on death with our life's bliss,
Our seed springs up that it may wither.
Death pitilessly strikes us all;
Her hand grinds stars to finest splinters,
Casts off the suns to endless winters,
And thus She looms before all worlds.

4.

The mortal does not think to die —
His longing is to live forever;
Steals Death upon him like a spy,
His life, once seized, is quickly severed.
Alas, where we shall fear the least,
There Death shall overtake us sooner—
Before the lightning's swift harpooner
Can sink his bolts in mountains' peaks.

5.

O child of luxury and lore,
Meshchersky! Where art thou now faring?
You have forsaken this life's shore,
With shores where dwell the dead your bearing;
Here is the dust, but not the soul;
Where is it? Gone. Gone where? We know not.
We only weep and pray, bemoaning:
"O woe to us, to this world born!"

6.

Where pleasures, joy, and love once shone
Together with our healthful living,
Our blood with fear now chills our bones,
Our spirit is with sorrow stirring.
This festive board now bears a pall;
The joyful glees of guests attending
Give place to mourners' pained lamenting,
And pallid Death sets sights on all.

7.

Sets sights on all—on potentates,
Whose scepters sway whole worlds, unbridled;
Sets sights on those of rank and wealth
That worship gold and silver idols;
Sets sights on beauty and delight,
Sets sights on minds that soar and tower,
Sets sights on bold and fearless power,
And whets the sharp blade of her scythe.

8.

O Death, Creation's fear and dread!
We mingle pride with beggars' wiles,
Today a god, tomorrow dead:
Today by cozening hope beguiled,
Tomorrow—Man—where shall you tread?
Your fleeting days has Time redounded
To Chaos' great abyss unbounded,
And, like a dream, your life has sped.

9.

Like to a dream, like visions sweet,
Already mine own youth is fleeting.
Less than before does beauty treat,
Less than before gives joy its greeting,
Less light and carefree is my thought,
Less sound and vigorous my body;
I burn for praise now, honor study,
I hear the strains that glory wrought.

10.

But soon my manly strength will pass,
And with it, all my thirst for glory;
All thirst for wealth will fade at last,
And passions, in my breast once roiling,
Shall wane as tides ebb from the strand.
Away, all joys that come with being,
They must be false as they run fleeing:
At the Eternal Door I stand.

11.

We perish this day or the next,
Perfil'ev! Thus—Time's will unbending.
Why be then torn, by sorrow vexed,
To witness here a friend's life ending?
Life is the heavens' brief bequest:
Seek peace, enjoy Earth's bounty, tillage,
And with pure Soul—great Heaven's image—
Change blessings for the blows of Fate.

XI. *Autumn During the Siege of Ochakov.*⁷⁸

This ode is addressed to Prince S. F. Golitsyn (1748-1810), who served in the Russian army during the 1788 siege of Ochakov.⁷⁹ Derzhavin composed it during an anxious period in which news from the front had been many months delayed, and sent it to Golitsyn's wife at their estate near Tambov.⁸⁰ Both classical and topical Russian references are here interwoven. The initial stanzas consist of a pastoral praising the beauties of Russia's autumnal landscape, the first so powerfully evocative in Russian literature, and the onset of winter. Depicted in striking detail are flora and fauna specific to Russia: the tundra, the feather-grass and the hardwood trees; the spoonbill, the gray hare, the bear, the wolf. Peasant girls may be referred to as "nymphs" but they dance a Russian *khoro vod* through a village where the peasants celebrate the harvest with cabbage soup and beer. Boreas, the Greek god of winter, is here transformed into a Russian *bogatyr'*, and enlists the aid of Russia's (feminine) Winter, a "grey enchantress" in a fur-trimmed mantle. Stanzas seven through eleven comprise the poem's martial section, lauding the heroic Russian army and its commander-in-chief in imagery that is striking but almost exclusively classical. The remaining four octaves are a domestic idyll in which are described the faithful wife's anxiety to see her husband and the family's imagined joy at his victorious return.

Autumn
During the Siege of Ochakov

1.

Aeolus grey has freed old Boreas
From iron chains, from out his caves;
Bespreading wide his horrid pinions,
The *bogatyř*' has swept the globe;⁸¹
Has herded flocks of dark-blue ether,
Has gathered into clouds the mists,
Has struck—and lo, the clouds have scattered,
Yet rain is loosed: it thunders down.

2.

And now does ruddy Autumn carry
The golden sheaves to threshing floor,
And with a thirsty hand, Abundance
Begs grapes that she may press her wine.
Already flocks of birds are massing,
The steppe-grass pales to silver down ;
And leaves ablaze with scarlet-yellow
Now scatter, rustling on the paths.

3.

At forest's edge the fleet-foot rabbit,
Grayed like the spoonbill, goes to earth;
The hunters' hue and cry resounding
Now thunders, echoed by the horn.
The peasant, having stored his harvest,
Now sups his hearty *shchi* and beer;⁸²
He prospers thanks to heaven's bounty,
And sings the bliss of simple days.

4.

Old Boreas knits brows at Autumn
And summons Winter from the North,
And lo — the grey Enchantress cometh:
She gestures with her shaggy sleeve,
Pure snow and frost and rime now sifting,
She turns the waters into ice;
Her breath pours forth in chilling currents,
And Nature's gaze is stiffened, fixed.

5.

Where color-studded rainbows hovered,
Now lour mists, enfolding sky,
And on the fields just now so verdant,
White down lies sprinkled here and there.
The valleys and the wasteland sorrow,
The hungry wolves mourn absent prey;
The trees and hills stand stark and barren,
And empty now of grazing flocks.

6.

The hind seeks out the mossy tundra,
And in his den the bear reclines;
The full-voiced nymphs around the village
Have ceased to sing their *khorovod*,⁸³
The houses smoke with grey-white vapor,
The pilgrim hies him to the path:
Celestial Mars has left his thunders,
And lain down in the mists to sleep.

7.

But not the Russian Mars, Potyomkin,
Grey Winter's chill he does not fear:
Along the bravely rippling banners
Of all his hosts, the eagle-king
O'er ancient realms of Mithridates
Flies, and flying dims the Moon;
Beneath his mighty pinions' beating,
The Euxine crimsons, blackens, pales.

8.

Fire, by rolling waves unvanquished,
Consumes Ochakov's battlements,
Before them now the Russ, unconquered,
Culls laurels green amid the frost;
At naught he sets the glowering storm clouds,
He rushes to the icy trench—
In water, thunder, fire asserting
That he shall die or claim the day.

9.

Thou true and hardy Russ, take courage,
In victory your star shall blaze!
No hireling, but loyal offspring
Of Catherine—your Mother kind—
Potyomkin leads you, God protects you;
Your hero's breast is shield enough,
Creation witnesses your glory;
Posterity's ovation roars.

10.

Achilles's warriors, take courage!
The Northern Goddess's true sons!
The waves of Styx have not engulfed you,
Yet have your deeds earned deathless fame.
To you all thoughts, all eyes are turning,
To see you tread your fathers' path!
And you make special haste, Golitsyn!
Rush homeward now with olive branch.

11.

There, golden-haired, your fair companion,
Plenira-like in heart and face,
Has waited long to hear you calling,
For you to turn and come to her;
For you to lap in fond embraces
Your seven sons that she has borne:
You'll give their mother tender gazes,
And in your bliss will find no words.

12.

And later, when in flowing converse
You give free reign to rapturous joy,
With crowns of victory most priceless
You will astound your listening spouse—
Recounting those heroic exploits
Done by her uncle-father dear,
And telling of his wit and spirit,
Of how he drew to him all hearts.

13.

O hasten to your true wife's chamber,
To give her joy, to comfort her;
Dejected she is now and, sadly—
In simple dress, her golden hair
Down fallen on her brow, disordered—
Sits on the sofa, at her desk;
Those eyes, so blue and once so brilliant,
Now weep, her tears unceasing flow.

14.

She writes you each and every morning:
Affirms your glory, then her love,
With tenderness and pity sighing,
With fear, which oftentimes roils her blood;
She wishes triumph for her uncle,
While thirsting for her husband's love,
And warring with herself, she whispers:
If duty calls, then seize the crown!

15.

Now, all around her silent household
Her maids to murmur do not dare;
In solemn rapture but the Muses
Make bold to sound this martial verse.
O Ruddy Autumn! World's enchantment!
Increase, increase again your fruit!
Come, yearned-for tidings! And my lyrics
Shall sing her love and his renown.

XII. *To N. A. L'vov* (K N. A. L'vovu).⁸⁴

Derzhavin here dedicates an epistle of friendship (*druzheskoe poslaniie*) to his long-time intimate Prince N. A. L'vov (1751-1803)—architect, artist, poet, playwright, folklorist, geologist and more—one of eighteenth-century Russia's true Renaissance men. L'vov and his wife Maria (nee D'iakova), were friends of Derzhavin and his first wife Catherine, and L'vov would become Derzhavin's brother-in-law upon the poet's second marriage.

The L'vov-Derzhavin circle included many of Russia's most prominent poets for more than twenty years. L'vov's erudition and wide experience—he had traveled extensively in Europe and was well-versed in Italian, French and German—helped to ground this intellectual confederation in the traditions of western European culture. Derzhavin, whose only foreign language was German, made good use of his friend's intellectual generosity. In the 1790's L'vov was to develop his own theory of literary translation, according to which the translator was obliged to make his work both true to the original and accessible to his readership. In the *Stikhotvorenie Anakreona Tiiskogo* (The Poetry of Anacreon of Teos, 1794) he attempted an anthology in which translations and commentary would form an artistic unity. There is little doubt that his extensive research on anacreontica in French, German and Italian influenced Derzhavin's 1804 collection *Anacreontic Songs* (Anakreonticheskie pesni), represented by twelve translations in the present volume.

Written some fifteen years before Derzhavin's great pastoral epistle *To Eugene. Life at Zvanka* (1807), *To L'vov* manages to presage in miniature the larger work's principal thematics. Beginning—as he will in *Zvanka*—with the Horatian “*beatus est*,” Derzhavin praises country life over the intrigues and moral corruption of urban existence. He then moves to a description of a country morning as experienced by his friend (again prefiguring the lyrical opening stanzas of *Zvanka*) and ends with a charming conversation between L'vov and his wife. The original thirteen stanzas of five lines each are in unrhymed iambic tetrameters.

To N. A. L'vov

1.

A hundredfold is blest that mortal
Whose heart is not by sorrow weighed,
Whom envy's surreptitious whisper
And jealous hauteur's brazen laughter
Do not oppress nor drive from court.

2.

Your life so rustic and secluded
Is flowing, o my dear friend L'vov,
As courses stream through green embankment
In slumbering wood. Let others therefore
Gaze restless from their chambered halls,

3.

As at the sight of golden chariots
The foul mob gapes—how warriors' ranks
Bedazzle them with gleaming weapons,
Yet how these herds, as ocean billows
Flee storms brought by the horsemen's charge;

4.

And at the knights of these late ages,
Who, formed in marble or in bronze,
Themselves admire and contemplate,
And clap in sweet anticipation
Of how the folk will worship them.

5.

But you are wise in comprehending
That he alone earns Heaven's grace,
Who can ignore the rushing torent,
And sweetly sleep or seize his lyre
To sing of God, of friends, of love:

6.

The East and West are then outpouring
Their royal hues along his paths;
He breathes the scent of herbs and grasses,
The limbs of trees are beckoning,
The nightingale vents piercing shriek.

7.

Repentance never dogs his footsteps:
Not in the garden or the fields,
Nor on the hills where flocks are grazing,
Nor by the lakes and pleasant thickets—
Joy is his fellow, and delight.

8.

There labors strengthen health and vigor;
His blood flows free and light as air;
At dawn, like Zephyr he goes winging
To see the cheerful work unfolding,
Then hastens home to break his fast.

9.

His gentle, tender spouse awaits him—
Her hair like floating downy flax—
As with her snow-white hand she seizes
The rich embroidered cloth in welcome
And blots the sweat from off his brow.

10.

His crimson cheek she sweetly kisses,
And bids him view her handiwork,
How stitched on straw in many colors
Are meads and flowers, ponds and bowers—
A present for her friend in town.⁸⁵

11.

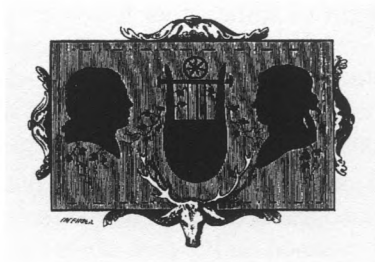
“Would that it were—these thoughts she utters—
That Art could, as does gentle Nature,
Pour into human hearts its sweetness,
Then these my humble rustic pictures
Would bring to us our dearest friends.

12.

My black-browed lass, my heart’s companion,
My kind, dear city-homestead dweller,
Enchanted by these golden pastures,
Would cease to deck with noisy bustling
Her shrine-like mansion in the town.”

13.

“Alas, my dear—he thereat answers
Her thoughts, but with a smiling sigh—
Well said, but you must yet remember:
For those whom life at court has blinded
Is Nature’s self both dry and dead.”

XIII. *The Waterfall*.⁸⁶

(Introduced and Translated by Harold B. Segel)

The Waterfall (Vodopad) ranks as one of Derzhavin's finest poetic achievements. A work of beauty and majesty despite its excessive length, it was written to commemorate the death of one of the most brilliant figures of Catherine's court, Prince Grigorii Aleksandrovich Potemkin (1739-1791) on October 5, 1791. Derzhavin's friend the poet I. I. Dmitriev asserted that *The Waterfall* was actually begun before Potemkin died, but there is no evidence to substantiate such a view, and the assertion seems dubious. The original version of the poem, which has since been lost, consisted of only fifteen stanzas. But Derzhavin grew enamored of his subject and kept working on it until it reached the present length of seventy-four stanzas. By the end of 1794 the composition was definitely finished. Its publication came four years later in 1798.

In its own way *The Waterfall* is no more conventional or orthodox than Derzhavin's ode *Felitsa*. Where *Felitsa* blended the panegyric and satirical, *The Waterfall* brings together in the same work the panegyric, elegiac, and philosophical. At the core of the poem is the celebration of the great deeds of Potemkin and the expression of mourning over his loss. The panegyric and elegiac currents flow from two sources: directly from the author and indirectly from the distinguished statesman and military leader of Catherine's reign, Petr Aleksandrovich Rumiantsev (1725-1796), who appears in the poem as an old man close to death himself. It is also through Rumiantsev that Derzhavin expresses the familiar philosophic theme of the work—the transitoriness of all earthly things, the brevity of man's terrestrial sojourn, the omnipotence of death and the equality of all men before death. As elsewhere the poet strips death of some of its terror by portraying it as a gateway through which man passes into the eternal. Immortality, for Derzhavin, means two things: life after death, that is, the immortality of the soul, and the immortality man is capable of achieving among the living through personal glory.

Elaborated throughout the poem as a dynamic metaphoric symbol of the philosophical theme is the waterfall, the description of which Derzhavin based on his own observations of the Kivach waterfall on the Suna River in northwestern Russia. The brilliant turbulent course of the fall as it rushes to crash into the depths

below depicts the course of man's life on earth in all its color and vitality—and in the inevitability of its descent, its fall into the abyss of death. But after tumbling into the depths the life of the waterfall is not over; it is merely transformed. The waterfall, as man's life itself, infers the poet, continues to live, but in a different state. The waterfall emerges from the depths to flow on placidly, like the Milky Way. So too after death does the life of man continue eternally as the immortal life of the soul.

Derzhavin was not the first poet, or the last, to find in the waterfall an appropriate symbol of man's life terrestrial and eternal. The Baroque proclivity for themes to which Derzhavin himself was so strongly attracted led more than a single Baroque poet to write of the analogies between the course of a waterfall and the life of man. The English metaphysical poet Henry Vaughan (1622-1695) included in his collection *Silex Scintillans* (1650, 1655), a poem also entitled "The Waterfall." Considerably shorter than Derzhavin's later work, and devoid of the Russian poet's rich use of color and sound as well as his evocative descriptions of various aspects of nature, Vaughan's *The Waterfall* embraces essentially the same philosophic view, and provides interesting material for comparison.

In the original Russian Derzhavin's *The Waterfall* is written in stanzas of six lines each, in iambic tetrameter and rhyme scheme *a b a b c c*.

The Waterfall

A diamantine mountain pours
Down from the heights in four stages.⁸⁷
A pearl and silver-filled abyss
Boils far below, sends hills of spray up.
The splashing forms a mound of blue,
The roar resounds in distant woods.

2.

Resounds, and 'midst a grove of pines
It later dies out in the thicket.
A ray of light shines 'cross a stream;
'Neath shifting vault of trees flow softly
The waves, all covered as by sleep,
A milky river thus become.

3.

Along the shores the whitish foam
Collects in mounds in shaded thickets;
The sound of hammers fills the air,
The buzz of saws and groan of bellows.⁸⁸
O waterfall! In your deep pit
All drowns in an abyss, in mist!

4.

Are pine trees struck by heavy winds?—
In you they break in tiny pieces.
Are stones by lightning torn asunder?—
Into fine sand 'tis you who grind them.
Does bold ice hold your waters fast?—
Like bits of broken glass they fall.

5.

The fierce wolf prowling 'bout you stops—
For nothing can strike terror in him.
A fire burns inside his eyes,
The fur upon him stands like bristle.
To fight in bloody battles born
He howls, in harmony with you.

6.

The timid deer approaches softly,
Your falling waters' roar perceiving.
She bends her horns upon her back
And takes flight swiftly through the forest.
The noise and howling frighten her,
And brittle leaves beneath her hooves.

7.

The spirited steed greets you next,
Preserving his proud gait, approaching.
His thick mane raised and muzzle hot
He gives a snort and pricks his ears up,
And taking courage, now enflamed,
He boldly hurtles to your depths.

8.

Beneath a sloping cedar tree,
In face of Nature's fearful beauty,
On an old stump which did protrude
From mountain crag o'er eager waters,
I see a certain white-haired man
Bent over with his head in hands.⁸⁹

9.

His lance and sword, his mighty shield,
And helmet all wound 'round with dodder,
One time his fatherland's defense,
Rest at his feet upon the moss there.
Shining in golden armor garbed,
Like evening in a reddish glow.⁹⁰

10.

He sits—and gaze fixed on the stream
He meditates, in deepest thought plunged:
"Does not this waterfall portray
To us the course of man's existence?—
It also with its glittering streams
Sustains the proud, the meek, and wicked.

11.

"Does time not flow from heaven down?
Do not our passions boil inside us;
Glory not shine, nor fame resound;
The happiness of our days glitter,
The beauty and the joy of which
Are gloomed by sorrow, woe, and age?

12.

"Do we not every day see graves,
An aging universe's graying?
Do we not hear as hours toll
Death's voice, the creak of doors beneath us?
Do there not fall into these jaws
The king from throne and friend of kings?

13.

"They fall—and the unvanquished chief,
'Midst praise in Rome's high Senate, Caesar,
Just as he wished the diadem,
Fell, countenance with mantle veiled.⁹¹
Gone are the schemes, gone are the hopes—
The eyes that sought the throne are closed.

14.

"They fall—and the incomparable man
Of countless triumphs from his chariot
A model of the world's great souls,
Who scorned the lure of royal purple,
Admired by kings Belisarius⁹²
In prison falls, his eyes removed.

15.

"They fall.—And did not dreams entice
When cities long ago did hail me,
When I was in my fullest flower
Bedecked in laurels, olive branches?
Was it long past?—But now in war
My hands no longer lightning hurl!

16.

"My strength is gone, and suddenly
A storm has from my hands the lance seized.
Although my spirit still is proud,
Of victories fate has deprived me."
He spoke—and slumbered quietly
By wings of Morpheus concealed.

17.

October night fell on the earth,⁹³
On silent darkness' peaceful bosom.
I hear not anywhere a thing
Except the roaring of the waters,
Dashed from the heights against the rocks
And looking like a snow-capped mount.

18.

The wilderness its eyelids closed,
The crags and cliffs were wrapped in slumber;
And clouds like regiments of waves
Moved silently by in procession.
From out their midst the moon looked down,
The moon all trembling and pale.

19.

It looked, and barely did it shine,
Its crests before the old man lowered⁹⁴
As though it greeted with esteem
That enemy of days long ended
From whom in fright it had recoiled,
Whom all the world did marvel at.

20.

He slept—and sleep miraculous
Revealed to him the dreams of heroes.
In one it seemed to him that he
Again commanded mighty armies,
That lightning stood by silently
Awaiting him to order it—

21.

That at the pointing of his finger
Artillery squares would follow him;
That on smooth plains, on all sides opened,
At one word from him would rise up
New regiments from hidden placements,
Like hills of clouds upon the ocean—

22.

That just the dewy grass would bear
The imprint of the steps at night;
That 'neath a clear sky in the morning
His foes too late would see his dust;
That by the sharpness of his pupils,
Like hawks their prey he would transfix them—

23.

That laying out his maps and plans
In his tent, like an unseen Magus,⁹⁵
He stations chimeras in vales,
While tigers wait in higher places;
Then suddenly with firm resolve,
On thousands hurls his thunder down—

24.

That crescent's pride and eagle's daring
Where amber waves flow and where black,⁹⁶
He humbled golden-fleeced Colchis,⁹⁷
And losses wrenched from the white tsar⁹⁸
Before the evening's golden borders
Avenged a hundredfold with triumphs—

25.

That, like a reddish ray of dawn,
His country was with glory covered,
And foreign leaders, foreign kings,
Joined his own sovereign and his nation
In praising him for his great deeds
And raising triumphs to his name—⁹⁹

26.

That in the midst of many splendors
Shone bright his image, name, and deeds;
And that his silvery brow's summit
In wreath of lightning's fiery rays
Would glow through future generations
And fill with light the hearts of countless—

27.

That jealousy its pallid glance
Turns from his radiance away,
And groaning in a speechless way
Crawls off and seeks out hidden lairs
Where it can hide itself from him;
And that no one compares with him.

28.

He sleeps—and in these pleasant dreams
Perceives the baying now of hound dogs,
The roar of winds and stout trees' creak,
The moaning of the screech and hoot owls
And in the distance animals,
And quiet rustling 'midst the spirits.

29.

He hears: a fir tree has been crumbled
A flock of ravens taken flight,
A mound of silica cracked open,
A mountain with its riches felled.
The echo rumbles through the mountains,
Like thunder thundering on thunders.

30.

He sees attired in pitch-black raiment
Some kind of winged woman then;
Her hair disheveled, tossing wildly,
She was like news of death or war,
A scythe in hand, a trumpet readied.
He hears her speak to him: "Wake up now!"

31.

Atop the helmet that she wore
An eagle sat with clouded thunder.
He saw in it his nation's arms
And agitated by this daydream
He sighed, he shed a shower of tears,
And said: "Some hero must be dead!"¹⁰⁰

32.

"Happy, when in pursuit of glory,
The common weal he kept in guard!
In bloody combat he showed mercy
And spared the lives of prisoners.
For many centuries to come yet
Let blessed be this friend of mankind!

33.

"And let him have for epitaph
The blessed praise that long will ring
If all his life and deeds recall
As dedicated to man's service;
If fame alone lured him not on
And he false glory did not seek!

34.

"O glory, glory—heroes' pleasure!
'Tis you this waterfall portrays.
Through plentitude of flowing waters
And roar of gushing coolnesses,
'Tis light, magnificent, and lovely,
Miraculous, clear, strong, and thundering!

35.

"About you crowds of people gather
In constant dumbstruck wonderment;
But if the fall with its rich water
Does not bring nourishment to all,
If it tears shores and in its rapids
There is no gain to mortals—then what?

36.

"Is it not better to be famed less
And be more useful to all men;
Resembling more a lovely streamlet
That waters gardens, groves, and fields,
And with its faraway soft babbling
Attracts posterity's attention?

37.

"Let to a mound grown o'er with turf
Come traveler and take his seat there
And bending his head over read
The writing on the grave, declaring:
'Here rests not famed by war alone
A man whose soul was greater still.'

38.

"O! Be immortal, martial chieftain,
When you have all your duty done!"
So spoke the old man crowned in whiteness
And, gaze on heaven, then grew still.
Grew still—but his wise voice took flight then
And his words everywhere resounded.

39.

But who goes there among the mounds,
Gazing, like moon, upon black waters?
Whose shadow hastens through the clouds
Seeking celestial habitations?
On his dark gaze and on his brow
There sits deep thought obscured by mist.

40.

Who is this wondrous winged spirit
Who soars from Northlands to the South?—
Swift winds pursue, but their pace slackens.
His sudden gaze embraces states;
He roars and flashes like a comet,
A trail of sparks marks his swift journey.

41.

Whose corpse, like mist upon a crossroads,
Lies in the bosom of dark night?
Coarse tatters now his only raiment;
His eyes by two small coins closed;¹⁰¹
His hands are clasped on his cold bosom;
His lips are opened, but say nothing!

42.

Whose bed—the earth; whose roof—the azure,
Whose halls the wildernesses 'round?
Are you not fame and pleasure's offspring,
O splendid Prince of Crimea?¹⁰²
Have you not from the heights of honors
Been suddenly 'midst empty steppes downed?

43.

Were you not near the throne and favorite
Of the Minerva of the North?¹⁰³
Apollo's friend—in Muses' temple;¹⁰⁴
On Mars's field a leader famed;
In war and peace—decision maker,
A potentate—though not in purple?

44.

Is it not you who dared raise up
The power of Russia, Catherine's spirit,
And with support of both desired
To carry thunder to those rapids
On which the ancient Rome did stand¹⁰⁵
And trembled all the universe.

45.

Is it not you who put to flight
The mighty hordes of vulturous neighbors
And from vast empty regions made
Inhabitable towns, and cornfields,
And covered the Black Sea with ships,
And shook the earth's core with your thunder?

46.

Is it not you who knew to choose right
The worthy tests of Russian strength,
The elements themselves to trample
In Ochakov¹⁰⁶ and Izmail,¹⁰⁷
And by such firm audacity be
The wonder of bravery itself?

47.

'Tis you, the bravest of all mortals!
Mind fertile with a host of schemes!
You did not tread the usual paths¹⁰⁸
But did extend them—and the roar
You left behind to your descendants.
'Tis you, Potemkin, wondrous leader!

48.

'Tis you, to whom magnificent
Triumphal arches were erected.¹⁰⁹
The arts and learning, beauty too,
Wove for you wreathes of laurel, myrtle.
Joy and splendor blossomed 'round you,
And happiness and fame joined hands.

49.

'Tis you, fruit of heaven's bounty,
To whom I was this work to offer,
And thought my humble lyre to tune
In harmony with lofty Pindar.
I celebrated Izmail,¹¹⁰
I celebrated—but Death came!

50.

Alas! My choruses' sweet sound
Has been turned into plaintive moaning.
My lyre has slipped from out weak hands
And I have into bitter tears sunk
Where an abyss of colored stars
Revealed the halls of Paradise.¹¹¹

51.

Alas!—And they have grown dumb too—
The thunders that had roared about you;
Your regiments are orphaned now
And filled the air with their sobbing;
And all that had been near you once
Has grown disconsolate and sad.

52.

Your wreath of laurel has now withered,¹¹²
Your notched mace has left your hands,¹¹³
Your sword was half inside its scabbard,
When Catherine broke into tears!
The earthly globe was shaken with her
By your untimely, sudden passing!

53.

Peace brought and threw down from its hands
The branches fresh and green of olives
The wails and cries of kin and friend
And plaintive sound of Grecian Muses
Resound about this Pericles.
And Virgil his Maecenas mourns,¹¹⁴

54.

Who in the rays of homages,
Just as a sovereign on his throne,
In handsome gilded phaeton
By silvery-rose stallions carried,¹¹⁵
Shone bright among equestrians—
And fell against a funeral coach!¹¹⁶

55.

Where are you Splendor? Where is Fame?
And where are you, O mighty earthling?
Methuselah's longevity
Is but a dream, our age a shadow;
Our whole existence is no more
Than just an empty dream by day.

56.

Or no!—A heavy ball our life is,
Suspended on a tender hair,
On which the blows of storms and thunders
And lightning raging from the skies
From all sides beat incessantly,
And which light zephyrs can rend also.

57.

A single hour, a single moment
Can bring down kingdoms of themselves;
By just a puff the elements can
Transform great giants into dust.
They seek their places—and they know not:
They trample heroes in the dust!

58.

They trample heroes?—No!—Their deeds
Shine through the darkness of the ages.
Imperishable memory
And praise fly from their very ruins;
Their graves, like hills in springtime, bloom.
Potemkin's work will be inscribed.

59.

His theatre—was the Evksin's border;¹¹⁷
Hearts bound by gratitude—his shrine;
The hand extending laurels—Catherine's;
His incense—thundering acclaim;
His life—of triumphs, blood an altar,
A sepulcher of dread and love.

60.

When through the mist of pitch-black night
The blood-hued moon extends its radiance
And Danube River's murky waves
Bear glints of blood and through the bushes
Surrounding Izmail winds howl
And groans are heard—what thinks the Turk?

61.

He trembles, and though eyes are closed
Can still see bayonets a-gleaming
Where forty thousand fallen Turks¹¹⁸
Lie all about the grave of Weismann.¹¹⁹
Their shadows come to haunt his dreams,
And Russians to their knees in blood!

62.

He trembles—and he turns his gaze
Faintheartedly to nearby places.
To heavens burning columns reach
From the Crimea's lands and waters!¹²⁰
He thinks again in Ochakov
His blood begins to flow and freeze.¹²¹

63.

But on a clear day, 'midst a calm sea,
When fishes go among the skies¹²²
And striped ensigns flutter gently;
When our ships with their swollen sails
Gleam white in distant estuaries,
What feeling wells up in the Russians?

64.

They are in raptures—but the Turks
Feel only dread and apprehension.
Their eyes know naught but moss and thorns,
While ours see blooming roses, laurels
In mausoleums to our chiefs—
The rulers of the shores and seas.

65.

Beneath a tree, by sunset's glow,
Love sits in pensive meditation.
A light spring breeze spreads everywhere
Her sweet voice singing to a zither.
Her pearl-like bosom heaving sighs
A hero's image animates.¹²³

66.

In morning when the sun's bright rays
The golden monument enkindle,
And deer lie overcome by sleep,
And vapor curls around the hillocks,
The old man come there reads inscribed:
"Potemkin's corpse is buried here!"

67.

The dust of Alcibiades!—¹²⁴
Do worms dare crawl about his head there?
And coming 'pon Achilles' helm
Does Tercitus¹²⁵ not fear to take it?—
Alas! If flesh and works decay,
Of what then is our glory made?

68.

'Tis Truth alone that gives out laurels,
Which Time can never cause to fade;
'Tis Truth alone the singers sing of,
The thunderings of whose sweet lyres
Will through eternity keep pealing:
The just alone have sacred idols.

69.

Pay heed now, worldly waterfalls!
O heads in turmoil with ambition!
Your sword is clean, your robes unsoiled
If Truth has been your love's devotion,
If your great goal has always been
To bring the world to happiness.

70.

Roar on, roar on, O waterfall!
As you reach to the very heavens.
Delight our hearing and our sight
With your bright sonorous cascading.
And in men's later memory
Live only with your beauty rare!

71.

Live on—and let it be that clouds
Pass seldom through your flowing waters,
And that in minds you be not dimmed
By darkest smoke and blazing thunder;¹²⁶
That all may love you near and far—
As wondrous as you are of use.

72.

And you, mother of waterfalls
O Suna! Raging northern river—
If from the heights the power is yours
To glitter—and, with dawn's red burning,
You boil and sow a sapphire rain,
A fire ablaze with purple color—

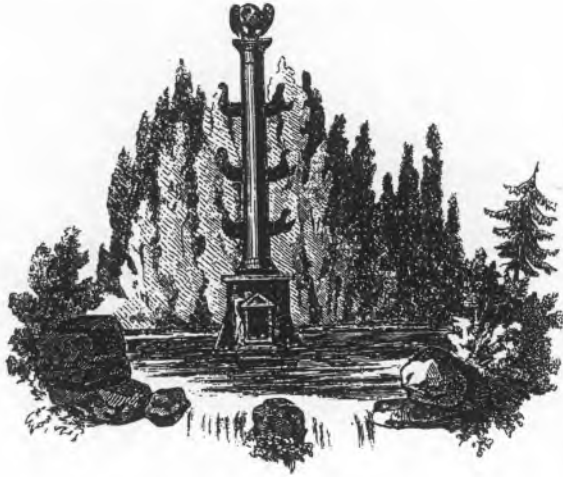
73.

Then when your flow is soft and tranquil
And you are even with yourself,
Not striving, swift, and ever gentle,
Translucent to your very depths,
Not foaming or in tumult stately,
Contained, but no less great and perfect

74.

And unalloyed by alien streams
You nourish shores in cornfields golden;
Your splendid course you then bestow
Upon Onega's luminous gathering.¹²⁷
Oh, what a spectacle to see!
How like the heavens are you now!

XIV. *An Outing at Saarskoe Selo.*¹²⁸

Derzhavin wrote this poem during the years of his service directly under the Empress Catherine II. The Empress frequently invited Derzhavin to stay at Saarskoe Selo, her favorite summer residence outside St. Petersburg. The name, of Finnish origin, was later changed to Tsarskoe Selo (the Tsars' village) and still later to Pushkin.¹²⁹ The poem recounts boating on the lake at this idyllic imperial park. Meditations on the beauty of nature are fused with recollections of Russia's military glory, inspired by statuary and commemorative pavilions scattered along the lake's shoreline.¹³⁰ The work's final lines are addressed to N. M. Karamzin, among whose many accomplishments is accounted the introduction to Russia of the Sentimentalist literary style.

As in English, trimeter is a relatively rare meter in Russian: our unrhymed version reproduces the original's alternation of masculine and feminine endings, rhymed *AbAbCdCd*, etc.

*An Outing
at Saarskoe Selo*

That day in May was bright,
And clement was the weather,
A long cool shade did lie
Along the glassy waters,
Which in their mirrored shores
Beamed images resplendent;
Here, by the colonnades,
Pavilions fair and stately,
Which Themis, by decree,¹³¹
Raised up to Russia's heroes,
Amid the calling swans,
In deep content, at leisure,
Upon the quiet eve,
Apart from all the others,
Plenira by my side,¹³²
Together in our rowboat
We fared on the lake:
She at the stern was nestled
While I amidships sat.
Our wake, a pearly streamlet,
Curled slowly, trailing us,
The oarstrokes rang like crystal;
What joy to me it was
To thus be with her faring!
    Beloved of my heart—
I cried to her—Plenira!
How you enthrall my soul,
You are this world's best treasure.
But glance—glance all about
And see how Nature's wonders
Around us seem to throng:
The waters gleam with silver,
The clouds like rubies glow,

The roofs are crimson-golden;
And like a fiery stream,
A clear, deep purple radiance
Envelops all the lake;
Behold, the fish are rising
And, gliding to the leas,
Are birds with wings ashimmer.

The Spring in every lieu
Directs to us Her gazes,
In newly greening glades
Spreads grassy carpets for us;
Now list, the horn-calls sound,
And hear their cheerful echo,
The whisper of the brooks,
The roses, sighing sweetness,
The softly beating wind
Now wings just by our hearing.

“What manna for the spirit!”
In rapture there I cried.
“How fair to see is Nature,
With these memorials
Here mirrored in the waters.
Where, perching not far off,
A nightingale is singing
To twilight, to the rose!
It seems therewith he renders
To God and to our Tsar
His gratitude: The Monarch—
For fealty to his folk;
The Lord —that He gave craving
For Love to human souls.
So you, by roses seated,
The son of vernal days,
Sing, Karamzin!¹³³—Your prose-air
Repeats the nightingale.

XV. *The Swallow*.¹³⁴

The Swallow is one of many “ornithological” poems Derzhavin composed (of which we offer four in this volume), and probably his most famous. It was originally composed both to celebrate his first wife, Catherine, whom the poet adored throughout her short life, and to serve as an emblem for the immortality of the poet’s own soul.¹³⁵ During the writing of the poem his wife was already gravely ill and the poet clearly foresaw the prospect of her death. Yet, following the Greek (and Russian) myth of the swallow’s temporary death during the winter and resurrection in the spring, Derzhavin originally ended his poem on a hopeful verse “I too then, I too shall arise.” The poem thus affirmed the immortality of all souls and, thereby, the likelihood of his soul’s reunion with his beloved partner after his own death. However, when Catherine indeed passed away, Derzhavin felt compelled to add another couplet to the text. Its new closure now reflected the poet’s tragic realization that his planned reunion with Plenira was unlikely, despite any assurance of immortality—such was the vastness of the divide that had now overtaken them.

In order to exactly reproduce the poem’s rich rhythmic variety of ternary trimeter lines,¹³⁶ which mimic the chirps and the various turns of a swallow’s flight, we have not rhymed the poem’s first part, but kept the original sequences of feminine/masculine endings.

The Swallow

O eaves-dweller, homesteader—Swallow!
Bird with the modest grey pinions!
Ruddy and white are your breastfeathers,
Summertime sojourner, song-warbler!
O'er rooftops you oftentimes carol,
You guard well your nestlings and sing,
Your winglets you beat and you shiver,
Your throat peal forth silvery tones.
And oft through the ether you circle,
There spirals you fearlessly trace;
Or stretch your swift flight o'er the valley,
Or soaring, sail up to the clouds.
And oftimes the waters reflect you,
In dawn's crimson fires you sport,
On shimmering, fathomless azure,
Flickering shadows—your path.
You often dart, flashing like lightning
First here and then instantly there;
Yourself are you ever unable
To spy out your own airy tracks,
And yet you perceive all Creation,
A carpet unrolling below:
There gilded with flame stands a steeple,
There fleets breast the silver-scaled waves;
There, groves in their garments so verdant,
There, furrows with bright crowns of grain,
There, hills and the distant blue forests,
There, midges rise up in a spire;
From cliffs to sea waters are curving,
There currents run, shores they caress.
All beauties of Nature you see here,
The summer's luxuriant shrine,
Yet also the black of the stormcloud,
The wearisome onset of Fall.

Then deep in the earth you take refuge,
In winter you freeze like the ice.
In shadow you lie without breathing—
Yet once the spring blossoms anew,
And roses again waft their fragrance,
You rise from your death-feigning sleep;
Arise, your eyes you will open
And drink the new life-giving ray;
Scythe-like, your gray wings outspreading,
You sing to the new-risen Sun.

O Soul of mine, through this world wending!
Art thou not this bird to mine eyes?—
Then, Lyre, sing of life never-ending!
I too then, I too shall arise:
    Arise—and in fathomless Ether
    Shalt see thee once more, my Plenira?

XVI. *An Invitation to Dinner*.¹³⁷

An Invitation to Dinner was composed in 1795 to commemorate a reception held at Derzhavin's St. Petersburg home. The poet's love of Horatian thematics is quite evident here; the transience of existence, the importance of friendship and of the temperate enjoyment of life's pleasures. Derzhavin's friend and patron, Count I. I. Shuvalov (cf. notes) is addressed here as Horace's interlocutor Maecenas. As he did in *On the Death of Prince Meshcherskii*, Derzhavin here addresses the theme of transience and the brevity of the human life-span. But the monstrous scythe-wielding spectre of Death featured in the earlier ode is here transformed—and somewhat softened—to an image of an unwelcome guest peering through the poet's courtyard fence. This striking trope, borrowed from Horace, is more in harmony with the work's overall philosophical tone.

The original is in iambic tetrameter, rhymed *a B a B c c D e e D*.

An Invitation to Dinner

From Sheksna's streams comes golden sturgeon,¹³⁸
White cream, red borscht adorn the plate,¹³⁹
Carafes of punch, wines sparkling, urgent,
Like ice aflame, they shine, await.
Pastilles pour fragrant smoke from caskets,
The fruit is laughing 'mid the baskets.
To breathe my servants do not dare,
As they expect you 'round the table.
The hostess, young in years, yet able,¹⁴⁰
Is waiting to conduct you there.

Come then, my long and true befriender,¹⁴¹
Who's worked my good these twenty years!
And grace my home; it could be grander—
Lacks silver, gold, and carved veneers—
Yet rich it is in taste and neatness,
Provided by my lady's sweetness

And by my open heart unfeigned.
From all your cares find sanctuary,
Come eat and drink your fill, make merry,
And dine where lurks no harmful taint.

Not those of rank I bade, or fortune,
To share my simple Russian meal,
But kindly souls did I importune,
Whilst he who works to my unweal
Shall not bear witness as we feast us,
But only you, my dear Maecenas;¹⁴²
Then come—with all these sweets be fed,
And let each hostile spirit vanish,
From off my door-step here be banished
The imprint of ill-wisher's tread.

Unto my friends I hereby proffer—
And unto Beauty—this fair day.
I value all the good life offers,
I know how swift it fades away;
No sooner does our youth come fleeting
Than at our gates old age is beating,
And Death is peering through the fence.
Alas!—cannot we seize the hours,
Make shift to twine ourselves with flowers,
And turn aside each mournful glance?

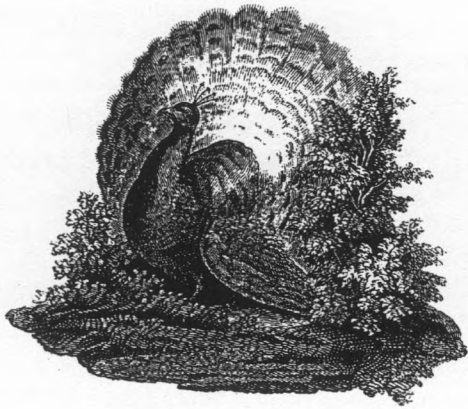
I've heard this mystery related,
That grief may sometime plague a king;
By day, by night he's agitated,
For all he's lord of everything.
For all his glory peals forth, thund'rous;
Alack! Will not a crown grow pond'rous
To one who's careworn all his days?
Here falsehood lurks, there vice sits winking;
He stands on guard, keeps watch unblinking,
Chained to the clock— a doleful case!

And thus, until inclement weather
These fair Arcadian days distress,
Felicity with its soft feather
Will soothe us with her sweet caress.
Til winter's winds blow chill and freezing,
The garden roses still are breathing,
To drink their scent we hasten forth.
So! We shall spend our lives at leisure,
Find comfort where we may, and pleasure—
And shape our cloak to suit our cloth.¹⁴³

If you, my friend, or any other
Invited guest dear to my heart,
In golden banquet halls would rather
Taste sweets confectioned for the Tsar,¹⁴⁴
Look not to me then for your dining,
Yet make good note of my opining:
In porphyry¹⁴⁵ not in the least—
Nor in sweet meats—lies satisfaction;
Good health and peace hold benefaction:
In moderation dwells the Feast.

XVII. *The Peacock*.¹⁴⁶

The peacock has served as an emblem of vanity and self-importance since ancient times. This poem, first published in 1795, bears a certain similarity to a description of the vainglorious bird found in Lomonosov's *Rhetoric*;¹⁴⁷ Lomonosov's text in its turn owes a debt to the *Naturalis Historica* of Pliny the Elder. Derzhavin's verses offer a generalized satirical comment on the folly of human vanity, but also very likely contain an *ad hominem* barb. In 1794 Derzhavin was appointed President of the Commerce Collegium (*Kommerts-kollegiia*) and was much troubled in this high office by the backbiting and obstruction of certain colleagues. One in particular, an official by the name of Tutolmin, was well known for his luxurious and ostentatious style of living. It is probable that Derzhavin's strutting peacock—"a master with no mind"—was intended as a recognizable portrait of this individual.

The poem's six-line stanzas, in iambic tetrameter, consist of four lines rhymed *a B a B*, followed by an unrhymed couplet.

The Peacock

What proud, magnificent creation
Is this, who fan-like spreads his tail?
Green feathers spark with jet lustration,
As pinions brilliant fringes trail,
Behind his breast endorsed with scaling
He lifts his round tail up as shield.

With hues cerulean-gray-azure
That flare his every feather's edge,
And cresting waves encircling shadow,
That grace his gilded silv'ry fledge,
He bows—and emeralds now shimmer!
He turns—and sapphires burn aflame!

Is not this then the feathered monarch,
The Fire-bird of Paradise,
Whose raiment all Creation honors
With worshipful, admiring eyes?
He steps—and rainbows play about him!
He stands—and rays of light abound!

Of course an eagle's strength and soaring
Must dwell in such resplendent wings;
A swan-like song, or trumpets' roaring
Will, doubtless, pour forth when he sings;
The pelican's most gentle virtue
Must nest within his heart and soul.

But whence this odd manifestation?
I hear the Peacock's ghastly shriek!
Our Phoenix dropped his fine plumation;
And glimpsed with fright his puny feet.
O Pomp! You blind those who see least—
A mindless master's such a beast.

XVIII. *Monument*.¹⁴⁸

This poem, first published in 1795 under the title *To My Muse. An Imitation of Horace*, is a free reworking of Horace's ode "To Melpomene" (*Odes*, book. 3, xxx). Since the posthumous publication of Pushkin's very similar poem, both have been widely referred to by the simple title *Monument* (*Pamiatnik*). Many poets since Horace have taken up this theme, asserting the timelessness and durability of their verse and their fame.¹⁴⁹ Derzhavin returns to the Horatian model perhaps more closely than most, staking his claim at least in part on his innovative use of language and style—as does Horace.¹⁵⁰ Yet, as opposed to his Russian predecessor in this vein, M. V. Lomonosov (first to translate "To Melpomene" in syllabotonic verse fifty years earlier), Derzhavin substitutes features of the Russian landscape for the Roman in order to assert his role as a national poet, indeed a poet of all Slavic nations (cf. verse 8). In contradistinction to Horace, who uses only two, he mentions fully seven major bodies of water (rivers and seas), which typify the Russian landscape. Thus this ode, which closes his first volume, is linked to all his poems in which water imagery is so pivotal (such as *The Spring*, *The Waterfall*, etc.), including his last poem, *On Transcience*, better known as *The River of Aeons*.¹⁵¹

Monument

I've raised my monument, a marvel everlasting,
More firm than bronze and loftier than the Pyramid;
The wind, the swiftly rolling thunder shall not blast it,
Nor shall its granite be by fleeting ages split.

Thus! —I shall never wholly die! My greater essence
Shall burst to life, escape decay's ensnaring seam,
And my acclaim shall grow apace, nor know senescence,
So long as Slavs are held on Earth in high esteem.

Thus word of me from White Sea unto Black shall travel,
Where Volga, Don, Neva now flow, Ural pours down,
And every member of the countless clans will marvel
How, from obscurity, my name received renown,

As one who first dared sing in playful Russian lyrics,
And praise Felitsa, fair and virtuous in deed,
In lauding God with open heart, to discourse freely,
And Truth—in face of kings—with candid smile to plead.

O Muse exult! In glory well-deserved, rejoice!
Should any thee despise, to them turn back their scorn,
With hand unhurried, gesture unconfined, unvoiced,
Anoint thy brow, and crown it with immortal dawn.

A 19th century monument to Catherine II in St. Petersburg, which displays in its second tier a statue of Derzhavin as one of several most important dignitaries during her reign.

PART IB: From the volume dedicated to Alexander I.¹⁵²

To His Imperial Highness
The Emperor Alexander I
Autocrat of all Russia

this work is with reverence dedicated by
the Author

We do not intend to endear ourselves to him by calling him the Highest being or a Divinity; as we are not speaking of a tyrant, but about a Citizen—not of a Lord, but about the Father of our Fatherland, who counts himself as our equal—yet the more he deigns to become our compeer, the more he thereby elevates each one of us.

Pliny To the Emperor Trajan

My Monarch!

With peace hast thou my lyre blest—hence this oblation
Of all its fairest blooms I lay before thy throne:
Imbibe their scent, and thus assure the warring nations
That thou art as Apollo by our Muses known.

XIX. *The Immortality of the Soul*.¹⁵³

The first two stanzas of *The Immortality of the Soul* were composed in 1785, the remainder a decade later. The poem, published separately in 1797, was included in the 1808 edition of Derzhavin's collected works, opening their second part. The Romantic poet and critic Adam Misckiewicz, speaking of Russian literature in 1841 before a Parisian audience, maintained that the third stanza of this ode epitomized a uniquely Slavic theological concept. In discussing human immortality Derzhavin speaks both of *dusha* (usually translated as "soul") and *dukh* (rendered as either "soul" or "spirit"). Misckiewicz asserts:

Here our poet conceives of the "spirit" [*dukh*] in accordance with truly Slavic ideas and sentiments; he does not accept the theory of the philosophers, which regards the intellect as the sublime part of the human entity; nor does he regard the soul and body as being separate. He says that the *dukh* exists in and of itself, that it is incarnate equally in the passions, the intellect and the heart—yet is not wholly contained by any of these organs.

And indeed Derzhavin distinguishes between the two concepts, asserting that the immortality of his own soul (*dusha*) is guaranteed by the immortality of the Spirit (*dukh*) which both pervades and transcends the body and the soul, as well as all creation.

The twenty-four octaves of *The Immortality of the Soul* rival *On the Death of Prince Meshcherskii* in the power and immediacy of their imagery. We preserve the original's iambic tetrameter, including the rhyme scheme *a B a B c D c D*.

The Immortality of the Soul

Be silent, unenlightened Legion,
Ye sightless sages of this world!—
O Truth Divine: from starry regions
Relate to me Thy secret Word!
Thus tell me: shall I live forever?
Shall my Soul know immortal Life?
The thunder from before the Ages
Replies: God lives—you cannot die!

2.

My Soul dies not but lives forever,
So shall it never make an end;
Just as the Father's rays, unsevered,
From the abyss to me extend.
God's Unity lives ever, glowing,
Through it all beings swirl and climb,
No matter whence these motes are flowing,
The Spirit lives—beyond all time.

3.

The Spirit subtle, strong, and bright'ning¹⁵⁴—
An instant here, whilst being there—
It flows much swifter than the lightning,
Intact at all times everywhere,
It lives, invisible, ineffable,
In memories, desires, thoughts,
Contained in Self and inexplicable,
It lives in me—within, without;

4.

The Spirit sensing and attending,
To know all things, to judge, conclude,
Like paltry dust the world unending
To measure, weigh its plenitude,
The roaring thunderbolts confronting,
To sail through the abyss of seas,
Across the air—its azure vaulting—
To scoop the light of Sol's own beams;

5.

The Spirit that can bind together
The time that's past with future sped,
That can imagine bliss eternal,
Whilst keeping counsel with the dead,
That is enthralled by Truth most peerless
And stands before th'Eternal Door.
Could by the scythe of Death such Spirit
Be felled to Earth, and live no more?

6.

How could this King of worlds astitial,
God of all elements and skies,
This Spirit, mind, and flame ethereal,
True icon form of the Divine,
Come with such glory into being,
Yet for an instant be alive,
And then be veiled in darkness dreary?
No, no! This could not be contrived.

7.

Why would the warrior thus mortal—
Not sensing the immortal Force—
Lay seige to raging Death's dark portal:
Unequal fight—uneven course;
Would not the tsar by might be blinded,
Could any judge withstand a bribe,
Would not a man succumb to passions,
Without the Spirit's strength inside?

8.

The One whose foresight speaks through prophets,
Through poets soars the lofty heights,
Unto the crowds sweet songs He proffers,
And makes the blind regain their sight;
This Spirit, unafraid in bondage,
To tyrants speaks the Truth He craves:
What fears might He—immortal—ponder,
When He shall live beyond the grave?

9.

Eternal Force, Her Wisdom wielding,
Unfolding Her most wondrous ways,
In earthly dust lodged Soul and Spirit—
Deep mystery—in me embraced,
So that each one becomes partaker
Of attributes the other owned:
Thus to this world its prudent Maker
Gave Godhead's sacred, deathless form.

10.

I am immortal!—this assurance
Is given even in my sleep,
Which seems to hold my mind in durance—
Yet still my Soul can act, and leap
To leave behind my body's cover,
Still resting silent in my berth,
And boldly make its way to hover
In cosmic dust above the Earth.

11.

If I compare my years departed
To sleep that's fled in rapid streams:
Do not such years, by Time discarded,
Appear again as bygone dreams?
Indeed it would be vain to number
The years I have in dreams revived,
Thus, when Death chains me in her slumber
My Soul shall surely stay alive.

12.

As Night falls when the Sun's beams vanish,
So Death is separate from Life;
And yet those rays, by Darkness banished,
Cannot be said thus to have died,
So when the Soul departs the Body:
It lives as long as Light can live;
Beyond decay, beyond Night's boundary,
Alive in its eternal Spring.

13.

On Earth I live—but through the azure
My thoughts on wings forever soar;
On Earth I die—but through the Ether
My song shall thunder out its chord.
O Poesy! Could you but capture
All colors of the solar rays—
Then like the moon at night, enraptured,
Would be my Soul 'til End of Days.

14.

If Soul does not live on, immortal,
Why then is man born to this world?
And why should virtue be exulted
If Soul is to destruction hurled?
To be a villain might be better,
Depose true kings, or break God's law,
If after Death these were no matter,
If all fell, equal, to Fate's maw.

15.

Ah, no!—If mortal flesh, decaying,
Could in its death-throe slay the Soul,
The Universe would have been shaken,
The Earth in blood and mirk would roll;
Thrones, kingdoms, cities would have fallen,
By Evil—crushed the victor's dawn;
Yet Spirit, its Reward befallen,
Will greet what Right immortal owned.

16.

And more than this our very passions
Are signs of our immortal Soul:
We thirst for glory, might, possessions;
Yet having once achieved them all—
No matter if the grave be gaping—
Anew we thirst, desiring more;
Our hopes take wing, all bonds escaping,
Ignoring Death as truthless lore.

17.

Bedewed with tears our dust will cover
The moss that overgrew our grave;
But from that dust will rise up fire
In him who reads the tomb's marked stave:
It will flash out—and in the heavens
The Phoenix shall renew its round.
All that is motion lives forever,
The Thought, the Soul that Spirit crowned.

18.

As fumes of sulphur, touched but lightly,
Will burst that instant into flame,
My thoughts to others' spark as brightly—
Nor may I then the blaze contain;
To follow after my example
Soon others boldly undertake:
Our cloud of deeds and thoughts is ample,
We trail an ever widening wake.

19.

And just as every seed that's planted
Yields always fruit that breeds its kind,
So every thought brings forth, implanted,
A deed sown in another's mind.
The ghosts of good and evil 'round us
Are ceaseless offsprings of such seeds;
From them, some light and others darkness
Receive into their lives, their deeds.

20.

My Soul is always blithe and tranquil,
Whenever what I do is good;
My Soul is dull and cheer is vanquished,
When I do something evil, crude:
Whence comes this contrast in sensation?
Do not our struggles waged, our lies,
Result from Flesh—the Earth's creation—
Whilst Spirit's nourished by the Skies?

21.

Why is it that, our senses sated,
Our Soul's still held in blank embrace?
Is it not true that worldly pleasures
To Her are vanity's false grace?
She knows another world, a fairer,
A dwelling-place of sure delights,
In which our God replies to prayers,
By the Immortal Peace He grants!

22.

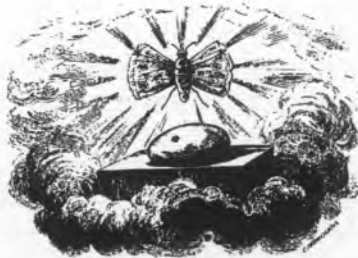
I see a righteous man who, straightened
By mortal chill, fills narrow bed—
To shade his visage Death has hastened;
Yet, as the dawn above his head
Unfolds its flames of Life eternal,
He suddenly uplifts his gaze,
Embraced at once by Earth maternal,
Surrenders with a smile, amazed.

23.

Like to the worm, its web once shedding,
Who as a butterfly new-formed,
Into the azure fields then heading
Upon his gleaming winglets soars,
Rejoicing in his splendid vestments,
To one bloom, then another binds:
Thus will not you, in heaven's vastness,
My Soul, immortal dwelling find?

24.

This then it is to live immortal—
To dwell forever in the One,
Subsumed by light beyond Death's portal,
Praise peace and joy, blessed by the Sun.
O gladness, ecstasy undying !
Shine out, o Hope, thy Light outpour
To me, from the abyss thus crying:
God lives—and likewise lives my Soul!

XX. *In Praise of Country Life*.¹⁵⁵

Derzhavin wrote this poem in 1798 as a free adaptation of Horace's famous *Second Epode*. By assimilating it to the specifics of life on a Russian country estate, Derzhavin made the tenor of Horace's philosophy akin and innate in the Russian context. This Derzhavinian assimilation of the famous Roman poet's diction was his first homage to this epode, which was to be followed a decade later by a far more substantial reworking of the Horatian theme in *To Eugene. Life at Zvanka* (also included in this volume).

The original is rendered in five-line iambic tetrameter stanzas, in which the first four are rhymed A b A b and the fifth, inevitably masculine, is occasionally rhymed with the first line of the succeeding stanza.

In Praise of Country Life

"His lot is blessed who, far from strife,
Like to the first-born of our bloodline,
Puts father's father's land to plow
With labor free—no hirelings,
Who works no oxen but his own.

2.

He is not roused from sleep to war
By clamour of the dreaded tocsin,¹⁵⁶
The sea wave holds for him no fear;
Chicanery does not embroil him,
Nor must he kowtow to the great.

3.

He rather in his orchard rests,
With blooming shrubs and herbs well planted,
Or, wielding well the pruning knife,
He to a wild tree's barren column
Engrafts and binds a fruitful slip;

4.

Or watches from afar his flocks
As, lowing, through the dells they wander;
Or fills with honey earthen jars
And seals them for the winter's keeping,
Or shears the fleece of all his sheep.

5.

And when proud Autumn in the fields
Rears up his head, crown'd with the harvest,
How gladly plucks the husbandman
His grafted clusters—gifts to Heaven,
Far richer than the purple's hue.

6.

He sometimes on the grass reclines,
Or underneath an ancient oak tree:
The forest is astir with game,
With brooklet flowing down the mountain,
And all induces him to rest.

7.

But when Jove roars from clouds on high,
And covers up the earth with snowdrift,
He follows close the tracks of prey,
And hunts the hare along the hillside;
Or with his pack surrounds the wolf;

8.

Or on the fields the fine-spun nets
For partridges he lays with cunning;
And sets the noose to snare the grouse:
How pleasant is it for the huntsman
To reap reward for labors past!

9.

But what of love? Shall its delights
Be overlooked by him, forgotten,
When, of his house the mistress fair —
Most thrifty and withal sweet-natured —
Makes family her chief concern?

10.

Observant of the ancient ways
That Russian womanhood yet honors,
She orders well the household's goods:
Her husband's home is warm, inviting,
He quits the hunt — the table's spread.

11.

There sits a jar of decent wine,
Both brewed and aged for Russian liking,
With sippets is the tankard full,¹⁵⁷
A gout of foam pours slowly downwards,¹⁵⁸
Cheese, bread and salt — the dinner waits!

12.

The soup-pot steams with fine, hot *shchi*,
Good home-smoked gammon crowns the table:
I sit with all my family,
Amongst whom I am counted master,
How very tasty is our fare!

13.

If I behold that roast of lamb,
So tender, fattened for St. Peter's;
The juicy head of garden greens;
The home *pirog*, with luscious mushrooms,
And dishes rich with milk and cheese:

14.

Then oysters, eaten rather high,¹⁵⁹
Or plates of mussels from the ocean,
Or frogs' legs, fricasses, ragouts,
With which the Frenchmen like to stuff us,
Can hold for me no further charms.

15.

How nice to view beyond the pane
The paddock full of fattened oxen:
And of our mares, our cows and sheep;
The yard's astir with bustling servants:
How cheering thus it is to dine!"

16.

So mused the landlord-absentee:
To rusticate he planned one evening,
But when his loans were all called in
He stayed a cit,¹⁶⁰ as was his custom,
And lent his money out again.

XXI. To Kapnist.¹⁶¹

Composed at about the same time as the preceding work, this poem reworks and transforms the 16th ode of Horace's second book. Here Derzhavin attempts to dissuade his friend, Vasilii Vasilievich Kapnist (1738-1823), from a proposed trip abroad, and from entanglement in the *vanitas* of fame and fortune, praising instead the virtues of contentment and the idyllic life to be found on Kapnist's estate Obukhovka. An intimate of the literary circle surrounding L'vov and Derzhavin, Kapnist is chiefly celebrated in Russian literary history as the author of the play *Chicanery* (Iabeda, 1798), a satire on judicial corruption generally viewed as a worthy precursor to Griboyedov's *Woe from Wit* (Gore ot uma, 1824) and Gogol's *Inspector General* (Revizor, 1836). Like Derzhavin Kapnist found in Horace a rich vein of poetic inspiration, producing numerous translations and personalized imitations of the Roman poet's works.

The original comprises ten octaves of iambic tetrameter, of which 1, 3, 5, 7, and 10 are rhymed *A b A b C d d C*, while 2, 4, 6, 8 and 9 are rhymed *a B a B c c D D*.

To Kapnist

For heavens calm the boatman prays
When caught upon the Caspian surges,
No moon, nor starlight greets his gaze;
He—blinded on the tempest's verges—
Awaits the terror of the blast.
For calm the timid Perse is yearning,
The Turk, the Russ, with conquest burning,
And Manchu, in his silken cast.

Seek peace—Kapnist, my friend—and quiet,
For which no silver purse nor gold
May be exchanged, no man may buy it,
For royal rank it is not sold;
Were all the world to yield its treasure
The Tsar himself might not yet measure
The price of peace, nor thereby chase
The cares that cluster at his gates.

That man is blest upon whose board,
Set neatly round, yet unencumbered,
His father's humble bread and salt
Is furnished forth; from whom sweet slumber
Is never reft; who scorns all pelf
Attained through greed and anxious striving;
Contentment finds him ever thriving
And rich beyond old Croesus' wealth.

Why then, our life of brief duration,
Should we flit ever here or there,
To other realms far from our nation
Caren, in flight from dullard care,
To warm ourselves in alien sunlight,
Fled from our father's warming hearth-site?
Who would his motherland forsake
Escapes himself in lonely wake.

The cares that trouble all, the ills
That follow us until we falter,
On ships that breast the billows' chills,
Or at the dashing war-steed's halter;
More swift than deer, or fleeting ray,
Or storms by which the clouds are driven:
They fly rapacious, unforgiven,
Torment the tribe of Man as prey.

O, to thy fate then make submission,
And of the future cease to sigh;
With joyful mind steer thy volition
To ease the grief you now descry.
Contented, man shuns all pretention,
He finds delight in moderation:
As in this life bliss unalloyed
May not by any be enjoyed.

The day of Zadunaiskii fled,
What though his deeds grace Russia's story!
Rymnitskii now in sorrow dwells;
A man whom Nature formed for glory
Now whiles away his dreary day:
What comes not to us, peradventure?
My destined lot the fates hold censured
From you, and keep you still at bay.)

When at Obukhovka are streaming
Your bleating flocks unto the meads,
And from the verdant hills are gleaming
Upon the glassy Psyol as beads;
Your oxen sleek, your brood mares pacing—
Set for your chariot's swift racing—
Shine forth as heroes of the plow:
Bright orchards throng with fruitful bough;

When there I see you in your garments
Of forest green, beside your lass,
Bedecked in purple shawl, most charming,
How sorrows from you swiftly pass;
As joys and laughter there arise,
With blameless rustic consolations,
As maidens hymn springtime oblations,
Then dullness cannot weigh your eyes.

Yet in Petropolis to dwell
Fate orders me and my Milena:
Grants us a manse, a garden *belle*
To cheer our life's unchanging *scena*,
And me some small gift as a bard
That I might speak by Truth emboldened:
May you too come to scorn the golden
Malicious, black-souled city crowd.

XXII. *The Bullfinch*.¹⁶²

This poem is a memorial to General A. V. Suvorov (1730-1800), who was noted for both his spectacular military victories and his own simplicity and unpretentiousness of character. Suvorov and Derzhavin, who were distant relatives, became close friends in St. Petersburg.

In his memoirs Derzhavin described the inspiration for this poem as follows: The poet had kept a trained bullfinch, who could whistle a military march. When Derzhavin returned home from Suvorov's funeral, the bullfinch began whistling the march. Derzhavin wrote the poem both to express his own grief at the loss of Suvorov and to describe and remember the qualities he most admired in the great general.¹⁶³

The poem's unusual dactylic tetrameter lines (with a consistent caesura preceding the last two feet) bring to mind a funeral march, which we have attempted to replicate exactly. The poem breaks this rhythmic pattern only in the second line of the concluding stanza, in which the poet breaks up the march tune to sharpen the focus on the sense of irretrievable loss expressed in the last lines.

The Bullfinch

Why do you strike up, bullfinch, your march tunes?
Piping this war chant on your sweet flute?
Whom shall we follow 'gainst the Hyena?¹⁶⁴
Where is our guide, our swift *Bogatyr*?
Where is our brave and mighty Suvorov?
Northlands' bold thunders rest in the grave.

Who shall, impassioned, 'fore our troops canter
Mounted on jade, sup crusts of dry bread,
Temper his sword in frost and in swelter,
Sleep on the straw, keep watch until dawn,
Vanquish now thousands, breach walls and portals,
With but a few Russians, conquer all foes?

Who shall be first in stern perseverance,
Down with jests—envy, with bayonets—spite,
Conquering Fate with God 's grace and prayer?
Who shall grant thrones, yet serve as a slave,
Striving and suffering purely for Glory?
Live for his Tsars, surrendering self?

In our world now lives no such giant:
Cease then your war march, dear blood-breasted finch!
Music of battle no longer can cheer us;
Heard are from all parts lyres' pained moans.
Heart of a lion, wings of an eagle—
Guard us no longer! Why then to war?

XXIII. *The Magic Lantern*.¹⁶⁵

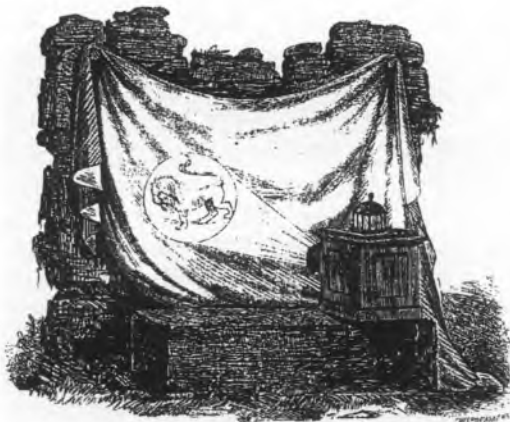
*And like the baseless fabric of this vision,
The cloud-capp'd tow'rs, the gorgeous palaces,
The solemn temples, the great globe itself,
Yea, all which it inherit, shall dissolve,
And, like this insubstantial pageant faded
Leave not a wrack behind. We are such stuff
As dreams are made on ...*

The striking poem *The Magic Lantern*, which strongly brings to mind these famous lines from *The Tempest*, was composed in 1803. Derzhavin had recently resigned—in some bitterness—from his position as Minister of Justice and notes in his diary that he wrote *Fonar'* “for my own consolation.”

A brief description of a traveling magic-lantern show prefaces eight tableaux. Each depicts a scene of earthly happiness or prosperity and each ends abruptly as disaster is about to strike.

The poem concludes with a meditation on the absurd unreality of the “insubstantial pageant” of existence. Derzhavin makes no reference to immortality in the Christian sense, and in fact the all-powerful mage who orchestrates the universe appears to be a capricious and indifferent deity. The stoic acceptance of life's transience which Derzhavin advocates here links this poem to such classically inspired works as *The Baths of Aristippus* and *An Invitation to Dinner*.

The abrupt alternation of longer and shorter iambic lines (which our present translations reproduce) admirably conveys the changing of the lantern's slides and the sudden darkness that follows each tableau. Stanzaic length and meter have been preserved and all italics in the text are Derzhavin's.

The Magic Lantern

I.

The thunder of an organ's pipes
Cuts through the peace of darkened field:
A luminous, enchanting lamp
Paints on the wall a brilliant orb,
And motley shadows move therein.
The wise and wonder-working mage,
With gestures of his staff, his eyes,
Creates — and then destroys them all.
Apace the townsmen gather round
To see these marvels at his hands.

2.

Appear!

And there came forth ...

The wild cave's monstrous denizen,
Emerging from its horrid shade

A lion comes.

He stands and with his paw he grooms
His gleaming mane. His tail he lashes

And his roar,

His gaze, like gales from mirky depths,
Or like a livid lightning bolt
That flashes through the forest, rumbles.

He roots and pounces, seeking prey,

And, through the trees,

He spies a peaceful grazing lamb:
His leap is made—his jaws agape...

No more! No more.

3.

Appear!

And there came forth ...

Along the smooth and glassy main,
The hour when dawn flings over all

Her rosy light,

Bewhiskered monarch of the seas,
The silver sturgeon, eyes aglow,

Comes forth,

Emerging from the water's depths.
His wing-like fins around him ripple,
He sports about the ocean's portals.
But up from the abyss there glides

A hideous beast.

Which, spouting, pipes forth rushing streams
And gapes his horrid, toothy jaws...

No more! No more.

4.

Appear!

And there came forth ...

Serene and verdant lie the dales
O'er which at noon a white swan soars.
    Beneath the clouds
He lets resound his cheering song.
The far-off vale, the glade, the hill,
    The rushing stream
Give back a hundred-fold reply.
But then, as swift as thunderbolt,
Upon his silvery pinions gliding,
The eagle with his grasping claws
    Stoops for his prey.
He rends and tears and beats his wings,
And snow-white swansdown falls to earth...
    No more! No more.

5.

Appear!

And there came forth ...

The sun has set, the evening dark
Reveals a host of burning stars
    In heaven's arc.
And fiery, fleeting meteors
Hurl downwards, in a glistening clew,
    From realms
On high: they cheer the watcher's gaze
Like warm and welcome firelight:
One falls upon a darkened house,
Borne thither by the wind: it catches —
    The town's ablaze!
A smoky, soot-black column rears,
And flames, like scarlet waves, pour forth...
    No more! No more.

6.

Appear!

And there came forth ...

Beset by cares and lust for gold,
The merchant at his tally beads
    Makes up his sums:
He grudges all his partners' gain
As he apports out the wares,
    And sleepless sits,
As hour by hour the voyage charts
He cons: surveys with greedy gaze
The ocean and its billowing waves,
Descrying there his distant ship.

    Through tears of joy he spies
Her sails and flags, her cannon's flare:
But near the warf — a hidden shoal...

No more! No more.

7.

Appear!

And there came forth ...

The worthy ploughman in his fields
Fears God and waits on Nature's will,
    Spare not his sweat;
In summer's heat the plough he follows,
Then supple well and stores the traces,
    And bides the season,
Awaiting increase from the seeds
That he with his own hand has sown.
The golden ears of wheat are full,
They bend and sway like ocean waves,
    And heaven's shade

Gives blessing to his honest toil;
A cloud then spills both hail and ruin...

No more! No more.

8.

Appear!

And there came forth ...

Young man and maiden, newly wed,
All golden, shining, shadowless,
    Their nuptial chains —
In Love's pure blessedness they drown;
A conquerer and suer both,
    The worthy groom
Now melts in ecstasy of love,
And to her charms surrenders all,
Forgetting there his former cares,
Salutes his lover's lips, her hands,
    And, through the veil,
His hand, outstretched, has grasped the prize;
Dame Death rears up with gleaming scythe...
    No more! No more.

9.

Appear!

And there came forth ...

The Son of Fortune, proud and bold¹⁶⁶
In spirit fully arrogant
    And adamant,
Has scattered all opposing banners
And round his brow has gathered,
    Encircled,
Green laurels culled from many lands,
And, kingly rights annihilating,
Now drunk with heady fumes of power,
In every tribe the people's sway
    Usurps;
He harks not to good subjects' groans,
But reaches out to claim the crown...
    No more! No more.

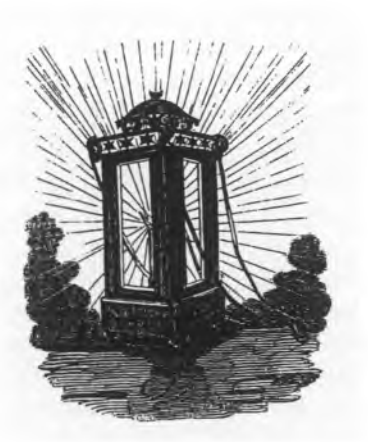
10.

Is not this world a magic play,
Wherein the lantern shadows change,
Enchanting and deceiving men?
Does not some lord or sorcerer
Or mighty mage divert himself
Thereby, his prowess vaunting,
As he with idle finger sets
The planets' course? Does he not call
All earthly creatures to behold
His dreams—and they but dreams themselves?

11.

Why, Man, so arrogant though mortal,
So ignorant for all your lore,
Now soaring in your reason's pride,
Now crawling, bug-like, in the dust,
Why chase thus after fortune's phantoms
Which flicker into sight and, passing,
Entice us to the fatal feast?
Were it not best to scorn their gleam,
And laud instead the Master's hand
That made this world so fair of sight?

We may be—nay, we shall be—then,
Unmoved observers of His works
Whose will directs obedient Fate.
Let other eyes admire our course,
And let His hand direct our way
Who sets the suns and stars aspin:
He knows their end as He knows ours!
He orders it—and I ascend;
He speaks — and I descend once more.
This world's but dreams: the Dreamer—God.

XXIV. *To Olenin.*¹⁶⁷

Alexei Nikolaevich Olenin was one of those promising young Russians sent abroad by Catherine the Great to acquire specialized knowledge. As a young man he spent five years in a Dresden artillery academy pursuing "military and literary studies." Life in the German city, since medieval times a center of the arts, undoubtedly developed Olenin's interests and talents in this area. As he later built a career that took him to the highest levels of the Russian government Olenin also pursued his avocation, serving for twenty years as president of the Academy of Arts. He was a long-time associate of L'vov, Derzhavin, and others of their circle.

In 1790 Olenin ornamented with original drawings a manuscript copy (sent to the Empress Catherine) of Derzhavin's triumphal ode celebrating the Russian conquest of Ismail. This work had been much admired by the Empress, who sent the poet a diamond snuffbox as a token of her appreciation. Years later Derzhavin, intending to have engravings made from Olenin's vignettes, borrowed the manuscript and sent it to a printing firm in London. When the English engravers quoted a price that Derzhavin thought extortionate he requested the manuscript's return. It arrived with its first page missing—hence this epistle, in which Derzhavin entreats Olenin to redraw the lost vignette.

To Olenin

Of Russia's mores, aspects, feelings—
Of my own verse—the isograph,
Whose art the Brits, from envy reeling,
Could hardly mimic, less engraph,
Whose works in ink, in chalk and charcoal
Show life as pantomime's masked marvel,
Olenin, dear! —Pray find some time
To keep your word—craft me a line.

Limn for me now a warrior, marching
In simple fearlessness of soul
To certain death, himself Death's archer;
And, in a word, show me the Ross:
Vesuvius ahead—flames flashing,
Above—sparks rain mid thunder's crashing,
Behind—where darkness veils his step—
The gates of Hercules lie swept!

To you alone the Ross turns, seeking
The spirit of his fatherland;
No recompense can one find reaping
His just reward from feeble hands.

For what the Titan's mighty figure
May clothe, except his true son's vigor,
His heir in strength of soul and frame?
All others' measures are too lame.

If Nature's hand or education
Give someone spirit, mind and taste,
Then neither rank, descent nor station,
Bar him the Muses to embrace.
Or is it but in bloody fraction,
Or, 'neath the Mirror, laws enacting,¹⁶⁸
Our sons must loyal torches lift?
No!—Curse the one who hides his gift.

Three daughters, born of spirits noblest,
The Heavens did resolve to send,
That light and beauty, and sweet solace,
Might o'er this darkling Earth extend;
The beauties, arm in arm enlacing,
With gentle gait and smiling faces,
Transverse the world—lo, in our age
They grace the North, as Peter spake.

May Poet's soul take up creation,
And Painter's art pour into life,
Let Minstrel quicken fair elation,
All to illumine their native tribe;
If we are then by Genius summoned,
Awakened with the dawn from slumber—
Is it not shame to hug your bed?
Let's rise to conquer Saturn's tread!

Throughout his creative history, Derzhavin saw country life as idyllic and dreamed of enjoying the freedom of life on his own estate away from the vanities at court. When in 1795 he married Dar'ia Alekseevna D'iakova, his second wife, Derzhavin was able to fulfill his wish. The Derzhavins began to spend summers at Dar'ia Alekseevna's country estate, Zvanka, which was located outside Novgorod. Zvanka became a living and lasting celebration of Derzhavin's intimate friendships and artistic aspirations. It also served as the inspiration for *To Eugene. Life at Zvanka*, which is far more than just a poem in the genre of the epistle of friendship. At times odic, at times descriptive or elegiacal, this poem speaks for the private strivings of the privileged Russians of his time, who aspired both to enjoy life and, in their own domains, to create an ideal that would endure into the future.

Derzhavin dedicated this epistle to Metropolitan Evgenii (Eugene) Bolkhovitinov (1767-1837), one of the most learned figures in the Russia of his day in both religious and secular matters. Derzhavin first made Bolkhovitinov's acquaintance when the latter requested biographical information for the *Dictionary of Russian Writers*, which he was engaged in composing at the time. After this first visit, Eugene frequently visited Derzhavin at Zvanka, and thereby became a great "witness to the songs" of the poet. In Derzhavin's latter years, the metropolitan offered his aid and critical opinion as the poet wrote his treatise on the art and functions of lyrical or odic poetry (*A Discourse on Lyrical Poetry, or the Ode*, 1811-14). In *To Eugene. Life at Zvanka*, Eugene provides the potential voice of History that—the poet hopes—will convey the harmonies of his life to future generations.

The poem is composed of 63 iambic quatrain stanzas (in each of which the first three lines are in hexameters and the last in tetrameter), rhymed AbAb. As noted in our short Derzhavin biography (pp 14-15), *Zvanka* is a poem dense with striking imagery, which should be the focus of any English translation. For this reason we confined ourselves to an unrhymed version in the early drafts; our final, rhymed, version was the natural result of the sheer power of Derzhavin's stanzaic tableaux.

To Eugene. Life at Zvanka

1.

Blest is that man who least depends on other men,
Whose life is free from debt and from capricious striving,
Who goeth not to court for praise, or gold to lend;
And shuns all vanities conniving!

2.

Why venture to Petropolis, if uncompelled,
Change space for closeness, liberty for locks and latches,
Live weighed with luxury and wealth, their siren spell,
Endure the gentry's quizzing glances?

3.

Can such a life compare with golden freedom here,
With Zvanka's solitude, with Zvanka's rest and quiet?
Abundance, health, sweet concord with my wife—and peace
To round my days—these I require.

4.

I rise from sleep and lift to heav'n my humble gaze;
My soul sings matins to the Lord of all creation;
I thank Him for the superflux of wondrous days,
Renewed now in this dawn's elation.

5.

When I review the days gone by, how pleased I am
That discontent's black serpent never gnawed my bosom;
What happiness I count it I abandoned Man,
Escaping thus Ambition's venom.

6.

Then breathing innocence, imbibing dewy cool,
I seek the crimson dawn, the sun as it arises,
Its scepter tracing out a lovely temple's pool
Amidst my lily-beds and roses.

7.

I see my doves with grains of wheat well fed,
Then watch them as they wheel their flight above the waters,
I view the many-colored songbirds, warbling in their nets,
And fowl which cloak the mead like snowfall.

8.

Nearby, I hearken to the shepherd's horn; aloft—
I hear a snipe; afar—the heath-cock's muffled drum call,
Below—the nightingale; now oriole peals forth,
Now horses neigh, now cattle bellow.

9.

As swallow on the roof begins her chirr, then scent
Of Manchu tea or Levant coffee wafting, prompts me,
I take my place at table—the gossip starts at once:
Of dreams we talk, of town and country,

10.

Or of the feats ascribed to those great men of yore
Whose portraits shine from golden frames upon the panels,
Preserving thus their days of fame—now kept as lore—
While sprucing up my drawing-chamber,

11.

In which same room, at morning or at even,
I read the Herald, save the broadsheets for tomorrow,
I revel in our Russia's might: each man—a hero,
Commanding general—Suvorov!

12.

In which, before the mistress, for the guests to praise,
They bring the divers fustians, homespuns, textiles, weavings,
And patterned samples of embroidered napkins, lace,
Of floor-cloths woven in the evenings.

13.

I see there, from the barns and hives, the cotes and ponds,
Rich gold in butter and in honeycombs on tree limbs,
In berries — royal purple, on mushrooms—velvet down,
And silver, in the bream atremble;

14.

Where, in the clinic having seen those ill or bruised,
Our surgeon comes, reporting of their health and sickness,
Then orders up their diet: for some it's bread and gruel,
For others wait his herbal mixtures.

15.

Where also sometimes on the tally-stick or beads
A bearded elder or fat miser from the village,
Sums up the treasury, the grain, provisions, deeds,
And smiles—a trickster's roguish grimace.

16.

And where, from time to time, young artisans will flock
To show their efforts, limned on canvas or on beech-planks,
And some receive a coin or other for their work,
    Mayhap a half a ruble, each one.

17.

And where, to chase off sleepiness before we sup,
We — sometimes with great vigor for the games, and ardor —
Take up the cards, play faro or at whist, set up
    For kopeck forfeits, never rendered.

18.

From thence I come into the Muses' sacred grove,
With Horace, Pindar, feasting with Olympians,
I raise my song to monarchs, friends, to realms above,
    Or tune my lyre to rustic paeon.

19.

Or in the glass of History, with wagging head,
I scan the furors, deeds of early days and late-times,
And see there nothing but the love of self inbred,
    Or petty brawls 'twixt man and mankind.

20.

"All striving after wind!" I, sighing, then opine;
But when I raise my eyes to see the noontide's splendor:
"How beauteous is Earth! Why is my soul weighed down?
    Our world's upheld by its Creator.

21.

And here on Earth, as in the Heaven's farthest trace,
His will be done, who lives and moves in all His creatures!
He sees into my heart's most secret, deepest place;
    And is my Fortune's guiding Teacher."

22.

The while, a crowd of peasant children gathers round:
For any of my thoughts they hardly make their visit,
But rather that each one may have a pretzel or a roll,
And learn their master's not a skinflint.¹⁷⁰

23.

And now my scribe must comb my botched and blotted page,
As shepherd combs his sheep for burdocks and for thistles,
To smooth the fleece—though no great thoughts do there engage—
Yet pebbles in their foil may glisten.¹⁷¹

24.

When noon has struck, the servants rush to dress the board;
The mistress leads our troop of guests to sit at table.
And to my gaze the varied dishes there award
A patterned garden, neatly angled.

25.

The crimson ham, green sorrel soup with yolks of gold,
The rose-gold pie, the cheese that's white, the crayfish scarlet,
The caviar, deep amber, black, the pike's stripes bold,
Its feather blue—delight the eyesight.

26.

Delight the eye, and joy to every sense impart;
Though not with glut, or spices brought from foreign harbors,
But with their pure and wholesome Russian heart:
Provisions native, fresh and healthful.

27.

When downing good Crimean or Don-region wine,
Or linden mead, blond beer from hops, or black beer spuming,¹⁷²
Our crimson brows a little fuddlement avow,
The talk is merry through the pudding.

28.

Then silently we rise, and Russia's nectar soars,¹⁷³
Ascends in sparkling, glowing streams up to the rafters,
We drink a thunderous toast: the health of our kind Tsar,
His wife, his royal heirs, his daughters.

29.

And now a sip or two of coffee, a nap perhaps;
Then playing chess or bowls, or bow and arrow aiming,
Or with the raquet lofting feathered shuttlecock,
I thus divert myself with gaming.

30.

Or from the crystal waters, pools 'mid sylvan meads,
(I stand in blessed shade, nor sun nor man observing),
Afar I hear the lads — at hand, the splashing maids,
And own a quickening in secret.

31.

Through optic glass, most picturesque of views I scry
Of my estates—on scrolls, the cities and the kingdoms
With forests and the seas—Earth's splendors all reside
In eye, displayed though cunning windows.

32.

By lantern's magic then I marvel at the stars,¹⁷⁴
They trace the billows' dark-blue wake in silent coursing:
In just this way, think I, ablaze do flow the suns,
Thus Wisdom's radiance endorsing.

33.

We watch as water thunders from the dam, cascades,
And fuels the mill that splits huge tree-trunks into lumber,
How seething flame twixt two cast-iron poles escapes,
As grinder, fed by steam then rumbles.

34.

Or eagerly we gaze on waves of pure-white fleece,
Which pour like snow through rows of pulleys, wheels and needles:
The weaving-looms knit yards of cloth and fluffy lace,
Thanks to the help of our Maria.¹⁷⁵

35.

We view the luster, hues diverse of silk and flax,
From our Czarina's precincts comes afresh their splendor;
Or see the rugged steel that melts as crimson wax,
When forged into bright shiny halberds.

36.

Then village warriors who shield our kingdom's realm,
Who race to join our troops in knightly garb, will thunder:
"We'd rather die for Russia's Faith, our Tsar, our home,
Than be enslaved by France's power."

37.

I sail along the river, or pace the shores on foot,
Or ride a droshki in my neighbors' train of wagons;¹⁷⁶
With lead we down the game, we bag the fish with hooks;
Then chase the hare with pack of greyhounds.

38.

Or pause and hear the rolling waves of black and green
As plows build mounds of turf; the grass is felled with sickles,
The gold of corn with scythes—the breeze, now spicy-sweet,
Wafts through the ranks of fair field-nymphets.

39.

Or watch a running cloud, its shadow ebon-hued,
And trace its flight o'er hay-stocks in the verdant pasture;
As off beyond the hills and groves of deepest blue,
The sun sinks down to find his lodging.

40.

Or, wayworn, we may seek the ricks' or oak-trees' shade,
Or, by the Volkhov's shore, we light a smoking bonfire,¹⁷⁷
And watch the splendid day spread out along the waves,
In open air, sip tea so fragrant.

41.

Diverting! Dories, men, and nets in lazy swarms
Float by, affrighting water-prey with gunwales drumming;¹⁷⁸
As boats are moved by sails, so haulers tug the barge,
Their song amid the tow-ropes humming.

42.

Sublime! The river's tranquil shores, its sloping leas—
As scattered hills, set here and there with simple boroughs,
Incline their ploughed and banded fields, their open meads,
And silent stand above the current.

43.

Most pleasant! How from far away the scythe-blade gleams,
How echoes roar beneath the mist of distant forests
From corps of harvesters in song: they quit the fields
As we ride from our ramble homewards.

44.

My shrine-like mansion burns, its window-glass ablaze
At twilight paints a golden dawn amidst the roses;
In front, the fountain's rays ascend in sparkling rain;
As distant band its tune composes.

45.

On holidays from iron muzzles thunder roars;
With lightning stars and glowing trees from pyrotechnics,
Whilst peasants and their wives drink wine and beer, in droves
They sing and dance to piping music.

46.

But growing weary of this rustic gaiety,
We take ourselves indoors, to capitol's amusements:
Compel our children to display their dazzling gifts
In singing, or in dance and music.¹⁷⁹

47.

As Cupids 'midst the Graces dress'd, or rural folk,
They romp, with Terpsichore and Thalia their muses,¹⁸⁰
Young shepherd plaits there flowered wreaths for his betrothed,
Entranced, we gaze in fond bemusement.

48.

Sporadic rumblings of the harp engulf our souls,
And blend with the pianoforte's pliant thunders —
The sense of harmony provides a mingling flow
Which holds intact the laws of Nature.

49.

Yet holiday or not, I often take my leave
To sit alone, atop the span of newel railing,
My gray head bending to the gusli's tunes at eve,¹⁸¹
I soar in cherished dreamworlds, sailing—

50.

What nimble thoughts do not then brim my sleep-drowned mind?
I see how all Time's dreams are swiftly flying,
The days roll on, the years, the roar of seas and wind,
And all the Zephyrs' gentle sighing.

51.

Ah! Seeking 'round, where may I find this fair day fled?
Great Catherine's radiance, her victories and valour?
And where the works of Paul? The sun is shrouded—hid!
An Eagle's flight who may foreshadow?¹⁸²

52.

To us, these Alexandrine years have seemed fair days;
Fit have they been to stir the tender strings upon the psalter;¹⁸³
And men have known the sweet felicity of peace,
Yet even now does threaten thunder.¹⁸⁴

53.

When will its bolts of lightning cease?—He only knows,
Who charts a destined course for all the spheres of heaven,
Who with His finger pilots them in ordered rows,
And wills them work for common welfare.

54.

He sees the root of each design, each fancy's flight,
Holds up to scorn the vanity of mankind foolish:
To some gives the day, from some withholds the light,
And so with ages—present, future.

55.

A fortress did He make of Russia's breast to stand
At Pultusk, Preisch-Eilau, against new Timur warring,¹⁸⁵
The gaze of youthful leaders there did wreaths command,
And dimmed was gray-haired Eagle's glory.¹⁸⁶

56.

And thus from night to night the brightest stars now blur;
What is this paltry life? My lyre is clay and mortal!
Alas! The dust of my remains shall be dispersed
From off this world by wings of Saturn.¹⁸⁷

57.

This house shall fall to ruin, its orchard blighted, bare,
And no one shall recall the very name of Zvanka;
From hollow yet shall flash the barn owl's flame-green stare,
And smoke will smolder from the hovel.¹⁸⁸

58.

Or mayhap not, Evgenii! You, who here have caught
The echo of my songs, shall mount to that dread summit,
Concealing deep within its bowels, its narrow vaults,
The tomb of warlord's bard or shaman,¹⁸⁹

59.

From which you'll hear, as peals of distant thunder roll,
The muffled rumbling of the damask gateposts' shiver,
And copper armor clashing 'neath the forest floor,
The clang of arrows in their quivers.

60.

Dear Pastor! You, perhaps, may seize your Staff again,
And strike my iron tomb, now overgrown with lichen,
Thus banish pallid Envy's coiling serpent den¹⁹⁰
From off my grave — into the chasm.

61.

You, marking not the turn of woeful days and blithe,
Nor yet the rise and fall of Fortune, gained or squandered,
You shall my name within the hearts of men revive
With Truth alone—through Clio's concord.¹⁹¹

62.

Beyond the gloom of of endless time, her Trumpet's call
Will hail again this place, where echoes of my lyre
Resounded like a rushing river over holms,
Ravines, and furrowed plains entire.

63.

You heard my songs—you with your pen shall rouse and warn
Our heirs from sleep, in that metropolis due Northward;
And whisper to the trav'ler, like a distant storm:
"Here dwelt God's bard—Felitsa's prophet."¹⁹²

XXVI. *The Swan*.¹⁹³

The Swan is Derzhavin's free adaptation of Horace's ode *To Maecenas* (Book II, Ode 20). In *The Immortality of the Soul*, which opens his second volume, Derzhavin describes a caterpillar's metamorphosis into a butterfly. *The Swan*, the volume's endpiece, features an analogous transformation. Here the poet himself is transmuted into a swan—again, an earth-born creature takes flight. Both poems draw on Horace, but if Horace describes only the poet's physical metamorphosis into a bird sacred to Apollo, Derzhavin's treatment of the theme, including the Pauline reference in stanza 2, intertwines the classical motive with the Christian notion of the immortality of the soul. In this sense *The Swan* is clearly connected with another of the poet's ornithological works, *The Swallow*. And, as in the poem *In Praise of Country Life*, the ode changes some of the details from Horace's original to fit Russian geography. *The Swan* also contains autobiographical references and, like Horace, Derzhavin feels that his immortality will be secured by the quality of his poetic achievements.

The Swan

To heights unknown I take my soaring
And free myself from Earthen guise;
My deathless Soul in Song outpouring,
I climb the wind— a Swan I rise.

By nature twinned in life unending,¹⁹⁴
I tarry not at Judgment's gates:
But leaving Envy low, ascending,
I scorn the gleam of earthly states.

'Tis so! Though my estate be common,
The Muses' love yet was my bride,
I rank not with the lords of Mammon,
Dame Death shall unto me subscribe.

The sepulcher shall not impound me,
My dust mid stars shall not be flung,
But like a shepherd's reed resounding,
I shall be heard in many tongues.

And lo, a cloak of down, like heather
Has overgrown this mortal wight;
My back is winged, my chest is feathered,
I glisten like a swan, snow-white.

I fly, I soar—beneath me drifting
I view the forests, seas—the World
That like a mount its peak uplifting,
Hears now my song raised to the Lord.¹⁹⁵

And from the Bugh to Kuril's Islands,¹⁹⁶
The White Sea to the Caspian strand,
Thus half the round world circumscribing,
The tribes that form the Russian land

Shall learn of me through countless ages;
The Slav, the Hun, the Scyth, and Finn,
And those now caught in warfare's rages¹⁹⁷
Shall point to me and all affirm:

"There soars the one whose strings' vibration
Sang in the language of the heart;
His Lyre preached peace unto the nations;
In mankind's joy he took delight."

Away with funeral oblations,
My friends! Ye Muses, spare your breath!
My spouse! Assume the veil of Patience!
Nor moan a corpse but feigning death.

Part IC: From *Anacreontic Songs*.¹⁹⁸

Derzhavin formed the intention of producing a volume of anacreontica as early as 1796,¹⁹⁹ and was to work on the project intermittently for a number of years. This was not due to any dearth of material—poems on anacreontic themes had been scattered throughout his published collections—but to Derzhavin's own dissatisfaction with his earlier efforts. During this period he both reworked early poems and produced many new ones. It was in fact a time of creative renewal for the poet. Moreover with this collection Derzhavin may have wished to broaden the public perception of him as primarily an odist. In his *Monument* (1795), it was as the author of the odes *Felitsa* and *God* that Derzhavin claimed his immortality, thus emphasizing his role as the civic and spiritual bard who spoke truth to monarchs and proclaimed the majesty of God. Yet in *The Swan* (1804), with which Derzhavin chose to conclude his Alexandrine volume, but which was written during the final stages of his work on the anacreontica, the poet asserts that he will be remembered rather as one who spoke "the language of the heart." In his preface Derzhavin states that one impetus to the production of this volume was his desire to demonstrate Russian's richness and versatility, in particular its capacity for the expression of "the very tenderest sentiments."²⁰⁰

Anacreontic Songs represents a significant genre transformation for Russian poetry. Derzhavin chose to publish all of these stylistically and thematically diverse works under the single rubric *pesni* (songs). To be sure, Derzhavin had his progenitors in this regard. In fact Sumarokov's school had also introduced anacreontic odes, poems on a "light," not necessarily erotic topic, usually written in less common meters (trochaic or iambic trimeters) and rarely rhymed.²⁰¹ But as he had done earlier with the Russian odic tradition, Derzhavin here expands and transforms both the anacreontic ode and the song, producing a unique collection, which Belinskii termed *zhemchuzhina russkoi liriki* (the pearl of Russian lyric poetry). Our selection attempts to show the thematic and stylistic richness of the volume, illustrating Belinsky's claim.

XXVII. *A Tribute to Lovely Women.*²⁰²

When his *Anacreontic Songs* appeared in 1804, the sixty-one year old poet joked that he had been forced by economic constraints to publish. His wife, Dar'ia Alekseevna, needed funds to create a garden on the grounds of their Petersburg residence—funds that he said the Muses must provide. This poem, which opens the cycle, is therefore dedicated to Dar'ia Alekseevna and to all lovely women.

As noted earlier, Derzhavin customarily began each volume of his works with a sacred ode and ended with a poem in the classical style on poetic immortality. However a sacred ode in the Christian spirit would clearly have been out of place heading this particular collection, substantially devoted to erotic poetry, and Derzhavin does not offer one here. At first glance this *Tribute* might seem a lightweight substitute, but in twenty lines Derzhavin manages a remarkable transition. He begins in a mood of lighthearted eroticism—the aged poet, aware that his physical charms have faded, somewhat wistfully hopes that beautiful women will accept his verses as a substitute. This playful gallantry dominates the poem's first fourteen lines. Then, beginning with the fifteenth, it is as if the poet drops the delicately painted smiling mask through which he has been speaking. No longer a faintly risible elderly roue, he appears as he really is—a venerable priest of Art, whose rites demand real and solemn sacrifice.

*A Tribute
To Lovely Women*

To you, o fair and youthful damsels,
In this small book I now uplift
The golden songs of Lel', the love-god,
To you and to my wife—a gift.
Powerless am I to please you
With my spear or with my bow.
Homely, aged, sadly charmless:
Poems be my obeisance now;
As in winter over snow-clad
Pastures in your sleighs you race,
Or in summer through the roses,
Leas or meadows softly pace,
No impress would my lips venture
Where your fair feet print the sod;
Yet I offer homage: passions,
Fires which Love's all-puissant God
Poured, with life itself, into me,
Kindling soul, igniting heart;
Snow and stone—alike spark-stricken—
'Neath my feet, who speed his art.

XXVIII. *On the Birth, in the North, of a Royal Scion.*²⁰³

The royal scion to whom this ode is dedicated is Alexander Pavlovich—born in 1777, son of Tsar Paul I and grandson of Catherine the Great—who was to assume the throne in 1801 as Alexander I.²⁰⁴ Derzhavin associates the birth of Alexander with the winter solstice and the sun's return to earth. The ode's opening lines consist of a striking evocation of Russian winter—the first such in Russian landscape poetry, later even more powerfully recalled in his *Autumn During the Siege of Ochakov*.²⁰⁵

The poem's placement opening a volume of anacreontica might strike one as odd, as its principal theme has little connection to this tradition. Yet the depiction of the gradual warming of nature after Alexander's birth links the poem to the resolution of oxymoronic imagery (spark-stricken snow, or the chill of old age heated by the fires of love) which the poet introduced in the initial offering, *To Lovely Women*, and thus it functions as a natural conduit to the anacreontica proper. Russia itself is personified here as a loving wet-nurse to the royal infant. Derzhavin uses the familiar motif of the bestowal of birth-gifts to didactic purpose, urging the future ruler to practice self-restraint and to keep his humanity.

On the Birth, in the North, of a Royal Scion

Boreas, with his fleece-white dreadlocks
And his beard of smoky grey,
Gave the heavenly spheres a shaking,
In his hands he siezed great clouds;
Down he sprinkled puffs of hoarfrost,
Snowy whirlwinds summoned up,
Spreading out his icy fetters,
Stilled the swiftly flowing streams.
All of Nature was a-tremble
At his wrath—that fierce old man;
Earth was rendered hard and flinty
By the coldness of his touch;
Beasts found refuge in their burrows,
Fish were hiding in the deeps,
All the feathered choirs fell silent,
Bees in hollow trees took cover;
Sylvan nymphs, now wan and weary,
Drowsed amongst their reeds and caves,
Satyrs now around their bonfires
Clustered, warming chilblained hands.
In this season, so inclement,
When old Boreas did rage,
Was there born a royal scion
In the Kingdom of the North
He was born—and at that moment
Did old Boreas cease his roar;
He drew breath— and savage winter
Fled the fields at Zephyr's hest;
He waxed strong— and lo, to springtime
Warmth the ruddy sun returned;
He cried out—and in sweet concord
Lyres replied throughout the land;
Infant hands he flung outspreading—
Lo, the sceptre he has grasped;

Thunderous melodies resounded,
And the North was bathed in light.
Rapt and marveling, I then witnessed
Portals of the Fates flung wide;
And I thought in stark amazement
This must mark a godling's birth.
Spirits from a radiant cloudbank
In the heavens downward flew;
And each spirit to the cradle
Of the newborn brought a gift:
One bestowed there bolts of thunder,
For the victories to come;
One brought arts and useful knowledge,
Fit adornments for his realm;
One brought riches and abundance,
One the radiance of rule;
One diversions and enjoyments,
One serenity and peace;
One brought beauty of the body,
One brought beauty of the soul;
One bestowed there God-like insight,
Reason, and a soaring mind.
In a word, they blessed him, off'ring
Every faculty and gift,
And each pow'r brought to perfection
Needful for a king of men;
But the last, who wished to waken
Virtue in the infant, said:
May you govern well your passions,
Hold the throne, yet be—a man!
All the spirits beat their pinions
In assent and all exclaimed:
Lo, a heavenly oblation
Has he chosen for the lad!
This, a gift for all creation,
This, a gift to crown the rest!

He who with it takes the sceptre
Shall be father to his land!
Then the Fates replied—A father,
And of monarchy the stamp!
Grove and mount took up the chorus:
He shall mournful hearts console!
Russia, thereupon enraptured,
Tearful torrents did unloose,
On Her knees did there obeisance,
Took the infant in her arms;
Raised him up and sweetly kissed him
On his breast, his eyes and lips;
In him wax both might and valor,
And his beauty grows apace.
All who see him straightway love him,
He has set all heats alight:
Prosper then, thou fairest infant!
Prosper, thou our demigod!
Prosper, make thy royal parents
Measure of thy every deed;
And in rivaling their Mother,
Emulate the very gods.

Catherine the Great died in 1796, and was succeeded by her son Paul. The new Tsar and his mother had strongly disliked each other, and Paul began his reign by undoing as much of her work as possible. His ill-will extended to the individuals she had especially favored and even places she had liked.

In *The Ruins* Derzhavin offers yet another allegorical description of Tsarskoe Selo (cf. *An Outing at Saarskoe Selo*), identifying the Empress' favorite residence with the island of Cyprus—in classical mythology a site sacred to Venus. A detailed description of Catherine/Venus and her lively court concludes with a lament on her death, the abandonment of her pleasure grounds, and the grief of "orphaned love." Love in this case cannot refer to Paul who had transferred his summer residence to Pavlovsk and abandoned her summer palace. If a referce may be attributed to any royal descendant, it would almost certainly be to Catherine's beloved grandson Alexander, who was to assume the throne in 1801 after his father's assassination. But far more clearly the poem is an expression of the poet's own passionate attachment to the Empress, whose death left him emotionally bereft.

This is yet another of Derzhavin's pioneering odes, in which the poet dispenses with stanzaic division, content to set off only the last six lines from the rest of the poem. Thus, compositionally *The Ruins* reminds one of *The Swallow*, in which the main body of undivided text is set off by a single hexain stanza which carries the poem's ultimate emotional charge. Thematically, however, this work also bears comparison with *To Eugene. Life at Zvanka*, in which the poet describes his own day unfolding—as Catherine's does here—from morning to evening. His Zvanka is similarly likened to a "shrine" surrounded by water, and his country feast is adorned by the royal colors of crimson and gold. If the poet is, like Catherine, the ruler of his idyllic domain, it is during the evening that he, again like her, turns pensive. He contemplates the meaning of his life's accomplishments and the *ruinous* fate that will befall his estate.²⁰⁷

The Ruins

Just here, on fair Cytherea's islet,
A peerless shrine was wont to stand—
The dome whereof, the cornices,
And pyramids all shone with gold.
Just here, blessed by the arching oak-trees,
There was a graven entryway
With verdant tapestry well curtained,
Into the inner shrine it led.
The idols here were duly warded,
And altars sweet with off'ring smoke,
Where gathered worlds, to make their prayers,
And monarchs paid their reverence.

For solitude would she come hither
Each morning at the break of dawn,
And write of how the world is governed
And of the way to rule men's hearts.
Then would the tables there be furnished,
Her devotees and maids await;
Then would pour forth the wealth of Croesus
In streams of silver and of gold.

Here plangent harps were wont to thunder,
And choirs of singers echoed them;
The while apart would sirens descant;
Their song, their verse were both so sweet
That hearts and minds were thereby spellbound.
From flagons did douce nectar pour,
And censers wafted forth their fragrance,
As zephyrs cooled the summer heat:
Winged regiments of graceful Hebes,
Both fair and zealous, waited there,
As she dispersed with gracious gesture
Ambrosia to all alike.
She then would sit, and take up discourse,
All hearts would then incline to her;
Arising, would she bow most sweetly,
Grace flowing from her countenance.

This grotto saw her oft at noontime
Reposing in the cool and shade;
And all apart with her sequestered
Came amorini, cupidons;
Here was her fair and pleasant Eden,
Abloom it was with dazzling flow'rs,
Here flowed beneath the azure's vaulting
Fair streams into a secret pool;
A theatre and swings awaited,
Gazebo's oriental bliss;
On this Parnassus Muses caroled,
And beasts for her diversion dwelt.

At games would she find here amusement,
And with a troop of comely nymphs
Upon a clement evening hour
She strolled with sylvan shepherd's crook;
She walked the meadows and the valleys,
Along the grass at water's edge,
By pathways through the roses winding.
And there she would entice a train

Of nymphs and cupidons to caper,
To play, and to disport themselves
Whilst harking to the pleasant trilling
Of reed and pipe, heard from afar.
They flew in gay abandon, whirling,
Made clamour with much merry wit;
Preened at their watery reflections,
And dwelt with joy within her gaze.

At times would they leave off their dances,
And canter on their well-loved mounts:
Or thinking then to plough the billows,
Would launch their boats on pearly streams.
The Cyprian goddess, crowned with myrtle,
Would laugh to see her children there,
Would gaze upon the floating swan-flocks
Who raised their wings in ecstasy,
Upon the dovecote, clad in silver,
That housed her favored blue-grey doves,
Upon the fish with eyes like rubies,
Which, many-colored, swam the pools;
Upon the dogs that she most favored,
Each with an upward curling tail,
That, chasing one another, scampered,
Swift darting through the little glade.

And then, her visage growing graver—
Upon the victors' monuments
She gazed: there was Alcides' statue,
Who slew the Hydra with his club;
And there her other valiant liege-men,
Who, heeding her commanding gaze,
Marched into battles dread and fearsome,
And there did many wondrous deeds:
By storm they strongholds took and vanquished,
Flotillas burned upon the seas,
Both thrones and kingdoms did they conquer,
Brought to her feet their captive kings.

Here would she mount the sloping staircase,
And to her private rooms retire,
Where gods themselves came at her bidding,
And where she ever closely kept
That cestus, made for her in heaven,
That showed, among the Graces set,
The image of that crafty daimon
Who gave her fortune and delight,
Success in all her undertakings,
Of peace proud trophies, spoils of war,
Who gave her joy and health, and laughter,
Who sent her dreams both light and sweet.
From this fair bow'r, like to Olympus,
Glowed nests of jasper and of pearls,
And many works by artists crafted
There gleamed as stars mid nightly clouds,
And her celestial charms thus echoed;
So she, in this place blessed and fair,
Shone like the Sun in its resplendence.

But of her here now naught remains,
The light of her enchantment's fled,
And all is darkness, emptiness;
All's perished and to dust is fallen;
A bleak dismay now chills the blood,
And all alone weeps orphaned Love.

XXX. *Longing* ²⁰⁸

My willow-booth in haste I entered
And saw: a fair youth sat within,
And there I heard how in his corner
He struck his steel with flint.

Through darkness, like a glowing river
A stream of sparks his hands poured down,
And in his cheeks fair roses quivered,
Like to a bright'ning dawn.

One spark then broke away unheeded,
And arcing fell upon my breast,
Into my heart—my soul it seeded;
I dared to draw no breath.

I fought to breathe, but, swooning, could not;
And from the spot could make no move:
I wished to flee, but my limbs would not—
Is this what men call love?

I love—but whom? Myself I know not.
Now fled enticing dreams may be;
But pain yet lingers from the moment
He threw his spark at me.

Give me your hand! My heart is yearning;
I long that you these flames might share;
Am I at fault? Then quench this burning:
My darling love, my dear.

XXXI. *To Angelica Kauffmann.*²⁰⁹

This poem is addressed to Maria Anna Catharina Angelica Kauffmann (1741-1807), Swiss-born neo-classical painter, known especially for her female portraits and depictions of classical scenes with female subjects. Early in her career a protegee of Sir Joshua Reynolds, she became a founding member of England's Royal Academy and executed commissions at a number of Europe's royal courts, including Catherine the Great's.

As in *To Olenin* (cf. above), or *To Tonci* (cf. below), Derzhavin here turns to a celebrated artist with an imagined commission to render the subject of his poetry in a way complementary to his own art.²¹⁰

The poem was composed in St. Petersburg to mark Derzhavin's marriage to D. A. Diakova (Jan. 31, 1795) and was commented by the poet as follows: "Here is described the portrait of the author's second wife, the work is addressed to Kauffmann, because that artist usually rendered her figures as tall and slender, with Grecian features, thus resembling the lady who occasioned the poem."

To Angelica Kauffmann

Artist of renown and glory,
Kauffmann, by the Muses loved!
Feeling, life and taste from Heaven
Have descended to your brush,
You have drawn the Greeks, the ancient
Goddesses and lovely maids;
If your priceless works permit it,
Give a mortal place therein—
Paint then my Milena's likeness,
Show the fairness of her face,
And her figure, slim and upright,
And her somewhat haughty brow;
May she seem like to Minerva
With her eyes of soft dove-gray,
And that first, sweet spark of passion
Deep within her soul ignite;
May she gaze on others coldly,
Give her love to me alone;
Let my heart which, chilled by sorrow,
With Plenira was entombed,
Be anew in her discovered,
And may I, her beauty's thrall,
Feel the hundredfold revival
Of fair youth within my soul.

XXXII. *The Fiery Spring*.²¹¹

From Derzhavin's annotations we learn that this poem was composed in St. Petersburg in 1797. He refers to it as a translation from the ancient Greek, and it is in fact a reworking of a Greek epigram. It is most probable that Derzhavin first encountered the theme in German thanks to its inclusion in Johann Gottfried Herder's collection *Blumen aus der griechischen Anthologie*. For English-speaking readers *The Fiery Spring* should immediately bring to mind Shakespeare's last two sonnets (153 and 154).

In all these traditions the anecdote varies only in details. Eros falls asleep on a grassy bank with his torch beside him: nymphs or maidens happen upon the sleeping Love-god, and determine to drown his torch in a nearby body of water, thus hoping to spare mortals—and themselves—the pain of love. Their altruistic plan fails however, as the water in turn becomes infused with the fires of passion and desire. In Shakespeare's summation, "...and this by that I prove: / Love's fire heats water, water cools not love."

The original is rendered in twelve lines of iambic tetrameter, rhymed *a B a B c c D D e F e F*.

The Fiery Spring

Beneath the arch of whispering poplars,
By bushes lay the Cyprian child,
Asleep beside the pearly waters
Where falls this spring. His torch the while
Lay there beside him, barely smold'ring.
Thereon came nymphs and found it, marv'ling:
They cried, "With this what must we do?
Come—drown his torch, deep in this pool
And quench the fire that burns our spirit!"
But lo! The Fount with foam now boils,
And to this day its burning streamlet
The limbs of bathing nymphs encoils.

XXXIII. *Russian Maidens*.²¹²

In this trochaic tetrameter address to Anacreon (a meter, by this time associated in Russia with folkloric themes and songs), Derzhavin translates the typical anacreontic ideal of feminine beauty into a Russian context. Derzhavin's Russian maidens are performing a spring dance, the *bychok* (the bull-calf). Well into modern times the Russian Church found it necessary to deplore the presistence of such pagan traditions. The lively meter of the poem conveys the rhythm of this joyful dance at the same time as Derzhavin masterfully reproduces its visual impact.²¹³ *The Gypsy Dance*—one of the poet's most famous works—which immediately follows below, again reproduces the rhythms of a dance, and provides a striking comparison to the trochees of *Russian Maidens* by its polymetric set of iambs and amphibrachs.

Russian Maidens

Have you seen, o bard of Teos,
Russian maidens in the spring,
As they train their vernal dances
To the rustic shepherd's pipe?
How, with eyes downcast, they trip it,
As their slippers keep the time,
Softly now their hands, their glances
Shift, and let their shoulders speak?
How upon each snow-white forehead
Golden ribbons catch the light,
How their breath each tender bosom
Swells, beneath its veil of pearls?
How their rosy blood is coursing
Through their slender dove-blue veins;
Have you spied the charming dimples
Love has carved upon their cheeks?
How their brows are black as sable,
How their gaze is full of fire,
How their laughing scorn abashes
Lion's soul and eagle's heart?
Had you seen these lovely damsels,
You would Grecian maids desert,
And upon his swooning pinions
Would your Eros be transfixed.

XXXIV. *The Gypsy Dance* ²¹⁴

Take up your guitar, Egypt's daughter
And strike up a song on the strings;
Consumed by the flame of your ardor,
Release all the joy your dance brings.
Set souls ablaze, all hearts ignite
With dusky face so bright.

This richness and wildness of passion,
The throb of the nerves, love's sweet swoon,
The sorcerous art that you fashion
These Bacchic enchantments renew.
Set souls ablaze, all hearts ignite
With dusky face so bright.

As Night—flash your cheeks' deep aurora,
As Wind—with your shawl stir the dust,
A bird—wing your dance to me, soaring,
And shriek as you clap, palms out-thrust.
Set souls ablaze, all hearts ignite
With dusky face so bright.

At nighttime beneath pine grove's branches,
Where full moon pours down pallid gleam,
Your step over each gravestone dances—
Awake those who sleep from Death's dream.

Set souls ablaze, all hearts ignite
With dusky face so bright.

Your fearsome "Evoe!"—call out, howling,
And echo the hounds from above;
Then pour forth your din, wildly growling,
Yet sing— to the lustful—of love.

Set souls ablaze, all hearts ignite
With dusky face so bright.

But cease and be done! O fair Bacchant,
The modest Muse no more affright;
With gracefull mien, calm and triumphant,
Now dance as a Russian maid might.

Set souls ablaze, all hearts ignite,
Set tender bard alight.

XXXV. *Chains*.²¹⁵

The poem was, according to Derzhavin "written at Zvanka in 1797 on the occasion of the loss by Anna Mikhailovna Bakunina of a necklace she was wearing while riding." It is one of the many celebrations of domestic life in the country, which culminated in his masterpiece *To Eugene. Life at Zvanka*. Note the Petropolis—Zvanka opposition (in line 8), which anticipates the opening section of the latter work, composed a decade later.

The original comprises three quatrains of iambic hexameter, rhymed *AbAb*.

Chains

Lament no more, my dear, that you by chance let fall
Those precious chains which lately were your beauties' guerdon:
For Freedom's jewel is prized and treasured over all;
And shackles, though they be of gold, are yet a burden.

Thus learn that sacred liberty is passing sweet,
Here freely choose your way, as meadow breezes canter,
Take flight then through these groves, scoop up the cool of streams;
And own—Petropolis can never rival Zvanka.

If Nature should, in days to come, give her decree
That of Another's shackles you must be the bearer,
Take care that Love those fetters all of blossoms weave;
Though Freedom's prized, such bondage to the heart is dearer.

XXXVI. *To Sappho*.²¹⁶

To Sappho, one of the many variants Derzhavin composed on Sapphic themes, also belongs to the complex of poems he wrote on the meaning of the death of his beloved first wife, Catherine. If in *The Swallow* (see above) the poet masterfully expressed the metaphysical destiny of his wife's soul and the cosmic divide separating it from his own, in this poem Derzhavin reflects on the physical bond that held them together.

Composed shortly after Catherine's death (July 15, 1794), the poem underwent several redactions until its final format of three iambic tetrameter octaves, rhymed *a B a B c D c D*.

To Sappho

When, idle harp in hand once siezing,
Would you your lover's passion praise,
Those notes, calm, sonorous, and pleasing,
Would linger, as they sang the sway
That love enthroned held o'er your spirit.
But when your mind bred shadows, fears,
Then strident tones would flow in torrents,
Like rumblings when a tempest nears.

Then as your rose-white fingers banded
The strings, and sounding chords rang forth,
Your flame-black visage grew more candid,
And lightning crowned the thunder's wrath:
It flashed, with searing flames destroying
The inmost temple of my soul;
Then death, its pallid chill deploying,
Would quicken me to hear your song.

Lived I, like Phaon, at your pleasure,²¹⁷
Knew I that flame within my blood,
In passionate and fiery measure,
Would I give voice unto my love.
Then might from my all-puissant lyre
Cool Zephyr waft and thunder rise,
As you your love's, might I Plenira's
Brief life—and death—in song reprise.

XXXVII. *To Tonci*.²¹⁸

This poem is addressed to the artist who created perhaps the most famous representation of Derzhavin, graphically reproduced and described at the outset of this volume. Salvadore Tonci, renamed in Russia Nikolai Ivanovich Tonchi, was an Italian-born painter, poet, philosopher and musician who came to Russia shortly after the fall of Polish independence in 1798, having briefly served the last Polish king, Stanislaw Poniatowski.

According to Derzhavin some of his friends advised him to sit for the portrait in full uniform with all his medals and honors, whereas others advised him to follow the example of the ancients and be depicted as he was "in real life." The artist asked the poet to decide the question, which Derzhavin did in this poem in stanzas 4 and 5. Tonci then followed the poet's wishes and executed in 1801 an oil portrait of G. R. Derzhavin, which became the poet's favorite representation of his own visage. (See the frontispiece for Tonci's interpretation of these Derzhavin's stanzas). It hung during Derzhavin's life in his St. Petersburg mansion's dining room and was admired by many of Derzhavin's contemporaries. S. T. Aksakov, who was one of the many visitors to Derzhavin's home, insisted that "two water drops couldn't be more similar to each other than this portrait was to Derzhavin."

Tonci's original is now in the Trediakovsky Gallery in Moscow.²¹⁹ As opposed to our engraved version, one can see in it a distant dawn and Derzhavin's footsteps in the snow, which Tonci himself felt to be among the painting's most important features. These footsteps were apparently meant to express the poet's wish (contained in stanza 4) to be shown outdoors as if guided ("led on" in our translation) by Nature alone—a very Romantic notion, indeed.

To Tonci.

Immortal Tonci, thou, I hear
Dost limn my likeness in such manner,
And set it down with such great skill,
That might great Homer, Aristedes,
Wise Socrates, with Cato too,
And their posterity astonish;
That 'neath my thinning grizzle gleaming,
My portrait well reveal the man.

Yet balding pate or powdered wig,
A toga, or snug regimentals,
Does all *thy* greatness lie in such?
No! Wisdom, and the Muse's favor—
These things create what fame we own.
O, if but Truth bestow its blessing,
And Fame, with single ray, illumine—
No matter then what garb I don.

Thus, master, painter—*philosophe!*
Record me clad in wond'rous garments,
As thy skill may; but shrine there too
The love I earned from men of wisdom,
And if the very greatest still
Must weaknesses and faults acknowledge,
See thou forget not to include them,
That Spite may see them there, and smile.

Or no—perhaps 'twere best to draw
My crudest and most natural aspect;
In bitter frost, with fiery soul,
In shaggy cap, my coat unfastened;
And out of doors—led on by Nature
To best the weather, waves and cliffsides,
In token of my icy homeland,
My great-great forefather Bagrim.

My spouse and friends do not afright,
Give me of tenderness a little,
That I might still caress a child,
And yet be stern when duty beckons.
That fire may seethe within my blood
Yet my eyes' gleam bespeak a softness;
Thus may I set fair maids to sighing—
If only for Platonic love.

XXXVIII. *A Crown Of Immortality*.²²⁰

As the endpiece for his *Anacreontic Songs* Derzhavin chose this work, a free reworking of the first poem in the classical anacreontic cycle. In both poems the lyric persona encounters Anacreon in a dream and describes the hale old man's undiminished enthusiasm for wine and sensual amusements. The ancient poet concludes by putting on his own head a wreath that Anacreon doffs and which "reek[s] of Anacreon himself." This garland, assumed in a dream, transforms the poet in his turn into a devotee of Bacchus and Eros. "And from that time even up to now," he confesses, "I have never ceased to love."

Derzhavin's version (composed of nine trochaic tetrameter quatrains, rhymed *a B a B*), while preserving the depiction of Anacreon's remarkable vitality and sensuality into old age, nevertheless gives this material a different emphasis. His Anacreon, while pursuing pleasure and laughter, effortlessly produces songs which earn him the laurel wreath of poetic immortality. It is this wreath to which Derzhavin's persona aspires and which he—it is implied—will also attain. The last stanza of this poem turns from the classical world to Russian reality: Derzhavin's poet, far from Anacreon's palm-trees, writes sitting by the stove in frosty weather. It has been suggested that Pushkin had this moment in mind (in addition to taking up the key verse line in *To Eugene. Life at Zvanka*), as he composed his *Autumn*, a translation of which is included in the present volume.

A Crown Of Immortality

With Anácreon I held converse
In a pleasant dream of late,
'Neath a sultry, radiant heaven,
In the palm trees' shade we met.

Graces, cupids, were about him,
Bacchus' golden brotherhood,
Fair Bathyllus—crowned with roses,
All these traipsed through grove and wood.

Nodding at the swirling maidens
Set his hoary locks to dance,
Gazing on their snowy bosoms,
Trading glance for fiery glance.

Or, his shoulders now reclining
On the soft rose blooms he'd bask,
And his burning lips would lower
To the golden honey-flask.

Or some tender young disciple
Absently would stroke—although
Still his gazes, rapt, attentive,
Follow where the maidens go.

Emperors besought his presence,
Golden talents would they send,
Summoned him to grace their feasting,
Wished to call the poet friend.

But he valued peace, love, freedom
Over rank and worldly praise;
Round-dance, games and wild rejoicing
With fair maidens filled his days.

Talking with them, sporting with them,
Would he jest, sing songs and sigh;
Jesting thus, the deathless laurel
Garland wrested from on high.

Laugh with me then, Russian fair ones,
That I dared, in frost and fire,
By the hob, like Teos' singer,
To a poet's wreath aspire.

Part 1D: From Other Volumes and Later Years.²²¹

СОЧИНЕНІЯ
И. И. ПУЖАВИНА.
Часть V.

62 Санктпетербургъ
1816 г. Лодж.

XXXIX. *Corruptible and Incorruptible*.²²²

The ode *Corruptible and Incorruptible* was written on the 12th of October 1813 at Zvanka to mark the death of the great Russian general Kutuzov (whose character and military genius were to be much later unforgettably depicted in Count L. N. Tolstoy's *War and Peace*). As in *On the Death of Prince Meshchersky* composed thirty-odd years earlier, Derzhavin's odic persona makes the occasion of a demise the springboard for meditations on the ultimate destiny of the soul. Here, combined with the praise due to the virtues of a "good and valiant warrior" and national hero, we find in question-response format an affirmation of faith in the soul's immortality.²²³

The original comprises seven ten-line stanzas of iambic tetrameter, rhymed *a B a B c c D e e D*.

Corruptible and Incorruptible

Resplendent knight, pure light-beams bending,
Encompassing all worlds to see,
Thou castest beams in Life's course wending,
Upon the ether, earth and sea,
O wondrous conquerer of darkness,
Of all our dread —fear's mortal harness!
Why, Daystar, is your visage grayed?
By mists thy golden greaves are shielded,
Clouds dim your helm that flames once gilded,
No darts within your quiver wait!

The forests and the hilltops distant
Are overcast with deep-blue shade;
The grassy dales, the uplands verdant,
Are veiled now by a pallid haze;
The silent flowers earthwards creeping
Bedewed with tears, stand mute and weeping;
There, lightning distant skies display;
The winds are shrieking, thunder pealing.
This image—nature thus concealing—
Can this prefigure death, decay?

He who is now entombed in reverence,
The saviour of our native Earth,
A hero, crowned with laurels' radiance—
This too—an image of Life's dearth?
The virtues noble and enlightened,
The honors won by heart ignited,
The glory sung in recent days,
The high esteem of royal station,
With gratitude from all the nation
Undying—must all this decay?

The pained laments, the sighs and groaning;
So many hearts bear mourning's rift,
They—hymns and threnodies intoning—
Their gaze to the Creator lift,
Along with ardent supplications
That sue for peace and consolation,
(Through which the dead and those alive,
The Firmament and Earth, forever
Commune)—must all decay, dis sever?
No Immortality?—Alas!

Not so. God conquers death's abysm,
Gives justice, and eternal Life.
In deathless light, beyond our wisdom
He moves his finger, ending strife,
Divides the evil from the righteous—
The first to dark, the last to brightness
He brings. All Heaven's realms he sways.
Vice shall not from the dust recover,
But o'er eternity shall hover
The Virtue beamed from God's own gaze.

The immortal lives in mortal garment.
I see the heavens open wide:
And in the azure—distant, lambent—
A beauty not to be described!
Is not this th' Almighty's dwelling,
Whence endless springs of Life are swelling?
Now rapture claims my soul and mind!
I see a nightless Sun pervading!
I hear the Harmony unfading—
The Universe its ear inclined:

Come then, o good and valiant warrior!
Ascend thy deathless, radiant throne;
Full worthy of My kingdom art thou,
The Godhead thou didst ever own.
Replete with love for fellow humans,
Thine enemies thou, weeping, slewest
In thy dear Fatherland's defence,
For shedding blood was not thy pleasure.
Thou Tsar didst serve: yet knew thy measure—
Advance to Life, Prince of Smolensk!

XL. *The Baths of Aristippus*.²²⁴

Derzhavin in this poem celebrates the life and philosophy of Aristippus of Cyrene. A confederate of Socrates, Aristippus is associated with the Cyreniac school of philosophers who held that physical sensation is the basis of all knowledge and that pleasurable sense-impressions and the enjoyment of the present moment are the supreme good. Ancient sources have much to say of his luxurious and hedonistic mode of life. Yet the independent character and self-sufficiency of the philosopher are also attested in the well-known anecdote concerning a gift—of three lovely maidens—sent to him by Dionysius of Syracuse. Aristippus thanked the monarch but returned the maidens.

In this and other works on classical themes Derzhavin makes both oblique and concrete references to his own enjoyment—well into old age—of the pleasures available to a Russian landowner on his estate. *The Baths of Aristippus*, originally entitled *Bania*, is a case in point: throughout the poem the character of Aristippus is used by Derzhavin as a convenient mask through which the poet expresses his own sensations experienced in his prime.²²⁵

The poem ended originally with stanza eleven, which retells the Dionysian incident. Stanza twelve, which abruptly introduces a certain skepticism about the Epicurean virtue lauded throughout the poem, was added by Derzhavin later. It is here that Derzhavin speaks as an old man, in contradistinction to Aristippus who was young when he refused Dionysius's temptation. Thus the final version of this classical poem, so close in spirit to the anacreontica, concludes with a minimally disguised biblical reference in the last verse.

The original is in iambic tetrameter, rhymed *a B a B c c D e e D*.

The Baths of Aristippus

1.

O what are ye, pure joys Arcadian?²²⁶
Fair Tempean vale, Hesperides?²²⁷
Cytherian sports and blithesome laughter,²²⁸
And all these myriad hidden routs
Amid the groves and shadowed caverns,
Amid the blooms and crystal freshets—
Compared to Aristippus' house?
See how its walls enfold contentment,
With liberty and restful quiet,
See how he quaffs the cup of bliss!

2.

The wise man leads a life of pleasure,
Of joy in all that Nature gives.
He does not live in idle stupor,
Nor pine for riches, should he lack;
A sage contents himself with little;
Dwells lawfully amongst the lawless;
He honors valor, vice he scorns,
With every man he lives in concord,
Yet only for the just saves friendship—
This wisdom Aristippus taught!

3.

Behold! The sage is in his bathhouse,
That shrine of luxury and taste!
The couch is strewn with sweet rose blossoms;
Like incense, like a filmy mist,
Transparent curtains, circling, floating,
Invite the gaze from out this chamber.
The while, a gentle gust wafts in,
And from the rock-cleft to the basin
A noisy, flame-bright streamlet rushes
Through library and sleeping room.

4.

The sage reclines, and storied paintings
From great Apelles' brush he sees:²²⁹
Here Hercules in battle triumphs,
And, smiling, Socrates imbibes
The hemlock; here Anacreon's banquets
Are shown, and there Apollo banished,
As, god on earth, his flocks he tends,
And tunes his pipes to Muses' measures,
With rose-red tints the milkmaids' blushes:
Serenity his brow adorns.

5.

Or now the myrtle grove by moonlight
Espies the sage, whilst in the brook
The naiads and their sportive splashing
Assault the ear—their distant mirth
Rolls through the glades like laughing thunder,
As crystal droplets gild their figures.
Their beauty flashes in the murk—
The grey-beard watches through his casement,
And yet the naiads' modest virtue
By his fixed gaze is unabashed.

6.

And here, within the nearby chamber
Are gathered all his learned friends:
They see a volume on a lectern;
Bespectacled and sunk in thought
They sit, by poetry enraptured.
His daughter, meanwhile, at the zither
Intones his verse amid the phials;
And wisdom's voice the livelier carries
From maiden's rosy lips outpouring,
Like honey from a golden comb.

7.

"O mortals! —young Arete carols—²³⁰
Since that you wander through this land,
Make haste to try all earthly pleasures:
Of human life the course is brief.
Time's sweetest gift to us is pleasure;
A burden oft is royal station,
And even Beauty fails to move.
In all this is but one true blessing:
To please the soul with sweet sensation,
For all the rest is—*vanitas*.

8.

There is no evil in enjoyment,
The evil is—to yield to vice.
We should not hold as wise the person
Who is deprived of self-control.
But if we give the body pleasure
And feed the soul with sweets of virtue,
Why should we fear Jove's thunderbolt?
For living life is man created
His element is joy, providing
His passions he can keep in check.

9.

And he—so well content and happy—
Should not neglect his fellow man,
Or, contemplating good, do nothing,
But remedy supply at once.
By this the wise man is distinguished!
Can luxury corrupt his spirit
If, beard adorned with precious myrrh,
And, summoned to the royal chambers,
He rises up to aid the orphan
And comforts him, and dries his tears?

10.

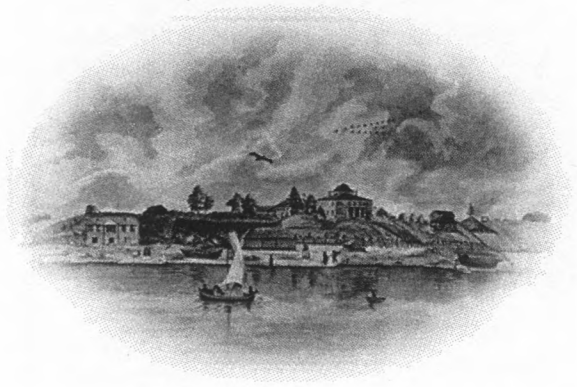
Are these things vice: a laden table,
 Sweet viands, fragrant wine, rare plate,
 Do not they banish gloomy feelings,
 Give strength to health and amity,
 And let good friends repose in comfort?
*'When well-fed troops are gorged with fatness
 Will hungry dogs begin to howl?'*
 A sage himself alone restraining
 Awaits Dame Death—a guest expected—
 And twists his mustache, lost in thought."²³¹

11.

Here suddenly the singer pauses—
 From Dionysus three maids come,
 Each born to tempt a man's proud spirit
 Locks black as night, with moon-like cheeks
 And eyes as blue as vaults of heaven:
 Aurora's glow on lips, on visage,
 And mounds of fruit kept near their breasts
 They offer with themselves for cooling.
 "Hail Caesar for these gifts—he uttered —
 But now be gone: I am a sage."

12.

What?—No, my sage! Make quick confession
 That you in frailty vaunt your strength—
 How dare you pride yourself, now toothless,
 In being chaste? Lust's lure, I grant,
 Can make a slave of any mortal,
 And even lowborn man is blessed
 Whose will can master his desire!
 Yet for the rich man to be pious?—
 An eagle, wings outspread in soaring,
 Will sooner thread the needle's eye.

XLI. *Zlogor, Volkhv of Novgorod.*²³²

In the late 18th and early 19th centuries a vogue for literary works in the folkloric style and on folkloric subjects swept Europe, Russia included. The Romantics did not—as the Neo-Classacists had—worship Greek and Roman antiquity above all else, often despising their own native cultures as barbaric and uncivilized. Rather, they turned to those forgotten cultures as to a powerful source of creative inspiration. In Russia as elsewhere men of letters trolled dusty archives for gems of their people's earliest literature and, following the example of Germany's Grimm brothers, traveled about recording remnants of oral tradition as dictated to them by a bemused peasantry.

Derzhavin had no need to travel far afield in search of such material. Indeed, his own estate, his beloved *Zvanka*, provided a rich source of such ancient lore, as is evidenced by *Zlogor, Volkhv of Novgorod* (1813). According to legend, *Zlogor* was a *volkhv*—a sorcerer or pagan shaman—who held sway in the Novgorod region in the early Middle Ages, and a *kurgan* said to be his tomb was in fact located at *Zvanka*.²³³

Zlogor, Volkhv of Novgorod

(CHORUS)

Boyán's disciple, grey-haired skald!
Arise o'er Vólkhov's sombrous river,
And let your harpstrings newly quiver
With ancient lays and lore recalled—
Freed from the dust of past resplendence—
Bemuse with wonders your descendants;
Bring on your harp old deeds to sight,
From darkness strike them with new light!

(SKALD)

Hearken! From his dwelling in the southlands
Came Odin to the land of midnight sun,
With him came Véles, and Zlogór the shaman,
Whose funeral libations flowed so free
They formed a river, ever since hight Vólkhov;
This river's currents lap his funeral mound,
They writhe and twist like snake with scales of silver,
They circle, like the raven or the owl.

Thus he, once spewed from out the bowels of Tophet,
A creature fashioned of demonic guile,
Yet scion of the Slavic tribe, and magus
Within its fortress, by his arts did blind
The people's eyes with conjurings and visions;
From time to time would he transform himself,
Appear as thunder, lightning, wind or rainstorm.
A crocodile—their volkhv, their prince, their priest.

By force and fear of him did he inspirit
The ignorant to bow to black-horned god—
To vile Perún—instead of unto Heaven,
And with their prayers bring sacrifice in blood;
But such as would refuse to make their off'rings
He and his offspring, lurking 'neath the streams
Of swift Nevá, Ilmén' and deepest Mshága,
Shelón or Ládoga, would drown, and thus destroy.

(CHORUS)

Boyán's disciple, grey-haired skald!
Arise o'er Vólkhov's sombrous river,
And let your harpstrings newly quiver
With ancient lays and lore recalled—
Freed from the dust of past splendence—
Bemuse with wonders your descendants;
Bring on your harp old deeds to sight,
From darkness strike them with new light!

(SKALD)

To shrive Zlogór's black soul came hell-born demons,
But still so fearsome was his powers' fame,
That when he died, good people of the northlands
Made sure to lay him face-down on his bier,
And hide him there as well as they were able.
So that the tyrant might not harm them more,
They drove down through his heart a stake of aspen,
Then piled atop his grave a ponderous mound.

Yet even when his earthly life was ended
Zlogor did not cease making mischief here—
As to this day you may hear tales related
By goodwives and by aged crones alike.
Deceits he wove, cabals he brewed and discord,
And was the pet of many a worthy dame;
Full well he knew their cellars and their turrets,
As birdlike he went flitting through the house.

Kikimora herself could never spy him;
He took his ease curled up upon the stove,
And oft would he the meal set by for evening
Devour, with great gnashing of his teeth.
Or in the night, much to the master's wonder,
He'd force a nag to gallop league on league;
He'd weave and plait his favorite horse's forelock
And bind its waving tail into a club.

(CHORUS)

Boyán's disciple, grey-haired skald!
Arise o'er Vólkhov's sombrous river,
And let your harpstrings newly quiver
With ancient lays and lore recalled—
Freed from the dust of past resplendence—
Bemuse with wonders your descendants;
Bring on your harp old deeds to sight,
From darkness strike them with new light!

(SKALD)

Vadim and all the people were incited
'Gainst Gostomysel by Zlogor himself,
And thus between the Slav and the Varangian
Was strife ignited, in despite of sense;
He also was it that forbade Dobrynia
To baptize all the folk of Novgorod,
To raise up holy altars on the hilltops,
And then to drown their idols in the streams.

Next would he Yaroslav the Wise have hindered
From setting forth the Code of Russian Law,
Then bade the folk to draw in heavy oxcart
Unto the veche, in good Marfa's stead,
That spiteful crone Yagá, the crafty Bába—
That evil witch—with iron pestle swift.
And at Khutinsky Abbey he attempted
To burn Iván the Dread with flames from hell.

So to this day he plays his pranks at Zvanka,
Weaves fantasies of shadows in the night:
He creeps down to the Volkhov with the moonrise,
In golden moonbeams paints there hills and trees;
His visage, bending down, is limned in brightness
With trailing dreadlocks, and with snow-white beard,
He flickers in the current—or, reposing
In darkness 'neath his mound, like thunder snores.

XLII. *To Polyhymnia.*²³⁴

This supremely passionate poem is a work of Derzhavin's old age, composed in 1816, the year of his death. It was addressed to A. S. Sturdza, a young woman of Greek and Russian descent then serving as lady-in-waiting to the Empress Elizaveta Alekseevna. Attending a St. Petersburg soiree one evening, Derzhavin was deeply moved by her recitation, from memory, of his own ode *God*. His response to the occasion was *To Polyhymnia*, wherein he identifies the young woman both with Sappho and with Polyhymnia, the Muse of sacred poetry.

One of Derzhavin's nieces records in her diary that she visited the ailing poet shortly before his death and, in an attempt to raise his spirits, offered to read to him a selection from his recently published collected works. He surprised her by requesting *To Polyhymnia*, in her words "a minor ode in the Greek taste." It is clear that the poem had a much greater significance for Derzhavin. In fact it is his last work dealing with poetic immortality (aside from the small masterpiece *On Transience* found scribbled on the little writing board after his death) and as such rightly stands beside such works as the *Monument*, *The Swan*, and *The Crown of Immortality*.

We have attempted to replicate as exactly as possible Derzhavin's own complex rhythmic rendering, superimposed onto the dactylic trimeter metric core of this poem.

To Polyhymnia

Muse of Ellada, fiery Sappho,
Boreal climes' Polyhymnia!
That sweet-sounding harp, is it thine?
Those strings spun of gold, are they thine,
Which, lightning-like, strike to my soul,
Which thunder with thunder so soft,
Shatter in pieces my breast!

Or, o crimson-cheeked, ebony-tressed,
Maiden with agate-hued eyes!
Do you pour from your rose-colored lips
The modes of Aeolian poets,
Their ancient, most wise, stately chants?
I hark to your murmuring currents—
Drown in that harmony's flood!

Thus, thou, Russo-Hellenic *Charis*!
You seated yourself by my side,
With the hand of a Poet you touched me,
Your breath and mine mingling as one,
My hymn praising God you declaimed—
Kindling my heart with your flame—
Tears the while pouring like rain!

And if one more moment had lasted
Your chant, so celestial, ringing,
My life, like the reed, you had scorched.
In rapture then would I have melted,
Drunk with your beauty and youth,
Had— my bliss not supporting—
Perished, consumed by my love.

Though Age, so white-grey and so cold,
Having raised up her shield of pale bone—
Darts from your eyes thus deflecting—
Then in worship to fall at your feet
Sternly and strictly forbade me,
And I fled you: No matter, your gaze—
Flashing through ice—flames still in me.

Firing my fancy, your beauty enchants,
Ah! Like the Sun it awakes from within!
Hearing in you my own Muse's expression,
I feel how this dream—so seductive—
Infuses my soul to its fullness
Echoes my Song with your song:
I am and shall be immortal!

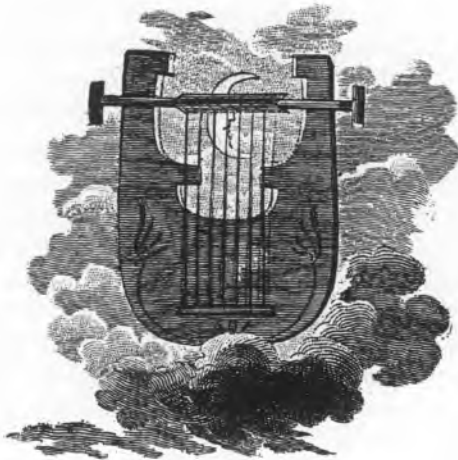
XLIII. In lieu of the Epitaph: *On Transience* (Na tlennost').²³⁵

Better known to Russian readers by its opening words, *The River Of Ages...* (Reka vremen...), the poem was written a few days, or perhaps hours, before Derzhavin's death on 8 July, 1816. Revisiting the *vanitas vanitatum* theme from *Ecclesiastes*, Derzhavin here—as in *The Waterfall* and other works—takes the image of flowing water as his central focus. When read in its normal progression, the poem presents a morbid view of the fate of all human endeavors, expressly the poet's own (by its allusion to the lyre and the trumpet standing for the varied modes of his poetry). Yet an alternative message arises in its acrostic, discovered by M. Halle.²³⁶ Formed by the first letters of each line, it reads: "Ruina chti," perhaps best translated as "Honor the Ruin" or, ignoring the syntax and the word division, either as "ruinhail" or "ruinread."

There is little doubt that Derzhavin chose the word "ruin" to stand for his own persona which, when embedded in the *River of Ages*, would represent the most lasting and grand monument to the meaning of his poetry, withstanding—like a Sphinx, or perhaps the "four-tiered mount" from the *Waterfall*—eternity itself. Given the importance of this last poem, Derzhavin's widow, Darya, donated the little writing board on which it was scribbled to the then just opened Imperial Public Library in St. Petersburg, in which it is located to this day.

In its original version, the poem was written in iambic tetrameter (rhymed *a B a B c D c D*), as is offered in my translation, here. However, the poem's innate power has stimulated the contributors to this volume to offer seven additional variations on the last lines of Derzhavin's poetry, included in the endnotes.²³⁷

Relentless River, coursing ages,
Usurps all works of mortal hands;
It sinks all worlds, in darkness rages:
Naught shall be saved—not kings, nor lands.
Should any trace endure an hour
Through Lyre's chord or Trumpet's call,
Obscured it drowns, by Time devoured,
Purged of its form—the Fate of all...

(An engraving of a Lyre accompanying each volume of Derzhavin's *Works*, 1808-16.)

APPENDIX to Part 1:

A. S. Pushkin

*Three Dialogues
with
G. R. Derzhavin*

(A silhouette of A. S. Pushkin by I. Il'in, 1949)

ПРОГРАММА

Открытаго испытанія Воспитанникамъ начальнаго
курса Императорскаго Царскосельскаго Лицѣя
Генваря 4 и 8 дня 1815 года.

Предмѣты испытанія

4 го Генваря.

- I. Законъ Божій
- II. Логика
- III. Географія
- IV. Исторія
- V. Немѣцкій языкъ

8 го Генваря.

- VI. Нравоученіе
- VII Латинскій языкъ
- VIII Французскій языкъ
- IX. Математика
- X. Физика
- XI. Россійскій языкъ

Подробнѣйшее показаніе вышеозначенныхъ предмѣтовъ.

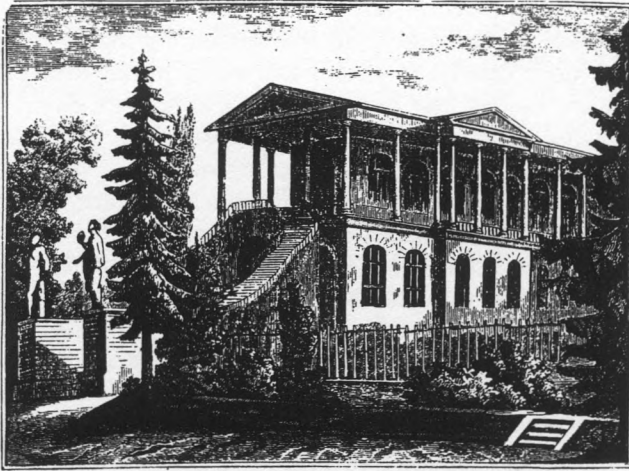
XI.

Россійскій языкъ.

1. Разныя роды слоговъ и украшеніе рѣчи.
2. Краткая литература краснорѣчія въ Россіи.
3. Славянская Грамматика.
4. Чтеніе собственныхъ сочиненій.

Воспитанники могутъ быть спрашиваемы посетителями и
Профессорами обо всѣхъ вышеозначенныхъ предмѣтахъ.

Въ заключеніе, показаны будутъ опыты воспитанниковъ въ
рисованіи, чистописаніи, фехтованіи и панцованіи.

A. S. Pushkin: Three Dialogues with Derzhavin

That Derzhavin did successfully erect a bridge to the directly succeeding epoch is signified by the fact that he was invited to sit in on the final examination conducted at Tsarskoe Selo Lycee on January 8, 1815 (old style). At this examination Derzhavin heard the fifteen-year-old Alexander Sergeevich Pushkin, then a rising star in Russian poetry, declaim a meditative poem devoted to Tsarskoe Selo. Derzhavin is rumored to have been moved to tears and to have asked for a copy of the verses to be given to him. (This sole handwritten copy of the poem remained in the Derzhavin archive until the twentieth century, when it was removed and attached to the archive holding most of Pushkin's major poetry). In fact, Pushkin was so moved by the attention given to his still green yet already accomplished poetry, that he fled from the exam after the reading, apparently overcome by shyness in the presence of Russia's reigning premier poet, who had become an emblem of the epoch in which he lived.

Reminiscences at Tsarskoe Selo, composed when Pushkin was only fifteen, has entered Russian literary culture enshrined in the familiar story recounted above. And indeed, the Derzhavinian poetic legacy reflected in this early work is strikingly clear. Tone, imagery, lexicon—all echo or pay tribute to the elder poet. Moreover, Derzhavin is mentioned by name as master of the “thund’rous lyre” which had sung paens to a previous generation’s heroes, the great men of Catherine’s day. Pushkin had been much too young to participate directly in Russia’s epic struggle with the Napoleonic invasion. But those stirring events—particularly the fall of Pushkin’s birthplace, Moscow, in 1812, followed by the eventual rout and slaughter of the “Grand Army of the Republic”—engendered great patriotic fervor in his generation. In the final stanza of *Reminiscences*, the young poet himself seems to play a double role. He is at once the (new) “Muse-inspired skald of Russia” and a “warrior yet untried,” eager for feats of the sword as well as the pen: Derzhavin’s future rival. In order to reproduce the text which was *in fact* read in front of Derzhavin, our version reinstates the two stanzas (#2 and #21), which were subsequently (in 1819) dropped by Pushkin from its final redaction.

Autumn,²³⁹ composed in 1833 at Pushkin’s estate Boldino, takes as its epigraph a line from Derzhavin’s masterwork *To Eugene. Life at Zvanka*. In fact, *Autumn* is traditionally viewed as Pushkin’s jewel of “estate poetry,” created in direct response to *Zvanka*, inspiring one critic to suggest an alternate title for it: “To Derzhavin. Life at Boldino.” But as opposed to Derzhavin’s chronotopic sense of *Zvanka* (displayed in his detailed narration of the sights, sounds and events encountered in the progression of a single day on his estate), Pushkin never mentions his equally beloved Boldino, choosing to emphasize the turn of the seasons as they affect his creative process—naming autumn as his most beloved (“The autumn is my time”). Thus, if Derzhavin’s emphasis lies in celebrating the place which inspires his imagination, Pushkin clearly focuses on the season, as his title suggests. Yet, paradoxically, both poets in the throes of inspired creativity find themselves gripped by somber questions about the meaning of that creativity: “What nimble thoughts do not then brim my sleep-drowned mind?” observes Derzhavin’s persona as he sits in solitude after an event-filled country day, and it is this evocative line which serves as Pushkin’s point of departure.

Though Pushkin's poem, rendered in the Romantic genre of the *fragment*, is in many ways a far cry from Derzhavin's much longer epistle, it concludes not with an affirmation of Pushkin's poetic immortality, but with another unanswered question: "Where shall we sail?" In their respective contexts both questions are unanswerable and approach the realm of the absurd. Derzhavin, after describing the magnificence of his day at Zvanka and posing his question, is overcome by a prophetic vision of his beloved estate's decay and eventual disappearance; his only hope is for the rebirth of his poetic voice through his friend Eugene, its agent for posterity. Pushkin, who begins with Derzhavin's query, concludes with a question that no longer engages only Derzhavin's epigraph. Rather it draws his prospective reader into an even more uncertain future.

Pushkin's *Exegi Monumentum*,²⁴⁰ composed in 1836 but not published in his lifetime, is also a clear response to Derzhavin's *Monument*, written over four decades earlier. It matches Derzhavin's version in the number of stanzas and in meter, clearly choosing Derzhavin's text and not only Horace's as its point of departure. Just as in Derzhavin, the geographic realm over which Pushkin claims that verse will hold sway is Russia, but unlike the former (who took pride in his reformation of the tenets of Russian verse as well as his fearless honesty in speaking truth to Tsars), Pushkin asserts his own claim to greatness based on his lyre's service to humane ideas and to the cause of freedom for the oppressed and the fallen. Derzhavin was to have over twenty years to revise this vision of his poetry's meaning, and he composed several other works on the theme, including *The Swan*, *The Crown of Immortality*, *To Polyhymnia*, and *On Transience* (all entered in the present volume). Pushkin was fated to leave *Exegi Monumentum* as his sole testament in this vein to posterity.

Воспоминанія въ Царскомъ селѣ

Нависъ покровъ утрюмой^{1.234} ноши,
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
В безмолвной тишинѣ почилъ доль и роши,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лесъ,
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.

(I)

Нависъ покровъ утрюмой ноши
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
В безмолвной тишинѣ почилъ доль и роши,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лесъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ

(II)

Плыветъ — и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вдругъ;
Алеи древнихъ липъ открылись предъ очами
Проглянули и холмъ, и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополемъ сплелась младая ива
И отразилась въ кристалѣ зыбкихъ водъ;
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтеть.

I.

Reminiscences at Tsarskoe Selo

The herb — what herb was it?
 The vaulted dome of slumbering heave!
 In mute tranquility were vale and glades reposing,
 The distant wood was gray with haze;
 But faintly heard: a streamlet through the oak-shade coursing,
 But faintly felt: a breath of wind within its leaves,
 The quiet moon, like to a swan proud and majestic,
 Was sailing through the silver clouds.

(I)

The pall of gloomy night enshrouded
 The vaulted dome of slumbering heav'n;
 In mute tranquility were vale and glades reposing,
 The distant wood was gray with haze;
 But faintly heard: a streamlet through the oak-shade coursing,
 But faintly felt: a breath of wind within its leaves,
 The quiet moon, like to a swan proud and majestic,
 Was sailing through the silver clouds.

(II)

It sailed—its pallid beams illumined
 All that the eye encompassed here;
 And ancient linden alleys to my sight unfolded
 A view of distant hill and mead!
 I here beheld the slender willow twine the poplar
 And fix her image in the crystal of the rippling lake;
 While in the lea—a prideful queen—stood forth the lily,
 In rich luxuriance it bloomed.

(III)

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
 Стекають бисерной рѣкой,
 Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются няяды
 Его лѣнивою волной;
 А тамъ, въ безмолвіи огромные чертоги,
 На своды опершись, несутся къ облакамъ.
 Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
 Не се ль Минервы русской храмъ?

(IV)

Не се ль Элизіумъ полнощный,
 Прекрасный царскосельскій садъ,
 Гдѣ, льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
 На лонѣ мира и отрадѣ?
 Увы! промчались тѣ времена златые,
 Когда подъ скипетромъ великія жены
 Вънчалась славою счастливая Россія,
 Цвѣтя подъ кровомъ тишины.

(V)

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
 Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
 Возрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ росъ вѣщаетъ:
 «Исчезло все, Великой нѣтъ!»
 И въ думу углубленъ, надъ злачными берегами
 Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ:
 Протекшіе лѣта мелькають предъ очами,
 И въ тихомъ восхищеньѣ духъ.

(VI)

Онъ видитъ: окруженъ волнами,
 Надъ твердой, мшистою скалой
 Вознесся памятникъ. Ширяся крылами,
 Надъ нимъ сидитъ орелъ молодой.
 И щипи тяжкія, и стрѣлы громовыя
 Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились;
 Кругомъ подножія, шума, валы сѣдые
 Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

(III)

Here waterfalls from flint escarpments
Cascaded like a strand of pearls,
There, in the quiet lake, were playful naiads splashing
And sporting in its lazy swell;
And there, serenely mute, stood mighty chambered mansions
From rooted buttresses aspiring to the clouds.
Did not here god-like mortals pass their peaceful hours?
Is not this our Minerva's shrine?

(IV)

Is this th'Elysium of northlands,
This grove of Tsarskoe Selo,
Where Russia's eagle, having slain the lion, rested
Upon the breast of peace and joy?
Those golden times are now forever gone, departed,
When, 'neath the scepter of a woman bold and great
Was Russia's brow encircled by a crown of glory,
And all things bloomed in sheltering peace.

(V)

Here, in the soul each step engenders
Remembrances of days now fled;
And glancing 'round about, the Russ proclaims with sighing:
"All's perished, all her greatness—dust!"
And sunk in deepest thought, upon the lush embankment
He sits in silence, harkens to the flowing winds:
And bygone scenes before his eyes now pass and flicker,
And quiet rapture fills his soul.

(VI)

He sees: by watery swells encompassed,
On stern and lichen-covered slope
A monument is raised. Upon it, wings outspreading,
Is perched an eagle young and hale.
And massy chains, with arrows like to bolts of thunder,
The awe-inspiring pillar have encircled thrice;
About its pedestal the sounding silver billows
Break and subside in shimmering foam.

(VII)

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой.
О, сколь онъ для тебя, кагульскій брегъ, поносенъ
И славенъ родинѣ драгой!
Безмертны вы во вѣкъ, о росски исполины,
В бояхъ воспитаны средь бранныхъ непогодъ;
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва изъ рода въ родъ.

(VIII)

О, громкій векъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы россиянь!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
Потомки грозные славянь,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ;
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

(IX)

И ты промчался, незабвенный!
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя, и ужасы военны;
Страдать — есть смертнаго удель.
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчанного царя;
Возсталъ вселенной бичъ — и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря;

(X)

И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на русскіе поля.
Предъ ними мрачна степь лежит во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля;
И селы мирныя, и грады въ мглѣ пылають,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавить плугъ.

(VII)

In denser shade of gloomy pine-trees
A simpler monument is raised.
Kaluga's banks! How apt is it for you and fitting,
How splendid for your motherland!
Forever deathless ye remain, ye Russian warriors,
In battles nurtured, in the midst of martial storms;
Of ye, the liege-men and the friends of Empress Catherine,
Shall word go forth—from tribe to tribe.

(VIII)

O clam'rous age of strife and warfare,
Ye witness were to Russia's fame!
Ye watched and saw Orlov, Rumyantsev and Suvorov—
Those awesome sons of Slavic tribe—
As, like to Zeus-Perun, they siezed the victor's garland.
The world, in fear of their bold feats was awed, inspired;
Derzhavin and Petrov did paeans to the heroes
Strike up upon their thund'rous lyres.

(IX)

Age unforgettable, ye hastened!
And soon the dawning century saw
Both newer conflicts, and the horrors born of battle;
To suffer is all mortals' lot.
In arrogance and treason flashed the bloody saber,
Clasped in the new-crowned monarch's fierce, unwearied grip;
The universal scourge arose—and soon fresh struggle²⁴¹
With crimson stained the louring dawn.

(X)

And thereupon, a surging torrent,
Sped hosts into the Russian fields.²⁴²
Before them lies the darkling steppe in deepest slumber,
The earth begins to smoke with blood;
And in the mist now burn the quiet towns and hamlets,
And all around the sky is clad with crimson glow,
The somber forests shelter those who now are fleeing,
The plow rusts idle in the field.

(XI)

Идутъ — ихъ силѣ нѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдные погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ соединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно
Иль бродягъ по лесамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались!.. Идутъ въ дали туманной...
Звучатъ кольчуги и мечи!

(XII)

Страшись, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсталъ и старъ и младъ, летятъ на дерзновенныхъ;
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря,
Ихъ цѣль: иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за царя.

(XIII)

Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣянь ратниками доль,
За строемъ строй течетъ, всѣ местью, славой дышутъ,
Восторгъ во грудь ихъ перешель;
Летятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищутъ,
И се — пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрелы свищутъ,
И брызжетъ кровь на щитъ.

(XIV)

Сразились — русскій побѣдитель!
И вспять бѣжитъ надменный галль;
Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержитель
Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ:
Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый;
О, бородинскія кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости предѣлы:
Увы! на башняхъ галль Кремля!..

(XI)

They come—no hindrance to their forces,
 Lay waste to all, bring all to dust,
 Now pallid shades—Bellona's children who have perished—
 Loom from the air in spectral ranks,
 They ceaselessly descend into the gloomy grave-mound,
 Or wander through the forests in the silent night...
 But cries are heard!... They echo in the hazy distance...
 While quivers clash and swords ring out!

(XII)

Beware, ye hosts of alien kindred!
 For Russia's sons are now astir;
 Both old and young arise; they front the haughty foeman
 With vengeance are their hearts aglow.
 Now tremble, tyrant! For your destined fall approaches!
 In every Russian you shall meet a *bogatyr'*,
 Their goal: to win the day or fall in fiery battle
 For Faith and for the Tsar.

(XIII)

The restive steeds now snort in battle,²⁴³
 The valley floor is strewn with men,
 Still rank on rank they flow, they breathe revenge and glory,
 Stern rapture enters now each breast,
 And to the fatal feast they fly, their blades seek quarry,
 And lo—the struggle flames; on hilltops thunder rolls,
 Amid the thickened air the swords and arrows whistle,
 And blood bedews their shields.

(XIV)

They clash head on. The Russ is victor!
 The haughty Gaul, retreating, flees;
 But heaven's Ruler crowns their leader, strong in battle,
 With single—final—ray of light.
 It was not here that our grey paladin would crush him,²⁴⁴
 O, meadowlands now soaked in blood—Borodinó!
 Alas, you could not bar the way to pride and frenzy:
 The Gaul is in the Kremlin keep!

(XV)

Края Москвы, края родные,
 Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
 Часы безпечности я тратилъ золотые,
 Не зная горести и бѣдъ,
 И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны!
 И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
 И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни;
 Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

(XVI)

Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой,
 Родимой прелесть стороны?
 Гдѣ прежде взору градъ являлся величавый,
 Развалины теперъ одни.
 Москва! сколь русскому твой зракъ унылый страшенъ!
 Исчезли зданія вельможей и царей,
 Все пламень истребилъ, вѣнцы затмились башенъ,
 Чертоги пали богачей.

(XVII)

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
 Въ тѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
 Гдѣ миртъ благоухаль и липа трепетала,
 Тамъ нынѣ угли, пепель, прахъ;
 Въ часы безмолвные прекрасной, лѣтней ночи
 Веселье шумное туда не полетитъ,
 Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы рощи:
 Все мертво, все молчить...

(XVIII)

Утѣшься, мать градовъ Россіи,
 Воззри на гибель пришлеца.
 Отяготѣла днесъ на ихъ надменной выи
 Десница мстящая Творца.
 Взгляни: они бѣгут, озрѣться не дерзают,
 Ихъ кровь не престаеетъ в снѣгахъ рѣками течь,
 Бѣгутъ—и въ тѣмѣ ночной ихъ гладь и смерть срѣтають.
 А съ тыла гонить россовъ мечъ.

(XV)

O Moscow, o my native country,
Where in the morning of my days
I, heedless, whiled away the golden, carefree hours
Before I knew what sorrow was,
You too have seen their faces, these my country's foemen!
You too were stained blood-red, you too by flame were scorched!
And I could not give up my life for vengeance;
In vain my spirit burned with wrath!²⁴⁵

(XVI)

Your hundred towers, Moscow? Vanished.
Your cupolas—our Land's delight—
Are dimmed: Where once the gaze espied a mighty city,
Now only ruins meet the eye;
Your mournful face, O Moscow, chills the Russian spirit!
No trace now of the mansions of the great, the tsars—
All razed by flame. Their crowning battlements are darkened,
The prideful halls of wealth brought low.

(XVII)

And there, where luxury once flourished
Amid the bowers and the groves,
Where once the myrtle breathed its musk and linden trembled,
Now embers, ash and dust remain;
In fair and silent hours, of a summer's evening,
No boisterous revelry will thither wend its flight,
The banks and airy groves will no more gleam with torches,
And all is lifeless, still..

(XVIII)

Take comfort, Russia's Mother-City,
Behold your ravisher's defeat.
Stretched out this day above the neck of vain presumption
We see the Author's vengeful hand.
And look: they fly, they do not dare to glance behind them,
Their blood will ever course in rivers through the snow;
They fly—now death and hunger greet them in the nighttime.
And at their back—the Russian sword.²⁴⁶

(XIX)

О вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищныя! и вы въ могилы пали...
О страхъ! о грозны времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья, и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечомъ низвергнуть троны
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

(XX)

Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факель мщенья
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ с оливою златой;
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьѣ,
Москва въ уныніи, какъ степь въ полнощной мглѣ —
А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье
И благотворный миръ землѣ.

(XXI)

Достойный внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ,
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянской бардъ дружины,
Мой духъ восторгомъ не горитъ!
О, если бѣ Апполонъ пѣтовъ даръ чудесный
Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! тобою восхищенъ,
На лирѣ бѣ возгремѣлъ гармоніей небесной
И возсіялъ во тѣмѣ время!

(XXII)

О скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, с душой воспламененной,
Взреми на арфѣ золотой;
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посылаютъ огонь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

(XIX)

O you, in face of whom did tremble
Europa's mighty clans and tribes,
Rapacious Gauls!—You too have fallen to the graveyard...
O dread! The horror of this age!
Where art thou, favored son of Fortune and of Battle,
Thou who didst scorn the voice of truth, and faith, and law,
In prideful fantasies whose sword did thrones devour?
Dispersed, like frightful dream at dawn!

(XX)

The Russ in Paris! Where is vengeance?
Now Gaul, hang low your head in shame.
But what see I? The Russ, with smiles that offer pardon,
With gilded olive branch, draws near.
Still in the distance can be heard a warlike rumbling,
And Moscow sorrows still, as steppe at midnight mourns,
Yet he—he brings his foe not death, but sweet salvation,
And healing peace unto the earth.²⁴⁷

(XXI)

Most worthy grandson of Great Catherine!
Why should the Muse from me withhold
The fire which sparks the singer's soul—our Bard, who praises
The Slavic legions of our day?
O, did Apollo now consent to fill my spirit
With that divine poetic gift—then charged by Thee,
I would attune my harp to heaven's plangent thunders,
And shine forth through the mirk of Time!

(XXII)

O Muse-inspired skald of Russia,
Who hymned her troops in stern array!
Surrounded by your comrades, with your soul enkindled,
Strike thunder from your golden lyre!
So that your tuneful voice may sing again of heroes,
And those proud strings may once again ignite our hearts.
The soul of warrior untried will seethe and shudder
To hear that martial singer's strain.

II.

Осень
(отрывокъ)

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Державинъ

I

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роца отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей;
Но прудъ уже застылъ. Сосед мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своею —
И страждутъ озими отъ бѣшенной забавы,
И будить лай собакъ уснувшія дубравы.

II

Теперь моя пора — я не люблю весны;
Скучна мнѣ оттепель — вонь, грязь; весной я боленъ:
Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены;
Суровою зимой я болѣе доволенъ;
Люблю ея снѣга; въ присутствіи луны...
Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстръ и волен,
Когда, под соболемъ, согрѣта и свѣжа,
Она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!

II.

Autumn
(fragment)

What nimble thoughts do not then brim my sleep-drowned mind?
Derzhavin

I

October's long been here—and the grove's already shaking
From off its naked boughs the leaves that cling there still;
The road grows harder as it feels the fall wind's raking;
The stream still runs its course and babbles past the mill,
But icebound lies the pond; my neighbor now is taking
His hunting pack in haste to fields far over hill—
The fall crop suffers from their wild and reckless playing,
And drowsing woods are startled by the hound's sharp baying.

II

The autumn is my time: spring's never to my taste;
The weary thaw, the slush, the reek—spring sets me sneezing;
My blood is roused, by sadness heart and mind oppressed;
Gruff winter by my seasoned count is far more pleasing;
I love her snows; when by the moon your sleigh glides fast
And free and light—there is your sweetheart's ardor teasing;
How fresh and warm she is, wrapped in that sable bed,
She grips your hand, she trembles, and her cheeks glow red!

III

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ рѣкъ!
А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ,
Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги,
Медвѣдю, надоѣсть. Нельзя-же цѣлый векъ
Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Охъ, лѣто красное, любилъ-бы я тебя,
Когда-бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ засухи;
Лишь какъ бы напоить да освѣжить себя —
Иной въ насъ мысли нѣтъ; и жаль зимы-старухи,
И проводивъ ее блинами и виномъ,
Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V

Дни поздней осени бранять обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихую, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ времен я радъ лишь ей одной.
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславный,
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.

VI

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится без ропота, без гнева,
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва:
Играетъ на лицѣ еще багровый, цвѣтъ:
Она жива еще сегодня — завтра нѣтъ.

III

How gay, our boots now shod with well-honed iron crescents,
 To glide across the frozen rivers' mirror-glow!
 And when the sparkling holidays demand our presence?...
 But draw the line; full half a year of snow on snow—
 When all is said and done, the very burrow's tenant,
 The bear, grows bored with that. We can't forever go
 A-sleighing with Armidas, however young and handsome,
 Or sour at the stove, behind a double transom.

IV

O Summer fair! Alas, my love for you might grow,
 Were not your heat and dust, your insects so assailing.
 All higher sentiments of ours you soon bring low,
 You harrow us, we wither like the meadows parched and failing.
 How best to slake our thirst, how cool refreshment know,
 No other thoughts have we—Dame Winter's end bewailing,
 With wine and pancakes having sent her on her way,
 We make her requiem with ice and with sorbet.

V

The days of waning Autumn almost none admires,
 And yet, dear reader, I'll admit to you I'm drawn
 To her calm beauty, to her softly glowing fires;
 A slighted child, of whom her family's not fond,
 She lures me to her side. If anyone inquires,
 With Autumn's days alone I feel a joyous bond.
 She offers much that's good; a not vainglorious lover,
 I find my fancy really quite enamoured of her.

VI

How to explain this? She appeals to me, I think,
 As might perhaps a delicate consumptive lass be
 Appealing just to you. Condemned in death to sink,
 Her days without revolt or rage serenely passing,
 Her fading lips are smiling. And, on its very brink,
 The chasm she sees not, her peril not yet grasping;
 Life's crimson tincture on her visage yet may play:
 Alive this moment, but tomorrow—lifeless clay.

VII

Унылая пора, очей очарованье,
 Приятна мнѣ твоя прощальная краса!
 Люблю я пышное природы увяданье,
 Въ багрецѣ и въ золото одѣтые лѣса,
 Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
 И мглой волнистою покрыты небеса,
 И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
 И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

VIII

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
 Здоровью моему полезень русскій холодъ;
 Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
 Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ,
 Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
 Желанія кипятъ; я снова счастливъ, молодъ,
 Я снова жизни полнъ: таковъ мой организмъ
 (Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).

IX

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
 Махая гривую, он всадника несетъ —
 И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
 Звенить промерзлый долъ и трескается ледъ.
 Но гаснетъ краткій день, и въ камелькѣ забытомъ
 Огонь опять горитъ — то яркій свѣтъ ліетъ,
 То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
 Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

X

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
 Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
 И пробуждается поэзія во мнѣ:
 Душа стѣсняется лирическимъ волненъемъ,
 Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
 Излиться наконецъ, свободнымъ проявленъемъ —
 И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
 Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

VII

Enchantment of the eyes! O sweet yet mournful season,
 Your splendors as they fade grow dear, and make me glad—
 For in her waning days is Nature sumptuous, pleasing,
 The forests all in crimson and in gold are clad;
 Beneath their shade—the wind-rush, and a freshness breathing,
 With coils of swirling haze are now the heavens spread,
 A ray of sun is rare, the early frosts come searing,
 And other still-faint signs disclose gray winter's nearing.

VIII

I bloom anew each time the leaves come whirling down;
 Our frigid Russian air for me is healthy, bracing;
 Anew I come to love my habits' daily round:
 Sleep, wakefulness and hunger come in timely pacing;
 With joy and lightness in my heart the humors bound,
 I'm young again and blithe—desires through me are racing,
 Again I brim with life—such is my organism.
 (Kind reader, pardon this intrusive prosaism.)

IX

They bring my horse to me, and through the distant clearing
 With flowing mane a-toss, he bears his rider on—
 Beneath his gleaming hoof resounds with icy pealing
 The valley floor, now frozen, and the crackling pond.
 But then the brief day wanes, the hearthside embers yielding
 A fiery glow—it brightly flares and then is gone,
 But slowly gone—and here before it I sit reading,
 The while with long-spun thoughts my fancy feeding.

X

And I forget the world—in sweet serenity
 Then sweetly am I lulled by my imagination,
 And thereupon does poetry awake in me:
 My soul is stirred, oppressed by lyric agitation,
 It shivers and it chimes, and seeks, as in a dream,
 To issue forth at last in streams of free creation—
 And many guests then visit me in unseen swarm,
 All old acquaintances, my musings gave them form.

XI

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И рифмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но, чу!... матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверх, внизъ — и паруса надулись вѣтра полны:
Громада двинулась и рассѣкаетъ волны.

XII

Плывет. Куда жъ намъ плыть? .....

.....
.....

XI

And through my slumbering mind do thoughts then boldly caper,
And nimble, flowing rhymes to meet them lightly course,
My eager fingers long for pen, my pen for paper,
An instant more—and forth comes freely flowing verse.
Thus sleep-drowned lies a ship becalmed in breathless vapor,
But look!—the boatswain calls, the crewmen stir, disperse,
Swarm up and down the masts, with sails at full wind's power
The giant now awakes, the cresting swell devours.

XII

It sails. Where shall we sail?.....

.....
.....

III.

Exegi Monumentum...

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа:
Вознесся выше он главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мѣрѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пѣить.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгусъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ восславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспривай глупца.

Exegi Monumentum...

I've raised my monument, by mortal hands not fashioned,
 To it the people's path shall not be overgrown,
 Its capstone soars, more prideful and defiant,
     Than Alexander's spire of stone.

I shall not wholly die, I leave my lyre to Spirit
 Which will outlive my dust, intact escape decay —
 And I shall be acclaimed, as long as single lyric,
     Alive, beneath the moon remains.

And word of me shall be through mighty Rus' proclaimed
 Within her shall my name peal forth from every tongue,
 The Slav's proud grandchild, and the Finn, the yet untamed
     Tunguz, Kalmyk the steppeland's son.

And long for this shall I be treasured in my kingdom,
 That I have roused good feelings with my reed,
 That in my ruthless age I sang in praise of Freedom,
     And for the fallen did I plead.

By the Almighty's will, o muse, be ever guided,
 Do not fear calumny, nor yet demand a crown;
 Unmoved, accept thy fate, now lauded, now derided,
     Nor trouble to dispute a clown.

Silhouette of G. R. Derzhavin by his wife, Catherine, 1786.

ENDNOTES

¹ One should also not gloss over the fact that Goethe had, of course, a substantial influence of his own in Russia (as he had in most other European lands). Thus, to disengage our analogy even further, it is noteworthy that Goethe's works in Derzhavin's homeland affected chiefly the post-Derzhavinian, or even post-Romantic literary movements. Cf. especially the studies by André von Gronicka, *The Russian Image of Goethe*, 2 vols. (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1985), and V. M. Zhirmundskii, *Gete v russkoi literature* (L.: Nauka, 1981).

² Each witnessed the death of a beloved spouse, each experienced the loss of many close friends, and each lived through the upheavals of the French Revolution and Napoleonic wars. Both were uncompromising seekers of "higher truths," and the beliefs of both influenced the vast majority of their fellow writers.

³ The widely-traveled Goethe transformed his home into a museum of tens of thousands artifacts, curiosities and objets d'art. Derzhavin too loved strange, beautiful and precious things, albeit in a more immediate, personal way, and his works became in one sense a gallery of the rare, the curious, the beautiful—a vast storehouse of words and images that were to enrich Russian poetry for generations.

⁴ Quite coincidentally, I was approached by a representative from the Discovery House, Macon, Ga., asking me to prepare a mini-cycle of Derzhavin's poetry for a Museum of Poetry, housed there. The idea was to introduce school-age children to the variety of world cultures, as expressed in their poetry. Since over 100 languages were involved, each was to have been represented by a limited set of poems, which the young viewer could first hear in the original, and then in translation. My Derzhavin seminar participants agreed to submit their work and to make recordings of their translations for this project, which now forms a part of the permanent multimedia museum exhibit, "The Poet's Corner." A CD-ROM disk of these readings, titled *A Laurel Wreath for Derzhavin* ("Venok Derzhavinu"), became available in 1997, and the translations in this recording should be considered the proper venue for listing the individual translators' names with the poems entered in it. If this was, to our knowledge, the first such recording of Derzhavin's poetry in English, it was a modest set of poems and the need remained for a more inclusive volume of Derzhavin's works.

⁵ Charles Arndt submitted an early unrhymed variant of *God*; Alisa Mayor the first three stanzas of *The Waterfall* and the initial versions of *An Outing at Saarskoe Selo*, *The Peacock*, *The Ruins*, *To Eugene*. *Life at Zvanka*, and *On Transience*; Olga Partan *The Swan* and Maria Sokolova *The Bullfinch*.

⁶ All individuals represented here were united by the belief that the best translations come from shared efforts, so as to give the poet rather than the translator the ultimate voice in the text. However, the names of those who were responsible for an early variant of a particular poem's translation are listed in the endnotes, rather than alongside the texts, since the final poems no longer reflect their contributions but have become entirely new entities. They had to be for the most part entirely rewritten as a result of our ardent wish to reproduce Derzhavin's voice as faithfully as possible, including, whenever feasible, his rhymes.

In an ideal world, rhyming his entire *oeuvre* might have come to fruition, but given the limitations of time we had to select only those texts that, due to their significance in Russian cultural history, absolutely had to be reproduced with rhymes intact. They fill about one half of this collection and include the following poems: *My Queen; God; To Rulers and Judges; True Happiness; The Murza's Vision (the prologue); On the Death of Prince Meshcherskii; Invitation to Dinner; The Peacock; Monument; My Monarch; The Immortality of the Soul; The Bullfinch; To Olenin; To Eugene. Life at Zvanka; The Swan; Longing; The Fiery Spring; The Gypsy Dance; Chains; To Sappho; A Crown of Immortality, and On Transience*. Similar proportions are maintained in our Pushkin selections, of which the last two poems, *Autumn* and *Exegi monumentum*, are rhymed.

If rhyming was in itself an intricate task (as we have tried to preserve the sense of discovery Derzhavin's works imparted in his time by avoiding the hackneyed rhymes of English poetry), a far more trying consideration was to let Derzhavin's *iambic tetrameters* (a dominant meter in Russian verse and most often used by the poet) sound like English *iambic pentameters*—the expected meter in English verse during Derzhavin's time. Moreover, English syntactically relies on articles and prepositions (both of which occupy syllabic space) whereas Russian has none of the former, and makes far more limited use of the latter. Thus, a translator attempting to preserve a given Russian meter very often faces the difficult task of "compacting" poetic information to fit an equivalent English line.

Nonetheless, we believe we have succeeded in meeting most of these tasks and provided within our volume the basic foundation of metric expectations, against which the poet's other marvelous rhythmic experiments, violating these norms, can be both judged and appreciated. We have attempted (and, we hope, succeeded) in reproducing these elaborate forms of rhythmic experimentation—including the sounds of music, clocks, marches and battles; of birds (even the patterns of their flight), of the rhythms of Russian and Gypsy dances, the flickering of lanterns, and even the intonations others used in declaiming Derzhavin's works (in his later years Derzhavin liked having his visitors declaim to him his own poetry). We have also considered Derzhavin's stanzaic, metric, and stylistic variations on the expected norms of Russian diction. All these must be appreciated against the background of his own normative poetry usually composed in iambic tetrameter quatrains (such as his psalm transpositions) or ten-line odic stanzas (such as *God, Felitsa*, etc.). The poems that are especially rich in this sort of rhythmic variability include *The Spring, An Outing at Saarskoe Selo, The Swallow, The Peacock, The Bullfinch, The Magic Lantern, A Tribute to Lovely Women, On the Birth in the North of a Royal Scion, The Ruins, The Gypsy Dance, and To Polyhymnia*.

⁷ *Sochineniia Derzhavina*, chast' 1-4 (St. Petersburg: Schnor, 1808) w. the added chast' 5 (St. Petersburg: Plavil'shchikov, 1816); henceforth *Works*.

⁸ *Sochineniia Derzhavina s ob"iasnitel'nyimi primechaniiami Ia. Grota*, 9 volumes (St. Petersburg: Akademia Nauk, 1864-1883); henceforth *Grot*.

⁹ These form an integral and choice part of Derzhavin's manuscript heritage, and are introduced separately in the Russian section of this edition. As is well known, Derzhavin loved striking images both in poetry and in paintings, which he collected. Perhaps on this account, he insisted that each of his poems be accompanied by at least two pictorial

summations of its contents—one at its beginning and one at the end. Yet, he rarely demanded the fulfillment of any specific programme from the artists he asked to paint for him. Instead, he apparently hoped that some of the themes expressed in his poetry would receive an additional visual charge from the painters' art. Thus, the vignettes accompanying this volume should not be viewed as conventional decorative illustrations, but rather as independent artistic productions expressing Derzhavin's poetic material. Among those in this endeavor were such illustrious contemporaries of Derzhavin as Olenin and Ivanov. The graphic components that complement Derzhavin's verse form an integral and choice part of his manuscript heritage. Extensive archival research was necessary to resurrect the images, but the result, we hope, is a recreation of the poet's artistic vision in its totality. This publication is, therefore, in itself an important chapter in the history of Russian art.

¹⁰ Grot took great pains to record and resurrect the pictorial heritage of Derzhavin's manuscripts. Before publishing his famous Academy edition, he commissioned (as he mentions in his introduction to Vol. 1 of *Grot*) a number of outstanding Russian engravers to reproduce the watercolor pictures accompanying the manuscripts of the first three volumes Derzhavin had prepared for his *Works* of 1808. In this alternate medium, he created a separate monument to Derzhavin's poetry and it is for this reason that they are reproduced in the English section of our volume. It should be noted that editorial discretion has been used in supplying vignettes for some of the poems in the latter parts of both volumes. Occasionally a vignette designed for one poem has been used of another (for instance in the case of *Country Life*), but this in no way violates the spirit of Derzhavin's own instructions. I have also added an appropriate vignette to *God*, following Derzhavin's own desire to append a suitable image to the poem.

¹¹ The first two of four extant parts were published in *Chteniia v Besede liubiteli Ruskago slova* (1811-16), Books #2 (pp. 3-123), #6 (pp. 3-27), and #14 (pp. 3-30) and later in *Grot* (v. VII), whereas the remaining two were made available only recently by V. A. Zapadov, "Rabota G. R. Derzhavina nad <Rassuzhdeniem o liricheskoi poëzii>" *XVIII vek*. No. 15 (1986), pp. 229-83; continued in *XVIII vek*. No. 16 (1989), pp. 289-319.

¹² All three poems were collaboratively translated by myself and Martha Kitchen, though major credit should go to her for the *Reminiscences at Tsarskoe Selo*, whereas the latter two were principally rendered by me. As opposed to the rest of the volume, the Appendix places Russian and English poetry side by side.

¹³ The engraved portrait of G. R. Derzhavin on this page reproduces the famous 1801 oil by an Italian-born painter Salvatore Tonci. It was the poet's favorite representation of his own visage and its programme is described in Derzhavin's poem devoted to Tonci (the translation of which is published in our entry #XXXVI). Our 1861 engraved rendering was done by Professor F. Iordan for the Grot's illustrated edition (*Grot*, vol. 1). It did not include the Latin couplet, supplied by Tonci to his original oil painting (now in the Trediakovsky Gallery in Moscow), which is restored by us below the engraving and which reads in translation:

*Justice is depicted as a cliff, the spirit of prophecy as a rosy dawn,
and the honorable heart by the whiteness of snow.*

¹⁴ For Derzhavin, as for many other young officers of his time, the Pugachev rebellion was a formative and pivotal event—both a baptism of fire and the beginning of professional advancement. In the context of the present volume one may note that a generation later Aleksandr Pushkin was to develop a keen interest in this period, as evidenced by his scholarly work, *The History of Pugachev*, and the historical novel *The Captain's Daughter* (both 1833). Whatever Derzhavin might otherwise have thought of Pushkin's historical judgments, he would certainly have approved the sympathetic and appealing depiction of Catherine the Great in the latter work.

¹⁵ I. *In lieu* of the epigraph: From *The Waterfall* (Vodopad), 1791-94, was composed by Derzhavin to mark the passing of Prince G. A. Potemkin (1739-91), Russia's renowned military leader and close confidant of Catherine the Great. This ode, considered one of the poet's most accomplished in *memoriam* works, in its first stanzas exemplifies Derzhavin's penchant for opening a poem with a strikingly powerful image from which related images and ideas proceed. Among the most dominant traits of *The Waterfall* is the poet's emphasis on the concurrence of permanency and transience in life. This theme is embodied in the first stanza, which unites the images of solids (diamonds, cliffs, pearls, silver) with the fluid nature of water. The initial stanzas of this ode — one of the poet's longest — were chosen here in lieu of an epigraph, as they fortuitously prefigure the substance of one of his briefest works: his last, *On Transience*, written several days before his death (Cf. entry # XLIII).

¹⁶ The length of Derzhavin's *The Waterfall* (74 iambic tetrameter hexain stanzas) is one of the principal reasons why we have decided to focus our energies elsewhere and to reprint an available translation (Cf. entry # XIII). We have retranslated only the initial three stanzas as an epigraph for this volume, so as to suggest a possible future reworking. In so doing we allow the English reader to see the varied possibilities for translation offered by the poet's work. We repeat this experiment at the end of this volume, where we provide eight independent variants of one octave, *On Transience*, noted above.

¹⁷ II-III. Dedication to the Empress with the Epigraph to vol. 1. A year before Catherine died in 1796, Derzhavin presented the Empress with the manuscript volume of the poems he had composed during her reign. Hand-painted vignettes by Derzhavin's friend A. N. Olenin accompanied the texts, as a reproduction depicting Catherine in the heavens, looking down on the poet as he sings his verses to her from this manuscript here illustrates. These vignettes, reproduced in full color, are included in Part II of the present anthology. The poet's idea was eventually to publish his works in the illustrated format presented to the Empress. Yet even after spending fully twelve years following Catherine's death in incessant attempts to secure the printing of his poems in this manner, only a few engravings found inclusion in his collected *Works*. Nonetheless, the original ordering of the material as presented to Catherine was for the most part preserved (and is reproduced here). The first volume of his *Works* kept all of the original dedications to the Empress, as inscribed in Derzhavin's manuscript version.

¹⁸ Bagrim, according to tradition, was the progenitor of Derzhavin's clan.

¹⁹ IV. *God* (Bog) first published in *Sobesednik*, # 13 (1784), p. 125. The ode was rendered in eleven ten-line (Lomonosovian) stanzas of iambic tetrameter, rhymed *a B A B c c D e e D*.

²⁰ The original Russian rhyme, *beskonechnyi/prevechnyi*, had been used for the first time in the history of Russian syllabo-tonic verse by V.K. Trediakovsky forty years earlier when he and two other originators of the Russian syllabo-tonic system, M.V. Lomonosov and A.P. Sumarokov, transposed the Church Slavonic version of Psalm 143 in a separate booklet entitled *Tri ody parafrasticheskie, Psalma 143...* (SPb. 1744). By using this rhyme at the outset of his most majestic ode, Derzhavin provides a signal to a reader cognizant of the development of Russian eighteenth-century verse that he is about to engage in an attempt both to compete with the previous samples of sacred poetry this tradition provided, as well as to improve upon them. Following the publication of the first book of syllabo-tonic poetry in which the aforementioned three poets had participated, there was established an aesthetic agreement among all of Russia's eighteenth-century poets that making rhymed versions of sacred poetry was among the highest accomplishments for which a poet aspiring for recognition could strive. From then on poets would always start their collected works with a sampling of rhymed versions of sacred poetry which included either their own meditations on God's greatness or transpositions of individual Psalms and sacred songs from the Bible. Derzhavin, therefore, was not unique in this respect. It should be noted that the ode *God* was the first poem by Derzhavin in which the poet allowed his true name to be mentioned in its published format. His previous works were printed anonymously or under pseudonyms.

This ode is also one of many in which Derzhavin actively creates the myth of the poetic persona which unites all of his poetry. As the text unfolds, not only does this ode implicitly put the persona of the poet on an equal footing with the Creator within the text, but in his *Zapiski* (Memoirs), Derzhavin is fond of noting the following event, which presumably happened during the winter of 1744. A large comet was seen for long periods of time across the horizon of Russia, and pointing to it, the six-month-old Derzhavin reportedly uttered the word "God." Thus, the year 1744 has at the very least two connections to the poet's *God*, completed four decades later: one textual, the other mythical.

²¹ V. *To Rulers and Judges* (Vlastiteliam i sudiiam). 1780-1808. The ode comprises seven iambic tetrameter quatrains, rhymed *a B a B*.

²² The work's original title was "Oda. Prelozhenie 81-go psalma."

²³ VI. *True Happiness* (Istinnoe Schastie). 1798. This sacred ode comprises seven iambic tetrameter quatrains, rhymed *A b A b*.

²⁴ *Sochineniia Derzhavina*, chast' 1 (Moscow: University Press, 1798); henceforth *Works 1798*.

²⁵ Consult all pertinent details about this ode in H. B. Segel's commentary below.

²⁶ It is a relatively unknown fact that Derzhavin had composed at least a dozen texts devoted to Catherine II prior to *Felitsa*, the majority of which were not, however, of an odic length.

²⁷ This ode was written in honor of the marriage of Catherine's son, later the Emperor, Paul and entitled *Oda na vseradostnoe brakosochetanie ikh imperatorskikh vysochestv. Sochinennaia potomkom Atilly, zhitelem reki Ra* (SPb.: [AN], 1773)

²⁸ Eventually, Derzhavin's image would be enriched by numerous additional layers of self-mythologization, ranging from posing as an incarnation of an Indian sage to a spirit inhabiting the environs of the river Volkhov, on which the ancient Russian city Novgorod and his own summer residence, Zvanka, were built. Finally, this polymorphous image of the poet was linked by him to the image of the time-god, Chronos, as well as to the concept of immortality.

²⁹ H. B. Segel's unabridged commentary to *Felitsa*:

It was with *Felitsa* that Derzhavin first won fame as a poet. The poem was an immediate success, but because of its originality, its bold flaunting of classicist poetic conventions, it was not long before a controversy swirled about it on the pages of *The Companion of the Lovers of the Russian Word*.

Felitsa was written late in 1782. It was inspired by an allegorical fable, *The Tale of Prince Khlor* (*Skazka o tsareviche Khlore*), which the Empress Catherine wrote and had published in 1781 in a small number of copies for the benefit of her five-year-old grandson, the future Tsar Alexander I.

Catherine's tale recounts the abduction of the young Prince Khlor by a Kirghiz khan who wanted to discover whether or not the stories told of the prince's uncommon beauty and intelligence were true. In order to test the prince, the khan assigned him the task of finding the rose without thorns—the symbol of virtue. The khan's daughter Felitsa (from the Latin word *felix*, meaning "happy") asked permission of her father to accompany Prince Khlor on his search, but was told that she could not. Instead, she sent her son Rassudok (Reason) to help him on his way. With Rassudok's help, Khlor eventually reached the mountaintop where he discovered the rose. After this the khan sent Khlor back to his parents with the flower. They were overjoyed to see their son again, and soon all heard of Khlor's exploit and came to love him even more.

From Catherine's fable Derzhavin took the name of the khan's daughter Felitsa for that of Catherine herself in his own poems, the names of the murzas *Briuzga* ("Choleric") and *Lendag* ("Indolent") for two figures of Catherine's court, and in general the Oriental coloration of the fable. Thus his ode, addressed to the "Princess of the Kirghiz-Kazakh Horde," was presented as the work of a certain murza (or *mirza*, an Eastern title designating someone of aristocratic origin or distinguished by his learning) that was "translated from the Arabic language."

Because of the light, humorous character of his poem—which was, to say the least, new and daring in a panegyric ode—and the satirical allusions to several prominent figures in Catherine's court, Derzhavin was reluctant to have *Felitsa* printed, and contented himself with reading it privately to friends. However, in 1783, when the work came into the possession of the Princess Dashkova, who was then the president of the Academy of Sciences and a confidante of the empress (before their later mutual disenchantment), she arranged to have it published anonymously in the first number of *The Companion of the Lovers of the Russian Word*, which she was just undertaking to produce. When Catherine read the ode she was delighted at the novelty of manner with which she saw herself praised lavishly by the poet. Never insensitive to flattery, Catherine

insisted on sending Derzhavin a handsome present as a token of her gratitude—a gold, diamond-encrusted snuffbox. Moreover, she invited the poet to a personal audience, which marked the beginning of Derzhavin's state career.

Felitsa was truly something new in the history of Russian literature, and the excitement it evoked is understandable. Although belonging formally to the traditional genre of the panegyric ode, the poem startled by its radical departure from the conventions of the genre. The ode was regarded as the most respected and "elevated" of classicist poetic genres. Its manner was stately, its tone lofty. In eighteenth-century Russian poetry this meant that odic writing would adhere more or less to the patterns established for it by Lomonosov. In writing *Felitsa* Derzhavin kept the formal structure of the Lomonosovian ode: the ten-line stanza and the iambic tetrameter. However, he abandoned the conventional loftiness of style in favor of something light, casual, almost bantering. This is particularly true of the satirical stanzas of the poem, in which Derzhavin also showed no reluctance to introduce lexical and phraseological elements of the "low style" in outright defiance of classicist poetic canon. In the more conventional panegyric parts of the poem, chiefly toward the end of the work, he retreated from this literary audacity to a more conservative position, but even then not entirely.

The second great surprise of *Felitsa* was its satire—the appearance of which in a panegyric ode defied one of the basic principles of classicist poetics; namely, that the hierarchy of genres was not to be violated. The problem of bringing the satire of various members of Catherine's court into a panegyric ode addressed to the empress was handled in a masterly way. Apart from the conventional presentation of Catherine herself as an idealized model of enlightened monarchy, possessing the attributes of a goddess, Derzhavin also showed the empress in a more humble and familiar light—a woman of simple tastes, modest, close to her people, aware of her duties and responsibilities to them, a writer of moralizing works, yet insensitive to the beauties of poetry and devoid of any poetic talent. The essence of Derzhavin's satire lay in the contrast drawn between this image of the empress, idealized yet human, and the slothful, corrupt, self-indulgent, pleasure-seeking, and often low-cultured courtiers around her, whom the author of the poem (that is, Derzhavin himself) represents as a collective portrait. This abandonment of the traditional abstract lyric hero of the classicist ode in favor of the poet himself portrayed as the embodiment of vices satirized in the ode was at one and the same time a bold stroke and a clever maneuver.

This cleverness was not sufficient to spare Derzhavin the attacks of dignitaries who felt themselves humiliated in the poem and who doubtless were peeved at the poet's sudden favor at court. Moreover, there were those who, taking cognizance of Catherine's handsome gift to him, insisted that Derzhavin had written the poem primarily to flatter the empress and thereby improve his own position. They were strengthened in their opinion by Derzhavin's poem of gratitude to Catherine for her present and invitation to court, *Thanksgiving to Felitsa* (*Blagodarnost' Felitse*), which was written not long after his audience with the empress in 1783. It was published that year in *The Companion of the Lovers of the Russian Word*. In literary circles the poet also had as many detractors as admirers. While

some hailed the *Felitsa* as a bold and brilliant departure from conventional poetic practice, there were others who regarded the novelty of the work as poor taste, and condemned Derzhavin just for his repudiation of accepted "rules" of literary "behavior."

In May, 1783, Derzhavin determined to answer his detractors. He chose to do so in the form of a poem, *A Murza's Vision* (*Videnie murzy*). After beginning the work, the poet temporarily abandoned it but returned to it again in 1784. It was finally completed in 1790 and appeared in print the next year in Karamzin's *Moscow Journal*. A month after its publication there it was reprinted in the journal *New Monthly Compositions* (*Novye ezhemesiachnye sochineniia*). It was translated into German the same year by the dramatist August von Kotzebue (1761-1819) and was published separately in 1792 together with the German translation.

A poetic commentary to *Felitsa*, *A Murza's Vision* consists of five parts: (a) the exposition, containing a superb description of a Petersburg night that the poet observes from within a room of his house. The description of the Petersburg landscape with which the poem begins was the first, incidentally, in Russian literature; (b) the author's confession—in which Derzhavin expresses his contentment with his lot particularly because his "heart is pure" and he is "a good person." The fact that he receives presents for his poems pleases him because he knows that they were written sincerely and not to flatter out of a desire for personal gain; (c) the appearance of *Felitsa*. The description of the empress in this part of the poem is very detailed, and recalls the portrait done of her during this period by the artist Levitskii. Following the description of Catherine, the poet recalls the circumstances of his first meeting with her; (d) *Felitsa's* speech. Here Derzhavin places in Catherine's mouth his own ideas about poetry and the role of the poet. A poet, insists Derzhavin, should not flatter the powerful, although he recognizes that too often they do. On the other hand, he points out through *Felitsa*-Catherine that the citizen who lives righteously and responsibly can bring more glory to a ruler than all the praise of poets; (e) the poet's reply. In the final part of the poem Derzhavin, speaking directly in a monologue, sharply rebukes all those who attacked him for his *Felitsa*. He concludes by repeating that he did not write *Felitsa* to flatter the empress, that he did not and could never sell "the goods of my heart for money," and that his praise of Catherine was inspired only by the beauty of her deeds.

Apart from its significance as a reply to his detractors, *A Murza's Vision* is also noteworthy in two other respects. First, it is one of the earliest of a number of poems of a largely autobiographical nature in which Derzhavin was to write of his own life and views and was to indulge in personal self assessment. Second, the poem must still be considered as falling within the tradition of the panegyric ode despite the element of apology. In this light, it appears in its own way no more conventional than *Felitsa*. Although preserving the iambic tetrameter and a familiar rhyme scheme (alternating feminine and masculine rhymes) it abandons the traditional form of the ode by eliminating stanzaic division and assuming the character principally of a dialogue.

Without doing Derzhavin an injustice, it must be stated objectively that his last poem in the *Felitsa* "cycle"—*The Image of Felitsa* (*Izobrazhenie Felitsy*)—represented a certain retreat from the position assumed in

A Murza's Vision. The poem was written in 1789, when Derzhavin's public career reached a low ebb.

Among the benefits that accrued to the poet from the favorable reception by Catherine of his ode *Felitsa* in 1783 was the governorship of the Olonetsk district, with its seat in Petrozavodsk, which he was awarded in May, 1784. Always a practical woman, it is difficult not to imagine that one of the main reasons for Catherine's assigning Derzhavin to a relatively out-of-the-way post was the desire to remove the controversial poet as far as possible from St. Petersburg because of the enmities created by the satirical thrusts in his *Felitsa*. The point was not lost on Derzhavin himself, who viewed it as something of an exile. To make matters worse, his immediate superior was a friend of his former patron, Prince Viazemskii, who took umbrage to the allusions to him in *Felitsa* and became hostile to the poet.

Derzhavin's position in Olonetsk progressively deteriorated, and after two years' service there his relations with his superior were so bad he was forced to request a transfer. His request was granted, and in 1785 he was made the governor of Tambov. He endured somewhat longer in his new post than at Olonetsk, but it quickly became apparent that his reputation as a "troublemaker" had preceded him. Before too much time elapsed he and his new superior, General I. V. Gudovich, were embroiled in wrangles. The affair came to a head in the middle of 1788 when Derzhavin was summarily recalled and charged with misuse of authority. It was only because of the intercession on his behalf by Potemkin that the case was settled in his favor and he was declared innocent by the Senate. However, it was to be almost two and a half years before the poet was given the opportunity again of holding a position of responsibility. In 1791 he was made Catherine's personal secretary in charge of the reception of petitions. He remained in this position until September, 1793, when he became first a senator and then president of the "college" (or ministry) of commerce.

During the period that Derzhavin's "case" was before the Senate he was compelled by circumstances to appeal directly to the empress for her intervention. The poet was granted several audiences with Catherine, whose attitude rapidly shifted from a pretense of affection to coolness. Probably just prior to the first of these meetings Derzhavin composed his ode *A Portrait of Felitsa*, which was designed both to secure an audience with the empress and to win her over to his cause.

The longest of the *Felitsa* poems and the most rhetorical, *A Portrait of Felitsa* is less impressive than the others in the cycle. Calling on the Italian Renaissance artist Raphael to assist him in painting a portrait of *Felitsa*, the poet then proceeds to a lengthy enumeration of Catherine's many virtues. At the end of the work he discovers that the picture has been painted in his own heart.

Written in the familiar iambic tetrameter and in eight-line stanzas with rhyme scheme *a b a b c d c d* (*a, c*—feminine; *b, d*—masculine), *A Portrait of Felitsa* has only traces of the brilliance of *Felitsa* and *A Murza's Vision*. That it was written for a purpose Derzhavin himself had earlier repudiated cannot seriously be doubted, particularly in the light of the circumstances in which the work arose. It was first printed in *New Monthly Compositions* in 1789 with the dedication: "The author of *Felitsa* ventures to dedicate your portrait to you, O godlike one!" Accompanied by the German translation of the indefatigable August von Kotzebue, it was published as a separate brochure in Revel' in 1792.

With *A Portrait of Felitsa* Derzhavin's justifiably renowned Felitsa "cycle" concluded. The close contact with Catherine that his position as her personal secretary afforded him led to a profound disenchantment with the empress the poet had once celebrated as the model of an enlightened monarch. When he left her service toward the end of 1793, he was not to return again to the Felitsa theme in the few remaining years of Catherine's life.

³⁰ A reference to Catherine's activity as a lawgiver.

³¹ Card playing was extremely popular throughout Europe in the eighteenth century. Derzhavin recalls in his own autobiography that in 1775 he began a game once with fifty rubles in his pocket, but that in a short space of time he had won 40,000. The most popular card games were faro and ombre.

³² In ancient Greek mythology Pegasus was the winged steed of Zeus. According to legend, the striking of its hoof on Mount Helicon opened up the miraculous stream of the Hippocrene, whose water gave poets inspiration. By saying of Catherine that she does not saddle Parnassus's mount, Derzhavin is referring to Catherine's inability to write poetry.

³³ A reference to Catherine's hostility to Freemasonry and mystic sects, particularly the Rosicrucians and the Martinists (followers of the teachings of the French mystic philosopher Louis-Claude de Saint Martin, 1743-1803).

³⁴ The Masonic lodges frequently bore such names as East, Eastern Star, Great East, etc.

³⁵ This stanza, as well as the next four, allude to Catherine's favorite at the time Grigorii Potemkin (1739-1791), who won renown for his annexation of the Crimea in 1783, shortly after *Felitsa* was written. Apart from his grandiose plans for the collapse of the Ottoman Empire, Potemkin was also known for his taste for luxury. He heartily enjoyed epicurean feasts, resplendent dress, feminine companionship, and riding about in a magnificently appointed English carriage.

³⁶ The old custom of maintaining buffoons or jesters in the homes of wealthy nobles was preserved in Russia until the end of the eighteenth century.

³⁷ An allusion not only to Potemkin, who enjoyed racing horses, but also to Aleksei Orlov (1737-1807), the brother of Catherine's favorite Grigorii Orlov, one of the chief organizers of the palace revolt of 1762 that brought Catherine to the throne. During the Russo-Turkish War of 1768-1774, Aleksei Orlov was nominally in command of the Russian fleet, which dealt the Turkish navy a severe blow at the Battle of Chesmé, for which he became known as *Orlov of Chesmé* (Orlov-Chesmenskii).

³⁸ According to Derzhavin's own explanations the allusion here is to Count Pëtr Panin (1721-1789), the brother of the famous politician and diplomat. Panin, a devoted amateur hunter, was an army general who distinguished himself in the Seven Years' War. Derzhavin became familiar with him during the Pugachëv campaign, but their relations were anything but cordial. At the time *Felitsa* was written, both Panins were already out of favor.

³⁹ The Grand Huntsman (Ober-Egermeister) of the court at the time, Semen Naryshkin (1710-1755), enjoyed great popularity for the concerts of his orchestra composed solely of hunters' horns. On summer nights a popular diversion of the court consisted of taking boat rides on the Neva River in St. Petersburg to the accompaniment of the music of horns. Grigorii Orlov is believed responsible for arranging such entertainments.

That they remained popular into the early nineteenth century is suggested by Pushkin's allusion to them in *Eugene Onegin* (1, 48).

⁴⁰ The entire stanza is devoted to a description of the amusements of uncultured noblemen.

⁴¹ A popular pastime of such a couple as is described in the stanza was looking through each other's heads for lice.

⁴² The reference is to the seventeenth-century Russian *povest'* *Prince Bova* (Bova korolevich). *Polkan* (from the Italian Pulicano) was one of the heroes of the tale. Derzhavin is also alluding here to the reading habits of Count Aleksandr Viazemskii, the general prokuror of the Senate and Derzhavin's patron and later enemy.

⁴³ A slightly altered quotation from Psalm 116: "All men are liars."

⁴⁴ A reference to the characters *Lentiag* (Indolent) and *Briuzga* (Choleric) in Catherine's *Tale of Prince Khlor*. According to Derzhavin's own commentary Prince Potemkin should be understood for the former, and Prince Viazemskii for the latter.

⁴⁵ The reference is to Catherine's administrative reform of 1775, which divided the empire into fifty "governments" (*gubernii*) conforming to a single pattern based on strict division of administrative, judicial, and financial affairs.

⁴⁶ A jocular characterization of Catherine's own attitude toward poetry.

⁴⁷ In 1767 Catherine refused the title *Velikaia, Premudraia, Mat' otechestva* (Great, Wise, Mother of the Fatherland) that was offered to her by the Senate and Legislative Commission.

⁴⁸ Catherine's tolerance and liberalism, of which Derzhavin is speaking here, were already things of the past when *Felitsa* was written.

⁴⁹ Zoilus was a Greek critic of the fourth century B.C. He was known for his vitriolic criticism of Homer's works. In time his name became synonymous with unfair, carping criticism.

⁵⁰ A reference to the practice of informing, which was common in the reign of the Empress Anna Ioannovna.

⁵¹ This is also a reference to the reign of Anna Ioannovna.

⁵² Before Catherine, making a mistake or correction in the name of a Russian tsar was an offense punishable by a lashing.

⁵³ In the reign of Anna Ioannovna it was considered an insult to the empress to drop a coin bearing her image.

⁵⁴ A reference to the wedding of Anna Ioannovna's court jester, Prince Golitsyn, which was celebrated with great pomp on February 6, 1740. At the wedding banquet a greeting in verse to the couple was delivered by the poet Trediakovskiy. The newlyweds spent their wedding night on the Neva in a house of ice made especially for this purpose. The incident was described in the historical novel *The House of Ice* (*Ledianoi dom*) by the novelist Ivan Lazhechnikov (1792-1869).

⁵⁵ The rest of the stanza refers to the crude jokes, often involving high-ranking dignitaries, which took place at the court of Anna Ioannovna.

⁵⁶ Derzhavin has in mind Catherine's *Tale of Prince Khlor* and similar didactic works.

⁵⁷ A Reference to a Russian ABC's written by Catherine for the future Alexander I, and published in 1781.

⁵⁸ Probably a reference to Catherine's upholding of Peter III's edict permitting members of the nobility to travel abroad, which had been prohibited under previous rulers.

⁵⁹ That is, permitted the use of waterways for commerce.

⁶⁰ Catherine had withdrawn an earlier limitation on the number of trees landowners could cut down.

⁶¹ In 1775 Catherine permitted the organization of manufacturing enterprises. Previously, only government monopolies existed.

⁶² In the original Russian Derzhavin has "sounds" (*zvuki*) instead of "fame." As the subject of a verb meaning "to shine" or "glitter," this creates one of the rare instances of mixed metaphor in Derzhavin's poetry.

⁶³ VIII. *The Murza's Vision* (Videnie Murzy). The poem was begun in May, 1783, about a year after *Felitsa*, but was completed only in 1790. It first appeared in print in *The Moscow Journal* in 1791 to be immediately reprinted in the *New Monthly Compositions* (Novyia ezhemesiachnyia sochineniia) of the same year.

⁶⁴ Cf. my study "La symbolique de l'eau chez Derjavine," *Derjavine, un poete russe dans l'Europe des Lumieres*. A Davidenkoff, ed., Bibliotheque Russe de L'Institut D'Etudes Slaves, Tome XCV111, (Paris: Institut D'Etudes Slaves, 1994), pp. 53-66.

⁶⁵ These introductory lines can be subdivided into two recognizable thematic parts, namely the "exposition" and the "confession" in Segel's terminology, which are then followed by three additional subsections in the poem he calls "the appearance of Felitsa," "Felitsa's speech," and "the poet's reply" (cf. his notes to *Felitsa*).

⁶⁶ D. S. Levitskii was one of the foremost painters in eighteenth-century Russia.

⁶⁷ *Petropolis* is a Hellenized name for St. Petersburg, then the capitol of Imperial Russia.

⁶⁸ From this point on (line 65 to the end-line 185) we have provided a simple metrical translation in our continuation the poem.

⁶⁹ "I'm not compelled to hatch an egg"—A reference to the humorous and sometimes humiliating charades that Catherine on occasion forced out-of-favor courtiers to preform for her amusement.

⁷⁰ IX. *The Spring* (Kliuch, 1778), first published in *St-Petersbugskii Vestnik* (October, Part IV, p. 267), is one of Derzhavin's first works written under the influence of Horace. There are other poets of the past from whom Derzhavin later borrowed material for his poetry (principally from Pindar, Ovid, Anacreon and Sappho), but it is the Horatian vein which became Derzhavin's ultimate forte. Ostensibly devoted to the same theme as Horace's "O fons Bandusiae," it in fact starts at the point where Horace ends his ode ("down flowing from the mountain steep").

The poem is composed of ten five-line iambic tetrameter stanzas; the first four line in each are rhymed *a B a b* whereas the fifth is left unrhymed.

⁷¹ M. M. Kheraskov (1733-1807), one of the century's most important men of letters, played a major role in the growth of Russian literature and the institutions of Russian literary life. For many years the rector of Moscow University, he left behind an impressively large body of work unjustly neglected by later generations. If it is *The Rossiad* that Derzhavin mentions in *The Spring*, he and other poets of the age owe Kheraskov a broader debt. Specifically, Kheraskov evolved a poetic language that facilitated the rise of Russian esoteric thought and metaphysical poetry. His magnificent sacred odes played a vital role in shaping some of Derzhavin's own best-known works.

⁷² A free adaptation of the first verse of Psalm 42 (Psalm 41 in the Orthodox Psalter).

⁷³ X. *On the Death of Prince Meshcherskii* (Na smert' kniazia Meshcherskago)

⁷⁴ Cf. *The Sanktpeterburgskii vestnik*, part 4, p.175.

⁷⁵ Rather to a Russian translation of Young's poem by A.M. Kutuzov, published in 1777.

⁷⁶ For instance, the famous Russian poet, I. I. Dmitriev (1760-1837), took great pains to discover this newly arisen talent in 1779.

⁷⁷ Death is grammatically feminine in Russian. Moreover, in Russian folk art Death is regularly depicted as a female.

⁷⁸ XI. *Autumn During the Siege of Ochakov* (Osen' vo vremia osady Ochakova) was first published in Derzhavin's *Works* 1798, p.122. Like the ode *On the Death of Prince Meshchersky*, this work is rendered in (fifteen) octaves of iambic tetrameter with alternating feminine and masculine endings, some rhymed *a B a B c D c D*. We have chosen to render the entire poem in unrhymed iambic tetrameter (preserving the poem's feminine/masculine alternation) since several key stanzas of the original (such as the first, fourth, seventh, tenth and thirteenth) are indeed unrhymed.

⁷⁹ A fortress in the mouth of the Dneper held by Turkish forces.

⁸⁰ Prince Sergei Fedorovich Golitsyn's wife Varvara was the niece of the Russian Commander-in-Chief (and favorite of the Empress) Grigory Potemkin.

⁸¹ In medieval Russia, a *bogatyř*' was a folk hero, somewhat in the spirit of the knights of France, England, and Germany.

⁸² The word *shchi* is used to name a particular type of cabbage soup that is popular in Russian cuisine.

⁸³ A stately Russian folk-dance.

⁸⁴ XII. *To N. A. L'vov* (K N. A. L'vovu) was first published in *The Moskovskii Zhurnal*, part VII (August, 1792), p. 105.

⁸⁵ The friend mentioned here and in stanza 12 is Derzhavin's first wife, Catherine, with whom Lvov's wife (one of the Diakov sisters) exchanged presents of hand work.

⁸⁶ XIII. The introduction, the accompanying translation and the notes to *The Waterfall* (Vodopad) are reprinted fully from H.B. Segel's *The Literature of Eighteenth-Century Russia*, vol. 2, with permission of Dutton.

⁸⁷ A reference to the four stages of the Kivach waterfall.

- ⁸⁸ An iron foundry was located about 25 miles (40 versts) from the waterfall. In clear weather, however, sounds emanating from it reached as far as the Kivach.
- ⁸⁹ An allusion to Count Rumiantsev.
- ⁹⁰ The color mentioned in the original is: *kak vecher vo zare rumianoï*. Derzhavin's use of the "rumian" color is playing on the root of the name Rumiantsev—*rumiani*, "rosy," "reddish," "ruddy."
- ⁹¹ A reference to Julius Caesar's assassination.
- ⁹² Belisarius (sixth century A.D.), a Byzantine general convicted of treason and blinded.
- ⁹³ Potemkin died on October 5, 1791, on a journey between Jassy and Nikolaev.
- ⁹⁴ The poet is also suggesting by this image the humbling of the Turkish crescent (i.e., the Ottoman Empire) before Rumiantsev in the first Turkish War (1768-1774).
- ⁹⁵ A reference to the "wizardry" of Rumiantsev's military strategy.
- ⁹⁶ The "amber waves" refer to the Baltic Sea where Prussian forces were defeated by the Russians in the Seven Years' War (1756-1763). The "black waves" refer to the Black Sea and Russian victories over the Turks.
- ⁹⁷ An ancient country in Transcaucasia, on the eastern shore of the Black Sea. The legendary Golden Fleece was in Colchis. Derzhavin erroneously uses Colchis (*Kolkhida*, in Russian) with reference to the Crimea, which was "humbled" during the First Turkish War.
- ⁹⁸ A reference to the Russian tsar.
- ⁹⁹ A reference to the celebrations and honors tended Rumiantsev for his victories.
- ¹⁰⁰ That is, Potemkin.
- ¹⁰¹ Potemkin died on the night of October 5, 1791. Sensing the approach of death, he asked to be taken from his coach and laid on the grass of the steppe he was traveling across at the time. When he died, a hussar closed his eyes with two small gold coins.
- ¹⁰² For his victories over the Tatars and Turks, which facilitated the Russian annexation of the Crimea, Potemkin was permitted to add the honorific "Tavricheski" (of *Tavrida*, an old name for the Crimea) to his name.
- ¹⁰³ A reference to Potemkin's close ties to the Empress Catherine.
- ¹⁰⁴ Potemkin enjoyed the reputation of a patron of the arts.
- ¹⁰⁵ The reference is to Constantinople (Istanbul). Potemkin had grandiose plans for the collapse of Ottoman power, and felt himself entrusted with the task of "saving" Europe from the Turks.
- ¹⁰⁶ The Turkish fortress of Ochakov in the Crimea was seized during the Second Turkish War on December 6, 1788.
- ¹⁰⁷ Izmail, another Turkish stronghold on the Black Sea, was seized by the Russians on December 11, 1790.
- ¹⁰⁸ A reference to Potemkin's frequent use of less orthodox military strategy.

- ¹⁰⁹ In honor of Potemkin's victories in the South, a triumphal arch of marble was erected in Tsarskoe Selo (near St. Petersburg) in 1791.
- ¹¹⁰ Derzhavin is referring here to his own ode *On the Capture of Izmail* (Na vziatie Izmaila, 1790-1791, printed 1793).
- ¹¹¹ A reference to brilliantly illuminated celebrations in Potemkin's palace.
- ¹¹² A reference to the laurel wreath of diamonds presented to Potemkin by Catherine in recognition of his victories.
- ¹¹³ The *bulava* in Russian was a field marshal's baton. It also indicated the Cossack hetmanate that Potemkin held in 1790.
- ¹¹⁴ In his *Ecolgues* Virgil glorified the Roman statesman and patron of literature, Gaius Cilnius Maecenas (c. 70-8 B.C.).
- ¹¹⁵ A reference to Potemkin's famous phaeton and tandem of horses.
- ¹¹⁶ A reference to an actual event in Potemkin's life. Leaving church after the funeral of the Prince of Wittemberg (the brother-in-law of Paul, the successor to the throne), who died on August 13, 1791, Potemkin was sunk in thought and actually boarded the hearse instead of his own carriage.
- ¹¹⁷ A Russianized form of Pontius Euxinus ("hospitable sea"), the Latin name for the Black Sea.
- ¹¹⁸ The Turkish garrison at Izmail numbered 40,000 men.
- ¹¹⁹ Baron Otto Weismann von Weisenstein. A general who lost his life in the First Turkish War on June 22, 1773, and was buried in Izmail.
- ¹²⁰ A reference to the fires of Turkish fortresses under siege and the burning of Turkish naval vessels.
- ¹²¹ Ochakov fell in December on a bitter cold day.
- ¹²² The poet is speaking of the reflections of clouds and naval ensigns on the water on a clear day.
- ¹²³ A reference to the medallions of Potemkin many Russian women wore on their chests.
- ¹²⁴ The Athenian general and statesman in the Peloponnesian War. He lived from c. 450-405 B.C.
- ¹²⁵ A coward who condemned Achilles. Probably here an allusion to Prince Zubov, who was sometimes critical of Potemkin.
- ¹²⁶ The poet is speaking of the ruin personal ambition can cause.
- ¹²⁷ The Suna River flows into Lake Onega in northwestern Russia.
- ¹²⁸ XIV. *An Outing at Sarskoe Selo* (Progulka v Saarskom sele) was first published in *Moskovskii zhurnal*, part 3, 1791, p. 125.
- ¹²⁹ It is this place that A. S. Pushkin would later immortalize in his *Reminiscences at Tsarskoe Selo*, the translation of which we offer in the Pushkin section of this volume.
- ¹³⁰ During her reign, Catherine filled the garden at Sarskoe selo with buildings and monuments to commemorate Russia's military victories.
- ¹³¹ One of Cathrine II's claims to recognition was her reformation of the Russian legal system. Hence the reference to Themis, a Greek goddess strongly associated with order, justice and law. Ancient tradition also

held that Apollo and Themis together founded the Delphic oracle to guide and civilize humanity. In the Homeric hymn to Apollo, moreover, Themis nurtures the new-born god of poetry and music with nectar and ambrosia. The appellation is thus complimentary to Catherine in two ways: she is both a just monarch and a patron of the arts.

¹³² Derzhavin used the name "Plenira" for his first wife, Katerina Iakovlevna, nee Bastidon (1760-94). Katerina Iakovlevna enthralled Derzhavin with her gentleness, intelligence, artistic talent, and beauty. She died after a long illness in 1794.

As noted in the introduction, the poem forms part of a cycle of poems, all addressed to his first wife and united by the word "Plenira," which combines two systems of word roots. It is derived partly from the Latin word "plenitas," meaning "fullness" or "abundance," and partly from the Russian verb "pleniati," defined as "to enthrall or captivate." Below, the poet makes a pun on this name when he says she "enthralls his spirit" ("Toboi plenen moi dukh").

¹³³ Nikolai Mikhailovich Karamzin (1766-1826), a historian, poet, and prose author, earned his highly respected place in Russian letters for the flexible and graceful style of his narrative prose. His stories, such as *Poor Liza* (Bednaia Liza) or *Martha, the Mayor of Novgorod* (Marfa-posadnitsa), frequently focused on Russian and pastoral themes and appealed to readers' emotions.

¹³⁴ XV. *The Swallow* (Lastochka). The first version of the poem was composed and published in 1792 in *Moskovskii Zhurnal* (December, Part VIII, p. 193).

¹³⁶ The poem was in fact originally rendered in polymetric trimeter and tetrameter lines, which was noted by N. Karamzin to be very pleasing (cf. Grot, 2nd, vol 1, p. 399). Even the final variant of the poem is difficult to describe metrically, as it offers varied uses of all ternary meters in its individual lines, ranging from dactylic to anapestic trimeters. Its dominant rhythmic effect is, however, achieved by a long series of amphibrachic trimeter lines.

¹³⁷ XVI. *An Invitation to a Dinner* (Priglasenie k obedu) first appeared in *Works* 1798.

¹³⁸ The Sheksna is a tributary of the Volga River; in place of "sturgeon" the original has the word sterliad', which means sterlet.

¹³⁹ Instead of "white cream" Derzhavin employs the word *kaimak* (a rich cream of Turkish origin) used in borsht as the whitening agent, which makes it also much smoother to the taste.

¹⁴⁰ A reference to Derzhavin's second wife, Daria (nee Diakova), whom he married in 1795, half a year after his first wife and Daria's friend, Catherine (nee Bastidon), tragically died.

¹⁴¹ Ostensibly the poem was addressed to Count I. I. Shuvalov (1727-1797), one of the most powerful men in Russia, who had bestowed upon Derzhavin a number of favors. Shuvalov was a patron of the arts and the sciences and a number of previous Russian poets, including M.V. Lomonosov, dedicated significant poems to him. But because the actual guests invited by Derzhavin to this particular dinner included another very powerful dignitary and adviser to Catherine, Count A. Bezborodko, Derzhavin wrote the poem in such a way as to enable Bezborodko to

consider it an allusion to himself as well. It is for that reason that the true "benefactor," Shuvalov, is not mentioned by name anywhere in the poem, and that the number of years Derzhavin received support from the latter is shortened from the original mention in the draft of this poem of thirty to twenty in the next verse.

¹⁴² Derzhavin uses here simply the word "benefactor," but due to the Horatian strain of the poem, this rhyme is justified.

¹⁴³ Cf. The Latin phrase *Arta decet sanum comitem toga* (A narrow toga befits a client of sense) from *Epistles*, Bk. i, epis. 18, l. 30, as quoted in *The Macmillan Book of Proverbs, Maxims and Famous Phrases* (NY: Macmillan Co., 1976) which also lists its earliest attested English version as "I shall cut my cote after my cloth" in John Heywood's "Proverbs" (1546). The Russian expression Derzhavin uses (*Po plat'iu nogi protiaget'*) could be rendered as "Stretch out your legs to the extent of your garment."

¹⁴⁴ Among the guests invited for this dinner was Catherine's favorite, Zubov, who had declined to come to Derzhavin's house at the last moment on the excuse that he had been detained by the Empress.

¹⁴⁵ In Russian the word porphyry stands for royalty.

¹⁴⁶ XVII. *The Peacock* (Pavlin) was first published in *Priiatnoe i Poleznoe Preprovozhdenie Vremeni*, Part VIII (1795), p. 6.

¹⁴⁷ *Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiiu. Kniga pervaiia, v kotoroi sodержitsia Ritorika...*, SPb. 1748

¹⁴⁸ XVIII. *Morunent* (Pamiatnik) was first published in *Priiatnoe i poleznoe preprovozhdeniie vremiani*, 1795 VII, p.145. The original consists, as does our version, of five four-line stanzas of iambic hexameter, rhymed *a B a B c D c D*, etc.

¹⁴⁹ Cf. For instance, Shakespeare's sonnets 55 and 107. The notion of the timeless value of his poetry will be reasserted by Derzhavin in closing each of his separate volumes of *Works* (excepting the fourth, devoted to drama) published during his life.

¹⁵⁰ At the same time, just as in his first Horatian imitation, *The Spring*, Derzhavin also imparts to the classical model a Christian interpretation of his artistic immortality in using the adjectives *chudesnyi* and *vechnyi* (miraculous and eternal). These are clearly the attributes of the Divine, which will later be transformed in Pushkin's version to the adjective *nerukotvornyi* (not made by hands), used to denote the miraculous creations of God (referring either to his cosmic abode, or, in Greek tradition, to the *mandilion* or *acheiropoietos*—the Veronica image in western tradition).

¹⁵¹ Cf. my article "Obraz vody u Derzhavina i obraz poëta" (1996).

¹⁵² IB. *From A Volume Dedicated to Alexander I*. It is clear that Derzhavin, in collecting and arranging his poems for publication, intended individual volumes to reflect the changes brought about in his personal life and in Russian society as a whole by the imperial succession. Noticeably absent from the dedications to individual volumes is the deposed and murdered Paul I, during whose rule Derzhavin experienced a burst of poetic creativity, which was to lead ultimately to the publication of his best-known volume ever, *Anacreontic Songs* (1804). Derzhavin was to see the reign of only one more tsar, Paul's son (and Catherine's grandson)

Alexander I, to whom his second volume of collected works is dedicated. The brevity of this dedication, in comparison with the dedication to Catherine II, speaks to Derzhavin's much greater devotion to that earlier monarch. In all other respects the volumes are quite similar: each begins with a major sacred ode and ends with an ode adapted from Horace. Though the number of entries in both volumes is roughly the same, space considerations have forced us to select half as many from Alexander's volume, since this later period is also represented by our selection of anacreontica (Part C).

¹⁵³ XIX. *The Immortality of the Soul* (Bessmertie dushi). According to Derzhavin's notations the poem was printed separately in 1797. It was subsequently chosen for the first entry in Vol. 2 of his *Works*.

¹⁵⁴ The line also contains the adjective "wise" in the catalogue of the attributes of the Spirit.

¹⁵⁵ XX. *In Praise of Country Life* (Pokhvála sel'skoi zhizni) has several early variants in Derzhavin's manuscripts, most of which bear the title "A Horatian Praise to Country Life Adapted to Russian Customs," and this final variant, published in Volume 2 of *Works* (1808).

¹⁵⁶ A tocsin is an alarm signal sounded by the ringing of bells.

¹⁵⁷ Sippets are pieces of fried or toasted bread. A tankard of beer with such slices of bread, called *grenki* in Russian, was a typical item of Russian cuisine.

¹⁵⁸ In this context, the word *gout* means a streamlet or splash of a liquid.

¹⁵⁹ The expression "rather high" is a translation of the French term *haut gout*. Here it means that the oysters are aged so that they have a different chemical composition and flavor from fresh oysters.

¹⁶⁰ A *cit* was a townsman, as opposed to a country squire or gentleman.

¹⁶¹ XXI. *To Kapnist* (Kapnistu) was first published in the *Works* 1808, Part II, p. 93.

¹⁶² XXII. *The Bullfinch* (Snigir'), composed immediately after the death of the great general in May, 1800, was first published in *Drug prosveshcheniia*, part II (June, 1805), p. 186.

¹⁶³ In fact Byron also recorded Suvorov's odd lack of pretension and pragmatic approach to command in the seventh canto of *Don Juan*, which includes a description of the siege of Ismail. The general's unceremonious arrival on the scene cheers the Russian troops and inspires them to greater effort. Byron's narrator expresses surprise at Suvorov's habit of supervising his troops in person, which most commanders considered beneath their dignity. Also deemed an oddity at the time was Suvorov's predilection for what modern military specialists would call battle simulation:

XLIX

The whole camp rung with joy; you would have thought
That they were going to a marriage feast
(This metaphor, I think, holds good as aught,
Since there is discord after both at least):
There was not now a luggage boy but sought
Danger and spoil with ardour much increased;
And why? because a little -- odd -- old man,
Strip to his shirt, was come to lead the van.

LII

It is an actual fact, that he, commander
 In chief, in proper person deign'd to drill
 The awkward squad, and could afford to squander
 His time, a corporal's duty to fulfil:
 Just as you'd break a sucking salamander
 To swallow flame, and never take it ill:
 He show'd them how to mount a ladder (which
 Was not like Jacob's) or to cross a ditch.

LIII

Also he dress'd up, for the nonce, fascines
 Like men with turbans, scimitars, and dirks,
 And made them charge with bayonet these machines,
 By way of lesson against actual Turks:
 And when well practiced in these mimic scenes,
 He judged them proper to assail the works;
 At which your wise men sneer'd in phrases witty:
 He made no answer; but he took the city.

¹⁶⁴ The "Hyena" represents France, whose 1789 revolution and later conquests of European lands under Napoleon Bonaparte prompted Russia to take military action against France. Paul I, the Russian emperor from 1796 to 1801, sent Suvorov and his troops to fight France in 1799.

¹⁶⁵ XXIII. *The Magic Lantern* (Fonar) was first published in the journal *Drug prosveshcheniia* (III, p. 7) in 1804.

¹⁶⁶ Napoleon Bonaparte.

¹⁶⁷ XXIV. *To Olenin* (Oleninu) was composed in 1804, but first published in *Works* 1808. The six octaves of iambic tetrameter, rhymed *a B a B c c D D*, deftly combine heroic and classical imagery with the humorous, intimate tone appropriate to friendly correspondence.

¹⁶⁸ "The Mirror" (in Russian "zertsalo") was a triptych broadside, emblazoned with the imperial eagle, which listed the decrees of Peter the Great. These were widely distributed and required by law to be prominently displayed in courtrooms, council chambers, and other official venues.

¹⁶⁹ XXV. *To Eugene. Life at Zvanka* (Evgeniiu. Zhizn' Zvanskaia) was first published in *Works* 1808.

¹⁷⁰ Derzhavin was particularly kind toward those who lived and worked on his estate. He liked to spend time with the peasants' children and often acted as the arbiter or judge in their arguments, which in miniature replicated his final post as Minister of Justice in the Imperial Russian government.

¹⁷¹ Derzhavin refers here to the work of his secretary-scribe, Abramov, who was appointed to straighten out the course of the poet's handwriting.

¹⁷² These are Russian alcoholic drinks made from the honey produced from the pollen of different trees.

¹⁷³ This is a champagne-like drink made in Russia from apple or birch sap.

¹⁷⁴ A *camera obscura* takes images of light and projects them onto a dark surface. Here Derzhavin is describing a projection of the sparkling sunlight on the waves and currents of the river Volkhov.

¹⁷⁵ A reference to the Empress Mariia Feodorovna, who ordered the automatic weaving looms, the milling machine, and the wood-cutting machine from abroad for Derzhavin's estate.

¹⁷⁶ A *droshki* (plural in Russian) is a Russian cart or carriage.

¹⁷⁷ The Volkhov is the river located in front of Derzhavin's manor.

¹⁷⁸ With this method, the fishermen would frighten fish into crowding together and jumping upward so that the nets would close on a large school of fish.

¹⁷⁹ Derzhavin and Dar'ia Alekseevna were childless, but their manor was always alive with guests. When Derzhavin married Dar'ia Alekseevna, he became the third man of his literary-poetic circle to marry a woman of the D'iakov family. Derzhavin's closest friends, N. A. L'vov (a Renaissance man whose talents included architecture, mechanics, poetry, art, and science) and V. V. Kapnist (another renowned poet and playwright) had previously married Dar'ia Alekseevna's two other sisters. The children of the L'vovs and Kapnists spent extended periods of time with the Derzhavins at Zvanka. Derzhavin even composed a short play, "Confusion of the Kondratiis," for the three L'vov daughters to act out when they were small children. Later, L'vov's daughter Elizaveta Nikolaevna lived almost permanently with the Derzhavins, and she served as Derzhavin's personal secretary when he was composing and dictating the volume of explanations of his poetry.

¹⁸⁰ In Greek mythology, Thalia was the Muse of comedy or drama, while Terpsichore was the Muse of dance.

¹⁸¹ The *gusli* were a Russian version of a psaltery, a stringed instrument resembling a zither.

¹⁸² This "Eagle" refers to Russia. Derzhavin was unsure of the policies that the emperor Alexander I would follow, particularly with an increasingly bellicose Napoleonic France.

¹⁸³ Alexander himself had artistic talent, and he was a good patron of the arts.

¹⁸⁴ This is a hint at Alexander's wars with Napoleon's France.

¹⁸⁵ Pultusk and Preisch-Eilau were the locations of significant Russian victories over Napoleon's army. Timur was Tamerlane, the 14th-century Turkic conqueror.

¹⁸⁶ This "Eagle" refers to the chief commander M. F. Kamenskii, who left his commanding role during the war in Poland. Then Benningsen took over the command and defeated the enemy in Pultusk.

¹⁸⁷ Saturn was the Roman god of time, like Chronos in Greek mythology.

¹⁸⁸ Derzhavin's statements about Zvanka were prophetic. During World War II, the area around Novgorod was a particularly fierce battleground, and bombings and battles leveled all the buildings remaining on the hill.

¹⁸⁹ Local lore told of a warrior/sorcerer who was buried in a hill on Derzhavin's estate above the Volkhov River. This legend was expressed, in part, in Derzhavin's poem *Zlogor* included in this collection. The river

was named for this sorcerer (in Russian, "volkhv"). Derzhavin used this lore to mystify his own poetic persona on a number of occasions, including countless images of depicting himself as writing poetry while seated on the mound in which *Zlogor* was presumably buried.

¹⁹⁰ The imagery of snakes indicates envious people at court who might try to slander Derzhavin's name after his death.

¹⁹¹ Clio is the Muse of History. Eugene was then gathering materials for a historical encyclopedia of Russian authors.

¹⁹² A reference to his two most revered odes, *God* and *Felitsa*.

¹⁹³ XXVI. *The Swan (Lebed')* was originally composed in 1804, but first printed in vol. 2 of *Works*, 1808. Just as our version, the original consists of ten quatrains of iambic tetrameter, rhymed *a B a B*.

¹⁹⁴ Here Derzhavin describes himself as achieving two types of immortality: that of his poetry and that of the goodness and purity of his soul. In Horace's ode, the double image referred to the poet and the swan.

¹⁹⁵ A reference to the ode *God*, which starts this collection.

¹⁹⁶ This stanza and the next stanza outline the boundaries of imperial Russia at the time the poem was written and name some of the different nationalities inside Russia. Horace's ode refers to the geography and peoples of the Roman Empire.

¹⁹⁷ This line contains a reference to France under the reign of Napoleon Bonaparte. Russia reacted against France's military conquests in Central Europe at the beginning of the nineteenth century.

¹⁹⁸ Part IC: From *Anacreontic Songs*. Having published his anacreontica collection in a separate book in 1804, Derzhavin repeated its entire contents in Vol. 3 of his *Works* 1808, including his introduction, which we offer here:

"Many have imitated and translated the ancients. I do not know if I have succeeded in this venture of mine: but I avow that I was not seeking thereby any compare with them, much less to supersede them. Rather for diversion in my youth and in my idle hours, and of late to oblige my family, have I penned these songs. Out of love for the language of our fatherland I wished to demonstrate its richness, suppleness and delicacy, and in general its capacity for the expression of the very tenderest sentiments, such qualities as are rarely found in other tongues. Apropos I note, for the curious, that the richness and mellifluity of Russian are well attested by the songs here numbered XIX, XXXVI, XLI, XLIX, LV, LXXXIII, LXXXVI, LXXXVII, LXXXVIII and XCIII, in which the consonant 'r' is not once employed.

In their own insignificance these songs would merit oblivion; yet so many are being circulated in longhand copies, and some even printed without my permission and in debased form, that in order to do them justice I have here collected and corrected them. King Solomon composed songs—this is attested by Holy Scripture. Plato also wrote in this vein, hence No. XX. In Athens only the Areopagites were barred from composing songs of laughter, wine and conviviality; but since I have already been freed from official obligations I make bold dispatch of these to the printer.

And finally I must apprise the reader that herein I have made mention of Slavic deities rather than foreign ones, to demonstrate that our poetry may be ornamented as well with our own: *Lel'* (Love-God), *Zimsterla* (Spring), *Znich* (May), *Lada* (Goddess of Beauty), *Uslad* (God of Opulence), etc."

¹⁹⁹ Cf. G. Ionin's Academy edition of *Anacreontic Songs* (1996)

²⁰⁰ In addition Derzhavin makes it clear that he drew his inspiration not only from the classical anacreontica, but also from the biblical *Song of Songs*, attributed to King Solomon, whose name he cites even before Anacreon's.

²⁰¹ Cf. Kheraskov's *Ody novyia* (1762)

²⁰² XXVII. *A Tribute to Lovely Women* (Prinoshenie krasavitsam) was first published in *Anacreontic Songs* (SPb., 1804), p. 3. The original is in trochaic tetrameter, rhymed *a B a B c D c D* etc., which we render here in the same meter, but with every second line rhymed.

²⁰³ XXVIII. *On the Birth, in the North, of a Royal Scion* (Na rozhdenie v Severe porfirorodnogo otroka), originally published as "Stikhi na rozhdenie v Severe porfirorodnogo otroka dekabria vo vtoroi nadesiat' den', v kotoryi solntse nachinaet vozvrat svoi ot zimy na leto" in *SPb. Vestnik*, 1779, part 4, December, p. 410.

²⁰⁴ Derzhavin actually did compose a celebratory ode at the time, but was displeased with the results as being more in Lomonosov's style than his own. For this reason he chose not to publish it immediately, reworking the theme for its initial publication in 1779 and continuing to revise the ode until 1808.

²⁰⁵ Unlike *Autumn During the Siege of Ochakov* this work does not yet Russify other images—nymphs and satyrs cavort through an idealized northern landscape as Boreas gives place to Zephyr. But like *Felitsa* this ode is formally innovative, featuring a sing-song trochaic tetrameter and eschewing stanzaic division. The original's alternating feminine and masculine rhymes (*a B a B c D c D* etc.) are reproduced here in metered but unrhymed lines.

²⁰⁶ XXIX. *The Ruins* (Razvaliny) was originally composed in 1797, but apparently did not see its first printing in Russia until 1804 in *Anacreontic Songs*, p. 30. By Derzhavin's notes we know that the poem was first privately published in Saxony by Count Alexey Orloff, one of Catherine's favorites, who had been banished from Russia by Paul. It is not known how he obtained the poem (did the author send it?) or if Derzhavin was complicit in publishing abroad a work the censors could not have passed in Russia. In any case, Derzhavin continued to work on it further until the final reading of 1808.

²⁰⁷ For further comparison of these two texts see my study "Le siècle de Catherine II ou le siècle de Derjavine? Essai sur la fonction du poète" in *Catherine II & L'Europe*, edited by A. Davidenkoff, Collection historique de l'Institut d'études slaves, Tome XXXVIII, (Paris: Institute D'Études Slaves, 1997), pp 193-200.

²⁰⁸ XXX. *Longing* (Mechta) was one of the first poems dedicated to his second wife, Dariia Diakova, on occasion of their engagement in 1794. It is also a poem which signalled Derzhavin's now definite turn to anacreontica as a result of an unmistakable influence in this vein of his friend, N. A. L'vov, who had published a whole book consisting of his translations of Anacreon's poetry in the same year. "Mechta" was first published in *Aonidy* (1797, part II, p. 148), and later on in both, his *Anacreontic Songs* (1804) and *Works* (part III).

²⁰⁹ XXXI. *To Angelica Kauffmann* (K Anzhelike Kaufman) was first published in *Works* 1798. The original comprises 24 lines of trochaic tetrameter, rhymed *a B a B c D c D* etc.

²¹⁰ Derzhavin, of course, did do the obverse function as well, namely by using other painter's art as an inspiration to his muse, such as in the case of *The Murza's Vision* (where he was inspired by D. S. Levitsky, as noted earlier) or in *The Depiction of Felitsa* (1789), in which he addresses Raphael.

²¹¹ XXXII. *The Fiery Spring* (Goriuchii kliuch), its alternate translation being *The Burning Spring*, was first published in 1804, in the volume *Anacreonticheskie pesni* (p.70).

²¹² XXXIII. *Russian Maidens* (Russkii devushki) was written in St. P. in 1799 and then first published in *Anacreontic Songs*, 1804. The original comprises 24 lines, rhymed *a B a B c D c D* etc.

²¹³ Indeed, it seems almost redundant that the poem was half a century later set to music (by Iakovlev).

²¹⁴ XXXIV. *The Gypsy Dance* (Tsyganskaia pliaska) underwent several revisions before its publication in the *Works*, 1808.

Derzhavin was long-time friends with the poet I. I. Dmitriev, who like Derzhavin was instrumental in transforming the genre categories of Russian verse. In 1804 Derzhavin, under the erroneous impression that Dmitriev planned to spend the summer in the country, sent him an unsigned manuscript poem entitled *Summer*. These verses described the beauties of nature that would surround Dmitriev in his rural retreat and predicted that such idyllic surroundings would render him too lazy to write. Dmitriev responded with a poem revealing that he would instead be summering in that "abode of vanities," Moscow. There he would be distracted from poetic labors not by birdsong, but by the cacophonous singing of neighborhood gypsies. *The Gypsy Dance* was Derzhavin's answer, perhaps implying that he was a poet whose inspiration could rise to any occasion.

In this work the poet, in reproducing the rhythmic complexity of Gypsy dances, relies on varied line lengths (tetrameters and trimeters) and meters (amphibrachs and iambs): each of his quatrains of amphibrachic trimeter is followed by a couplet refrain (iambic tetrameter/iambic trimeter). Our version attempts to reproduce the rhythm of the original exactly and thus varies, according to Derzhavin's pattern.

²¹⁵ XXXV. *Chains* (Tsepi) were first published in *Anacreontic Songs*, 1804.

²¹⁶ XXXVI. *To Sappho* (Safe) was first published with an alternate title *K Safe* in *Aonidy*, p. II (1797), p. 246, and later in *Anacreontic Songs*, 1804.

²¹⁷ Phaon: in the Greek tradition a boatman who ferried Venus across the sea. When he refused to take payment, she granted his wish to be transformed from an ugly old man into a beautiful youth with whom Sappho fell in love.

²¹⁸ XXXVII. *To Tonci* (Tonchiiu), composed in 1801 and first published in *Anacreontic Songs*, 1804.

²¹⁹ Another period copy from the same portrait now hangs in the Irkutsk Museum. Its provenance is also obliquely connected to the aforementioned anecdote about the propriety of the poet's attire for the sitting, in as much as Derzhavin is clad on the painting in the fur coat, which he received

as a gift from the Irkutsk merchant Serebriakov, whose legal matters Derzhavin successfully represented in the 1790s. Apparently Derzhavin liked the fur coat a great deal and decided to send Serebriakov a copy of his favorite painting in return.

²²⁰ XXXVIII. *A Crown Of Immortality* (Venets bessmertiiia). Derzhavin began to shape this poem, first published in *Anacreontic Songs* (1804), as early as 1798. He continued to polish it until its inclusion in *Works* (1808).

²²¹ Part 1D: From Other Volumes and Later Years. In between the 1808 publication of *Anacreontic Songs* and the issuing in 1816 of his final volume of poetry, there was printed in 1808 a separate volume (the fourth in the series), in which were collected Derzhavin's dramatic works and prose. We provide no translations from this volume. It is from his fifth (1816) volume that we take our last selections and add to it in this section his final poem, written in chalk on a small slate board on the eve of his death.

²²² XLI. *Corruptible and Incorruptible* (Tlenie i netlenie) was first published in *Chteniia v Besede liubitelei russkago slova* 1813, cht. XIV, p. 56 and, after its several other printings, in *Works*, V, xxvii.

²²³ David Edwin's celebrated allegorical painting "The Apotheosis of George Washington" (1799) might serve as an apt representation of the poem's overall tone.

²²⁴ XXXIX. *The Baths of Aristippus* (Aristipova bania) was composed in 1811 and first printed in 1812 in the publication *Chtenie v Besede liubitelei russkago slova* (vol. 6, p. 65).

²²⁵ Cf. N. N. Kalinin, "Zagadki Aristipovoi bani," *Derzhavinskie chteniia*, I, pp. 85-92.

²²⁶ Arcadia: the cloudless land of pastoral pleasures in classical literature.

²²⁷ The Tempean vale is the Valley of Tempe, sacred to Apollo and proverbial for its beauty; in the Garden of the Hesperides grew famous golden apples, which were bestowed on Hera as a wedding gift by Gaia (Earth).

²²⁸ Cytherian sports, i.e. erotic games favored by Aphrodite.

²²⁹ Appeles, famed classical painter.

²³⁰ Arete means "virtue" in Greek.

²³¹ Literally in Russian "And twists, absorbed in thought, his whisker."

²³² XL. *Zlogor, Volkhu of Novgorod* (Zlogor. Novgorodskii volkhv, 1813) was first published in *Works*, vol. 5, 1816. Framed by a choral incantation, rhymed *A b b A c c D D* and addressed to the bard relating Zlogor's deeds, the body of the poem is in 8-line stanzas of iambic tetrameter, rhymed *a B a B c D c D*. Our translation reproduces the meters and rhymes of the choral invocation exactly. For the rest, we have opted to rely on an iambic pentameter, a more natural sounding meter in English narrative poetry, to convey the style of Derzhavin's tale. This part of our version is unrhymed, but it preserves the feminine/masculine alternation of the original.

²³³ Derzhavin makes mention of this same *Zlogor* in *To Eugene: Life at Zvanka*. In addition to *Zlogor*, Derzhavin in the course of the poem refers to a number of ancient Slavic deities (*Veles, Perun, Kikimora and Baba Yaga*), place names (Neva, Il'men, Mshaga, Shelon, Ladoga and Khutinsky), and historical personages (Vadim, Gostomysl, Dobrynia, Yaroslav the Wise,

and Ivan the Terrible). Some of these are attested, some merely traditional and some were even the products of Derzhavin's imagination, designed to draw the reader into Derzhavin's magical vision of the Russian past.

²³⁴ XLII. *To Polyhymnia* (Poligimnii) was first printed in vol. V of Derzhavin's *Works* (1816) as its final entry.

²³⁵ XLIII. *On Transience* (Na tlennost') was first published in 1818.

²³⁶ Morris Halle. "O nezamechennom akrostikhe Derzhavina," *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. "S-Gravenhage, 1959, I/II. pp. 232-236.

²³⁷ Though the following seven further variations on this poem are not limited to the original meter and rhyme scheme, nonetheless each offers a unique, personal rendition of the possible meaning of Derzhavin's acrostic, as well as the poem itself. In deference to the poet, they are presented here as a series of seven additional interrelated, individually numbered stanzas, with the translators' initials listed below each version.

ii

Relentless River in its course of aeons
Usurps all deeds and works of mortal men,
It plunges Universe in dark oblivion:
Naught shall remain of kingdoms, kings or clans.
Should any shell of life remain, persist,
Thanks to a lyre's sound, a trumpet's call,
Obscured, it shall be crushed in the abyss,
Purged of its form, to meet the Fate of all!

A. L. and A. G. M.

iii

River of aeons in its ceaseless torrent
Unmakes and drowns all work of human hands;
In dark oblivion it plunges kingdoms:
Naught leaves behind of nations, rulers, lands.
Howbeit that some note of lyre or trumpet
A little while escape, endure, resound,
It too the maw of ages shall devour,
Like all else it to Fate and Death is bound.

M. T. K.

iv

How swift Time's river! In its ceaseless flowing
Away are borne all works of mortal men.
It sinks and drowns in depths of dark oblivion
Lands and their peoples, kingdoms with their kings.
Remains there yet, unconquered, still surviving
Unquenched, a poet's song or hero's deed?
In Time's great maw it will be soon devoured,
None may our common mortal Fate evade.

M. T. K.

How swift Time's river! Its enraged torrent,
 Ancient of aeons, bears downward all our pride.
 Is there no immortality for kingdoms,
 Lords and their vassals, nations, clan, or tribe?
 Relentless flood! May no man-spawn escape you,
 Up, from your coils leap gasping on the sand?
 I covet Man, his seed, his works, his music...
 None may the ever-flowing tide of Time withstand.

E. K. D.

All-purging flood, in whose murmurous coils
 Vanish all works and all kingdoms of men,
 Engulfed the victor, entombed his spoils,
 Royalty, peasantry, noble and swain!
 Unmerciful tide, will you suffer not one song
 Issue immortal from trumpet or lyre?
 Not one voice will conquer Eternity's silence,
 Although it cry only "All, all must expire!"

E. K. D.

Adrift upon the River of Oblivion,
 Vortices swallowing all man's work and pride,
 Engulfing nations, dynasties and kingdoms,
 Ruler and subject, chieftains and their tribes...
 Unsparing of the least of man's creation,
 Into the abyss, lyre's note and trumpet's call!
 None may escape the jaws of Time's Leviathan:
 Alas! Time conquers, Time devours all!

E. K. D.

Alas that rushing spate of our oblivion,
 Voracious of Man's work, his seed, his pride,
 Engulfs, erases dynasties and kingdoms,
 Ruler and subject borne away alike.
 Unsparing flood, nor soul nor song escapes it,
 Immortal Sons of Time may never be.
 None may outlive the hunger of the ancient
 All-purging stream where all are borne and die!

E. K. D.

²³⁸ An examination brochure, inviting Derzhavin to come to the examination at Tsarskoe Selo Lycee exists in several copies in the vast Derzhavin archive located at Rossiiskaia Natsional'aia Biblioteka (formerly *Gosudarstvennaia Publichnaia Biblioteka*) in St. Petersburg. Our excerpt is taken from F247. v. 30. (No.47), ff 293-297. Derzhavin was frequently asked to come to such examinations at various educational institutions at the end of his life and various booklets or brochures announcing such examinations are richly

represented in his archive. Thus, at least in this respect, attending the Lycée exam was not unusual in the poet's life at the time. Yet Derzhavin's request that a clean copy of Pushkin's poem would be made for him was unusual indeed, as he is not known to have asked for a similar favor at any other examination he attended. Clearly Derzhavin was most impressed with the poem Pushkin read in his presence.

The brochure bears a pencilled comment by Grot, which reads: "nabirat' sovershenno skhodno s ètim originalom bez vsiakikh otstuplenii (iz tetradi No. 9)." If there is, therefore, no doubt that the academicians planned to publish the entire brochure, so far his plan seems not to have born fruit: no reprint of it is known to any of the members of the Pushkin Group at the Academy of Sciences (*Pushkinskii Dom*) whom I have asked in St. Petersburg. Detailed description of subjects I-X is omitted here for our purposes, as Derzhavin did not attend them.

²³⁹ The first stanza of the present translation is to a large extent based on Yarmolinsky's version from the 1950's, but expanded back to accommodate Pushkin's hexameter line. All other stanzas are newly translated.

²⁴⁰ Alexander's spire of stone—a reference to the colossal granite column, topped with a statue of an angel (supposedly modeled on the facial features of Alexander I), which stands in the largest square adjacent to the Winter Palace in Saint Petersburg. The monument was erected in by the monarch to commemorate Russia's victory over Napoleon. It is interesting to note that whereas Derzhavin had compared the durability of his fame to the Pyramid—a symbol of temporal power so ancient as to be almost generic—Pushkin asserts his claim over those of contemporary reality.

²⁴¹ The universal scourge —Napoleon Bonaparte.

²⁴² The French army invaded Russia in the summer of 1812.

²⁴³ This and the next stanza concern the battle of Borodino (September 7, 1812). There have been few battles in the history of warfare to match Borodino for ferocity and intensity of fighting. The French battalions, with an initial strength of 130,000 men, lost 50,000 in the course of one day. The Russians began with 112,000 and lost 58,000, but held their position. Pushkin patriotically claims victory for the Russians here, but the result was closer to a draw and the French proceeded to Moscow. Napoleon entered the Kremlin on September 14th.

²⁴⁴ Gray paladin—a reference to the general Kutuzov.

²⁴⁵ Stanzas XIV-XVI describe the effects of the great fire which destroyed most of Moscow shortly after the arrival of the French army. It is still a matter of historical dispute whether the fire was set by the French, or by the Russians in an attempt to drive the invaders out, or was of accidental origin.

²⁴⁶ A description of the rout and retreat of Napoleon's army. Russian troops, with the enthusiastic support of the populace, hounded the French out of their territory. Many who escaped swords and bullets fell to starvation and cold as winter set in. A force of nearly half a million men had invaded Russia: roughly one tenth that number survived the debacle.

²⁴⁷ Tsar Aleksandr I rode triumphantly into Paris on March 13, 1814 (a day he was to call the happiest of his life). The Parisians, who had been expecting harsh treatment at the hands of Russian troops, were nonplussed by the restraint and conciliatory attitude of the Russian occupying forces.

²⁴⁸ Pushkin's *Pamiatnik*—clearly a dialogue with Derzhavin's *K muze*—is the last poem we have preserved in the poet's own hand. In this regard it is also analogous to "Reka vremen," Derzhavin's ultimate meditation on the theme of poetic immortality.

REFERENCES AND SELECT BIBLIOGRAPHY

- Afnas'eva, K. A. *Russkaia oda XVIII veka: Istoki i evoliutsiia*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. (M.: Rossiiskaia AN, Inst. mirovoi lit. imeni A. M. Gor'kogo, 1994).
- Aksakov, Sergei A. "Znakomstvo s Derzhavinyim," *Sobranie sochinenii v 4 tomakh*, vol. 2 (M.: Khud. lit., 1955): 314-336
- Al'tshuller, Mark. G. "Literaturno-teoreticheskie vzgliady Derzhavina i 'Beseda Liubitelei russkogo slova,'" *XVIII vek*, 8 (1969): 103-13.
- Andrianov, I. Iu. "Stikhotvorenie G. R. Derzhavina 'Lebed'" kak pereozhdenie dvadtsatoi ody vtoroi knigi Goratsiia 'K Metsenatu.'" *Tvorchestvo G. R. Derzhavina: Problemy izucheniia i prepodavaniia. Materialy iubileinoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 14-16 sentiabria 1993 goda*. (Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo gos. pedagogicheskogo instituta, 1993): 60-62.
- Backvis, Claude. "Dans quelle mesure Derzhavin est-il un baroque?" *Studies in Russian and Polish Literature in Honor of Waclaw Lednicki*. (The Hague, 1962): 72-104.
- Bakhtin, M. M. "The Bildungsroman and Its Significance in the History of Realism" in C. Emerson, ed., *Speech Genres and Other Late Essays*, (Austin: U. of Texas Press, 1986).
- Bakhtin, M. M. *The Dialogic Imagination*. Michael Holquist, ed. Caryl Emerson and Michael Holquist, trans. (Austin, Tx.: U. of Texas Press, 1981).
- Belinskii, V. G. *Estetika i literaturnaia kritika*. 2 vols. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1959.
- Bennett, Sandra Shaw. "Derzhavin's 'Ode to the New Year, 1781.'" *Australian Slavonic and East European Studies* 4, Nos. 1-2 (1990): 55-68.
- _____. "The House on the Fontanka: Derzhavin's Home as Cultural Symbol." *New Zealand Slavonic Journal* (1992): 7-30.
- Berkov, P. N. "Problema izucheniia russkogo klassitsizma." *Russkaia literatura XVIII veka. Epokha Klassitsizma* [XVIII vek. No. 6]. (M.: Nauka, 1964).
- _____. *Vvedenie v izuchenie istorii russkoi literatury XVIII veka. Chast' 1. Ocherk literaturnoi istoriografii XVIII veka*. (L.: Izdatel'stvo Leningradskogo u., 1964).
- _____. "Derzhavin i Karamzin v istorii russkoi literatury kontsa XVIII-nachala XIX veka," *XVIII vek*, No. 8 (1969): 5-18.
- Bethea, David M. "Where to Begin: Pushkin, Derzhavin, and the Poetic Use of Filiation." In: *Rereading Russian Poetry*. Stephanie Sandler, ed. (New Haven: Yale University Press, 1999): 58-70
- Bethea, David, and Angela Brintlinger, "Derzhavin u Khodasevicha." *Gavriil Derzhavin (1743-1816)*. Efim Etkind and Svetlana Elnitsky, eds. Norwich Symposia on Russian Literature and Culture, Vol. IV. (Northfield, Vt.: The Russian School of Norwich University, 1995): 383-392.
- Blagoi, D. D. *Istoriia russkoi literatury XVIII veka*. (M.: Gos. uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR, 1945).
- _____. *Tvorcheskii Put' Pushkina*. (M.-L.: AN SSSR, 1950).
- _____. "Gavrila Romanovich Derzhavin," in G. R. Derzhavin's *Stikhotvoreniia*, ed. Blagoi, (L.: Sov. pisatel', 1957): 5-74
- [Bolkhovitinov, E.] "Novyi Opyt Istoricheskago Slovaria o Rossiiskikh Pisatel'iaikh." *Drug Prosveshcheniia*, Part I (March, 1806): 274-88.

Booth, Wayne C. *The Company We Keep: An Ethics of Fiction* (Berkeley; Los Angeles; London: U. of California Press, 1988).

Bowring, J. *Specimens of the Russian Poets*. With Preliminary Remarks and Biographical Notices, 2nd edition with additions (London: 1821): xii-xiii and 3-44.

Brown, W. E. "Gavriil Romanovich Derzhavin" in his *A History of 18th Century Russian Literature*. (Ann Arbor: Ardis, 1980): 381-415.

Buslaev, Fedor I. "Illiustratsiia stikhotvorenii Derzhavina." *Moi dosugi. Sobrannyya iz periodicheskikh izdaniï melkiiia sochineniia Fedora Buslaeva*. 2 vols. (M.: Sinodal'noi Tip., 1886), Vol. 2: 70-166.

Chechulin, N. *Russkoe provintsial'noe obshchestvo vo vtoroi polovine XVIII veka: Istoricheskii ocherk*. (SPb.: Tip. V. S. Balasheva, 1889).

Chernigovskii, D. N. "G. R. Derzhavin i I. M. Dolgorukov." *Tvorchestvo G. R. Derzhavina. Materialy iubileinoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 14-16 sentiabria 1993 g.* (Tambov: Izd. Tambovskogo gos. ped. inst., 1993): 93-95.

Cizevskii, Dmitrii. *History of Russian Literature from the Eleventh Century through the end of the Baroque*. (The Hague: Mouton & Co., 1950).

Cho, Jugwan. "Time Philosophy in Derzhavin's Poetics." Ph.D., Ohio State U., 1992. (Ann Arbor: University Microfilms, Inc., 1993).

Clardy, J. V. G. R. *Dezhavin: A Political Biography* (The Hague and Paris: Mouton, 1967).

Crone, Anna Lisa. "The Chiasmatic Structure of Derzhavin's 'Bog': Poetic Realization of the 'Chain of Being,'" *Slavic and East European Journal* 38. No. 3 (Fall 1994): 407-8.

_____. "Evgeniïu. Zhizn' Zvanskaia' kak metafizicheskoe stikhotvorenie." *Gavriil Derzhavin (1743-1816)*. E. Etkind and S. Elnitsky, eds. Norwich Symposia on Russian Literature, Vol. IV. (Northfield, Vt.: The Russian School of Norwich U., 1995): 268-82.

Cross, A. G. & Smith, G. S. *Eighteenth-Century Russian Literature, Culture and Thought: A Bibliography of English-language Scholarship and Translations* (Newtonville: Oriental Research Partners, 1984): 48-53.

Dan'ko, E. Ia. "Izobrazitel'noe iskusstvo v poëzii Derzhavina." *XVIII vek*. No. 2. (M.-L.: Izd. AN SSSR, 1940): 166-247.

Davidenkova, Anita. "Derzhavin i barokko." In *Gavriil Derzhavin (1743-1816)*. Ed. by E. Etkind and S. Elnitsky. Norwich Symposia on Russian Literature and Culture, Vol. IV. (Northfield, Vt.: The Russian School of Norwich University, 1995): 10-22.

_____. ed. *Derjavine, un poète russe dans l'Europe des Lumières*. Bibliothèque russe de L'Institut d'études slaves, Tome XCVIII. (Paris: Institut D'Études Slaves, 1994).

_____. ed. *Catherine II & L'Europe*, Collection historique de l'Institut d'études slaves, Tome XXXVIII. (Paris: Institute D'Études Slaves, 1997)

Dmitriev, I. I. "Vzgliad na moju zhizn'," *Sochineniia I. I. Dmitrieva*, ed. by A. A. Floridov, vol. 2 (SPb: 1893)

Eikhenbaum, B. "Derzhavin," *Skvoz' literaturu*. L., 1924 (reprint 'S-Gravenhage, 1962): 5-36.

- Elnitsky, Svetlana. "Derzhavinskie piry i russkaia poëziia." In *Gavriil Derzhavin (1743-1816)*. E. Etkind and S. Elnitsky, eds. Norwich Symposia on Russian Literature and Culture, Vol. IV. (Northfield, Vt.: The Russian School of Norwich U., 1995): 29-152.
- Etkind, Efim. "Dukhovnaia dilogiia Derzhavina: Ody 'Bog'i 'Khristos'." *Cahiers du Monde russe et soviétique* 29. Nos. 3-4 (July-December 1988): 343-56.
- Etkind, Efim, and Svetlana Elnitsky, eds. *Gavriil Derzhavin (1743-1816)*. Norwich Symposia on Russian Literature and Culture, Vol. IV. Northfield, Vt.: The Russian School of Norwich U., 1995.
- Glinka, N. I. *Derzhavin v Peterburge*. (L.: Lenizdat, 1985).
- Grigor'eva, E. G. "O naznachanii vin'et, prilozhennykh k poeticheskim proizvedeniiam G. R. Derzhavina," *Trudy po znakovym sistemam*. v. 23 (1990): 127-44.
- Grot, Iakov K., *Materialy dlia biografii Derzhavina 1773-1777. Deiatel'nost' i peripiska Derzhavina vo vremia Pugachevskago bunta. Izvlecheno is podlinnykh bumag Ia. Grotom* (SPb., 1861) (Zapiski III otd. Imp. AN. kn. VII)
- _____. *Sochineniia Derzhavina s ob'iasnitel'nymi primechaniiami Ia. Grota*, 9 vols (SPb.: AN, 1864-1883).
- _____. "Zhizn' Derzhavina" in *Sochineniia Derzhavina s ob'iasnitel'nymi primechaniiami Ia. Grota*, vol. 8 (SPb: AN, 1880).
- _____. "Primechaniia i prilozheniia k Zhizni Derzhavina" in *Sochineniia Derzhavina s ob'iasnitel'nymi primechaniiami Ia. Grota*, vol. 9 (SPb: AN, 1883).
- Gukovskii, G. A. "Pervye gody poëzii Derzhavina," *Russkaia poëziia XVIII veka* (L.: Academia, 1927): 183-201.
- _____. "O russkom klassitsizme." *Poëtika*. # 5. (L.: Academia, 1929): 21-65.
- _____. "Literaturnoe nasledstvo Derzhavina," *Literaturnoe nasledstvo*, 9-10 (M: 1933): 369-396.
- _____. "G. R. Derzhavin," in *G. Derzhavin. Stikhotvorenia*. (L.: 1947).
- Halle, Morris. "O nezamechnom akrostikke Derzhavina." *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. Gravenhage. 1/11 (1959): 232-36.
- Harris, Jane Gary, "The Creative Imagination in Evolution: A Stylistic Analysis of G. R. Derzhavin's Panegyric and Meditative Odes (1774-94)." Ph.D. diss., Columbia U., 1969.
- _____. "Before 'Felica': The First Signs of G. R. Derzhavin's Odic Voice." *Russian Language Journal* 41, No. 138-39 (1987): 69-81.
- _____. "Derzhavin i Edvard Jung (k voprosu o vliianii perevodov na literaturnyi protsess)." In: *Gavriil Derzhavin (1743-1816)*. Efim Etkind and Svetlana Elnitsky, eds., Norwich Symposia on Russian Literature and Culture, Vol. IV. (Northfield, Vt.: The Russian School of Norwich U., 1995): 202-23.
- Hart, Pierre R. "Life Against Death in Derzhavin's Odes." *Canadian Slavic Studies* 5, No. 1 (1971): 22-34.
- _____. "Aspects of the Anacreontea in Derzhavin's Verse." *Slavic and East European Journal* 17, No. 4 (1973): 375-89.
- _____. *G. R. Derzhavin: A Poet's Progress* (Columbus, Ohio: Slavica, 1978).
- Hedrick, Henry R. "The Poetry of Derzhavin." Ph.D. diss., Princeton U., 1966. Ann Arbor: Dissertation Abstracts 1967. 27, 2132A.
- Istoriia russkoi kritiki*. 2 vols. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958.

- Jakobson, Roman. "Derzhavin's Last Poem and M. Halle's First Literary Analysis." In: *Language, Sound, Structure: Studies in Phonology Presented to Morris Halle by His Teacher and Students*. Aronoff, M., and Oehrle, R. T., eds. Cambridge: MIT Press, 1984. 3-6.
- Kalinin, N. N. "Zagadki Aristipovoi bani," *Derzhavinskie chteniia*, I, p. 85-92.
- Khodasevich, V. F. *Derzhavin*. (Paris: Sovremennye Zapiski, 1931)
- Kitina, A. D. *U istokov russkogo realizma: Derzhavin*. Avtoreferat diss. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Voronezh: Voronezhskii gos. ped. inst., 1950.
- Kölle, Helmut. *Farbe, Licht und Klange in der malenden Poesie Derzhavins*, Forum Slavicum, Vol. 10. Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1966.
- Kulakova, L. I. "O spornykh voprosakh v èstetike Derzhavina," *XVIII vek* # 8 (1969) 25-40
- Kondrashov, S. N. "Plan obshirnyi ob"emletsia smelost'iu zamysla' (nekotorye sotsial'no-ètiqueskie motivy stikhotvoreniiia G. Derzhavina 'Vodopad') *Zhanrovoe svoeobrazie russkoi poèzii i dramaturgii*. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei. Kuibyshev: Kuibyshevskii gos. ped. inst., 1981. Vol. 256: 31-42.
- Koshelev, V. A. "No, akh, pochto tak dolgo zhit?" (O fenomene 'Starika Derzhavina' v literature nachala XIX veka)." *Derzhavinskii sbornik*. V. A. Koshelev, ed. (Novgorod: Novgorodskoe otdelenie Rossiiskogo fonda kul'tury/Novgorodskii gos. ob"edinennyi muzei zapovednik, 1995): 12-26.
- Kucherov, A. Ia. "G. R. Derzhavin." In: *Derzhavin, G. R. Stikhotvoreniiia*. (M.: Gos. izd. khud. lit, 1958): III-LVI.
- Lachmann, Renate. "Imitatio und Intertextualität: Drei russische Versionen von Horaz' 'Exegi Monumentum'." *Poetica: Zeitschrift für Sprach und Literaturwissenschaft* 19, Nos. 3-4 (1987): 195-237.
- Lappo-Danilevskii, K. Iu. "Iz literaturnogo naslediiia A. M. Bakunina." *Literaturnyi arkhiv: materialy po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli*, K. N. Grigor'ian, ed. (SPb.: Nauka, 1994): 94-117.
- Lehmann, U. "Deriavins Paraphrase des 81. Psalms 'Vlastiteljam sudijam'." *Zeitschrift für Slawistik*. #11 (1966): 550-53.
- Levitsky, Alexander and Alisa Gayle Mayor, eds. *A Laurel Wreath for Derzhavin (Venok Derzhavinu)*. Translations by C. Arndt, M. Kitchen, A. Levitsky, A. Mayor, O. Partan, M. Sokolova. In permanent multimedia museum exhibit "The Poet's Corner," The Discovery House, Macon, Ga. USA. Texts, commentary, and readings are available on CD-ROM disk as of 1997.
- Levitsky, Alexander. "The Sacred Ode (Oda Duxovnaja) in Eighteenth-Century Russian Literary Culture," Ph. D. diss. Ann Arbor, 1977.
- _____. "M.V. Lomonosov's Psalms of 1751 as an Encoded Syllogistic Medium (with additional comments on the ordering of Psalms by Sumarokov and Derzhavin)," *Byzantine Studies* Vols. 8, 11 & 12 (1981, 1984 & 1985): 215-229.
- _____. "Russian Sacred Verse from Simeon of Polotsk to the Epoch of Derzhavin," In V. K. Trediakovskij. *Psalter 1753*, First Edition, Biblia Slavica, Serie III, Band 4/b (Paderborn-München-Wien-Zürich: F. Schöningh, 1989): 541-664.
- _____. "La symbolique de l'eau chez Derjavine," *Derjavine, un poète russe dans l'Europe des Lumières*, A. Davidenkoff, ed. Bibliothèque russe de L'Institut d'études slaves, Tome XCVIII, (Paris: Institut D'Études Slaves, 1994): 53-66.

- _____. "G. R. Derzhavin," *Early Modern Russian Writers, Late Seventeenth and Eighteenth Centuries: Dictionary of Literary Biography*. Vol. 150, M. Levitt, ed. (Detroit-Washington, DC-London: Brucoli Clark, 1995): 70-83.
- Levitsky, Alexander. "Ody Bog u Kheraskova i Derzhavina," *Gavriil Derzhavin (1743-1816)*. Norwich Symposia on Russian Literature and Culture. Vol. IV, ed. by E. Etkind & S. Elnitsky, (Northfield, Vermont: The Russian School of Norwich University, 1995): 378-404.
- _____. "Derzhavin, Fridrik II i Goracij (Derzhavin, Frederick II and Tributes to Horace)," *A Window on Russia*. (Papers from the V. International Conference on Eighteenth-Century Russia, Gargano 1994), ed. M. Di Salvo & L. Hughes (Rome: La Fenice, 1996): 237-48.
- _____. "Progulka v Sarskom Sele, 'Razvaliny' i predstavleniia Derzhavina o prekrasnom" in *Tsarskosel'skii Litsei: Nastavniki i Pitomtsy*. (Tezisy dokladov nauchnoi koferentsii). Ed. by S. M. Nekrasov and A. V. Tatarinov (SPb.: Vserossijskij muzej A. S. Pushkina, 1996): 18-21.
- _____. "Obraz vody u Derzhavina i obraz poëta," *XVIII vek*. 20. (1996): 47-71
- _____. "Le siecle de Catherine II ou le siecle de Derjavine? Essai sur la fonction du poète" in *Catherine II & L'Europe*, ed. A. Davidenkoff, Collection historique de l'Institut d'études slaves, Tome XXXVIII, (Paris: Institute D'Études Slaves, 1997): 193-200.
- _____. "Dve Ekateriny v poëzii Derzhavina. *Derzhavinskie Chteniia*, vol. 1., V. P. Stark, ed. (SPb.: Vserossijskii muzej A. S. Pushkina, 1997): 62-75
- _____. "Pushkin i Derzhavin," *Vestnik Rod Ailanda*, 6, (1999): 9-11.
- _____. "Goratsii, Derzhavin, Brodskii (tema 'bessmertii')," *XVIII vek*. 21. (1999): 260-267
- Levitt, Marcus C., ed. *Early Modern Russian Writers, Late Seventeenth and Eighteenth Centuries. Dictionary of Literary Biography*, Vol. 150. Detroit, Washington, D.C., and London: Gale Research, Inc., 1995.
- Lotman, Iurii M. *Analiz poëticheskogo teksta. Struktura stikha*. (L.: Prosveshchenie, 1972).
- Lotman, Yury. *Analysis of the Poetic Text*. D. Barton Johnston, ed. and trans. Ann Arbor: Ardis, 1976.
- L'vov, N. A. *Izbrannye Sochinenia*. ed. by K. Iu. Lappo-Danilevskii (St.-Petersburg-Köln-Weimar-Wien: Böhlau Verlag, 1994).
- Makogonenko, G. P. "Pushkin i Derzhavin." *XVIII vek*. 8. (1969): 113-26.
- _____. "Poëziia, vossozdaiushchaia 'stinnuiu kartinu natury.'" In: *Derzhavin, G. R. Sochineniia*. (L.: Khud. lit., 1987): 3-26.
- Maimin, E. A. "Derzhavinskie traditsii i filosofskaia poëzija 20-30x godov XIX v.," *XVIII vek*. 8 (L.: Nauka, 1969): 127-43.
- "Materialy dlia biografii soobshch. A. Ivanovym", *Olonetskaia Gubernskaia Vedmosti* 1860, No. 10, 11; (2nd ed. *Pamiatnaia knizhka Olonetskoj gubern. 1868-1869*)
- Mejlakh, B. S. "Derzhavinskoe' v poëticheskoi sisteme M. M. Iazykova," *XVIII vek*. 7 (1966): 359-65.
- Mathauserova, Svetla. "G. R. Derzhavin a N. M. Karamzin." *Ceskoslovenska rusistika* 21, No. 5 (October 1976): 211-215.
- Newlin, Thomas S. "The Voice in the Garden: Andrei Bolotov and the Anxieties of Russian Pastoral, 1738-1833." Ph.D. diss., Columbia University, 1994.

O'Bell, Leslie. "The Spirit of Derzhavin's Anacreontic Verse." *Die Welt der Slaven* 29, No. 1 (1984): 62-87.

"O dopolnitel'nykh materialakh dlia biografii Derzhavina, sobrannykh v puteshestvii (v Rossii) Ia. Grotom", *Zapiski AN*, t. VI (1862): 29-44.

Pinchuk, A. L. "Goratsii v tvorcestve G. R. Derzhavina." *Uchenye zapiski Tomskogo universiteta. Voprosy literaturovedeniia*. 24 (1955): 71-86.

Podol'skaia, I. I. "Prekhodiashchee' i 'vechnoe" v poëzii Derzhavina," *Izvestija AN SSSR. Serija literatury i iazyka*, 41/4 (July-August, 1982): 359-68.

Prokhorov, Aleksandr. "On uslykhal rasskazy Ossiana: variagorusskie ballady Derzhavina." *Gavriil Derzhavin (1743-1816)*. ed. by Efim Etkind and Svetlana Elnitsky. Norwich Symposia on Russian Literature and Culture, Vol. IV. (Northfield, Vt.: The Russian School of Norwich University, 1995): 257-67.

Pumpianskii, L. V. "Poëzija F. I. Tiutcheva." *Urania. Tiutchevskii al'manakh 1803-1928*. (L.: Priboi, 1928): 9-57.

_____. "Ob ode A. S. Pushkina 'Pamiatnik.'" *Voprosy literatury*. 8 (August 1977): 135-51.

Rusanova, N. B. "Epitety Derzhavina" *XVIII vek*, 8 (1969): 92-102.

Salias, E. G.R. *Derzhavin. Pravitel' Tambovskogo Namestnichestva* (Tambov: Tip. Gubernskago Namestnichestva, 1871).

Sapchenko, L. A. "Ob odnom vozmozhnom istochnike derzhavinskoj emblemiki." *Tvorcestvo G. R. Derzhavina. Spetsifika. Traditsii*. Nauchnye stat'i, doklady, ocherki, zametki L. V. Poliakova, ed. (Tambov: Izd. Tambovskogo gos. ped. inst, 1993): 145-52.

Segel, Harold B. "Gavrila R. Derzhavin" in *The Literature of Eighteenth-Century Russia*, vol. 2 (NY: Dutton, 1967). 254-317.

_____. "Baroque and Rococo in Eighteenth-Century Russian Literature." *Canadian Slavonic Papers* 15 (1973): 556-65.

Serman, Il'ia Z. *Derzhavin*. (L.: Prosveshchenie, 1967).

_____. *Russkaia poëzija XVIII veka (ot Lomonosova do Derzhavina)*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk. (L.: Inst. russkoi lit. Pushkinskii dom AN SSSR, 1969).

_____. "Literaturnaia pozitsiia Derzhavina." *XVIII vek*. 8 (1969): 41-53.

_____. *Russkii klassitsizm: Poëzija, Drama, Satira*. (L.: Nauka, 1973).

_____. "The Literary Context in Russian Eighteenth-Century Esthetics." *Russian Literature TriQuarterly*. 21 (1988): 15-24.

_____. "Derzhavin v krugu druzei-poëtov." *Gavriil Derzhavin (1743-1816)*. Efim Etkind and Svetlana Elnitsky, eds. Norwich Symposia on Russian Literature and Culture. Vol. IV. (Northfield, Vt.: The Russian School of Norwich University, 1995): 318-29.

Shaw, Sandra. "The Quest for 'pokoj' in Derzhavin's Poetry, with some reference to Horace." *New Zealand Slavonic Journal* 11: 133-44

Smith, G. S. "G. R. Derzhavin: A Concise Bibliography of Works Published Outside the USSR" in *Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter*, No. 3 (Norwich: U. of East Anglia, 1975): 52-56.

Smorczevska, H. "Motyw nocy w twórczosci Gawryly Dierzawina" in *Slavia Orientalis*, 35:3 (1988): 359-374

Springer, A. R. "The Public Career and Political Views of G. R. Derzhavin" (U. of California at Los Angeles: Ph. D. Diss., 1971).

Stennik, Iu. V. "Traditsii poëzii Derzhavina v romane Pushkina *Evgenii Onegin*." *Derzhavinskii sbornik*. V. A. Koshelev, ed. (Novgorod: Novgorodskoe otd. Rossiiskogo fonda kul'tury/ Novgorodskii gos. ob"edinennyi muzei-zapovednik, 1995): 26-35.

Stepanov, V. P., and Stennik, Iu. V. *Istoriia russkoi literatury XVIII veka: Bibliograficheskii ukazatel'*. L.: Nauka, 1968.

Svodnyi katalog russkoi grazhdanskoi pechati XVIII veka. 1725-1800. 5 vols. plus *Dopolneniia*. M.: Izdanie gosudarstvennoi bib. SSSR im. V. I. Lenina; Kniga, 1962-1975.

Tatishcheva, G. S. "Pushkin i Derzhavin." *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii istorii, iazyka i literatury* 20, No. 3 (1965): 106-16.

Takho-Godi, A. A. "Antichnye motivy v poëzii G. R. Derzhavina." *Pisatel' i zhizn'*. (M.: Izdatel'stvo Moskovskogo u., 1978): 117-32.

Tomaszewska, Bozena. "Barwa i slowo: O 'malarskosci' poëzji Gabriela Dierzawina." *Slavia Orientalis* 30, No. 3 (1981): 255-62.

Tomaszewska-Sugier, Bozena. "Ody pochwalne Gabriela Dierzawina." *Slavia Orientalis* 34, Nos. 1-2 (1985): 31-43.

Tynianov, Iu. N. "Oda kak oratorskii zhanr." *Poëtika*. #3 L.: Academia, 1927. 102-128.

Vickery, Walter N. "Derzhavin's 'Na smert' Kateriny Jakovlevny': A Metrical-Stylistic Study." *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. No. 23 (1981): 163-80.

Vroon, Ronald. "Chitalagaiskie ody' (K istorii liricheskogo tsikla v russkoi literature XVIII veka)." In: *Gavril Derzhavin (1743-1816)* Efim Etkind and Svetlana Elnitsky, eds. Norwich Symposia on Russian Literature and Culture, Vol. IV. (Northfield: The Russian School of Norwich U., 1995): 185-201.

Waldenberg, N. Derzhavin. *Opyt kharakteristiki ego mirosozertsania*. (Petrograd: Smirnov, 1916).

Wortman, Richard. "Gavrila Romanovich Derzhavin and his *Zapiski*" in a reprint of G. R. Derzhavin, *Zapiski* (Cambridge: 1973): 18

Watts, Thomas J. "G. R. Derzhavin's Path to the Pre-Romantic Lyric" (NYU: Ph.D. Diss., 1976)

Zapadov, Vladimir A. *G. R. Derzhavin: Biografiia* (M-L.: Prosveshchenie, 1965)

_____. *Poëziia G. R. Derzhavina 1777-1790 godov (Nereshennye voprosy biografii i poëtiki)*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. (L.: Leningradskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1968).

_____. "Derzhavin i russkaia rifma XVIII v.," *XVIII vek*, 8 (1969): 54-91.

_____. *Poëty XVIII veka. Lomonosov, Derzhavin. Literaturnye ocherki*. (M.: Izdatel'stvo Moskovskogo u., 1979).

_____. "Poëticheskii put' Derzhavina." In: *G. R. Derzhavin, Stikhotvoreniia*. (L.: Khud. lit., 1981), 3-18.

_____. "Rabota G. R. Derzhavina nad 'Rassuzhdeniem o liricheskoi poëzii'" *XVIII vek*. 15 (1986): 229-83; continued in "Posledniaia chast' 'Rassuzhdeniia o liricheskoi poëzii' G. R. Derzhavina," *XVIII vek*. 16 (1989): 289-319.

Alexander I, The Emperor of All Russia (1801-1825), Oil on board, 1814 (Private collection)
(The last emperor under whom Derzhavin served as a Minister of Justice before he had retired in 1803. The poet's hymns celebrating the Russian victories over Napoleon were universally admired in Russia.)

Paul I, The Emperor of All Russia (1796-1801), Oil on canvas, by S. Tonci (c. 1800)
(Paul was related to Derzhavin by virtue of the fact that the poet's first mother—in-law was a wet nurse to Paul, which made Paul a brother to the poet's first wife Catherine by Russian customs.)

Metropolitan Evgenii (E. A. Bolkhovitinov) (1767-1837), by A. M. Kalashnikov, 1837.
The addressee of *To Eugene. Life at Zwanka*, one of Russia's most educated Church hierarchs, a member of Russian Academy, and Derzhavin's principal collaborator on the *Discourse on the Lyric Poetry or the Ode*.

N.A. L'vov (1753-1803), Oil on canvas by D. G. Levitsky, 1785.
One of Russia's most exceptional men of letters, a famous architect, musicologist, engineer, an inventor, one of Derzhavin's closest friends and admirers, and an addressee of many of Derzhavin's lyrical poems.

St. Petersburg, Kivach, and Zvanka: Loci of Derzhavin's Inspiration and Winter and Summer Residences.

a. A watercolor of St. Petersburg in Winter (1810–1820's); private collection.

Modern-day photograph of the Kivach Waterfall in Northwestern Russia, which had inspired Derzhavin to compose his famous ode, *The Waterfall*.

b. A watercolor of Zvanka in Summertime by E. M. Abramov, 1807. (IRLI Pushkin House)

ИЗЪ
СОЧИНЕНІЙ ДЕРЖАВИНА

АЛЬБОМЪ ВИНЬЕТЪ

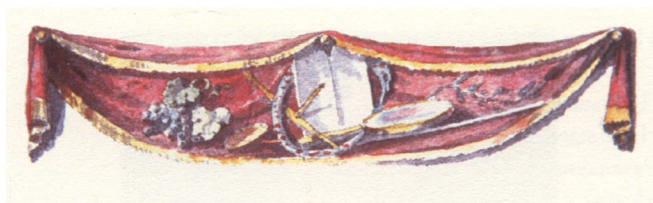
Под редакціей А. А. Левицкаго

Цель настоящего издания избранных сочинений Г. Р. Державина ознакомить в первую очередь англоязычного читателя со стихотворным наследием поэта, без которого невозможно осмыслить надлежащим образом ни развития русской поэзии последержавинского времени, ни понять того громадного влияния, которое оказала его лирика на отдельных поэтов 19 и 20 веков и которых переводят часто (Пушкин, Тютчев, Маяковский, Ходасевич, Цветаева, Мандельштам, Бродский). Предлагаемая книга является первым отдельным изданием избранных стихов Державина на английском языке, а русская его часть служит в этом смысле только приложением к этому изданию для студентов и аспирантов, занимающихся изучением русского языка и культуры. Поэтому расположение сочинений Державина от № II до № XLII полностью соответствует номерам в английской части.

С другой стороны, и для русского читателя наше издание должно быть ценным, так как оно, по мере возможности, воспроизводит расположение стихотворений и их орфографию по последнему прижизненному изданию Сочинений Державина. У поэта были совершенно четкие, хотя и не до конца доработанные планы о таком расположении, которые, к сожалению, нарушены хронологическим принципом академического издания Я. К. Грота. При жизни поэта вышло 5 частей Сочинений, из которых мы печатаем отдельные стихотворения в той последовательности, в которой они в них включены, хотя и не в полном, конечно, объеме. Перечень всех сочинений, вошедших в это издание, находится сразу после примечаний Державина к своим сочинениям. Не менее ценный аспект нашего издания — воспроизведение избранного наследия виньет, сопровождающих стихотворения Державина и находящихся в его рукописях. Некоторые из них публикуются впервые, а другие впервые в цвете.

Наконец, всем читателям будет небезынтересно ознакомиться с последним прижизненным трудом поэта "Рассуждение о лирической поэзии или объ Одь", все оставшиеся четыре части которого здесь впервые приведены вместе. Нами были опущены лишь некоторые примеры и рисунки Державина, относящиеся к другим языковым системам. Все дальнейшие сведения о нашем издании находятся в примечаниях.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Из части I, посвященной Екатерине II.

1. "Предуведомление къ читателямъ"	- - - - -	257
2. Монархия	- - - - -	261
3. "О время благополучное..."	- - - - -	262
4. Богъ	- - - - -	263
5. Властителямъ и судиямъ	- - - - -	268
6. Истинное щастіе	- - - - -	270
7. Фелица	- - - - -	272
8. Видѣніе Мурзы	- - - - -	282
9. Ключъ	- - - - -	288
10. На смерть князя Мещерскаго	- - - - -	291
11. Осень во время осады Очакова	- - - - -	295
12. Къ Н. А. Львову	- - - - -	300
13. Водопадъ	- - - - -	303
14. Прогулка в Сарскомъ селѣ	- - - - -	319
15. Ласточка	- - - - -	322
16. Приглашеніе къ обеду	- - - - -	325
17. Павлинъ	- - - - -	328
18. Памятникъ	- - - - -	330
Каталог наследія виньет из части I	- - - - -	332

II. Из части II: Посвященіе Александру I

19. Безсмертіе души	- - - - -	349
20. Похвала сельской жизни	- - - - -	356
21. Къ Капнисту	- - - - -	360
22. Снигирь	- - - - -	364
23. Фонарь	- - - - -	366
24. Оленину	- - - - -	373
25. Евгению. Жизнь Званская	- - - - -	376
26. Лебедь	- - - - -	386

III. Из части III: “Анакреонтическія пѣсни”	- - - -	389
27. Приношеніе красавицамъ-	- - - -	391
28. На рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока	- - -	392
29. Развалины-	- - - -	396
30. Мечта-	- - - -	400
31. Къ Кауфманъ-	- - - -	402
32. Горючій ключъ-	- - - -	404
33. Русскія девушки	- - - -	406
34. Цыганская пляска	- - - -	408
35. Цѣпи-	- - - -	410
36. Сафъ	- - - -	412
37. Тонцію	- - - -	414
38. Вѣнецъ безсмертія	- - - -	416
IV. Из части V (1ая строфа стихотворенія “Истина”)	- -	420
39. Тлѣніе и нетлѣніе-	- - - -	421
40. Аристиннова баня-	- - - -	424
41. Новгородскій волхвъ Злогоръ	- - - -	428
42. Полигимніи	- - - -	431
43. Предсмертныя стихи Д.: “Рѣка времянь...”	- - -	433
V. Примечанія Державина на его стихотворенія	- - -	435
VI. Расположеніе стихотвореній в чч. I—V Сочиненій Д.	-	465
VII. Из “Рассужденія о лирической поэзіи или объ Одѣ”	-	475
VIII. Вместо послесловія	- - - -	583

XVII б

d

ПРЕДЪУВЪДОМЛЕНІЕ КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Наконецъ исполняя обѣщаніе мое Почтенной Публикѣ, издаю четыре части моихъ сочиненій.— Не могъ я по желанію моему всѣхъ ихъ украсить картинками за недостаткомъ Художниковъ, предоставляя то будущему времени. — Тогда снабжу и примѣчаніями, какъ на тѣ мѣста, кои иносказательны, такъ и на тѣ собственныя имена, кои мнѣ одному извѣстны, и изъ скромности, чтобъ не сочтено было о нихъ сказанное грубымъ ласкательствомъ, или моимъ самохвальствомъ, объявлены не были. — Со временемъ я, или кто другой по мнѣ, объяснятъ какъ ихъ, такъ и тѣ рѣченія, которыя въ скрытомъ смыслѣ употреблены и заключаютъ въ себѣ двойное знаменованіе; а равно и случаи, для которыхъ что писано, и что къ кому относится. Теперь отъ сего удерживаюсь по тому, что, или не совѣмъ еще то позволяютъ обстоятельства: или, что опасаюсь промедлить временемъ будучи извѣстенъ, что многіе охотники моихъ произведеній требуютъ. Послѣднее сіе паче побудило меня поспѣшить симъ изданіемъ: съ одной стороны, чтобъ удовлетворить нетерпѣливому ожиданію тѣхъ, которыя особую дѣлаютъ мнѣ честь желаніемъ имѣть у себя поскорѣ мною написанное а съ другой, чтобъ обнаружить тѣ погрѣшности,

которыя въ письменныхъ вкрались, или и въ печатныхъ, совсѣмъ не мною писанныхъ, несправедливо подъ моимъ именемъ разсѣянныхъ. — Читатели благоволятъ нынѣ увидѣть *первую* часть въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ она (кромѣ картинъ) въ 1795 году блаженной памяти покойной Государынѣ И м п е р а т р и ц ѣ, съ посвященіемъ Высочайшему имени Ея, мною лично поднесена была, но оставалась по кончину въ Ея кабинетѣ не изданною, а не такъ, какъ она въ 1798 году въ университетской типографіи въ Москвѣ напечатана, бывъ прислана туда отъ покойнаго Ивана Ивановича Шувалова, по собраніи имъ оной изъ разныхъ тетрадей. Нѣсколько только изъ нея, по легкому ли слогу, или по приличности содержанія, перенесены мною въ третью часть, подъ названіемъ *Анакреонтическихъ пѣсней*, напечатанныхъ здѣсь въ Петербургѣ въ 1804 году; а другія не помѣщены были въ Московскомъ изданіи по непропуску ихъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ Цензурою; или которыя и внесены, то съ выключкою нѣсколькихъ стиховъ. *Въ третьей* части находится довольно вновь добавленныхъ. *Вторая* часть, посвященная нынѣ царствующему Г о с у д а р ю И м п е р а т о р у А л е к с а н д р у П е р в о м у, вообще никогда въ свѣтъ еще издана не была, кромѣ нѣкоторыхъ, по періодическимъ изданіямъ или по рукописямъ извѣстныхъ. *О четвертой*, содержащей въ себѣ небольшія драматическія творенія, тоже сказать можно. Впрочемъ не объясняю я здѣсь и того, какія въ сихъ четырехъ частяхъ находятся переведенныя мною, чьего именно сочиненія, и съ какихъ языковъ, — Любители Словесности примѣтятъ ихъ сами. — Для прочихъ читателей, кажется, въ томъ и надобности нѣтъ, или благоволятъ они узнать о томъ въ будущемъ изданіи, о коемъ выше сказано: гдѣ все, касающееся до моихъ письменъ, объяснено будетъ, еслили не мною самимъ, то по оставленнымъ мною запискамъ другимъ къмъ нибудь. Нѣкоторыя піесы въ семь собраніи, въ 1. и 3. части содержащіяся, найдутся такія, которыхъ въ первыхъ изданіяхъ 1798 и 1804 годовъ совсѣмъ въ виду не было, потому что какъ всѣ вообще мои произведенія писаны были въ разныхъ годахъ, между занятіями моими по службѣ, и большею частію не съ тѣмъ, чтобъ быть имъ извѣстнымъ

свѣту: то и оставляемы были въ небреженіи: или затерянными, или недокончанными; но какъ послѣ мною найдены и исправлены, то и помѣщены тамъ, гдѣ имъ быть слѣдуетъ. — Со временемъ и еще дополнятся, и нѣсколькими частями вновь, прозою и стихами, приумножены быть могутъ. Въ заключеніе всего вышеписаннаго, изъ особливоѣ благодарности моеѣ, любезнымъ моимъ соотечественникамъ сказать нахожу себя обязаннымъ: что ежелибы не благосклонные ихъ отзывы о трудахъ моихъ, и въ письменныхъ ко мнѣ отъ нѣкоторыхъ особъ отношеніяхъ, и во многихъ печатныхъ сочиненіяхъ свѣту извѣстные, ободрили меня: то бы я никогда не дерзнулъ обременять ихъ нынѣшнимъ изданіемъ, вѣдая, сколь дорого время для тѣхъ, которые желаютъ употреблять оное не на бездѣлки.

Державинъ.

L. a, b

И Музы въ сердце моеи подпорои и шестолюб.

Ея Императорскому Величеству
Императрицѣ Екатеринѣ II.
Самодержицѣ Всероссійской

Съ благоговѣніемъ посвящаетъ
Сочинитель

МОНАРХИНЯ!

Что смѣлая рука Поэзіи писала,
Какъ Бога, истинну, Фелицу во плоти
И добродѣтели Твои изображала,
Держаю къ Твоему престолу принести;
Не по достоинству изящнѣйшаго слога,
Но по усердію къ Тебѣ души моей.
Какъ жертву чистую, возженную для Бога,
Прими съ небесною улыбкою Твоей,
Прими и освяти твоимъ благоволеньемъ,
И Музѣ будь моей опорой и щитомъ,*
Какъ мнѣ была и есть Ты отъ клеветъ спасеньемъ.
Да веселясь, она и съ бодрственнымъ челомъ
Пройдетъ сквозь тьму временъ и станетъ средь потомковъ,
Суда ихъ не страшась, Твои хвалы вѣщать;
И алчный червь когда, межъ гробовыхъ обломковъ,
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глотать;
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,*
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ:
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима,
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенить,
Подъ именемъ Твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою, — Твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и Пѣвцовъ вселенна не забудетъ;
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

О время благополучное и рѣдкое, когда мыслить и говорить не возпрещалось, когда соединены были вещи несовмѣстныя, владычество и свобода, когда при самомъ легкомъ правленіи общественная безопасность состояла не изъ одной надежды и желанія, но изъ достоверного полученія прочнымъ образомъ желаемаго.

ТАЦИТЬ.

4 (I).
БОГЪ.

1.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движенъи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!*
Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ:— Богъ.

2.

Измѣрить океанъ глубокой,
 Сочестъ пески, лучи планетъ,
 Хотя и могъ бы умъ высокій, —
 Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
 Не могутъ духи просвѣщенны,
 Отъ свѣта Твоего рожденны,
 Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
 Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
 Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
 Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

3.

Хаоса бытность довременну
 Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
 А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну
 Въ себѣ самомъ Ты основалъ:
 Себя собою составляя,
 Собою изъ себя сия,
 Ты свѣтъ, откуда свѣтъ изтекъ.
 Создавый все единымъ словомъ,
 Въ твореньи простираясь новомъ,
 Ты былъ, Ты есть, Ты будешь въ вѣкъ!

4.

Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
 Ее содержишь и живишь;
 Конецъ съ началомъ сопрягаешь
 И смертію животь даришь.
 Какъ искры сыплятся, стремятся,
 Такъ солнцы отъ Тебя рождаются;
 Какъ въ мразный, ясный день зимой
 Пылинки инея сверкаютъ,*
 Вратятся, зыблются, сияютъ:
 Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

5.

Свѣтилъ возжженныхъ миліоны
 Въ неизмѣримости текутъ,
 Твои они творять законы,
 Лучи животворящи льютъ.
 Но огненны сіи лампы,
 Иль рдяныхъ кристалей громады,
 Иль волнь златыхъ кипящій сонмъ,
 Или горящіе эиры,
 Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры —
 Передъ Тобой, — какъ ноцъ предъ днемъ.

6.

Какъ капля въ море опущенна
 Вся твердь передъ Тобой сія.
 Но что мной зрима вселенна?
 И что передъ Тобою я? —
 Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
 Міры умножа миліономъ
 Стократъ другихъ міровъ —и то,
 Когда дерзну сравнить съ Тобою,
 Лишь будетъ точкою одною:
 А я передъ Тобой, — ничто.

7.

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
 Величествомъ Твоихъ добротъ;
 Во мнѣ Себя изображаешь,
 Какъ Солнце въ малой каплѣ водъ.
 Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
 Несытымъ нѣкакимъ летаю
 Всегда пареньемъ въ высоты;
 Тебя душа моя быть чаеть,
 Вникаеть, мыслить, разсуждаетъ:
 Я есмь; — конечно есть и Ты!

8.

Ты есть! — Природы чинъ вѣщаетъ,
Гласить мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ,
Ты есть; — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставлень, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

9.

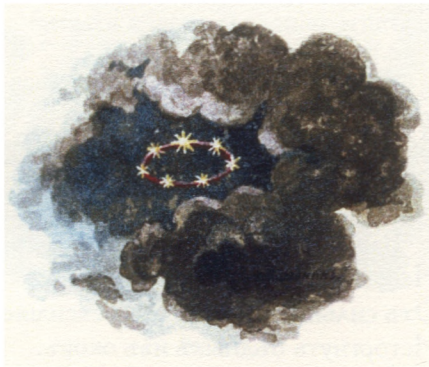
Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества;
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахъ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь, — я рабъ, я червь, — я Богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколъ произшелъ? — безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

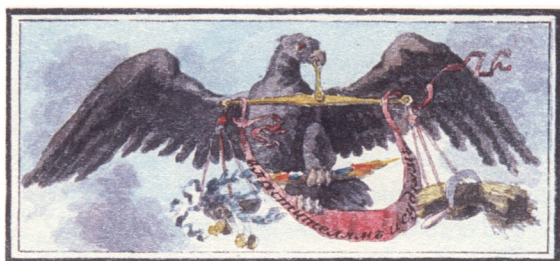
10.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! — въ безсмертіе т в о е.

11.

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображеніи безсильны
И тѣни начертать Твоей:
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почитать,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.*

5 (III).

ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДІЯМЪ.

Возсталъ Всевышній Богъ, да судить
Земныхъ Боговъ во сонмѣ ихъ;
Доколѣ, рекъ, доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?

Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

Вашъ долгъ — спасти отъ бѣдъ невинныхъ,
Нешастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.

Не внемлютъ! — видятъ и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйствы землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари! — Я мнилъ, вы Боги властны,
Никто надъ вами не судья:
Но вы, какъ я, подобно страстны,
И такъ же смертны, какъ и я.

И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листь падеть!
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣднй рабъ умреть!

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ,
И будь единъ Царемъ земли!

***

IV a,b

6 (VI).

ИСТИННОЕ ШАСТІЕ.

Блаженъ тотъ мужъ, кто ни въ совѣтъ,
Ни въ сонмъ губителей не сядетъ,
Ни грѣшниковъ на путь не станеть,
Ни поидеть нечестивымъ вслѣдъ.

Но будетъ нощю и днемъ
Въ законѣ Божьемъ поучаться,
И всею волею стараться,
Чтобъ только поступать по немъ.

Какъ при потокѣ чистыхъ водъ
Въ долину древо насажденно,
Цвѣтами всюду окруженно,
Дающее во время плодъ,

Котораго зеленый листъ
Не падаетъ и не желтѣеть:
Подобно онъ во всемъ успѣеть,
Когда и что ни сотворить.

Но беззаконники не такъ:
Они съ лица земли стряхнутся,
Развѣются и разнесутся,
Какъ вѣтромъ возметенный прахъ.

Суда Всевидца не снесут
И не воскреснуть нечестивы,
И грѣшники въ совѣтъ правдивый
Отнюдь явиться не дерзнуть.

Господь съ превыспреннихъ своихъ
Всѣхъ нашихъ помышлений зритель:
Онъ праведниковъ покровитель,
Каратель и губитель злыхъ.

* * *

V a, b

7 (XII).
ФЕЛИЦА.

1.

Богopodobная Царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды!*
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрныя слѣды
Царевичу младому Хлору*
Взойти на ту высокоу гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растеть,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ:
Она мой духъ и умъ плѣняетъ,
Подай, найти ее, совѣтъ.

2.

Подай, Фелица! наставленье:
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И щастливымъ на свѣтъ быть?

Меня Твой голосъ возбуждаетъ,
Меня Твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ.
Мягся житейской суетою,
Сегодня властвую собою:
А завтра прихотямъ я рабъ.

3.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь Ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за Твоимъ столомъ;
Не дорожа Твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ*
И всѣмъ изъ Твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

4.

Не съ лишкомъ любишь маскарады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня Парнаска не сѣдлаешь,*
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,*
Не ходишь съ трона на Востокъ;
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душею,
Полезныхъ дней проводишь токъ.

5.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преображая въ праздникъ, будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:

То плѣнь отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я Султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.*

6.

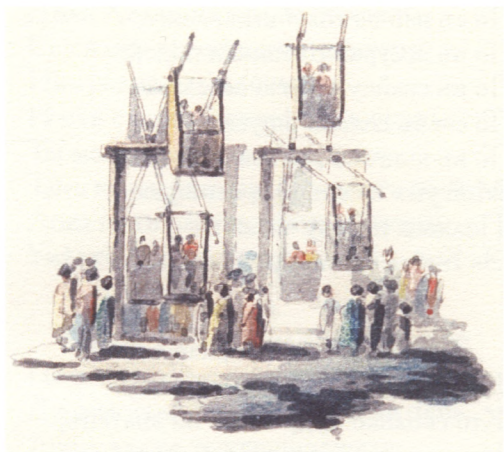
Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ серебромъ и золотомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдей;
Тамъ славный окорокъ Вестфальской,
Тамъ звенья рыбы Астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ,
Шампанскимъ вафли запиваю;
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и аромать.

7.

Или средь рощицы прекрасной
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумить,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ,
Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томить и оживляетъ кровь:
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа,
Вливаю въ сердце ей любовь.

8.

Или великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ Англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Или съ красавицей какой

LXII ь

***

Я подъ качелями гуляю;
Въ шинки пить меду заѣзжаю:
Или, какъ то наскучить мнѣ,
По склонности моеѣ къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвѣомъ бѣгунѣ.*

9.

Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами*
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту,
И забавляюсь лаемъ псовъ;*
Или надъ Невскими берегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами*
И греблей удалыхъ гребцовъ.

10.

Иль, сидя дома, я прокажу,*
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой;
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю,
Полкана и Бову читаю;
За Библией, зѣвая, сплю.*

11.

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ;
Но всякій человѣкъ есть ложь —
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой,*
Между тщеславья и порокомъ,
Нашель кто развѣ не нарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

12.

Нашель; — но лѣзяль не заблуждаться
Намъ слабымъ смертнымъ въ семь пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ идти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лестъ живетъ:
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ. —
Гдѣжъ добродѣтель обитаетъ? —
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?

13.

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна! свѣтъ изъ тмы творить;
Дѣля Хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ щастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣеть судномъ управлять.

14.

Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь,
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цѣну ихъ.
Царей они подвластны волъ:
Но Богу правосудну болъ,
Живущему въ законахъ ихъ.

15.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь Ты честь;
Пророкомъ Ты того не числишь,
Кто только рифмы можетъ плестъ.
А что сія ума забава,
Калифовъ добрыхъ честь и слава.
Снисходишь Ты на лирный ладъ;
Поэзія Тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

16.

Слухъ идетъ о Твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна:
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отеклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто всегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

17.

Неслыханное также дѣло,
Достойное Тебя одной,
Что будто Ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,*
И о себѣ не запрещаешь
И былъ и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей Зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

18.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О! коль щастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ Ангелъ кроткой, Ангелъ мирной,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ низпосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,*
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе Царей не пить.*

Тамъ съ именемъ Фелицы можно*
 Въ строкѣ описку поскоблить,
 Или портретъ неосторожно*
 Ея на землю уронить.
 Тамъ свадебъ шутовскихъ не парять,
 Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарять,*
 Не щолкаютъ въ усы вельможъ;*
 Князья насѣдками не клохчуть ,
 Любимцы въявь имъ не хохочуть
 И сажей не мараютъ рожь.

Ты вѣдаешь, Фелица! правы
 И челоуѣковъ и Царей;
 Когда ты просвѣщаешь нравы,
 Ты не дурачишь такъ людей;
 Въ Твои отъ дѣлъ отдохновеньи,
 Ты пишешь въ сказкахъ поученьи,*
 И Хлору въ азбукѣ твердишь:
 „Не дѣлай ничего худова,
 „И самага сатира злова
 „Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.

Стыдишься слыть Ты тѣмъ великой,
 Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
 Медвѣдицѣ прилично дикой
 Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
 Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
 Тому ланцетовъ нужныль средства,
 Безъ нихъ кто обойтися могъ?
 И славноль быть тому тираномъ,
 Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
 Кто благостью великъ, какъ Богъ.

Фелицы слава, слава Бога,
 Который брани усмириль;*
 Который сира и убога
 Покрыль, одѣль и накормилъ;
 Который окомъ лучезарнымъ
 Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
 И праведнымъ свой свѣтъ дарить;
 Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
 Больныхъ покоить, исцѣляетъ,
 Добро лишь для добра творить.

Который дароваль свободу*
 Въ чужія области скакать,
 Позволилъ своему народу
 Сребра и золота искать;*
 Который воду разрѣшаетъ,*
 И лѣсъ рубить не запрещаетъ;*
 Велить и ткать и прясть и шить;
 Развязывая умъ и руки,*
 Велить любить торги, науки
 И щастье дома, находить.

Котораго законъ, десница
 Даютъ и милости и судъ. —
 Вѣщай, премудрая Фелица!
 Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плуть?
 Гдѣ старость по міру не бродить?
 Заслуга хлѣбъ себѣ находить?
 Гдѣ мечь не гонить никого?
 Гдѣ совѣсть съ правдой обитають?
 Гдѣ добродѣтели сияють? —
 У трона развѣ Твоего!

Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
 Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтетъ?
 Въ Багдадѣ — Смирнѣ — Кашемирѣ? —
 Послушай, гдѣ ты ни живешь;
 Хвалы мои Тебѣ примѣтя,
 Не мни, чтобъ шапки иль бешмета
 За нихъ я отъ тебя желалъ.
 Почувствовать добра пріятство
 Такое есть души богатство,
 Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго Пророка,
 Да праха ногъ Твоихъ коснусь,
 Да словъ Твоихъ сладчайша тока
 И лицезрѣнья наслажусь!
 Небесныя прошу я Силы,
 Да ихъ простря сафирны крылы,
 Невидимо Тебя хранять
 Отъ всѣхъ болѣзней, золь и скуки;
 Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
 Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ.

8 (XVI).

ВИДѢНІЕ МУРЗЫ.

На темноглубомъ эфирѣ
Златая плавала луна,
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.

Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпаль,
Кропя забвенія рососою
Моихъ домашнихъ усыплялъ;
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ;
Природа, въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку,
На высотъ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ и, — со звономъ лиры

Мой тихій голосъ соглася,
 Блаженъ, воспѣлъ я, кто доволенъ
 Въ семь свѣтъъ жребіемъ своимъ,
 Обилень, здравъ, покоень, волень
 И счастливъ лишь собой самимъ;
 Кто сердце чисто, совѣсть праву
 И твердый нравъ хранить въ свой вѣкъ,
 И всю свою въ томъ ставитъ славу,
 Что онъ лишь добрый человѣкъ;
 Что карлой онъ и великаномъ,
 И дивомъ свѣта не рожденъ,
 И что не созданъ истуканомъ
 И оныхъ чтить не принужденъ;
 Что всѣ сего блаженства міра
 Находитъ онъ въ семьѣ своей;
 Что нѣжная его Пльнира
 И вѣрныхъ нѣсколько друзей
 Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
 Дѣлить и скуку и труды! —
 Блаженъ и тотъ, кому царевны
 Какой бы ни было орды,
 Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ,*
 И сребророзовыхъ свѣтлицъ,
 Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,*
 Украдкой отъ придворныхъ лицъ,*
 За росказни, за растабары,
 За вирши иль за что-нибудь,
 Исподтишка драгіе дары
 И въ досканцахъ червонцы шлютъ;
     Блаженъ! — Но съ рѣчью сей незапно
 Мое все зданье потряслось,
 Раздвиглись стѣны, и стократно
 Ярче молній пролилось
 Сіянье вокругъ меня небесно;
 Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
 Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
 Сошла со облаковъ жена, —
 Сошла — и жрицей очутилась,*
 Или богиней предо мной.

Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главѣ корона,
Сіяль при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона,*
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча деснаго полосою
Висѣль на лѣвую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орель полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держаль, какъ будто бы уснувъ.
Сафиросвѣтлыми очами,*
Какъ въ гнѣвѣ иль въ жару, блеснувъ,

Богиня на меня воззрѣла. —

Пребудеть образъ вѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла!—
„Мурза! она вѣщала мнѣ:
„Ты быть себя счастливымъ чаешь,
„Когда по днямъ и по ночамъ
„На лирѣ ты своей играешь
„И пѣсни лишь поешь Царямъ.
„Вострепечи, Мурза нещастный!*
„И страшны истины внемли,
„Которымъ стихотворцы страстны
„Едва ли вѣрятъ на земли;
„Одно къ тебѣ лишь доброхотство
„Мнѣ ихъ открыть велить. — Когда
„Поэзія не сумасбродство,
„Но вышній даръ боговъ, — тогда

„Сей даръ боговъ лишь къ чести
„И къ поученью ихъ путей
„Быть долженъ обращенъ, не к лести
„И тлѣнной похвалѣ людей.
„Владыки свѣта — люди тѣже,
„Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
„Ядъ лести ихъ вредить не рѣже:
„А гдѣ поэты не льстецы?
„И ты Сирень поющихъ грому
„Въ вредъ добродѣтели не строй;
„Благотворителю прямому
„Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой. —
„Хранящій мужъ честные нравы,
„Творяй свой долгъ, свои дѣла,
„Царю приносить больше славы,
„Чѣмъ всѣхъ пѣитовъ похвала. —
„Оставь нектаромъ наполненну
„Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ., —

Кого я зрю, столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты? — Богиня или жрица?
Мечту стоящу я спросилъ. —
Она рекла мнѣ: — „Я — Фелица:”
Рекла, — и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ, и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ она явилась.
Мой богъ, мой ангелъ во плоти!...
Душа моя за ней стремилась;
Но я за ней не могъ итти.
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ.
Но, токомъ слезнымъ орошенный
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
Возможно ль, кроткая Царевна,
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,

И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,*
Довольно безъ тебя Поэту
За каждую мысль, за каждый стихъ,
Отвѣтствовать лихому свѣту
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно Кадіевъ, Факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не деруть его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидить;
Иному — очень своевольно,
Съ Тобой Мурза Твой говорить;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслить въ восхищеньѣ
И лить въ восторгѣ токи слезъ,
И словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,*
А тотъ соленыхъ огурцовъ:
Но пусть имъ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ анбаровъ*
Тебѣ наряды я крою;
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лестъ я пѣль и не мечты,
А то, чему весь міръ свидетель;
Твои дѣла суть красоты. —
Я пѣль, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;

Татарски пѣсни изъ-подъ-спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу Тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

***

XVII a

Сѣдѣющъ, увѣнчанъ осокою,
 Въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,
 На урну облегшись рукою,
 Являющій лице небесъ
 Прекрасный вижу я источникъ.

Источникъ шумный и прозрачный,
 Текущій съ горной высоты,
 Луга поящій, доли злчны,
 Кропящій перлами цвѣты,
 О, коль ты мнѣ пріятень зришься!

Ты чистъ, — и восхищаешь взоры,
 Ты быстръ, — и утѣшаешь слухъ;
 Какъ серна, скачуща на горы,
 Такъ мой къ тебѣ стремится духъ,
 Желаньемъ пѣть тебя горящій.

Когда въ дуги твои сребристы
 Глядится красная заря,
 Какіе пурпурѣ огнисты
 И розы пламенны, горя,
 Съ паденьемъ водъ твоихъ катятся!

Гора, въ день стадомъ покровенну,
 Себя въ тебѣ, любуясь зрить;
 Въ твоихъ водахъ изображенну
 Дуброву вѣтерокъ струить,
 Волнуетъ жатву золотую.

Багрянымъ брегъ твой становится,
Какъ солнце катится съ небесъ;
Лучемъ кристалъ твой загорится,
Вдали начнетъ синѣться лѣсъ,
Тумановъ море разольется.

О! коль ночьюю темнотою
Пріятенъ видъ твой при лунѣ,
Какъ блѣдны холмы надъ тобою
И рощи дремлютъ въ тишинѣ,
А ты одинъ, шумя, сверкаешь!

Старая стихотворства страстью,
Къ тебѣ я прихожу, ручей:
Завидую Піита счастью,*
Вкусившаго воды твоей,
Парнасскимъ лавромъ увѣнчанну.

Напой меня, напой тобою,
Да воспую подобно я,
И съ чистою твоей струею
Сравнится въ пѣсняхъ мысль моя,
А лирный гласъ съ твоимъ стремленьемъ!

Да честь твоя пройдетъ всѣ грады,
Какъ эхо съ горъ сквозь лѣсъ дремучь:
Творца безсмертной Россіады,
Священный Гребеневскій ключь,*
Поиль водой ты стихотворства.

XVIII a

XVIII б

XXXIII б

XXXIII a

10 (XXV).

НА СМЕРТЬ К. МЕЩЕРСКАГО

1.

Глаголь времянь! металла звонь!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветь меня, зоветь твой стонъ,
Зоветь, — и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣль я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещеть,
Какъ молніей, косою блещеть,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

2.

Ничто отъ роковыхъ кохтей,
Ни кая тварь не убѣгаетъ;
Монархъ и узникъ—снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяеть Время славу стерть:
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глодаетъ царства алчна смерть.

3.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Приемлемъ съ жизнью смерть свою,
На то, чтобъ умереть, родимся.
Безъ жалости все смерть разить:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

4.

Не мнить лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаеъ;
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапно похищаеъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.

5.

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерской! ты сокрылся?*Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился;
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ? — Онъ тамъ; — Гдѣ тамъ? — Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

6.

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блитали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;*
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воють клики,
И блѣдна Смерть на всѣхъ глядитъ.

XXXV a

7.

Глядитъ на всѣхъ, — и на Царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,
И точить лезвее косы.

8.

Смерть, трепеть естества и страхъ!
Мы гордость, съ бедностью совмѣстна;
Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра: — гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.

9.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость;
Не сильно нѣжить красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомыслень умъ,
Не столько я благополучень;
Желаніемъ честей размучень,
Зоветь, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ
 И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
 Богатствъ стяжаніе минетъ
 И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
 Прейдетъ, преидетъ въ чреду свою.
 Подите, щастьи, прочь, возможны,
 Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны: —
 Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день иль завтра умереть,
 Перфильевъ! должно намъ конечно:
 По чтожъ терзаться и скорбѣть,
 Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
 Жизнь есть небесъ мгновенный даръ;
 Устрой ее себѣ къ покою,
 И съ чистою твоей душою
 Благословляй судьбу ударъ.

* * *

IX a

11 (XXVI).

ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА.

1.

Спустилъ сѣдой Эоль Борей
Съ цѣпей чугуновыхъ изъ пещеръ;
Ужасныя крилъ разширя,
Махнулъ по свѣту богатырь;
Погналъ стадами воздухъ синій,
Сгустилъ туманы въ облака,
Давнулъ — и облака разсѣлись,
Пустился дождь и возшумѣлъ.

2.

Уже румяна Осень носитьъ
Снопъ златыя на гумно,
И роскошь винограду просить
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степямъ;
Шумящи красножелты листьи
Разстлались всюду по тропамъ.

3.

Въ опушкѣ заяцъ быстриногій,
Какъ колпикъ посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловецки раздаются роги,
И выжлятъ лай и гуль гремитъ.
Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣсть добры щи и пиво пьеть;
Обогащенный щедрым небомъ,
Блаженство дней своихъ поеть.

4.

Борей на Осень хмурить брови,
И Зиму съ сѣвера зоветь:
Идетъ сѣдая чародѣйка,
Косматымъ машеть рукавомъ;
И снѣгъ и мразъ, и иней сыплеть,
И воды претворяетъ въ льды;
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.

5.

Намѣсто радугъ испещренныхъ
Виситъ по небу мгла вокругъ:
А на коврахъ полей зеленыхъ
Лежитъ разсыпанъ бѣлый пухъ.
Пустыни сѣтуютъ и доли,
Голодны волки воютъ въ нихъ;
Древа стоятъ и холмы голы,
И не пасется стадъ при нихъ.

6.

Ушелъ олень на тундры мшисты,
И въ логовище легъ медвѣдь;
По селамъ Нимфы голосисты
Престали въ хороводахъ пѣть;
Дымятся сѣрымъ дымомъ дома,
Поспѣшно ѣдетъ путникъ въ путь,
Небесный Марсъ оставилъ громы
И легъ въ туманы отдохнуть.

VII a

7.

Россійскій только Марсъ, Потемкинъ,*
Не ужасается зимы:
По развѣвающимъ знаменамъ
Полковъ, водимыхъ имъ, орель
Надъ древнимъ царствомъ Митридата*
Летаеть и темнить луну;*
Подъ звучнымъ крыль его мельканьемъ
То чернь, то блѣднѣ, то рдянѣ Эвксинѣ.

8.

Огонь, въ волнахъ неугасимый,
Очаковскія стѣны жретъ,
Предъ ними Россъ непобѣдимый
И въ мразъ зелены лавры жнетъ;
Съдья бури презираетъ,
На льды, на рвы, на громъ летитъ,
Въ водахъ и въ пламѣ помышляетъ:
Или умереть, иль побѣдить.

9.

Мужайся, твердый Россъ и вѣрный,
Еще побѣдой возблестать!
Ты не наемникъ — сынъ усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкинъ — вождь, Богъ — покровитель;
Твоя геройска грудь — твой щитъ,
Честъ мзда твоя, вселенна зритель,
Потомство плесками гремитъ.

XIV ь

10.

Мужайтесь, Росски Ахиллессы,
Богини сѣверной сыны!
Хотя вы въ Стиксѣ не погружались,*
Но вы бессмертны по дѣламъ.
На васъ всѣхъ мысль, на васъ всѣхъ взоры,
Дерзайте вашихъ вслѣдъ отцовъ!
И ты спѣши скорѣй, Голицынъ!*
Принести въ твой домъ съ оливой лавръ.

11.

Твоя супруга златовласа,*
Плѣнира сердцемъ и лицомъ,
Давно желаннаго ждетъ гласа,
Когда ты къ ней пріѣдешь въ домъ;
Когда съ горячностью обнимешь
Ты семерыхъ твоихъ сыновъ,
На матеръ нѣжны взоры вскинешь
И въ радости не сыщешь словъ.

12.

Когда обильными рѣчами
Потомъ восторгъ свой изъявишь,
Безцѣнными побѣдъ вѣнцами
Твою супругу удивишь;
Геройскія дѣла расскажешь
Ея ты дяди и отца,*
И духъ и умъ его докажешь,
И какъ къ себѣ онъ влекъ сердца.

13.

Спѣши, супругъ, къ супругѣ вѣрной,
Обрадуй ты, утѣшь ее;
Она, задумчива, печальна,
Въ простой одѣждѣ, и власы
Разсыпавъ по челу нестройно,
Сидитъ за столикомъ въ софѣ;
И свѣтлоголубые взоры
Ея всечасно слезы льютъ.

14.

Она къ тебѣ вседневно пишетъ:
Твердитъ то славу, то любовь,
То жалостью, то нѣгой дышитъ,
То страхъ ея смущаетъ кровь;
То дядѣ торжества желаетъ,
То жаждетъ мужниной любви,
Мячется, борется, вѣщаетъ:
Коль долгъ велитъ, ты лавры рви!

15.

Въ чертогѣ, вокругъ ея безмолвномъ*
Не смѣютъ Нимфы пошептать;
Въ восторгѣ только Музы томномъ*
Осмѣлились сей стихъ бряцать. —
Румяна Осень! — радость мира!
Умножь, умножь еще твой плодъ!
Приди, желанна вѣсть! — и лира
Любовь и славу воспоетъ.

П б

12 (XLII).

КЪ Н. А. ЛЬВОВУ.

1.

Стократъ благословенъ тотъ смертный,
Кого не тяготитъ печаль,
Ни зависть потаеннымъ вздохомъ,
Ни гордость громогласнымъ смѣхомъ
Ни жмутъ, ни гонять отъ Двора.*

2.

Сокрыта жизнь твоя въ деревнѣ
Течеть теперь, о милый Львовъ!
Какъ свѣтлый межъ цвѣтовъ источникъ
Въ лѣсу дремучемъ.—Пусть другіе,
Взмоются, изъ терема глядятъ;

3.

Какъ на златыя колесницы
Зѣваетъ чернь, какъ ратный строй
Въ глаза ей мещетъ блескъ отъ ружей,
И какъ она, волнамъ подобно
Отъ бурь, отъ всадниковъ бѣжитъ;

4.

Какъ витязи въ вѣкахъ позднѣйшихъ
Въ мѣди, иль въ мраморѣ себя
Со удивленьемъ созерцаютъ,
И плещутъ ужъ заранѣ въ длани,
Что ихъ народъ боготворить:

5.

Но ты уменъ;—ты постигаешь,
Что тотъ любимецъ лишь Небесъ,
Который подъ шумкомъ потока
Иль сладко спитъ, иль воспѣваетъ
О Богѣ, дружбѣ и любви.

6.

Востокъ и западъ разстилаютъ
Ему свой пурпуръ по путямъ;
Ему благоухаютъ травы,
Древесны помаваютъ вѣтви,
И свищеть громко соловей.

7.

За нимъ раскаянье не ходить
Ни между нивъ, ни по садамъ,
Ни по холмамъ, покрытымъ стадомъ
Ни межъ озеръ и кущъ пріятныхъ:
Но всюду радость и восторгъ.

8.

Труды крѣпятъ его здоровье,
Какъ воздухъ, кровь его легка;
По утру, какъ зефиръ, летаетъ
Веселы обозрѣть работы,
А завтракать спѣшить въ свой домъ,

9.

Тутъ нѣжна, милая супруга—
Какъ лень пушистъ, ея власы—
Снѣгоподобною рукою
Взявъ шито, брано полотенцо,
Стираетъ потъ съ его чела.

10.

Цѣлуя разкраснѣвши щеки,
На пяльцы посмотрѣть велить
Гдѣ по соломѣ разной шерстью
Лука, цвѣты, пруды и рощи
Градской своей подругѣ шьеть.*

11.

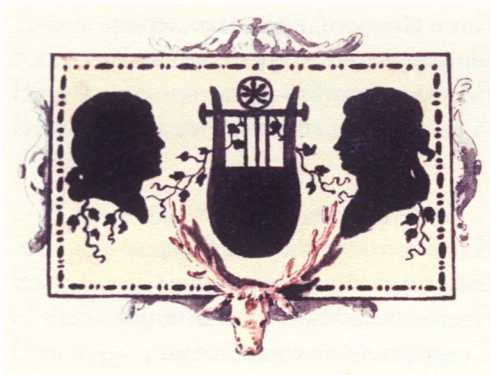
„О! естли бы—она вѣщаетъ—
„Могло искусство, какъ природа
„Вливать въ сердца свою пріятность:.
„Сіи картины наши сельски
„Къ намъ нашихъ созвалибъ друзей!

12.

„Моя подруга черноброва,*
„Любезна, мила горожанка,
„На нивахъ златомъ здѣсь плѣнившись
„Престалабъ наряжать въ шумиху
„Свой въ градѣ храмовидный домъ.,,

13.

„Ахъ, милая! —онъ отвѣчаетъ
Съ улыбкой и со вздохомъ ей:
„Ужель тебѣ то неизвестно,
„Что ослѣпленнымъ жизнью дворской
„Природа самая мертва!,,

13 (XLIII).

1.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырема скалами,*
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

2.

Шумить, — и средь густаго бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучь чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.*

3.

Сѣдая пѣна по берегамъ
Лежить буграми въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,*
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ:
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

4.

Вѣтрами ль сосны пораженны? —
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Громами ль камни отторженны? —
Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзають? —
Какъ пыль стеклянна ниспадають.

5.

Волкъ рыщетъ вкругъ тебя, и страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится;
Огонь горить въ его глазахъ,
И шерсть на немъ щетиной зрится; —
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

6.

Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падающихъ ревъ,
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

7.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпять, ушми прядеть;
И подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябъ твою стремится.*

8.

Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ,
При страшной сей красѣ Природы,
На утломъ пнѣ, который свись
Съ утеса горъ на яры воды,
Я вижу, нѣкій мужъ сѣдой
Склонился на руку главой.

9.

Копье и мечъ и щитъ великой,
Стѣна отечества всего,
И шлемъ, обвитый павеликой,*
Лежать во мху у ногъ его:
Въ бронѣ блистая златордяной,
Какъ вечеръ во зарѣ румяной,* —

10.

Сидить, — и взоръ вперя къ водамъ,
Въ глубокой думѣ разсуждаетъ:
Не жизнь ли челоуѣковъ намъ
Сей водопадъ изображаетъ? —
Онъ также благомъ струй своихъ
Поить надменныхъ, кроткихъ, злыхъ.*

11.

На такъ ли съ неба время льется,
Кипить стремленіе страстей,
Честь блещетъ, слава раздается,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
Которыхъ красоту и радость
Мрачатъ печали, скорби, старость?

12.

Не зримъ ли всякой день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?
Не слышимъ ли въ бою часовъ,
Гласъ смерти, двери скрипъ подземной?
Не упадетъ ли въ сей зѣвъ
Съ престола Царь и другъ Царевъ?

13.

Падутъ, — и вождь непобѣдимый,
Въ сенатъ Цезарь средь похвалъ,*
Въ тотъ мигъ, желалъ какъ діадимы,
Закрывъ лице плащемъ, упалъ;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны къ трону вѣжды.

14.

Падутъ, — и несравненный мужъ
Торжествъ несмѣтныхъ съ колесницы,
Примѣръ великихъ въ свѣтѣ душъ,
Презрѣвшій прелесть багряницы,
Плѣнившій Велизаръ Царей*
Въ темницѣ палъ, лишенъ очей.

15.

Падутъ. — И не мечты прельщали,
Когда меня, въ цвѣтущій вѣкъ,
Давно ли города встрѣчали,
Какъ въ лаврахъ я, въ оливахъ текъ?*Давно ль? — Но, ахъ! теперь во брани
Мои не мещутъ молній длани!

16.

Ослабли силы, буря вдругъ*
Копье изъ рукъ моихъ схватила;
Хотя и бодръ еще мой духъ,
Судьба побѣдъ меня лишила.
Онъ рекъ, — и тихимъ позабылся сномъ,
Морфей покрылъ его крыломъ.

17.

Сошла Октябрска ноць на землю,*
На лоно мрачной тишины;
Нигдѣ я ничего не внемлю,
Кромѣ ревущія волны,
О камни съ высоты дробимой,
И снѣжною горою зримой.

18.

Пустыня, взоръ насупя свой,
Утесы и скалы дремали;
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
Изъ коихъ трепетна, блѣдна,
Проглядывала внизъ луна.

19.

Глядѣла, и едва блистала,
Предъ старцемъ преклонивъ рога,
Какъ бы съ почтеньемъ познавала
Въ немъ своего того врага,
Котораго она страшилась,*
Кому вселенная дивилась.

20.

Онъ спалъ, — и чудотворный сонъ
Мечты ему являлъ Геройски:
Казалось ему, что онъ
Непобѣдимы водить войски;
Что вкругъ его перунъ молчить,
Его лишь мановенья зрить.

21.

Что огнедышуци за перстомъ*
Ограды вслѣдъ его идутъ;
Что въ полѣ гладкомъ, вкругъ отверстомъ,
По слову одному растутъ
Полки его изъ скрытыхъ становъ,*
Какъ холмы въ морѣ изъ тумановъ.

22.

Что только по травѣ росистой
Ночные знать его шаги;*
Что утромъ пыль, подѣ твердью чистой,
Ужъ поздно зрять его враги;
Что остротой своихъ зѣницъ
Блюдетъ онъ ихъ, какъ ястребъ птицъ.

23.

Что, положиа чертежъ и мѣры,
Какъ волхвъ невидимый, въ шатрѣ,*
Тѣмъ кажетъ онъ въ долу химеры,
Тѣмъ въ тиграхъ агнцевъ на горѣ,
И вдругъ рѣшительнымъ умомъ
На тысячи бросаетъ громъ.

24.

Что орлю дерзость, гордость лунну,*
У черныхъ и янтарныхъ волнъ,
Смирить Колхиду златорунну,*
И бѣлаго Царя уронъ*
Рая вечерня предѣ границей
Отмстилъ побѣдами сторицей.

25.

Что, какъ румяной лучъ зари,
Страну его покрыла слава;
Чужіе Вожди и Цари,
Своя Владычица, держава,
И всѣ вездѣ его почли,*
Триумфами превознесли.

26.

Что образъ, имя и дѣла
Цвѣтутъ его средь разныхъ глянцовъ;
Что верхъ сребристаго чела
Въ вѣнцѣ изъ молніиныхъ румянцовъ
Блится въ будущихъ родахъ,
Отсвѣчиваяся въ сердцахъ.

27.

Что зависть отъ его сiянья
Свой блѣдный потупляя взоръ,
Среди безмолвнаго стенанья
Ползеть и ищетъ токмо норъ,
Куда бы отъ него сокрыться,
И что никто съ нимъ не сравнится.

28.

Онъ спить, — и въ сихъ мечтахъ веселыхъ
Внимаетъ завыванье псовъ,
Ревъ вѣтровъ, скрипъ деревъ дебелихъ,
Стенанье филиновъ и совъ,*
И вѣщихъ гласъ вдали животныхъ,
И тихій шорохъ вокругъ безплотныхъ.

29.

Онъ слышитъ: сокрушилась ель,
Станица врановъ встрепетала,
Кремнистый холмъ даль страшну щель,
Гора съ богатствами упала;
Грохочетъ эхо по горамъ,
Какъ громъ гремящій по громамъ.

30.

Онъ зреть одѣту въ ризы черны
Крылату нѣкую жену,
Власы имѣвшу разпущенны,
Какъ смертну вѣсть или войну,
Съ косою въ рукахъ, съ трубой стоящу,
И, слышитъ онъ, — проснись! — гласящу.

31.

На шлемъ у нея орель
Сидѣлъ съ перуномъ помраченнымъ,
Въ немъ гербъ отечества онъ зрѣлъ;
И, бывъ мечтой сей возбужденнымъ,
Вздохнулъ и, испустя слезъ дождь,
Вѣщаль: „Знать, умеръ нѣкій вождь!

32.

„Блаженъ, когда, стремясь за славой,
„Онъ пользу общую хранилъ,
„Былъ милосердъ въ войнѣ кровавой
„И самыхъ жизнь враговъ щадилъ:
„Благословенъ средь позднихъ вѣковъ
„Да будетъ другъ сей челоуѣковъ!

33.

„Благословенна похвала
„Надгробная его да будетъ,
„Когда всякъ жизнь его, дѣла,
„По пользамъ только помнить будетъ;
„Когда не блескъ его прельщаль
„И славы ложной не искалъ!

34.

„О! слава, слава въ свѣтѣ сильныхъ!
„Ты точно есть сей водопадъ.
„Онъ водъ стремленіемъ обильныхъ
„И шумомъ льющихся прохладъ
„Великолѣпенъ, свѣтлъ, прекрасенъ,
„Чудесенъ, силенъ, громокъ, ясенъ;

35.

„Дивиться вокругъ себя людей
„Всегда толпами собираетъ:
„Но естли онъ водой своей
„Удобно всѣхъ не напоетъ,
„Коль рветъ берега, — и въ быстротахъ
„Его нѣтъ выгодъ смертнымъ: — ахъ!

36.

„Не лучше ль менѣ извѣстнымъ,
„А болѣе полезнымъ быть;
„Подобясь ручейкамъ прелестнымъ,
„Поля, луга, сады кропить,
„И тихимъ вдалекѣ журчаньемъ
„Потомство привлечь съ вниманьемъ?

37.

„Пусть на обросшій дерномъ холмъ
„Приидеть путникъ и возсядетъ
„И, наклонясь своимъ челомъ
„На подписанье гроба, скажетъ:
„Не только славный лишь войной,
„Здѣсь скрытъ великій мужъ душой.

38.

„О! будь безсмертенъ, Витязь бранный,
„Когда ты весь соблюлъ свой долгъ!„ —
Вѣщаль сѣдиной мужъ вѣнчанный,
И, въ небеса воззрѣвъ, умолкъ. —
Умолкъ, — и гласъ его промчался,
Гласъ мудрый всюду раздавался.

39.

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды чорны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища горны?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ!*

40.

Какой чудесный духъ крылами
Отъ сѣвера парить на югъ?
Вѣтръ медленъ течъ его стезями,
Обозрѣваетъ царствы вдругъ,*
Шумить и, какъ звѣзда, блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

41.

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,*
Лежить на темномъ лонѣ нощи?
Простое рубище чресла,
Два легга покрываютъ очи,*
Прижаты къ холодной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!

42.

Чей одръ, — земля; кровь, — воздухъ синь;*
Чертоги, — вкругъ пустынны виды?
Не ты ли, щастья, славы сынъ,
Великолѣпный Князь Тавриды?*Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

43.

Не ты ль наперсникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмъ Музъ, другъ Аполлона;
На полъ Марса вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ — хотя и не въ порфирѣ?

44.

Не ты ль, который взвѣситъ смѣлъ*
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознестъ твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ,
И всей вселенной колебалъ?

45.

Не ты ль, который Орды сильны*
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ Понтъ чернѣя кораблями,
Потрясъ среду земли громами?

46.

Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ Росской силъ,
Стихиі самую попать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твердой дерзостью такой*
Быть дивомъ храбрости самой?

47.

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
Палящій замыслами умъ!
Не шель ты средь путей извѣстныхъ,*
Но проложилъ ихъ самъ, — и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки; —
Се ты, о чудный вождь Потемкинъ!

48.

Се ты, которому врата
Торжественныя созидали;
Искусство, разумъ, красота
Недавно лавръ и миртъ сплетали;
Забавы, роскошь вокругъ цвѣли;*
И счастье съ славой слѣдомъ шли.

49.

Се ты, небеснаго плодъ дара
Кому едва я посвятилъ,
Въ созвучность громкаго Пиндара
Мою настроить лиру мнилъ,
Воспѣлъ побѣду Измаила,*
Воспѣлъ: — но смерть тебя скосила!

50.

Увы! и хоромъ сладкій звукъ
Моихъ въ стenanье превратился;
Свалилась лира съ слабыхъ рукъ,
И я тамъ въ слезы погрузился,
Гдѣ бездна разноцвѣтныхъ звѣздъ*
Чертогъ являли райскихъ мѣстъ.

51.

Увы! и громы онѣмѣли,
Ревущіе тебя вокругъ;
Полки твои осиротѣли,
Наполнили рыданьемъ слухъ;*
И все, что близъ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

52.

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,*
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ,*
Екатерина возрыдала!*
Полсвѣта потряслось за ней
Незапной смертію твоей!

53.

Оливы свѣжи и зелены*
Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ;
Родства и дружбы вопли, стоны,
И Музъ Ахейскихъ жалкій звукъ*
Вокругъ Перикла раздается:
Маронъ по Меценатъ рвется,*

54.

Который почестей въ лучахъ,
Какъ нѣкій Царь, какъ бы на тронѣ,
На сребророзовыхъ коняхъ,*
На золотозарномъ фаэтонѣ,
Во сонмѣ всадниковъ блисталь
И въ смертный черный одръ упаль!*

55.

Гдѣ слава? — Гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, — о сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь быlobъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ;
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое.

56.

Иль нѣтъ! — тяжелый нѣкій шаръ
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ,
И, ахъ! зефиры легки рвутъ.

57.

Единый часъ, одно мгновенье
Удобны царства поразить,
Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста — и не знаютъ:
Въ пыли Героевъ попираютъ!

58.

Героевъ? — Нѣтъ! — но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ,
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ;
Напишется Потемкинъ трудъ.

59.

Театръ его — былъ край Эвксина,
Сердца обязанныя — храмъ;
Рука съ вѣнцомъ — Екатерина;
Гремяща слава — оміамъ;
Жизнь — жертвенникъ торжествъ и крови,
Гробница ужаса, любви.

60.

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистаетъ темной ноци,
Дуная мрачная волна
Сверкаетъ кровью, и сквозь рощи
Вкругъ Измаила вѣтръ шумить,
И слышенъ стонъ: — что Турокъ мнить?

61.

Дрожить, — и во очахъ сокрытыхъ
Еще ему штыки блестятъ,
Гдѣ сорокъ тысячъ вдругъ убитыхъ*
Вкругъ гроба Вейсмана лежать.
Мечтаются ему ихъ тѣни,
И Россъ въ крови ихъ по колѣни!

62.

Дрожить — и обращаетъ взглядъ
Онъ робко на окрестны виды;
Столпы на небесахъ горятъ*
По сушѣ, по морямъ Тавриды!
И мнить, въ Очаковѣ что вновь*
Течеть его и мерзнетъ кровь.

63.

Но въ ясный день, средь свѣтлой влаги,
Какъ ходятъ рыбы въ небесахъ,*
И вьются полосаты флаги,
Нашъ флотъ на вздутыхъ парусахъ
Вдали бѣлѣетъ на Лиманахъ:*
Какое чувство въ Россіянахъ?

64.

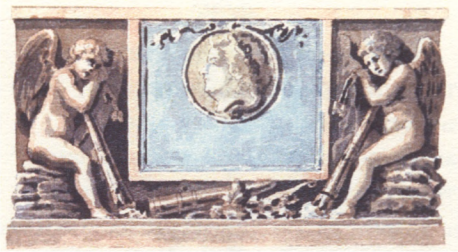
Восторгъ, восторгъ они, — а страхъ
И ужась Турки ощущаютъ;
Имъ мохъ и терны во очахъ,
Намъ лавръ и розы расцвѣтаютъ
На мавзолеяхъ у вождей,
Властителей земель, морей.

65.

Подъ древомъ, при зарѣ вечерней,
Задумчиво любовь сидитъ,
Отъ цитры вѣтерокъ весенней
Ея повсюду голосъ мчитъ;
Перлова грудь ея вздыхаетъ,
Геройскій образъ оживляетъ.*

66.

Поутру солнечнымъ лучемъ.
Какъ монументъ золотой зажжется,
Лежать объята серны сномъ
И паръ вокругъ холмовъ вѣется, —
Пришедши, старецъ надпись зреть:
„Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!„

XXII a

67.

Алцибиадовъ прахъ! — И смѣть*
Червь ползать вокругъ его главы?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣть,
Нашедши въ полѣ, Оирсъ? — увь!*
И плоть и грудь коль истлѣваетъ:
Что жъ нашу славу составляетъ?

68.

Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ;
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумирь.

69.

Услышьте жъ, водопады міра!
О славой шумныя главы!
Вашъ свѣтель мечъ, цвѣтна порфира,
Коль правду возлюбили вы,
Когда имѣли только мѣту,
Чтобъ щастіе доставить свѣту.*

70.

Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!*

71.

Живи! — и тучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ,
Въ умахъ тебя не затмѣвали
Разжженный громъ и черный дымъ;*
Чтобъ былъ вблизи, вдали любезенъ
Ты всѣмъ; сколь дивенъ, столь полезенъ.

72.

И ты, о водопадовъ мать!*
Рѣка, на сѣверѣ гремяща,
О Суна! коль съ высотъ блистать
Ты можешь, — и, отъ зарь горяща,
Кипишь и сѣешься дождемъ
Сафирнымъ, пурпурнымъ огнемъ:

73.

То тихое твое теченье,
Гдѣ ты сама себѣ равна,
Мила, быстра и не въ стремленьѣ,
И въ глубинѣ твоей ясна,
Важна безъ пѣны, безъ порыву,
Полна, велика безъ разливу;

74.

И, безъ примѣса чуждыхъ водъ
Поишь златые въ нивахъ бреги.*
Великолѣпный свой ты ходъ
Вливаешь въ свѣтлый сонмъ Онеги:
Какое зрѣлище очамъ!
Ты тутъ подобна небесамъ.

14 (XLV).
ПРОГУЛКА ВЪ САРСКОМЪ СЕЛѢ.

Въ прекрасный Майскій день,
Въ часъ ясныя погоды,
Какъ всюду длинна тѣнь,
Ложась въ стекляны воды,
Въ ихъ зеркалѣ бреговъ
Изображала виды;
И какъ между столповъ
И зданіевъ Θεиды,*
Сооруженныхъ ей,
Героевъ Росскихъ въ славу,

При гласъ лебедей,
Въ прохладу и забаву,
Вечернею порой
Отъ всѣхъ уединясь,
Съ Плънирою молодой*
Мы, въ лодочкѣ катаясь,
Гуляли въ озеркѣ:
Она въ кормѣ сидѣла,
А посрединѣ я.
За нами вслѣдъ летѣла
Жемчужная струя,
Кристалъ шумѣлъ отъ весель:
О сколько съ нею я
Въ прогулкѣ сей былъ весель!
Любезная моя —
Я тутъ сказалъ, — Плънира!
Тобой плѣненъ мой духъ,
Ты даръ всего мнѣ міра.
Взгляни, взгляни вокругъ,
И виждь, красы природы
Какъ бы стеклись къ намъ вдругъ:
Сребромъ сверкають воды,
Рубиномъ облака,
Багрянымъ златомъ кровы;
Какъ огненна рѣка,
Свѣтъ ясный, пурпуровый,
Объялъ всѣ воды вокругъ;
Смотри въ нихъ рыбъ плесканье,
Плывущихъ птицъ на лугъ
И крылъ ихъ трепетанье.
Весна во всѣхъ мѣстахъ
Намъ взоръ свой ослабляетъ,
Въ зеленыхъ муравахъ
Ковры намъ подстилаеть;
Послушай рога ревъ,
Тамъ эха хохотанье;
Тутъ шопоты ручьевъ,
Здѣсь розы воздыханье!

Се вѣтеръ помавалъ
Крылами тихо слуху.
Какая пища духу!
Въ восторгѣ я сказалъ:
Коль красенъ взоръ природы
И памятниковъ видъ,
Они гдѣ зрятся въ воды,
И соловей сидитъ
Гдѣ близъ и воспѣваетъ
Зря розу, иль зарю!
Онъ будто изъявляетъ
И Богу и Царю
Свое благодаренье:
Царю, — за память слугъ;
Творцу, — что влилъ стремленье
Къ любви всѣмъ тварямъ въ духъ.
И ты, сидя при розѣ,
Такъ, дней весеннихъ сынъ,
Пой, Карамзинъ! — и въ прозѣ*
Гласъ слышенъ соловьинъ.

LVIa

О домовитая Ласточка!
 О милосизая птичка!
 Грудь краснобѣла, касаточка,
 Лѣтняя гостя, пѣвичка!
 Ты часто по кровлямъ щебечешь,
 Надъ гнѣздышкомъ сидя, поешь,
 Крыльшками движешь, трепещешь,
 Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
 Ты часто по воздуху вьешься,
 Въ немъ смѣлые круги даешь;
 Иль стелешься долу, несешься,
 Иль въ небѣ, простряся, плывешь.
 Ты часто во зеркалѣ водномъ
 Подъ рдяной играешь зарей,
 На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
 Тѣню мелькаешь твоей.
 Ты часто, какъ молнія, рѣшь
 Мгновенно туды и сюды;
 Сама за собой не успѣешь
 Невидимы видѣть слѣды:
 Но видишь тамъ всю ты вселенну
 Какъ будто съ высотъ на коврѣ;
 Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
 Въ чешуйчатомъ флотѣ тамъ сребрѣ;
 Тамъ рощи въ одеждѣ зеленой,
 Тамъ нивы въ вѣнцѣ золотомъ,
 Тамъ холмъ, синій лѣсъ отдаленной,
 Тамъ мошки толкутся столпомъ;
 Тамъ гнутся съ утеса въ понтъ воды,
 Тамъ ластятся струи къ брегамъ. —

Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лѣта роскошнаго храмъ:
Но видишь и бури ты черны
И осени скучной приходъ;
И прячешься въ бездны подземны,
Хладѣя зимою какъ ледъ.
Во мракѣ лежишь бездыханна: —
Но только лишь придетъ весна,
И роза вздохнетъ лишь румяна,
Встаешь ты отъ смертнаго сна;
Встанешь, откроешь зѣницы
И новый лучъ жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

    Душа моя! гостя ты міра:
Не ты ли перната сія? —
Воспой же безсмертіе, лира!
Возстану, возстану и я, —
Возстану, — и въ безднѣ ээира
Увижу ль тебя я, Пльнира?

Личности века Екатерины, воспеты Державиным.

LIIa

XXIII

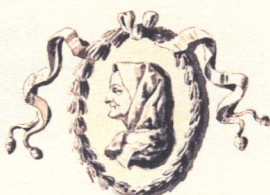
XXVIII

LXIIa

XXXVIII

XXVII

XLIVa

XXXIX

16 (LVI).

ПРИГЛАШЕНИЕ КЪ ОБЪДУ.

Шекснинска стерлядь золотая,*
Каймакъ и борщъ уже стоятъ;*
Въ крафинахъ вина, пуншъ, блистая
То льдомъ, то искрами, манятъ;
Съ курильницъ благовоньи льются,
Плоды среди корзины смѣются,
Не смѣютъ слуги и дохнуть,
Тебя стола вокругъ ожидая;
Хозяйка статная, молодая,*
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодѣтель давный,*
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра!
Приди; — и домъ, хоть не нарядный,
Безъ рѣзбы, злата и сребра,
Мой посѣти; — его богатство
Пріятный только вкусъ, опрятство,
И твердый мой нелстивый нравъ;
Приди отъ дѣлъ попрохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться
Безъ вредныхъ здравію приправъ.

XV

XXXI a

XXXVII a

(портреты приглашенныхъ къ обѣду лицъ)

Не чинъ, не случай и не знатность
На русскій мой простой обѣдъ
Я звалъ, одну благопріятность:
А тотъ, кто дѣлаеть мнѣ вредъ,
Пирушки сей не будетъ зритель.
Ты, Ангелъ мой, благотворитель!
Приди — и насладися благъ:
А вражій духъ да отженется,
Моихъ пороговъ не коснется
Ничей недоброхотный шагъ!

Друзьямъ моимъ я посвящаю,
Друзьямъ и красотѣ сей день;
Достоинствамъ я цѣну знаю,
И знаю то, что вѣкъ нашъ тѣнь;
Что лишь младенчество проводимъ,
Уже ко старости приходимъ
И смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ,
Увы! — то какъ не умудриться,
Хоть разъ цвѣтами не увиться
И не оставить мрачный взоръ?

Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
Что иногда груститъ и Царь;
Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь.

Хотя онъ громкой славой знатень,
Но ахъ! — и тронъ всегда ль пріятень
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зреть обманъ, тамъ зреть упадокъ:
Какъ бедный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!

Итакъ, доколь еще ненастье
Не помрачаетъ красныхъ дней,
И приголубливаетъ щастье
И гладитъ насъ рукой своей;
Доколь не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы,
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ! будемъ жизнью наслаждаться,
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утешаться,
По платью ноги протягать.

А естли ты, иль кто другіе
Изъ званныхъ, милыхъ мнѣ гостей,*
Чертоги предпочтя златые
И яства сахарны Царей,
Ко мнѣ не срядитесь откушать:
Извольте мой вы толкъ прослушать:
Блаженство не въ лучахъ порфирь,
Не въ вкусѣ яствъ, не въ нѣгѣ слуха;
Но въ здравьи и спокойствѣ духа, —
Умѣренность есть лучший пирь.

17 (LVII).

ПАВЛИНЪ.

Какое гордое творенье,
Хвостъ пышно расширяя свой,
Чернозелены въ искрахъ перья
Со рассыпною бахрамой
Позады чешуйной груди кажетъ,
Какъ нѣкій круглый, дивный щитъ?

Лазурно-сизы-бирюзовы
На каждого концѣ пера
Тѣнисты круги, волны новы
Струиста злата и сребра:
Наклонить — изумруды блещутъ!
Повернетъ — яхонты горять!

Не то ли славный Царь пернатый?)*
Не то ли райска птица Жарь,
Которой столь уборъ богатый
Приводить въ удивленье тварь?
Гдѣ ступить — радуги играютъ!
Гдѣ станеть — тамъ лучи вокругъ!

Конечно, сила и паренье
Орлиныя въ ея крылахъ,
Гласъ трубный, лебедино пѣнье*
Въ ея пресладостныхъ устахъ:
А пеликана добродѣтель*
Въ ея и сердцѣ и душѣ!

Но что за чудное явленье?
Я слышу нѣкій странный визгъ!
Сей Фениксъ опустилъ вдругъ перья,*
Увидя гнусность ногъ своихъ. —
О пышность, какъ ты ослѣпляешь!
И баринъ безъ ума — павлинъ.

18 (LXV).

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ;
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полеть его не сокрушитъ.

Такъ! — весь я не умру: но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станеть жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Ураль; —
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неизчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,*

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Рускомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
И истину Царямъ съ улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презреть кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Не принужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

VIII а

VIII б

VII б

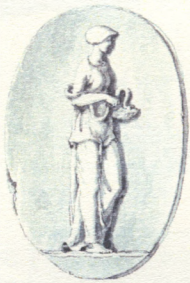

На святые Кипростроителе
скаго иваши тасо долей

II а

XLVII

LIX a

XXX b

LIX b

XIX a,b,c

LV a,b

XI a,b

XL a

XLI a

XL б

XLI б

XLVI a

XLVI б

LXIII a

LXIII b

LIII b

LIII a

XX

XLIV б

XIII б

XXXVII б

XIV a

XIII a

XXVIII a

XXXIV b

XXXIV a

XXII b

XXXVI

LXIV b

LXIV a

LVII б

XXX б

LI б

XXX а

XXI

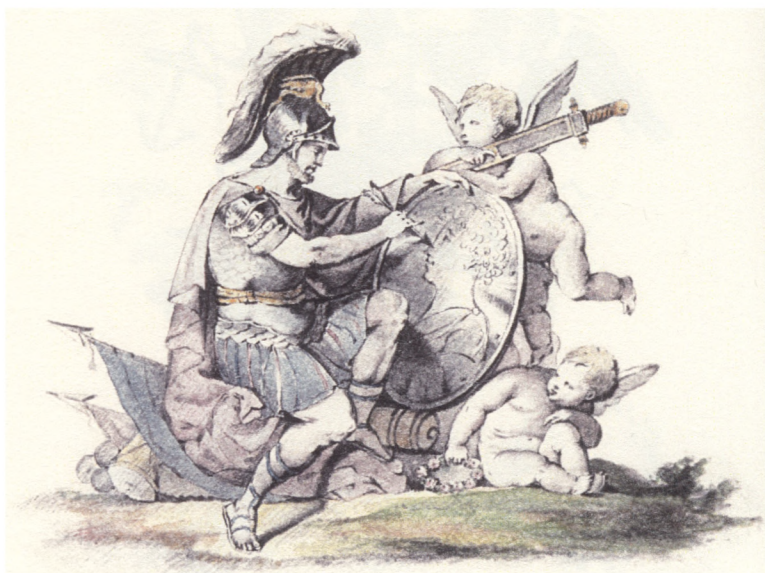

XXIX

XXXII

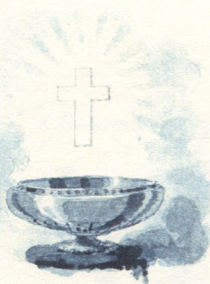

LXIX a,b

LX a

LX b

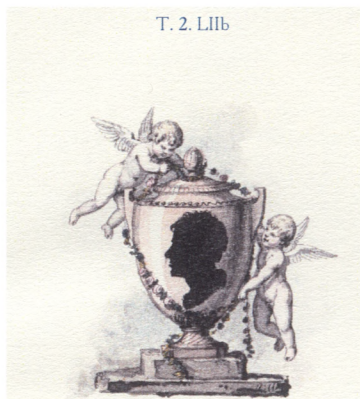
LXI b

LXI a

Виньета И. Иванова к 2-й части Сочинений Державина.

Виньета к 3-й части Сочинений Державина.

Т. 3. XIa

Его Императорскому Величеству
Императору Александру I.
Самодержцу Всероссийскому

Съ благоговѣніемъ посвящаетъ
Сочинитель

Мы не намѣрены ласкать ему нигдѣ, яко существу Высочайшему, или яко нѣкому Божеству: ибо говоримъ не о тиранѣ, но о Гражданинѣ; не о Государѣ, но объ Отцѣ Отечества, который почитаетъ себя намъ равнымъ; но тѣмъ паче насъ превышаетъ, чѣмъ болѣе равняетъ себя съ нами.

Плиній въ словѣ Императору Траяну.

Монархъ!

Спокойствомъ Ты мою ущедрилъ лиру,
Я кринъ ея цвѣтовъ дерзнулъ принесть предъ тронъ.
Ты, обоня ихъ, внушишь звучнѣе міру,
Что и при бурныхъ дняхъ Ты музамъ Апполлонъ.

19 (I).

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

1.

Умолкни, чернь непросвѣщенна.
Слѣпыя міра мудрецы!
Небесна истина, священна!
Твою мнѣ тайну ты прорцы.
Вѣщай: я буду ли жить вѣчно?
Безсмертна ли душа моя?
Се слово мнѣ гремитъ предвѣчно:
Живъ Богъ — Жива душа твоя!

2.

Жива душа моя! и вѣчно
Она жить будетъ, безъ конца;
Сіянье длится безпресѣчно,
Текуще свѣта отъ Отца.
Отъ лучезарной единицы,
Въ комъ всѣхъ существъ вратится кругъ,
Какія ни текутъ частицы,
Всѣ живы, вѣчны: — вѣчень духъ.

3.

Духъ тонкій, мудрый, сильный, сущій
Въ единый мигъ и тамъ и здѣсь,
Быстрѣе молніи текущій
Всегда, вездѣ и вкупѣ весь,
Неосязаемый, незримый,
Въ желаньи, въ памяти, въ умѣ
Непостижимо содержимый,
Живущій внутри меня и внѣ;

4.

Духъ, чувствовать, внимать способный,
Все знать, судить и заключать;
Какъ легкій прахъ, такъ міръ огромный
Вкругъ мѣрять, вѣсить, исчислять;
Ревущи отвращать перуны,
Черезъ бездны проплывать морей,
Сквозь своды воздуха лазурны
Свѣтъ черпать солнечныхъ лучей;

5.

Могущій время скоротечность,
Прошедше съ будущимъ вязать;
Воображать блаженство, вѣчность,
И съ мертвыми совѣтъ держать;
Плѣняться истинъ красотою,
Надѣяться безсмертнымъ быть:
Сей духъ возможетъ ли косою
Пресѣчься смерти и не жить?

6.

Какъ можно, чтобы Царь всемірный,
Господь стихій и вещества —
Сей духъ, сей умъ, сей огонь эфирный,
Сей истый образъ Божества, —
Являлся съ славою такою,
Чтобъ только мигъ въ семь свѣтѣ жить,
Потомъ покрылсябъ вѣчной тьмою?
Нѣтъ, нѣтъ! — сего не можетъ быть.

7.

Не можетъ быть, чтобъ съ плотью тлѣнной,
Не чувствуя нетлѣнныхъ силъ,
Противу смерти разъяренной
Въ сраженье воинъ выходилъ;
Чтобъ властью Царь не ослѣплялся,
Судья противъ даровъ стоялъ,
И человѣкъ съ страстями сражался,
Когда бы духъ не укрѣплялъ.

8.

Сей духъ въ Пророкахъ предвѣщаетъ,
Парить въ Питахъ въ высоту,
Въ Витіяхъ сонмы убѣждаетъ,
Съ народовъ гонить слѣпоту;
Сей духъ и въ устахъ не боится
Тиранамъ правду говорить:
Чего безсмертному страшиться?
Онъ будетъ и за гробомъ жить.

9.

Премудрость вѣчная и сила,
Во знаменье чудесъ своихъ,
Въ персть земну душу, духъ вложила,
И такъ во мнѣ связала ихъ,
Что сдѣлались они причастны
Другъ друга свойствъ и естества:
Въ сей водворился міръ прекрасный
Безсмертный образъ Божества!

10.

Безсмертенъ я! — и увѣряеть
Меня въ томъ даже самый сонъ;
Мои онъ чувства усыпляетъ,
Но дѣйствуетъ душа и въ ніомъ:
Оставя неподвижно тѣло,
Лежащее въ моемъ одрѣ,
Она свой путь свершаетъ смѣло,
Въ стихійной пролетая прѣ.

11.

Сравнимъ ли и прошедши годы
Съ исчезнувшимъ, минувшимъ сномъ:
Не всѣ ли виды намъ природы
Лишь бывшихъ мечтъ явятся сонмъ?
Когда жъ оспорить то не можно,
Чтобъ въ прошломъ времѣ не жилъ я:
По смертномъ снѣ такъ непреложно
Жить будетъ и душа моя.

12.

Какъ тьма есть свѣта отлученье:
Такъ отлученье жизни, смерть.
Но коль лучей, во удаленьѣ,
Умершими не лъзя почестъ:
Такъ и души, отшедшей тѣла,
Она жива, — какъ живъ и свѣтъ;
Превыше тлѣннаго предѣла
Въ своемъ источникѣ живетъ.

13.

Я здѣсь живу, — но въ цѣломъ мірѣ
Крылата мысль моя парить;
Я здѣсь умру, — но и въ эфирѣ
Мой гласъ по смерти возгремить.
О! если бъ стихотворство знало
Братъ краску солнечныхъ лучей,
Какъ ночью бы луна, сіяло
Безсмертіе души моей.

14.

Но если нѣтъ души безсмертной,
Почто жъ живу въ семь свѣтѣ я?
Что въ добродѣтели мнѣ тщетной,
Когда умреть душа моя?
Мнѣ лучше, лучше быть злодѣемъ,
Попрять законъ, низвергнуть власть,
Когда по смерти мы имѣемъ,
И злой и добрый, равну часть.

Ахъ, нѣтъ! — коль плоть, разрушась, тлѣнна
 Мертвилабъ нашъ и духъ съ собой,
 Давно бы потряслась вселенна,
 Земля покрылась кровью, мглой;
 Упали бѣ троны, царства, грады,
 И все погибло бѣ золь въ борьбѣ:
 Но духъ безсмертный ждетъ награды
 Отъ правосудія себѣ.

Дѣла и сами наши страсти,
 Безсмертья знаки нашихъ душъ.
 Богатствъ алкаемъ, славы, власти:
 Но, всѣ ихъ получа, мы въ ту жъ
 Минуту вновь — и близъ могилы —
 Не престаемъ еще желать;
 Такъ мыслей простираемъ крылы,
 Какъ будтобъ вѣкъ не умирать.

Нашъ прахъ слезами оросится,
 Гробъ скоро мохомъ зарастеть:
 Но огонь отъ праха въ томъ родится,
 Надгробну надпись кто прочтетъ;
 Блеснетъ, — и вновь подъ небесами
 Начнетъ свой Фениксъ новый кругъ;
 Все движется, живетъ дѣлами,
 Душа безсмертна, мысль и духъ.

Какъ сѣрный паръ прикосновеньемъ
 Вмигъ возгарается огня,
 Подобно мысли сообщеньемъ
 Возможно вдругъ возжечь меня;
 Вослѣдъ же моему примѣру
 Пойдетъ отважно и другой:
 Такъ дѣлъ и мыслей атмосферу
 Мы простираемъ за собой!

И всяко сѣмя, роду сродно
 Какъ своему приносить плодъ:
 Такъ всяка мысль себѣ подобно
 Дѣянье за собой ведетъ.
 Благіе въ мірѣ духи, злые,
 Суть вѣчны чада сихъ сѣмень;
 Отъ нихъ тѣ свѣтъ, а тьму другіе
 Въ себя приемяютъ, жизнь, иль тлѣнь.

Бываю весель и спокоенъ,
 Когда я сотворю добро;
 Бываю скученъ и разстроенъ,
 Когда содѣлаю я зло:
 Отколь же разность чувствъ такая?
 Отколь борьба и перевѣсъ?
 Не то ль, что плоть есть персть земная,
 А духъ — вліяніе небесь?

Отколѣ, чувствъ по насыщеньѣ,
 Объемлетъ душу пустота?
 Не отъ того ль, что наслажденье
 Для ней благъ здѣшнихъ — суета,
 Что есть для насъ другой міръ краше,
 Есть вѣчныхъ радостей чертогъ?
 Безсмертіе — стихія наша,
 Покой и верхъ желаній — Богъ!

Болѣзнию изнуренна смертной
 Зрю мужа праведна въ одрѣ,
 Покрытаго ужъ тѣнью мертвой;
 Но при возблещущей зарѣ
 Надъ нимъ прекрасной, вѣчной жизни,
 Горѣ онъ взоръ возводитъ вдругъ,
 Спѣша въ объятіе отчизны,
 Съ улыбкой испускаетъ духъ.

23.

Какъ червь, оставя паутину
И въ бабочкѣ взявъ новый видъ,
Въ лазурну воздуха равнину
На крыльяхъ блещущихъ летить,
Въ прекрасномъ веселясь убранствѣ,
Съ цвѣтовъ садится на цвѣты:
Такъ и душа, небесъ въ пространствѣ
Не будешь ли безсмертна ты?

24.

О нѣтъ! безсмертіе прямое
Въ единомъ Богѣ вѣчно жить,
Покой и счастье святое
Въ Его блаженномъ свѣтѣ чтить.
О радость! — О восторгъ любезный!
Сіяй, надежда, лучъ лія,
Да на краю воскликну бездны:
Живъ Богъ — Жива душа моя!

20 (XIX).

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

1.

Блажень! — кто, удалясь отъ дѣлъ,
Подобно смертнымъ первородымъ,
Ореть отеческій удѣлъ
Не откупнымъ трудомъ, — свободнымъ,
На собственныхъ своихъ волахъ.

2.

Кого ужасный гласъ, отъ сна
На брань, трубы не возбуждаетъ
Морская не страшитъ волна,
Въ судъ ябеда не призываетъ;
И господамъ не бьетъ челомъ,

3.

Но садить онъ в саду своемъ
Кусты и овощи цвѣтущи;
Иль, дикихъ древъ кривымъ ножемъ
Обрѣзавъ пни, и плодъ дающи
Черенья прививаетъ къ нимъ.

4.

Иль зреть вдали ходящій скоть,
Рычащій въ вьющихся долинахъ;
Иль перечищенную льетъ
И прячетъ патоку въ кувшинахъ,
Или стрижетъ своихъ овецъ;

5.

Но Осень какъ главу въ поляхъ,
Гордясъ, съ плодами возвышаетъ:
Какъ радъ, что рветъ ихъ на вѣтвяхъ,
Привитыхъ имъ, — и посвящаетъ
Даръ Богу, пурпура краснѣй.

6.

На брегѣ ли въ травѣ густой,
Подъ дубъ ли древній онъ ложится,
Въ лѣсу гамъ птицъ, — съ скалы крутой
Журча къ нему ручей стремится,
И все наводитъ сладкій сонъ.

7.

Когда жъ гремящій въ тучахъ Богъ
Покроетъ землю всю снѣгами,
Звѣрей онъ ищетъ слѣдъ и логъ;
Тамъ зайца гонить, травить псами,
Здѣсь ловить волка въ тенета.

8.

Иль тонкіе въ гумнахъ силки
На куропатокъ разставляетъ,
На рябчиковъ въ кустахъ пружки:
О, коль пріятну получаетъ
Награду за свои труды!

9.

Но будетъ ли любовь при томъ
Со прелестями ея забыта,
Когда прекрасная лицомъ
Хозяйка мила, домовита,
Печется о его дѣтяхъ?

10.

Какъ ею, — русскихъ честныхъ женъ
По древнему обыкновенью, —
Весь быть хозяйскій снаряженъ:
Домъ теплъ, чистъ, свѣтлъ, и къ возвращенью
Съ охоты мужа столъ накрыть.

11.

Бутылка добраго вина,
Въ прокъ пива Рускаго варена,
Съ гренками коновка полна,
Изъ коей клубомъ лезѣтъ пѣна,
И столъ обѣденный готовъ.

12.

Горшокъ горячихъ, добрыхъ щей,
Копченый окорокъ подъ дымомъ:
Обсаженный семьей моею,
Средь коей самъ я господиномъ,
И тутъ-то вкусенъ мнѣ обѣдъ!

13.

А какъ жаркой еще баранъ,
Младой, къ Петрову дню блюденый,*
Капусты сочныя кочанъ,
Пирогъ, груздями начиненый,
И нѣсколько молочныхъ блюдъ:

14.

Тогда-то устрицы го-гу,*
Всѣхъ мушелей заморскихъ грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу,
Чем окормляютъ насъ Французы,
И ужъ ничто не вкусно мнѣ.

15.

Межъ тѣмъ приятно изъ окна
Зрѣть карду съ тучными волами;*
Кобыль, коровъ, овецъ полна,
Дворъ рѣзвыми кишить рабами:
Какъ весель таковой обѣдъ!

16.

Такъ откупщикъ вчерась судиль,
Сбираясь бытъ поселяниномъ;
Но правежемъ долги лишъ сбриль,
Остался паки мѣщаниномъ,
А нынѣ деньги отдалъ въ ростъ.

21 (XXIV).
КАПНИСТУ.

1.

Спокойства просить отъ Небесъ
Застыженный въ Каспійскомъ морѣ,
Коль скоро ни луны ни звѣздъ
За тучами не зреть, и вскорѣ
Ждетъ корабельщикъ бѣдъ отъ бурь;
Спокойства просить Персъ пужливый,
Туркъ гордый, Россъ властолюбивый,
И въ ризѣ шелковой Манжурь.

2.

Покою, мой Капнисть! покою,
Котораго не лъзя купить
Казной серебряной, златою,
И багрянницей замѣнить.
Сокровищми всея вселенной
Не можетъ отъ души смятенной
И самый царь отгнать заботь,
Толпящихся вокругъ воротъ.

3.

Щастливъ тотъ, у кого на столъ,
Хоть не роскошный, но опрятный,
Родительскіе хлѣбъ и соль
Поставлены; и сонъ приятный
Когда не отнять у кого
Ни страхомъ, ни стяжаньемъ подлымъ:
Кто малымъ можетъ быть довольнымъ,
Богаче Креза самага.

4.

Такъ для чего жъ въ толь краткой жизни
Метаться намъ туды, сюды,
Въ другія земли изъ отчизны
Скакать отъ скукъ или бѣды
И чуждымъ солнцемъ согрѣваться?
Отъ пепелища удаляться,
Отъ родины своей кто мнить,
Тотъ самого себя бѣжить.

5.

Заботы наши и бѣды
Вездѣ послѣдуютъ за нами,
На корабляхъ чрезъ волны, льды,
И конницы за тороками;
Быстрѣй оленей и погодъ,
Стадами облаки женущихъ,
Летятъ онѣ и всюду сущихъ
Терзаютъ челоуѣковъ родъ.

6.

О будь судьбѣ твоей послушнымъ,
Престань о будущемъ вздыхать;
Веселымъ нравомъ, равнодушнымъ
Умѣй и горестъ улаждать.
Довольнымъ быть, неприхотливымъ,
Сіе то есть, что быть щастливымъ;
А совершенныхъ благъ въ сей вѣкъ
Вкушать не можетъ человѣкъ.

7.

Вѣкъ Задунайскаго увяль,
Достойный въ памяти остаться;
Рымникскаго печалень сталь!
Сей мужъ, рожденный прославляться,
Проводить нынѣ мрачны дни:
Чего жъ не приключится съ нами?
Что мнѣ предписано судьбами,
Тебѣ откажутъ въ томъ они.

8.

Когда въ Обуховкѣ стремятся
Твоей стада, блея, на лугъ,
Съ зеленаго холма глядятся
Въ текущей стекляной Псіоль вокругъ;
Когда волы и кобылицы,
Четверомѣстной колесницы
Твоей краса и честь плуговъ,
Блестятъ, и садъ твой — тьмой плодовъ;

9.

Когда тебя въ темнозелену,
Подругу въ пурпурову шаль
Твою я вижу облеченну,
И прочь бежитъ отъ васъ печаль;
Какъ вокругъ васъ радости и смѣхи,
Невинны сельскія утѣхи,
И хоры дѣвъ поютъ весну;
То скука васъ не шлетъ ко сну.

10.

А мнѣ Петрополь населять
Когда велить судьба съ Миленой,
Къ отрадѣ домъ дала и садъ
Сей жизни скучной, развлеченной,
И нѣкую Поэта тѣнь,
Да правду возглашу святую:
Умѣй презрѣть и ты златую,
Злословну, площадную чернь.

22 (XXVIII).

СНИГИРЬ.

Что ты заводишь пѣсню военну,
Флейтѣ подобно, милый Снигирь? *
Съ кѣмъ мы поидемъ войной на Гіену? *
Кто теперъ вождь нашъ? Кто богатырь?
Сильный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?
Сѣверны громы въ гробѣ лежать.

Кто передъ ратью будетъ, пылая, *
Бздить на клячѣ, ѣсть сухари;
Въ стужѣ и въ зноѣ мечъ закаляя,
Спать на соломѣ, бдѣть до зари;
Тысячи воинствъ, стѣнъ и затворовъ,
Съ горстью Россіянъ все побѣждать? *

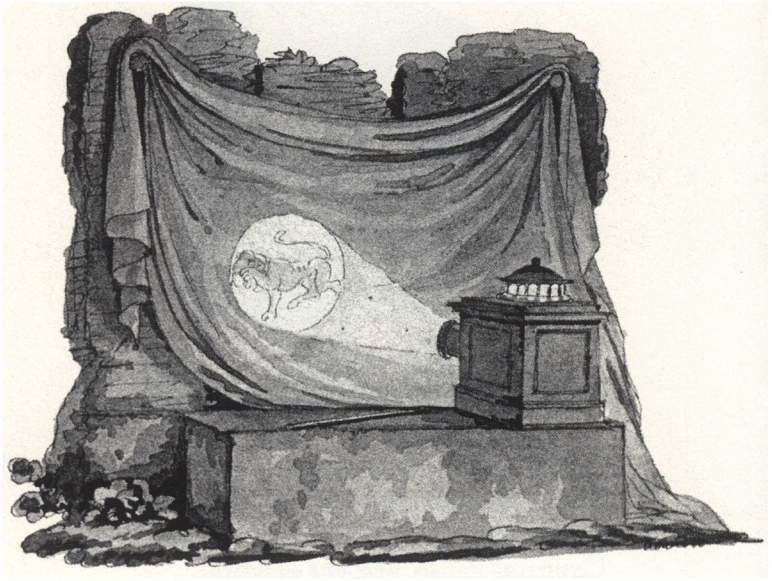

Т 2 XXVII б

Быть вездѣ первымъ въ мужествѣ строгомъ;*
Шутками зависть, злобу штыкомъ,
Рокъ низлагать молитвой и Богомъ;*
Скиптры давая, зваться рабомъ,
Доблестей бывъ страдалецъ единыхъ,
Жить для Царей, себя изнурять?

Нѣтъ теперь мужа въ свѣтѣ столь славна:
Полно пѣть пѣсню военну, Снигирь!
Бранна музыка днесъ не забавна,
Слышенъ отвсюду томный вой лиръ;
Львинаго сердца, крыльевъ орлиныхъ
Нѣтъ уже съ нами! — Что воевать? —

23 (XL).
ФОНАРЬ.

1.

Гремитъ органъ на стогнѣ трубный,
Пронзаетъ ночь и тишину;
Очаровательный огонь чудный
Малюетъ на стѣнѣ луну.
Въ ней ходятъ тѣни разнородны:
Волшебникъ мудрый, чудотворный,
Жезла движеньемъ, усть, очесь,
То ихъ творить, то истребляетъ;
Народъ толпами поспѣшаетъ
Смотрѣть къ нему такихъ чудесь.

2.

Явись!

И бысть.

Пещеры обитатель дикій,

Изъ тмы ужасной превеликій

Выходитъ левъ.

Стоить, по гривѣ лапой кудри

Златая чешеть, вьетъ хвостомъ;

И ревь

И взоръ его, какъ въ мракѣ бури,

Какъ яры молніи, какъ громъ,

Сверкая по лѣсамъ, грохочеть.

Онъ рыщетъ, скачетъ, пищи хочетъ

И, межъ древесъ

Озѣтя агницу смиренну,

Прыгнувъ, разверзъ ужъ челюсть гнѣвну...

Исчезнь! исчезъ.

3.

Явись!

И бысть.

Средь гладкихъ океана стекляныхъ,

Зарею утренней румяныхъ,

Спокойныхъ нѣдръ,

Голубосизый, солнцеокой,

Усатый, тучный рыбій князь,

Осетръ,

Изъ влаги появись глубокой,

Пернатой лыстью вокругъ струясь,

Сквозь водну дверь глядить, гуляетъ:

Но тутъ ужасный звѣрь всплываетъ

Къ нему изъ безднъ:

Стремить въ свои водъ рѣвки трубы,*

И какъ серпы занесъ ужъ зубы...

Исчезнь! исчезъ.

4.

Явись!

И бысть.

Съ долины мирныя, зелены
Въ полудни лебедь, вознесенный

Подъ облака,

Веселый гласъ свой ниспускаеть;

Его долина, роща, холмъ,

Рѣка

Стократно эхомъ повторяеть: —

Но тутъ, какъ быстрый съ свистомъ громъ,

На рамена его сребристы

Орель прожорливый, кохтистый

Упаль съ небесь.

Клюеть, терзаетъ, бьетъ крылами,

И пухъ летитъ какъ снѣгъ полями...

Исчезнь! исчезъ.

5.

Явись!

И бысть.

Спустилось солнце, — вечеръ темный

Открылъ на небѣ миліоны

Горящихъ звѣздъ.

Огнисты, легки метеоры

Слетаютъ блестящимъ клубкомъ

Отъ мѣсть

Превыспреннихъ, — и въ мракъ взоры,

Какъ искры, веселятъ огнемъ:

Одна на домъ тутъ упадаетъ,

Раздута вѣтромъ, зажигаеть,

И въ пламѣ городъ весь!

Столбомъ дымъ, жупель въ воздухъ вьется,*

Пожаръ — какъ рдяны волны — льется...

Исчезнь! исчезъ.

6.

Явись!

И бысть.

Торговый гость, смотря на щоты,

Отъ жажды къ злату и заботы

Хотя дрожить

Товарищей надъ барышами,

Въ паи дѣля товары ихъ;

Но бдить

И ползаетъ надъ чертежами

Всечасно странствіевъ морскихъ.

Въ очкахъ его всезряще око

Ужь судно зреть въ моряхъ далеко

Сквозь сладкихъ слезъ;

На немъ вздутъ парусъ, флагъ, дымъ, пламень,

Близъ пристани подводный камень...

Исчезнь! исчезъ.

7.

Явись!

И бысть.

Оратай нивъ трудолюбивый,

Богобоязный, терпѣливый,

Проливъ свой потъ,

Ходя подъ зноемъ за сохою,

И тукомъ угобая бразды,

Ждетъ годъ,

Отъ брошенныхъ его рукою

Сѣмянъ собрать себѣ плоды.

Златымъ колосья сокомъ полны,

Уже колеблются, какъ волны,

И тѣнь небесъ

Его трудъ правый осѣняетъ:

Но градъ изъ тучи упадаетъ....

Исчезнь! исчезъ.

8.

Явись!
И бысть.

Чета младая новобрачныхъ —
Въ златыхъ, блистающихъ, безмрачныхъ
Цѣпяхъ своихъ —
Любви въ блаженствѣ утопаетъ;
Преодолевъ препятства всѣ,
Женихъ
Отъ радости въ восторгѣ таетъ
И въ плѣнъ отдавшися красѣ,
Забывъ на ложѣ прежни скуки,
Въ уста ее цѣлуетъ, въ руки,
И средь завѣсь
Коснулся ужъ забавъ рукою:
Но блещетъ смерть надъ нимъ косою...
Исчезнь! исчезь.

9.

Явись!
И бысть.

Отважный, дерзкій вождь, щастливый,
Черезъ свой пронырливый, кичливый
И твердый духъ
Противны разметавъ знамены,
И на чело свое собравъ
Вокругъ
Съ народовъ многихъ лавръ зеленый,
И царскія права поправъ,
Въ чаду властолюбивой страсти
У всей народной силы, власти
Взялъ перевѣсь;
Гражданъ не внемлетъ добрыхъ стону,
Простеръ десницу на корону...
Исчезнь! исчезь.

Т. 2 II б

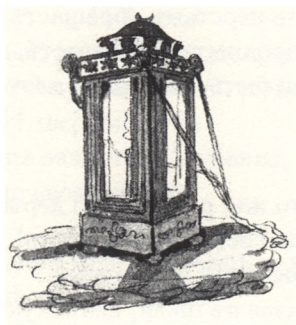
10.

Не обавательный ль, волшебный,
Магический, сей миръ, фонарь,
Гдѣ видны тѣни перемѣнны,
Гдѣ, веселяся ими, Царь
Иль магъ какой, волхвъ непостижный,
Въ своихъ намѣреньяхъ обширный,
Планетъ кругъ тайно съ высоты
Единымъ перстомъ обращаетъ,
И земнородныхъ призываетъ
Мечтами быть, иль зрѣть мечты!

11.

Почто жъ, о смертный дерзновенный,
Невѣжда средь своихъ наукъ!
Летая мыслями надменный,
Иль ползая въ пыли, какъ жукъ,
Бѣжишь ты счастья за мечтами,
Толь преходящими предъ нами,
Бывъ гостемъ, позваннымъ на пиръ?
Не лучше ль блескомъ ихъ не льститься;
Но Зодчему тому дивиться,
Кто создалъ столь прекрасный миръ?

Такъ будемъ, будемъ равнодушно
Мы зрителями его чудесъ;
Что рокъ велить, творить послушно,
Забавой бывъ другихъ очесъ;
Пускай Тотъ управляетъ нами,
Кто движетъ солнцами, звѣздами;
Онъ знаетъ ихъ и нашъ конецъ!
Велить, — я возвышаюсь;
Речеть, — я понижаюсь.
Сей міръ — мечты; ихъ Богъ творецъ!

Оленину.

24 (XLV).
ОЛЕНИНУ.

Обычевъ русскихъ, вида, чувства,
Моей поэзы Изографъ,*
Чьего и славный Бритъ искусства
Не снесъ, красѣ возревновавъ;*
Въ чьемъ рашкулѣ, мѣлу, чернилахъ
Видна такъ жизнь, какъ въ пантомимахъ,
Оленинъ милый! вспомяни *
Твое мнѣ слово — и черкни.

Т. 1; XIX ь

Представь мнѣ воина, идуща
Съ прямымъ безстрашіемъ души
На явну смерть и смерть несуща,
И словомъ: Росса напиши:
Какъ ржетъ предъ нимъ Везувій ярый,*
Надъ нимъ дождь искръ, громовъ удары,
За нимъ — скрылъ мракъ его стопы.
Лежать Иракловы столпы!

Тебѣ; — такъ, Россу только можно
Отечества представить духъ;
Услуги вѣрной ждать не должно
Отъ иностранныхъ слабыхъ рукъ.
И впрямь, огромность Исполина
Кто облечетъ, окромѣ сына
Его, и тѣломъ и душой?
Намъ тѣсенъ всѣхъ другихъ покрой.

Когда наука иль природа
Дадутъ и духъ и умъ и вкусъ,
Ни чинъ, ни должность, ни порода
Быть не претягъ друзьями Музъ.
И только ль въ полѣ на сраженьи
И за зеркаломъ дѣлъ въ вершени*
Сыновій нуженъ царству жаръ?
Нѣтъ! — проклять всякъ сокрывшій даръ.

Три дщери своего рожденья*
Судили небеса послать,
Чтобъ свѣтъ, красу и утѣшенье
На землю мрачну проливать;
Схватясь красавицы руками,
Съ улыбкой, тихими стопами
Проходятъ мѣръ: — и се въ нашъ вѣкъ
Пришли въ полнощъ, какъ П е т р ъ предрекъ.*

Пусть духъ поэта сотворяетъ,
Вливаетъ Живописецъ жизнь,
А чувства Музыкантъ вдыхаетъ
Къ образованью ихъ отчизнъ:
И насъ коль Геніи вдыхаютъ,
Отъ сна съ зарею возбуждаютъ,
Не стыдно ль нѣгу обнимать?
Пойдемъ Сатурна побѣждать!*

Т. 2; XLII a

25 (LXXVII).

ЕВГЕНИЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ.

1.

Блаженъ, кто менѣ зависить отъ людей,
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ,
Не ищетъ при Дворѣ ни злата, ни честей,
И чуждъ суетъ разнообразныхъ!

2.

Зачѣмъ же въ Петрополь на вольну ѣхать страсть.*
Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,
Подъ бремя роскоши, богатствъ, Сирень подъ власть
И предъ вельможей пышны взоры?

3.

Возможно ли сравнять что съ вольностью златой,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?*

Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ — дней въ останкѣ.

4.

Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ;
Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесь, красотъ позоръ
Открыль мнѣ въ жизни толь блаженной.

5.

Пройдя минувшую и не нашедши въ ней,
Чтобъ черная змѣя мнѣ сердце угрызала,
О! коль доволенъ я, оставилъ что людей
И честолюбія избѣгъ отъ жала!

6.

Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу розъ,
Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивыхъ мѣсть между лилей и розъ,
Средь сада храмъ жезломъ чертяще.

7.

Иль, накормя моихъ пшеницей голубей,
Смотрю надъ чашей водъ, какъ вьютъ подъ небомъ круги;
На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей,
На кроющихъ, какъ снѣгомъ, луги;

8.

Пастушьяго вблизи внимаю рога зовъ,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашковъ въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ соловьевъ,*
Ревъ кравъ, громъ желнь и коней ржанье.*

9.

На кровлѣ жъ зазвенить какъ ласточка, — и паръ
Повѣтъ съ дома мнѣ манжурской иль левантской,*
Иду за круглый столъ: и тутъ-то растобаръ
О снахъ, молвѣ градской, крестьянской;

10.

О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей,
Чьи въ рамахъ по стѣнамъ золотыхъ блистаютъ лица,
Для вспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
И для прикрасть моей свѣтлицы, —

11.

Въ которой поутру, иль въ вечеру, порой
Дивлюся въ Вѣстникѣ, въ газетахъ иль журналахъ,
Россiянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ герой,
Гдѣ есть Суворовъ въ Генералахъ!

12.

Въ которой къ Госпожѣ, для похвалы гостей,
Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
Ковровъ и кружевъ и вязани;*

13.

Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и съ птичниковъ, прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю золото подъ вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ-пухъ грибовъ,
Сребро, трепещуще лещами.

14.

Въ которой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ, врачъ*
Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
Прося на пищу имъ: тѣмъ съ поливкой калачъ,
А тѣмъ лѣкарствица въ подспорье.

15.

Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
Усастый староста, иль скопидомъ брюхатой,
Даютъ отчетъ казнѣ и хлѣбу и вещамъ,
Съ улыбкой часто плутоватой.

16.

И гдѣ, случается, художники млады
Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ,
И получаютъ въ даръ подачи за труды:
А въ часъ и денегъ по полтинѣ.

17.

И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ,
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи
Играемъ въ карты мы, въ ерошки, въ фараонъ,*
По грошу въ долгъ и безъ отдачи.

Оттуда прихожу въ святилище я Музъ,
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣдши въ пирѣ,
Къ царямъ, къ друзьямъ моимъ иль къ небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ.

Иль въ зеркало времянь, качая головой,*
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ, — и драки человѣковъ.

Все суета суетъ! я, въздыхая, мню:
Но, бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна,
О, коль прекрасенъ мѣръ! Чтожъ духъ мой бременю?
Творцемъ содержится вселенна.

Да будетъ на земли и въ небесахъ Его
Единого во всемъ вседѣйствующа воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего
И строится моя имъ доля.

Дворовыхъ, между тѣмъ, крестьянскихъ рой дѣтей
Сбираются ко мнѣ, не для какой науки:*
А взять по нѣскольку баранокъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.

Письмоводитель мой тутъ долженъ на моихъ
Бумагахъ мараныхъ, пастухъ какъ на овечкахъ.
Репейникъ вычищать. — Хоть мыслей нѣтъ большихъ;
Блестятъ и жучки въ епанечкахъ.*

Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ столу бѣгутъ;
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ. —
Я озрѣваю столъ, — и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ.

25.

Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ шука пестрая — прекрасны!

26.

Прекрасны потому, что взоръ манять мой, вкусъ;
Но не обиліемъ иль чуждыхъ странъ приправой:
А что опрятно все и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здоровой.

27.

Когда же мы донскихъ и крымскихъ кубки винъ,
И липца, воронка и чернопѣнна пива*
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмелинъ:
Бесѣда за сладьми шутлива.

28.

Но молча, вдругъ встаемъ: — бьеть, искрами горя,
Древъ Рускихъ сладкій сокъ до подвѣчныхъ бревень:*
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго Царя*
Царицъ, Царевичей, Царевень.

29.

Туть кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ:
Тамъ въ шахматы, въ шары иль изъ лука стрѣлами.*
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ
И тѣшусь разными играми.

30.

Иль изъ кристальныхъ водъ, купалень, между древъ,
Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей; а здѣсь плесканье дѣвъ,
Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ.

31.

Иль въ стекла оптики картинныя мѣста*
Смотрю моихъ усадьбъ; — на свиткахъ грады, царства,
Моря, лѣса, — лежитъ вся міра красота
Въ глазахъ, искусствъ черезъ коварства.

32.

Иль въ мрачномъ фонарѣ люблюсь, звѣзды зря*
Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнѣ стремленью:
Такъ солнцы въ воздухѣ, я мню, текутъ, горя,
Премудрости ко прославленью.

33.

Иль смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ леть,
И движа машину, древа на доски дѣлать;*
Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ бьетъ,*
Клопоча, огонь толчетъ и мелеть.

34.

Иль любопытны, какъ бумажны руны волнѣ
Въ лотки сквозь иглѣ, колесь, подобно снѣгу льются
Въ пушистыхъ локонахъ, и тьмы вдругъ веретень
Маріиной рукой прядутся.*

35.

Иль какъ на лень, на шелкъ, цвѣтъ, пестрота и лоскъ,
Всѣ прелести, красы, берутся съ полъ Царицы;*
Сталь жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ.
Куется въ бердыши милицы.*

37.

И сельски ратники какъ, царства ставъ щитомъ,
Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй во рыцарскомъ убранствѣ,
За вѣру, за Царя, мы — говорятъ — помремъ,
Чѣмъ у Французовъ быть въ подданствѣ.*

38.

Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по берегу пѣшь, верхомъ,
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
То зайцевъ ловимъ псовъ станицей.

39.

Иль стоя внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнъ,
Какъ дернъ бугрится соха, злакъ травъ падеть косами,
Серпами злато нивъ, — и ароматовъ полнъ
Порхаетъ вѣтръ межъ Нимфъ рядами.

40.

Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подь черной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозеленымъ,
И сходить солнышко на нижнюю ступень
Къ холмамъ и рощамъ синетемнымъ.

41.

Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подь сѣнь;
На брегъ Волхова разводимъ огонь дымистый;
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день,
И пьемъ подь небомъ чай душистый.

42.

Забавно! въ тѣмъ челновъ съ сѣтми какъ рыбаки,
Лѣнливымъ строимъ плывъ, страшать тварь влаги стукомъ;*
Какъ, парусы суда, и лямкой бурлаки*
Влекутъ однимъ подь гѣснью духомъ.

43.

Прекрасно, тихіе, отлогіе брега
И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны,*
Какъ, полосаты ихъ клоны поля, луга,
Стоять надъ токомъ струй безмолвны.

44.

Пріятно! какъ вдали сверкаетъ лучъ съ косы,
И эхо за лѣсомъ подь мглой гамить народа,
Жнецовъ поющихъ, жницъ полкъ идетъ съ полосы,
Когда мы ѣдемъ изъ похода.

45.

Стекль заревомъ горить мой храмовидный домъ,*
На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
Гдѣ встрѣчу водометь шумить лучей дождемъ,*
Звучить музыка духовая.

46.

Изъ жерлъ чугуновыхъ громъ по праздникамъ реветъ;*
Подь звѣздной молніей, подь свѣтлыми древами
Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подь гудками.

Но скучить какъ сія забава сельска намъ,
Внутрь дома тѣшимся столицъ увеселеньемъ;
Велимъ талантами родныхъ своихъ дѣтямъ
Блистать: музыкой, пляской, пѣньемъ.*

Амурчиковъ, харить плетень, иль хороводъ,
Занявъ у Талин игру и Терпсихоры,*
Цвѣточные вѣнки пастухъ пастушкѣ вьетъ:
А мы на нихъ и пялимъ взоры.

Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души громъ,
Здѣсь тихогрома съ струнъ смягченны, плавны тоны*
Бѣгутъ, — и въ естествѣ согласія во всемъ
Даютъ намъ чувствовать законы.

Но нѣтъ какъ праздника, и въ будни я одинъ,
На возвышеніи сидя столповъ перильныхъ,
При гусляхъ подъ вечеръ, челомъ моихъ сѣдинъ
Склонясь, ношусь въ мечтахъ умильныхъ:

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени мечтанья:
Проходятъ годы, дни, ревъ мерь и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.

Ахъ! гдѣ жъ, ищу я вкругъ, минувшій красный день?
Побѣды, слава гдѣ, лучи Екатерины?
Гдѣ Павловы дѣла? — Сокрылось солнце, — тѣнь!...*
Кто вѣсть и впредь полеть орлиный?

Видь лѣта краснаго намъ Александровъ вѣкъ:
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны;
Блаженствовалъ подъ нимъ въ спокойствѣ челоуѣкъ,
Но мещеть днесь и онъ перуны.*

54.

Умолкнуть ли они? — Сіе лишь знаетъ тотъ,
Который къ одному концу всѣ править сферы;
Онъ перстомъ ихъ своимъ, какъ строй какой ведетъ,
Ко благу общему склоняя мѣры.

55.

Онъ корни помысловъ, онъ зрять полеть всѣхъ мечть,
И поглумляется безумству челоувѣковъ:
Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ помрачаетъ свѣтъ,
И днешнихъ и грядущихъ вѣковъ.

56.

Грудь Россовъ утвердилъ, какъ стѣну, онъ въ отпоръ
Темиру новому подъ Пультускомъ, Прейсшгъ-лау;*
Младыхъ вождей расцвѣлъ побѣдами тамъ взоръ,
А скрылъ Орла сѣдаго славу.*

57.

Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ ношей.
Что жизнь ничтожная? моя скудельна лира!
Увы! и даже прахъ спахпеть моихъ костей
Сатурнъ крылами съ тлѣнна міра.

58.

Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ,
Не вспомняется нигдѣ и имя Званки;
Но совъ, сычей изъ дупль огнезеленый взглядъ
И развѣ дымъ сверкнетъ съ землянки.

59.

Иль нѣтъ, Евгений! ты, бывъ нѣкогда моихъ*
Свидѣтель пѣсенъ здѣсь, взойдешь на холмъ тотъ страшный,
Который, тощихъ нѣдръ и сводовъ внутрь своихъ,
Вождя, волхва гробъ кроетъ мрачный.*

60.

Отъ коего, какъ громъ катается надъ нимъ
Съ булатныхъ ржавыхъ вратъ и збруи мѣдной гулы
Такъ слышны подъ землей, какъ грохотомъ глухимъ
Въ лѣсахъ, трясясь, звучать стрѣль тулы.

61.

Такъ, развѣ ты, отецъ! святымъ твоимъ жезломъ
Ударивъ объ доски, заросши мхомъ, желѣзны,
И свитыхъ вокругъ моей могилы змѣй гнѣздомъ
Прогонишь — блѣдну зависть — въ бездны.

62.

Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
На возвышеніе, на пониженъе щастья,
Единой правдою меня въ умахъ людей
Черезъ Кліи воскресишь согласи.

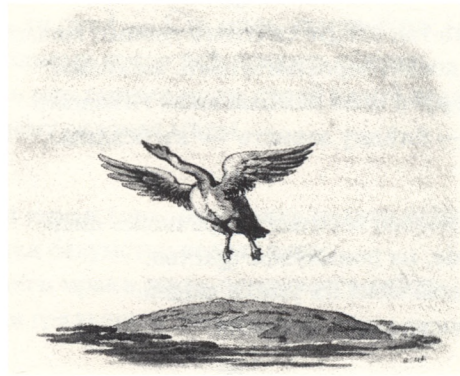
63.

Такъ, въ мракъ вѣчности она своей трубой
Удобна лишь явить то мѣсто, гдѣ отзвывы
Отъ лиры моя шумящею рѣкой
Неслись черезъ холмы, доли, нивы.

64.

Ты слышалъ ихъ — и ты, будя твоимъ перомъ.
Потомковъ ото сна, близъ сѣвера столицы,
Шепнешъ въ слухъ страннику, вдали какъ тихій громъ:
Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ, — Фелицы.

26 (LXXIX).

ЛЕБЕДЬ.

Необычайнымъ я пареньемъ
Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,
Съ душой бессмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь, въ воздухъ поднимусь.

Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный,
Не задержусь въ вратахъ мытарствъ;*
Надъ завистью превознесенный,
Оставляю подъ собой блескъ царствъ.

Да, такъ! Хоть родомъ я не славень;
Но, будучи любимецъ Музъ,
Другимъ вельможамъ я не равень,
И самой смертью предпочтусь.

Не заключить меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ;*
Но, будто нѣкая цѣвница,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ.

И се ужъ кожа, зрю, перната
Вкругъ станъ обтягиваетъ мой;
Пухъ на груди, спина крылата,
Лебязьей лоснюсь бѣлизной.

Лечу, парю, — и подь собою
Моря, лѣса, міръ вижу весь;
Какъ холмъ, онъ высится главою,
Чтобы слышать Богу гѣснь.*

Съ Курильскихъ острововъ до Буга,*
Отъ Бѣлыхъ до Каспійскихъ водъ,
Народы, свѣта съ полукруга,
Составившіе Россовъ родъ,

Со временемъ о мнѣ узнаютъ:
Славяне, Гунны, Скиѣы, Чудь,*
И всѣ, что бранью днесъ пылаютъ,
Покажутъ перстомъ, — и рекутъ:

„Вотъ тотъ летитъ, что, строя лиру,
„Языкомъ сердца говорилъ
„И, проповѣдуя миръ міру,*
„Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ.,,

Прочъ съ пышнымъ, славнымъ погребеньемъ,
Друзья мои! Хоръ Музъ, не пой!
Супруга! облекись терпѣньемъ!
Над мнимымъ мертвецомъ не вой.

Т. 2. XXXV a, b

Послание къ Хлорѣ.

Прекрасный Хлоръ! Фелиция внуко,
Сынъ матери прамилосердной,
Сестеръ и братьевъ шожный другъ,
Строгаго супруга милой, отърой,
О ты! (...)

ИЗЪ
ЧАСТИ III

27 (I).

ПРИНОШЕНИЕ КРАСАВИЦАМЪ.

Вамъ, красавицы младыя,
И супругъ въ даръ моей,
Пѣсни Леля золотыя
Подношу я въ книжкѣ сей,
Нравиться ужъ я безсиленъ
И копьемъ и сайдакомъ,
Дурень, старъ и не умиленъ;
Бью стихами вамъ челомъ.
Бью челомъ; — и по морозамъ
Коль вы ѣздите въ саняхъ,
Лѣтомъ ходите по розамъ,
По лугамъ и муравамъ,
То и праха не лобзаю
Я прелестныхъ вашихъ ногъ;
Чувства тѣ лишь посвящаю,
Что любви всесильный Богъ
Съ жизнью самой въ кровь мнѣ пламень
Въ душу силу влилъ огня:
Сыплють искры снѣгъ и камень;
Подъ стопами у меня.

28 (II).
НА РОЖДЕНИЕ
ВЪ СЪВЕРЪ ПОРФИРОРОДНАГО
ОТРОКА.

Съ бѣлыми Борей власами,
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты
И метели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.

Вся природа содрогала
Отъ лихаго старика;
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука.
Убѣгали звѣри въ норы;
Рыбы крылись въ глубинахъ;
Пѣть не смѣли птичекъ хоры;
Пчелы прятались въ дуплахъ;
Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ сѣверномъ рожденъ.
Родился — и въ ту минуту
Пересталъ ревѣть Борей;
Онъдохнулъ — и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ возрѣлъ — и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ — и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъ простеръ лишь дѣтски руки —
Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались Громовы звуки —
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи:
Растворенъ судебъ чертогъ;
И подумалъ въ изумленьи:
Знать, родился нѣкій Богъ!
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ; —

Каждый Геній къ колыбели
Дарь рожденному принесь:
Тоть принесь ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тоть художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тоть обиліе, богатство,
Тоть сіяніе порфирь;
Тоть утѣхи и пріятство;
Тоть спокойствіе и мирь;
Тоть принесь ему тѣлесну,
Тоть душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ, всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи Царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ
Будь страстей твоихъ владетель,
Будь на тронѣ чловѣкъ! —
Всѣ крылами восплескали;
Каждый Геній восклицалъ:
Се божественный, вѣщали,
Дарь младенцу онъ избралъ!
Дарь, всему полезный міру!
Дарь, добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто приеметъ съ нимъ порфиру,
Будеть подданнымъ Отецъ!

Будеть—и судьбы гласили:
Онъ монархамъ образецъ!
Лѣсъ и горы повторили:
Утѣшеніемъ сердець!
Симъ Россія восхищенна
Токи слезны пролила;
На колѣни преклоненна
Въ руки отрока взяла;
Воспріявъ его, лобзаетъ
Въ перси, очи и уста;
Въ немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота.
Всѣ его ужъ любятъ страстно;
Всѣхъ сердца ужъ онъ возжегъ.—
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, нашъ полубогъ!
Возрастай, уподоблясь
Ты родителямъ во всемъ
Съ ихъ ты матерью равнясь,
Соравняйся съ божествомъ.

29 (XI).

РАЗВАЛИНЫ.

Вотъ здѣсь, на островѣ Киприды,
Великолѣпный храмъ стоялъ,
Столпы, подзоры, пирамиды
И куполь золотомъ сіялъ.
Вотъ здесь, дубами осѣненна,
Рѣзная дверь въ него была
Зеленымъ свѣсомъ покровенна
Вовнутрь святилища вела.

Вотъ здѣсь хранилися кумиры,
Дымились жертвой алтари,
Сбирались на молитву міры
И били ей челомъ цари.
Вотъ тутъ была уединенной
Поутру каждый день съ зарей,
Писала, какъ владѣть вселенной,
И какъ сердца плѣнять людей.
Тутъ поставлялася трапеза,
Кругъ юныхъ дѣвъ и сонмъ жрецовъ;
Богатство разливалось Креза,
Сребро и золото средь столовъ;

Туть арфы звучныя гремѣли
И повторяя ихъ хоръ пѣвцовъ;
Особо туть сирены пѣли
И гласовъ сладостью, стиховъ,
Сердца и умъ обворожали.
Туть нектаръ изъ сосудовъ билъ;
Курильницы благоухали;
Зной лѣтній провѣвалъ зефиръ;
А туть крылатые служили
Полки прекрасныхъ мѣткихъ слугъ,
И отъ богининой носили
Руки амброзію вокругъ:
Она, туть сидя, обращалась
И всѣхъ къ себѣ влекла сердца;
Возставши, тихо поклонялась
Блистая щедростью лица.
Здѣсь, въ полдень, уходила въ гроты,
Покоилась прохладѣ въ тѣни;
А туть Амуры и Эроты
Уединялись съ ней одни;
Туть былъ эдемъ ея прелестный
Наполненъ межъ купинъ цвѣтовъ;
Здѣсь текъ подъ синій сводъ небесный
Въ купальню скрытый шумъ ручьевъ.
Здѣсь былъ театръ, а туть качели,
Туть азіатскихъ домикъ нѣгъ;
Туть на Парнасѣ Музы пѣли;
Туть звѣри жили для утѣхъ.
Здѣсь въ разны игры забавлялась;
А туть прекрасныхъ Нимфъ съ полкомъ
Подъ вечеръ красный собиралась
Въ прогулку съ легкимъ посошкомъ:
Ходила по лугамъ, долинамъ,
По мягкой муравѣ, близъ водъ,
По желтымъ среди розъ тропинамъ.
А туть, затѣя хороводъ,
Велѣла Нимфамъ, Купидонамъ,
Играть, плясать между собой

По слышимымъ пріятнымъ тонамъ
Вдали музыки роговой;
Они, кружась, рѣзвясь, летали,
Шумѣли, говорили вздоръ,
Въ зеркалѣ водѣ себя казали
Всѣмъ тѣшили богининъ взоръ.
А тутъ, оставя хороводы,
Верхомъ скакали на конькахъ;
Иль, въ лодкахъ разсѣкая воды,
Въ жемчужныхъ плавали струяхъ.
Киприда тутъ средь миртъ сидѣла
Смѣялась, глядя на дѣтей;
На восклицającychъ смотрѣла
Поднявшихъ крылья лебедей;
Иль на станину сребробокихъ
Ей милыхъ, сизыхъ голубковъ;
Или на пестрыхъ, красноокихъ
Ходящихъ рыбъ среди прудовъ;
Иль на собачекъ, ей любимыхъ
Хвосты несущихъ вверхъ кольцомъ,
Другъ другомъ съ лаяньемъ гонимыхъ,
Мелькающихъ между лѣскомъ.
А здѣсь, исполнясь важна вида
На памятникъ своихъ побѣдъ
Она смотрѣла — на Алкида,
Какъ гидру палицей онъ бьетъ:
Какъ прочіе ея герои,
По манію ея очесь,
Въ ужасные вступали бои,
И тьмы подѣлали чудесь:
Приступомъ грады тверды брали,
Сжигали флоты средь морей,
Престолы, Царствы покоряли
И въ плѣнъ водили къ ней Царей.
Здѣсь въ внутренни она чертоги
По лѣстницѣ отлогой шла,
Куда гостить ходили боги;
И гдѣ она всегда стрегла

Тоть поясъ, въ небѣ ей истканный,
На коемъ межъ Харить съ ней жилъ,
Тоть хитрый геній, изваянный,
Который щастье ей дарилъ,
Во всѣхъ ея дѣлахъ успѣхи,
Трофеи, мира и войны,
Здоровье, радости и смѣхи,
И легкіе, пріятны сны.
Въ семь теремѣ, Олимпу равномъ,
Изъ яшмъ прозрачныхъ, перловъ гнѣздъ
Художествомъ различнымъ славномъ,
Горѣли ночью тучи звѣздъ,
Красу богини умножали
И такъ средь сихъ блаженныхъ мѣстъ
Ее, какъ солнце, представляли! —

Но здѣсь ея ужъ нынѣ нѣтъ! —
Померкъ красоть волшебныхъ свѣтъ.
Все тмой покрылось, заустѣло;
Все въ прахъ упало, помертвѣло.
Отъ ужаса вся стынеть кровь,
Лишь плачетъ сирая любовь.

30 (XVII).

МЕЧТА.

Вошедъ въ шалашъ мой торопливо,
Я вижу: мальчикъ въ немъ сидитъ
И въ уголку кремнемъ въ огниво
Мнѣ чудилось, звенить.

Рѣкою искры упали
Изъ рукъ его, во тмѣ горя,
И розы по лицу блистали,
Какъ утрення заря.

Одна тутъ искра отдѣлилась,
И на мою упала грудь,
Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась:
Не смѣла я дохнуть; —

Стояла бездыханна, мѣла,
И съ мѣста не могла ступить;
Уйти хотѣла, не умѣла, —
Не то ль зовуть *любить*?

Люблю! — кого ? — сама не знаю.
Исчезъ меня прельстившій сонъ;
Но я съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ страдаю,
Какъ бросилъ искру онъ.

Тоскуеть сердце! Дай мнѣ руку;
Почувствуй пламень сей мечты.
Виновна ль я ? Прерви мнѣ муку:
Любезень, миль мнѣ ты!

31 (XVIII).

КЪ АНЖЕЛИКЪ КАУФМАНЪ.

Живописица преславна,
Кауфманъ, подруга Музъ!
Если въ кисть твою вліянна
Свыше живость, чувство, вкусъ,
И, списавъ Данаевъ древнихъ
Намъ богинь и красныхъ женъ,
Пережить въ своихъ безцѣнныхъ
Ты могла картинахъ тлѣнь:
Напиши мою Милену,
Бѣлокурую лицомъ,
Стройну станомъ, возвышенну,
Съ гордымъ нѣскольکو челомъ;
Чтобъ похожа на Минерву
Съ голубыхъ была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги въ душѣ у ней;
Чтобъ, на всѣхъ взирая хладно,
Полюбила лишь меня;

Чтобы, сердце безотрадно
Въ гробъ съ Пльнирой схороня,
Я нашель бы въ ней обратно
И, плъняясь ея красой,
Оживился бы стократно
Молодой моей душой.

32 (XXXI).
ГОРЮЧИЙ КЛЮЧЪ.

Подъ свѣсомъ шумныхъ тополовыхъ,
Кустовъ, въ тѣни, Кипридинъ сынъ
Покоился у водъ перловыхъ,
Биющихъ съ горъ, и факель съ нимъ
Лежалъ въ травѣ, чуть—чуть куряся.
Пришли тутъ Нимфы и дивяся,
Что намъ, сказали: какъ съ нимъ быть?
Дай въ воду, въ воду потопить;
А съ нимъ и огонь, чѣмъ всѣ сгарають.
И се, — кипить ключъ пѣной весь;
Съ купающихся нимфъ стекають
Горящія струи по днесь.

(LVII)

Портретъ Варюши.

*Милая зоря веселья,
Сияешь блестяще поирвенна,
Камь встаетъ съ кристальныхъ водъ,
И въ небесной^д идетъ сводъ,
Мельтеша ахонтины взоры;
Лихи^д светитъ и окъ зливой^д
Броши, шетъ тверды горы:
Тамъ Варюша, образъ твой.*

Т. 3. XLIII а

33 (LV).

РУССКІЯ ДЕВУШКИ.

Зрѣль ли ты, пѣвецъ тѣискій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки россійски
Подъ свирелью пастушка;
Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмачками въ ладъ стучать,
Тихо руки, взоръ поводятъ
И плечами говорятъ;
Какъ ихъ лентами златыми
Чела бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими
Груди нѣжныя дышатъ;
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
На ланитахъ огневая
Ямки врѣзала любовь;

Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ соколій взглядъ,
Ихъ усмешка — души львины
И орловъ сердца разятъ?
Коль бы видѣлъ дѣвѣ сихъ красныхъ,
Ты бѣ Гречанокъ позабылъ
И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой Эротъ прикованъ былъ.

Т. 3;

34 (LX).

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА.

Возьми, Египтянка, гитару,
Ударь по струнамъ, восклицай,
Исполнясь сладострастна жару
Твоей всѣхъ пляской восхищай,
Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Неистово, роскошно чувство,
Нервъ трепеть, млѣніе любви,
Волшебное заразы искусство
Вакханокъ древнихъ оживи.
Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Какъ ночь, — съ ланить сверкай зарями,
Какъ вихерь, — прахъ плащемъ сметай
Какъ птица, — подлетай крылами,
И въ длани съ визгомъ ударяй.
Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Подъ лѣсомъ ноцію сосновымъ,
При блескѣ блѣдныя луны
Топоча по доскамъ гробовымъ,
Буди сонъ мертвой тишины.
Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Да вопль твой Евоа! ужасный,*
Вдали мѣшаясь съ воемъ псовъ,
Хоть льетъ повсюды гулы страшны;
А сластолюбю любовь
Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Нѣтъ, стой, Прелестница! Довольно,
Музь скромныхъ больше не страши;
Но плавно, важно, благородно,
Какъ руска дѣва, пропляши.
Жги души, огонь бросай въ сердца
И въ нѣжнаго Пѣвца.*

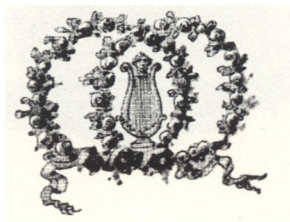
35 (LXI).

ЦЪПИ.

Не сѣтуй, милая, со груди что твоей
Сронила невзначай ты цѣпи дорогія
Милѣе вольности нѣтъ въ свѣтѣ для людей;
Оковы тягостны, хотя они златыя.

Такъ наслаждайся жъ здѣсь ты вольностью святой,
Свободною живя, какъ вѣтерокъ въ полянкѣ;
По рошамъ пролетай, кропись водъ струей,
И чѣмъ въ Петрополѣ, будь счастливѣй на Званкѣ.

А если и тебѣ подѣ бремя чьихъ оковъ
Подвергнуться велить когда-либо природа:
Смотри, чтобъ ихъ плела любовь лишь изъ цвѣтовъ;
Пріятнѣй этотъ плѣнь, чѣмъ самая свобода.

(LXIII)

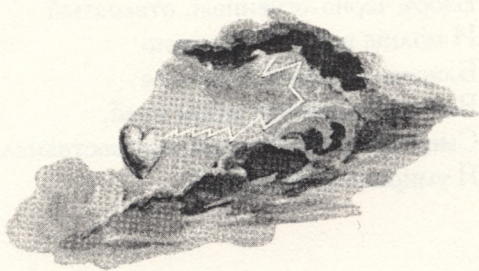
САФО.

Блаженна, подобится богам!
Съ тобой свиданій въ разговорахъ,
Сладчайшимъ внемлющій устамъ,
Улыбнѣтхъ мнѣ въ страстныхъ взорахъ.

Увижу я сіе, — и во мнѣ
Трепетаетъ сердце, грудь тѣснится,
Жемчужна рѣчь въ устахъ моихъ,
И молнія по мнѣ стурелится.

По слуху шумя, по взорамъ мравь,
По зримымъ слезамъ я ощущаю,
Дрожа, блѣднѣю, — и наивъ влаво
Угнетеній, вяку, умираю.

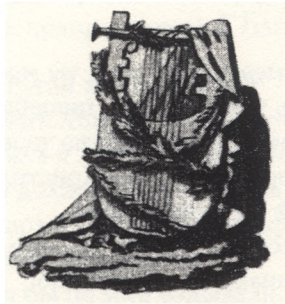
36 (LXIV).

САФЪ.

Когда брала ты арфу въ руки
Воспѣть твоей подруги страсть,
Протяжные и тихи звуки,
Надъ сердцемъ нѣжнымъ сильну власть
Любви твоей изображали;
Но ревность лишь затмила умъ,
Громчайши гласы побѣжали
И приближался бурный шумъ.

Тогда бѣлорумяны персты,
По звучнымъ вспрыгали струнамъ,
Взоръ черно-огненный, отверзтый
И молнія вослѣдъ громамъ
Бликала, жгла и поражала
Всю внутренность души моей.
Смерть блѣдный хладъ распространяла;
Я умиралъ игрой твоей.

О! если бы я былъ фаономъ
И пламень твой мою бѣ жегъ кровь;
Твоимъ бы страстнымъ, пылкимъ тономъ,
Я описалъ свою любовь:
Тогда съ моей всеильной лиры
Зефиръ и громъ бы могъ летѣть:
Какъ ты свою, такъ я Плъниры
Изобразилъ бы жизнь и смерть.

37 (LXV).

ТОНЧИЮ.

Безсмертный Тончи! ты мое
Лицо въ томъ, слышу, пишешь видѣ,
Въ какомъ бы мастерство твое
Въ Омирѣ древнемъ, Аристидѣ,
Сократѣ и Катонѣ ввѣкъ
Потомковъ позднихъ удивляло,
Въ сѣдинахъ лысиной сіяло,
И въ немъ бы зрѣлся человѣкъ!

Но лысина или парикъ,
Но тога иль мундиръ кургузый
Содѣлали, что ты великъ?
Нѣтъ! — философия и музы:
Онѣ насъ славными творять.
О, еслибъ осѣнялъ духъ правый
И освѣщаль меня лучъ славы, —
Присталъ бы всякій мнѣ нарядъ.

Такъ, живописѣцъ-философъ!
Пиши меня въ уборахъ чудныхъ,
Какъ знаешь ты; но лишь любовь
Увѣковѣчь ко мнѣ премудрыхъ.
А если слабости самимъ
И величайшимъ людямъ сродны, —
Не позабудь во мни подобны,
Чтобъ зависть улыбалась имъ.

Иль нѣтъ: — ты лучше напиши
Меня въ натурѣ самой грубой,
Въ жестокой мразь, съ огнемъ души,
Въ косматой шапкѣ, скутавъ шубой,
Чтобъ шель, природой лишь водимъ,
Противъ погодъ, волнъ, горъ кремнистыхъ,
Въ знакъ, что рожденъ въ странахъ я льдистыхъ,
Что былъ прапрашуръ мой Багримъ.

Не испугай жены, друзей;
Придай мнѣ нѣжности немного,
Чтобъ былъ я ласковъ для дѣтей,
Лишь въ должности бѣ судилъ всѣхъ строго:
Чтобъ жаръ кипѣлъ въ моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мнѣ вздыхали,
Хоть въ платонической любви.

38 (СХХІІІ).

ВЪНЕЦЪ БЕЗСМЕРТІЯ.

Бесѣдовалъ съ Анакреономъ
Въ пріятномъ я недавно снѣ,
Подъ жаркимъ, свѣтлымъ небосклономъ,
Въ тѣни онъ пальмъ явился мнѣ.

Хариты вокругъ его, Ероты,
Съ братиною златою Вакхъ,
Вафилъ прекрасный, въ рощи, гроты
Ходили въ розовыхъ вѣнкахъ.

Онъ дѣвъ плясаньемъ забавлялся
Тряхнувъ подъ часъ самъ сѣдиной,
На бѣлы груди любовался,
На взоръ металъ ихъ пламень свой.

Или, возлегши раменами
На мягки розы, отдыхаль;
Огнистыми склонясь устами,
Изъ кубка медъ златой вкушалъ.

Иль сидя съ юнымъ другомъ, нѣжнымъ,
Потрепывалъ его рукой;
А взоромъ вкругъ себя прилежнымъ
Искалъ красавицы какой.

Цари къ себѣ его просили
Поѣсть, попить и погостить;
Таланты злата дарили;
Хотѣли съ нимъ друзьями быть.

Но онъ покой, любовь, свободу,
Чинамъ, богатству предпочель;
Средь игръ, веселій, хороводу,
Съ красавицами вѣкъ провелъ.

Бесѣдовалъ, рѣзвился съ ними,
Шутилъ, пѣлъ пѣсни и вздыхалъ,
И шутками себѣ такими
Вѣнецъ безсмертѣя снискалъ.

Посмейтесь, красоты Россійски!
Что я въ морозъ, у камелька
Такъ вами, какъ пѣвецъ Тинскій,
Дерзнулъ себѣ искать вѣнка.

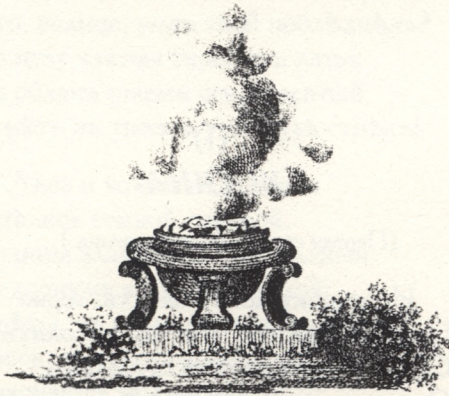

T. 3. XXXVII a, b

ИЗЪ
ЧАСТИ V

СОЧИНЕНІЯ
И. Е. ИРЖАВИНА.
Часть V.

въ Санктпетербургѣ
1816 ^{го} года

(I)
ИСТИНА.

(Первая строфа стихотворения.)

Источникъ всѣхъ началъ, зерно
Понятій, мыслей, чувствъ высокихъ,
Среда и корень тайнъ глубокихъ,
Отколь и кѣмъ все создано,
Числь содержательница счета
Сосференнаго въ твердь сію,
О Истина! О голось свѣта!
Тебя, безсмертная ! пою.

Т. 2. XIII a

39 (XXVII)

ТЛѢНІЕ И НЕТЛѢНІЕ.

Прекрасный, лѣпый, лучезарный,
Кругомъ обтекшій витязь міръ,
Лучи метавшій жизнедарны
На понть, на землю, на эфиръ,
О дивный побѣдитель мрака!
Всѣхъ смертныхъ ужасовъ и страха, —
Что, солнце, видѣ твой поблѣднѣлъ?
Во мгу златыя скрылись латы,
За облакъ шлемъ огневласатый,
И нѣтъ въ твоёмъ ужъ тулѣ стрѣль!

Лѣса и холмы отдаленны
Одѣлись темной синевою;
Долины злачны, холмъ зеленый
Подернулись блѣдной мглой;
Цвѣты, въ безмолвьи преклоненны
Росою плачутъ окропленны;
Сверкають молніи вдали;
Ревъ слышенъ громовъ, вѣтровъ свисты. —
Ужель природы осенистый
Сей образъ смерти, — образъ тли?

Ужель и въ гробъ созерцанный
Отечества спаситель, вождь,
Герой, въ блескъ лавровъ увѣнчанный
Картина тлѣнія того жъ?
И добродѣтель просвѣщенна,
И службой честь приобрѣтенна,
И слава, — позднихъ гуль временъ,
И уваженъ Царска рода,
И благодарность отъ народа,
И память вѣчная — все тлѣнь?

Сей плачь, сей стонъ и воздыханье
Толь множества печальныхъ лицъ,
Прощальныхъ гимновъ отпѣванье
И возведение зѣницъ
Къ Творцу со пламенной мольбою,
Прозящею душамъ покою, —
(Черезъ что суть мертвы и живы
Ввѣкъ, небо и земля въ сношеньѣ
Между собой), — ужели тлѣнье?
И нѣтъ безсмертія? — Увы!

Нѣтъ, — есть благій Богъ и безсмертный,
Есть правда, — и безсмертье есть. —
Черезъ Промыслъ свой Онъ неизслѣдный
Въ свой вѣчный свѣтъ возводитъ персть. —
Добро отъ злобы отдѣляя, —
Ту въ тму, то въ солнцы помѣщая,
Всѣхъ зиждетъ царствіе небесъ. —
Порокъ изъ праха не воспрянетъ;
А добродѣтель вѣчно станеть
Пить свѣтъ и жизнь Творца съ очесъ.

Се тлѣнье есть въ чемъ и нетлѣнье.
Отверзты вижу небеса:
Въ лазурномъ блещетъ отдаленьѣ
Непостижимая краса!
Не тамъ ли Божеска держава,
Жизнь вѣчная, блаженство, слава?
Восторгъ объемлетъ умъ и духъ!
Зрю невечерне солнце ново!
Гармоньи тихой внемлю слово!
Вселенна преклонила слухъ!

„Гряди, о добрый, доблїй воинъ!
„На вѣчно свѣтло торжество;
„Ты царства моего достоинъ,
„Ты чтить и вѣрилъ въ Божество. —
„Полнъ къ человѣчеству любовью,
„Не славился его ты кровью;
„Разилъ враговъ, въ слезахъ лїась. —
„Спасавъ отечество и вѣру,
„Къ царю блюлъ долгъ, себѣ зналъ мѣру. —
„Въ безсмертье внидь, — Смоленскїй князь!“

***

Т. 2. VII a

АРИСТИПОВА БАНЯ.

1.

Что вы, Аркадскія утѣхи,
 Темпейскій доль, Гесперскій садъ,
 Цитерски рѣзвосты и смѣхи
 И скрытыхъ тысячи прохладъ
 Средь рощъ и средь пещеръ тѣнистыхъ,
 Между цвѣтовъ и токовъ чистыхъ, —
 Предъ тѣмъ, гдѣ Аристиппъ живетъ? —
 Что вы? — Домъ полнъ его довольствомъ,
 Свободой, тишиной, спокойствомъ,
 И всѣхъ блаженствъ онъ чашу пьетъ!

2.

Жизнь мудраго, — жизнь наслажденья
 Всѣмъ тѣмъ, природа что даетъ. —
 Не спать въ свой вѣкъ, и съ попеченья
 Не чахнуть, — коль богатства нѣтъ;
 Знать малымъ пробавляться скромно,
 Жить съ беззаконными законно;
 Чтить доблесть, не любить порокъ,
 Со всѣми и всегда ужиться,
 Но только съ добрыми дружить:
 Вотъ въ чемъ былъ Аристипповъ толкъ!

3.

Взгляните жъ на него. — Онъ въ банѣ! —
 Се роскоши и вкуса храмъ!
 Цвѣтъ розъ разсыпанъ на диванѣ;
 Какъ тонка мгла иль фиміамъ,
 Завѣса вокругъ его сквозится;
 Взоръ всюду изъ нея стремится,
 Въ нее жъ чуть дуетъ вѣтерокъ;
 Леть чрезъ каминъ, сквозь сводъ, въ купальню,
 Въ книгохранилище и спальню,
 Огнистый съ шумомъ ручеекъ.

4.

Онъ нѣжится, — и Апеллеса
Картины вокругъ его стоятъ:
Сверкають битвы Геркулеса;
Сократъ съ улыбкою пьетъ ядъ;
Звучать пиры Анакреона;
Видна и ссылка Аполлона,
Стада пасеть какъ по землѣ,
Какъ съ Музами свирѣлку ладить,
Въ румянецъ розъ пастушекъ рядить:
Цвѣтетъ спокойство на челѣ.

5.

Иль миртъ подѣ тѣнью, подѣ луною,
Онъ зреть, на чистомъ ручейкѣ
Наяды плещутся водою,
Шумятъ, — ихъ хохоть вдалькѣ
Погодкою повсюду мчится,
Отъ тѣлъ златыхъ кристалъ златится
И прелесть свѣтится сквозь мракъ. —
Все старцу изъ окна то видно;
Но Нимфѣ невинности нестыдно,
Что скрытый съ нихъ не сходитъ зракъ.

6.

А здѣсь, — въ сосѣдственномъ покоѣ,
Въ очкахъ друзей его соборъ
Надъ книгой, — видной на налоѣ, —
Сидитъ, склоня думъ полный взоръ,
Стиховъ его занявшись чтеньемъ; —
Младая дщерь на цитрѣ пѣньемъ
Между фяловъ вторитъ ихъ. —
Гласъ мудрости живѣй несется,
Какъ дѣвъ онъ съ розовыхъ устъ льется,
Подобно медъ съ сотовъ златыхъ.

7.

„О смертные! — поеть Арета:
„Коль странники страны вы сей,
„Вкушать спѣшите благи свѣта:
„Теченье кратко вашихъ дней. —
„Блаженство намъ даруетъ время;
„Бываетъ и порфира бремя,
„И не прекрасна красота. —
„Едино счастье въ томъ неложно,
„Коль усладить духъ съ чувствомъ можно, —
„А все другое — суета.

8.

„Не въ томъ бѣда, чтобъ чѣмъ прельщаться,
„Бѣда пороку сдаться въ плѣнь.
„Не долженъ мудрымъ называться,
„Кто духа твердости лишенъ.
„Но если тѣло услаждаемъ
„И душу благостью питаемъ:
„Почто съ небесъ перуна ждатель?
„Для жизни челоуѣкъ рождается,
„Его стихія — веселиться;
„Лишь нужно страсти побѣждать

9.

„И въ щастіи не забываться,
„Въ довольствѣ помнить о другихъ;
„Добро творить не собираться,
„А должно дѣлать, — дѣлать вмигъ. —
„Вотъ мудра мужа въ чемъ отличность!
„И будетъ ли вредна тутъ пышность,
„Коль миро на браду занесъ
„И часъ въ домъ царскій призываетъ,
„Но сирота пришелъ, рыдаетъ:
„Онъ всталъ, — отеръ его токъ слезъ?

„Порочно ль и столовъ обилье,
 „Блескъ блюдъ, винъ запахъ, сладость яствъ,
 „Коль гонять прочь они унынье,
 „Крѣпятъ здоровье, — и пріятствъ
 „Живуть душой друзьямъ въ досугахъ;
 „Коль тучный полкъ стоитъ въ прислугахъ,
 „И съ гладу вокругъ не воютъ псы?
 „Себя лишь мудрый умѣряетъ
 „И смерть, какъ гостью, ожидаетъ, —
 „Крутя задумавшись усы.“

Но вдругъ вошли, пресѣкли пѣнье
 Отъ Діонисья три жены,
 Мужамъ рожденны на прельщенье:
 Какъ ночь — волосы, лицомъ — луны,
 Какъ небо — голубые взоры;
 Блескъ устъ, ланить ихъ — блескъ Авроры,
 И холмы — въ даръ ему плодовъ
 При персяхъ отдають въ прохладу. —
 „Хвала царю, я рекъ, за награду; —
 „Но выдьте вонъ: — я философъ.,,

Какъ? — Нѣтъ, мудрецъ! скорѣй винися,
 Что ты лишь слабостью не слабъ.
 Безъ зубъ воздержностью не дмися:
 Всякъ смертный искушенья рабъ.
 Блаженъ, и въ средственной кто долъ
 Возмогъ обуздывать по волѣ
 Своихъ стремленье прихотей!
 Но быть богатымъ, купно святу,
 Такъ трудно, — какъ орлу крылату
 Иглы сквозь пролетѣть ушей.

НОВОГОРОДСКІЙ ВОЛХВЪ ЗЛОГОРЪ.

(ХОРЪ).

Бояновъ послухъ, скальдъ сѣдый!
 На мрачномъ Волховѣ, лѣнивомъ
 Возсядь — и въ гуль горъ игривомъ,
 На арфѣ древніе слѣды
 Изъ праха извлекавъ забвенья,
 Потомкамъ поздимъ въ удивленья,
 Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
 Изъ тмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

(СКАЛЬДЪ).

Внемлите! съ южныя отчизны
 Одень пришелъ на край нощной,
 Съ нимъ Велесь; волхвъ же Злогоръ, тризны
 Вѣкъ въ память сделавшись рѣкой,
 Сталь Волховомъ съ временъ тѣхъ зваться,
 Могильны холмы омывать,
 Сребристымъ зміемъ изгибаться,
 Вкругъ враномъ и сычемъ летать.

Такъ онъ, изверженецъ изъ ада,
 Всѣхъ козней демонскихъ соборъ,
 Славяновъ сынъ, Славяна града
 Колдунъ, слѣпившій черни взоръ
 Очарованьями, мечтами,
 Во громы, въ мольни, въ вихри, въ дождь
 Преображавшійся часами,
 Быль крокодилъ, волхвъ, князь, жрецъ, вождь.

Онъ невѣгласовъ вместо Бога
 Принудилъ силой, страхомъ чтить
 Кумиръ Перуна-Чернорога
 И кровь ему съ мольбой ихъ лить;
 Но жертвъ ему не приносившихъ
 Самъ и чрезъ чадъ своихъ губилъ:
 Невой, Ильменемъ, Мшагой плившихъ
 Шелонью, Ладогомъ топилъ.

(ХОРЪ).

*Бояновъ послухъ, скальдъ сѣдый!
На мрачномъ Волховѣ, лѣнивомъ
Возсядь — и въ гулъ горъ игривомъ,
На арфѣ древніе слѣды
Изъ праха извлекавъ забвенья,
Потомкамъ позднимъ въ удивленья,
Грядь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тмы ихъ воскресшая въ свѣтъ.*

(СКАЛЬДЪ).

Злогора душу взяли черти;
Но слухъ такъ страшень былъ о немъ,
Что люди добрые, по смерти
Въ гробъ положивши ницъ лицомъ,
Такъ спрятали его въ могилу,
Чтобъ имъ не вредень былъ тиранъ,
Осиновъ колъ ему вбивъ съ тылу,
Надъ нимъ насыпали курганъ.

Но онъ и по своей кончинѣ
Творилъ премножество проказъ,
Какъ переносится донинѣ
О немъ старухъ и бабъ разказъ:
Плель басни, смуты, сѣялъ шашни,
Быль женъ посадничьихъ дружокъ,
Леталъ въ повалуши ихъ, въ башни,
И внизъ и вверхъ, какъ голубокъ.

Сидѣлъ онъ часто на печи;
Весь ужинъ, къ вечеру хранимой,
Въ куту Кикиморой незримой
Сидѣлъ онъ часто на печи
Сѣдалъ, зубами скрипучи;
А по ночамъ, къ хозяйску диву,
Скакалъ на клячахъ по сту версть;
Коню жъ любимому плель гриву
И какъ трубу волнистый хвостъ.

(ХОРЪ).

Бояновъ послухъ, скальдъ сѣдый!
На мрачномъ Волховѣ, лѣнивомъ
Возсядь — и въ гулѣ горъ игривомъ,
На арфѣ древніе слѣды
Изъ праха извлекавъ забвенья,
Потомкамъ поздимъ въ удивленье,
Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ тмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

(СКАЛЬДЪ).

Вадима въ бунтъ на Гостомысла
Всю чернь сей поджигаль Злогоръ,
Вперяя противъ здрава смысла
Въ Варяговъ и въ Славянъ раздоръ;
Онъ тожъ не допускаль Добрыню
Новгородцевъ окрестить,
На холмахъ водружать святыню
И идоловъ въ рѣкахъ топить.

Противился и Ярославу
Въ суды онъ Правду Русску ввестъ,
И бабу злу, Ягу лукаву,
Посадницу всѣмъ Марѳу въ честь
На колымагѣ вскачъ съ желѣзнымъ
Пестомъ велѣлъ возить на вѣчь;
На Хутынѣ жъ огнемъ подземнымъ
Царя бѣгъ Грознаго сожечь.

И днесъ на Званкѣ онъ проказить,
Тьмы ночью дѣлая чудесь:
Златой луной на Волховѣ слазить,
Лучемъ въ немъ пишетъ горы, лѣсъ
И, лоснясь съ колкунами длинной
Какъ снѣгъ брадой, склонясь челомъ,
Дрожить въ струяхъ, — иль, въ холмъ могильной
Залегши, въ мракъ храпить какъ громъ.

Т. 1. XVII a

42 (LVII).

ПОЛИГИМНИИ.

Муза Эллады, пылкая Сафа,
Сѣверныхъ странъ Полигимнія!
Твоя ли сладкозвучная арфа?
Твои ли то струны златыя,
Что, молніи въ души бросаая,
Что, громами тихо гремая,
Грудь раздробляютъ мою!

Иль, о румянощока, чернокудра,
Агатоохокая Дѣва!
Ты мнѣ древняго слога премудра
Витіевъ Эольскихъ напѣва
Съ розовыхъ устъ гласъ проливаешь?
Слышу журчащіе токи
И во гармоньи тону!

Такъ, ты, Греко-Россійска Харита!
Вблизи какъ меня возсѣдая,
Коснулась ко мнѣ дланью Піита,
Со мной однодушно дыхая,
Мой гимнъ возглашаючи Богу:
Сердце во мнѣ воспаменялось,
Слезы ручьями лились!

И еслибъ мигъ еще продолжила
Твое небозвучное чтение,
Всю жизнь бы мою какъ былье спалила,
Растаялъ бы я въ восхищеньѣ,
Юной красой упояся,
Блаженства снести бы не могъ,
Умеръ, любовью сгорѣвъ.

Но холодная старость, сѣдая,
Блѣднымъ покрывъ щитомъ косянымъ,
Стрѣлы твоихъ очесъ отражая,
Хоть упасть ко стопамъ мнѣ твоимъ
Строго тогда воспретила,
Избѣгъ я тебя; — но твой взглядъ,
Лучъ какъ въ льдѣ, блещеть во мнѣ.

Зрится въ моемъ, горитъ вображеньѣ,
Ахъ! какъ солнце, твоя красота!
Слышу тобой мое выраженье,
И очаровательна мечта
Всю душу мою наполняетъ
Пѣньемъ твоимъ пѣсенъ моихъ. —
Буду я, буду безсмертенъ!

Т. 1. XVII б

Т. 2. XXIII ь

43 (LVIII?).

***

Рѣка время въ своемъ стремленьи
Уносить всѣ дѣла людей
И топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы!

Памятник Державину 1993-4 г. при Музее Г. Р. Державина, СПб.

ОБЪЯСНЕНІИ НА СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА

ОТНОСИТЕЛЬНО ТЕМНЫХЪ МѢСТЪ, ВЪ НИХЪ НАХОДЯЩИХСЯ,
СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, ИНОСКАЗАНИЙ И ДВУСМЫСЛЕННЫХЪ РЕЧЕНИЙ,
КОТОРЫХЪ ПОДЛИННАЯ МЫСЛЬ АВТОРУ ТОКМО ИЗВѢСТНА, ТАКЖЕ
ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНЪ, ПРИ НИХЪ НАХОДЯЩИХСЯ, И АНЕКДОТЫ,
ВО ВРЕМЯ ИХЪ СОТВОРЕНІЯ СЛУЧИВШЕСЯ

<под диктатурой Автора начаты писать сіи примѣчанія на Званкѣ
19 іюня 1809 года.>

ЧАСТЬ I

3. МОНАРХІЯ! (ПРИНОШЕНІЕ КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ.)

1) *И музѣ будь моею опорой и щитомъ, Какъ мнѣ была и есть ты отъ клеветъ спасеньемъ.* — Авторъ, послѣ сочиненія оды къ Фелицѣ, о коей ниже будетъ сказано, былъ гонимъ отъ вельможъ, а особливо отъ генераль-прокурора Вяземскаго, вопреки котораго взятъ онъ былъ въ 1791 г. декабря 12 дня къ императрицѣ въ статсъ-секретари.

2) *Послѣдній родъ Багрима.* — Подъ симъ авторъ разумѣлъ предка его Багрима, выѣхавшаго изъ Золотой Орды на службу къ великому князю Василию Васильевичу Темному, отъ коего дѣти были Нарбекъ, Кегль, Акинѣи и Держава; отъ нихъ произошли роды Нарбековы, Кеглевы, Акинѣевы и Державины; сіе въ бархатной дворянской книгѣ и въ грамотѣ на дворянство Державина видѣть можно; по преданіямъ полагаютъ, что будто Багримъ назывался по-русски Басенокъ, извѣстный въ исторіи; но сего за вѣрное утвердить не можно.

Картина при семъ *Приношеніи* изображаетъ киргизскаго мурузу, посвящающаго лиру свою Фелицѣ. Богоподобная царица взираетъ на него съ высоты эфирной, лѣвою рукой опираясь на полсвѣта, заключающіеся въ ея царствѣ; въ правой имѣетъ руль правленія; подъ ея стопами орелъ раздираетъ ехидну, означающую ненависть и злобу. Мурузой именовалъ себя авторъ потому, какъ выше явствуетъ, что произошелъ онъ отъ татарскаго племени; а императрицу — Фелицею и киргизскою царицею для того, что покойная императрица сочинила сказку подъ именемъ Царевича Хлора, котораго Фелица, то есть богиня блаженства, сопровождала на гору, гдѣ роза безъ шиповъ цвѣтетъ, и что авторъ имѣлъ свои деревни въ оренбургской губерніи въ сосѣдствѣ отъ киргизской орды, которая въ подданствѣ ея числилась.

Эпиграфъ къ *Приношенію* [нами неприложенный, А.Л.]. — Эпиграфъ сей означаетъ: Орелъ Россійскій подъ щитомъ великой Екатерины разсыпаетъ милости и щедроты изъ рога изобилія.

4. (1) ОДА БОГЪ.

3) *Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества.* — Авторъ, кромѣ богословскаго православной нашей вѣры понятія, разумѣлъ тутъ три лица метафизическія; то есть: безконечное пространство, непрерывную жизнь въ движеніи вещества и неокончаемое теченіе времени, которое Богъ въ Себѣ совмѣщаетъ.

4) *Пылинки инея сверкаютъ.* — Обитателямъ токмо Сѣвера сія великолѣпная картина ясно бываетъ видима по зимамъ въ ясный день, въ большіе морозы, по большей части въ мартѣ мѣсяцѣ, когда уже снѣгъ оледенѣтъ, и пары, въ леденныя капли обратившіяся, внизъ и вверхъ носясь, какъ искры сверкаютъ предъ глазами.

5) *И благодарны слезы лить.* — Авторъ первое вдохновеніе или мысль къ написанію сей оды получилъ въ 1780 г., бывъ во дворцѣ у всенощной въ Свѣтлое воскресенье, и тогда же, приѣхавъ домой, первыя строки положилъ на бумагу; но, будучи занятъ должностію и разными свѣтскими суетами, сколько ни принимался, не могъ окончить оную, написавъ однако въ разныя времена нѣсколько куплетовъ. Потомъ 1784 года, получивъ отставку отъ службы, приступалъ-было къ окончанію, но также по городской жизни не могъ; безпрестанно однако былъ побуждаемъ внутреннимъ, чувствомъ, и для того, чтобъ удовлетворить оно, сказавъ первой своей женѣ, что онъ ѣдетъ въ польскія свои деревни для осмотра оныхъ, поѣхалъ и, прибывъ въ Нарву, оставилъ свою повозку и людей на постояломъ дворѣ, нанялъ маленький покой въ городѣ у одной старушки Нѣмки, съ тѣмъ, чтобы она и кушать ему готовила; гдѣ запершись сочинялъ оную нѣсколько дней, но, не докончивъ послѣдняго куплета сей оды, что было уже ночью, заснулъ передъ свѣтомъ; видитъ во снѣ , что блещетъ свѣтъ въ глазахъ его, проснулся, и въ самомъ дѣлѣ воображеніе такъ было разгорячено, что казалось ему, вокругъ стѣнъ бѣгаетъ свѣтъ, и съ симъ вмѣстѣ полились потоки слезъ изъ глазъ у него; онъ всталъ и ту жъ минуту, при освѣщающей лампадѣ , написалъ послѣднюю сію строфу, окончивъ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ проливалъ онъ благодарныя слезы за тѣ понятія, которыя ему вверены были. Надобно примѣтити кстати къ сему сочиненію еще анекдотъ, въ самомъ младенчествѣ съ авторомъ случившійся. Родился онъ 1743 года 3 іюля, а въ 1744 году, въ зимнихъ мѣсяцахъ, когда явилась комета, то онъ, бывъ около двухъ годовъ, увидѣвъ оную и показавъ пальцемъ, бывъ у няньки на рукахъ, первое слово сказала: *Богъ.* — Въ журналѣ, подъ именемъ *Собесѣдникъ* издаваемомъ въ томъ году, то есть 1784, въ лѣтнихъ мѣсяцахъ въ первый разъ напечатана сія ода.

Картина къ одѣ Богъ: *Кругъ* означаетъ вѣчность; въ немъ изображенъ «Ветхій деньми», края вселенныя собою занимая *Кто все собою наполняетъ* и проч. Черты лица Его теряются въ лучахъ: *Кого никто постичь не можетъ, Изъ правой Его руки Какъ искры сыплются, стремятся, Такъ солны отъ Него рождаются.* Лѣвою отдѣляетъ тму. Правую ногою опирается на землю, подножіе ногъ его; лѣвая скрывается въ безднѣ.

Здѣсь еще надобно дополнить приличною *cul-de-lampe*, или *кашкой*, ежели мѣсто въ новомъ изданіи позволить.

5. (III) ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДІЯМЪ. въ ПЕТЕРБУРГѢ: ода, которой мысль почерпнута изъ псалма Давидова 81; напечатана въ первый разъ въ журналѣ подъ именемъ *Зеркало свѣта* въ 1787 году, а въ 98 г. въ I-ой части цензурой не пропущена.

Къ началу картина: Орель держитъ вѣсы правосудія. Къ окончанію *cul-de-lampe*, картины, нѣтъ; но ежели въ новомъ изданіи позволить мѣсто, то надобно изобрѣсть программу и нарисовать.

Къ сей одѣ принадлежитъ Анекдотъ.

<Спросили нѣкоего стихотворца, какъ онъ смѣетъ и съ какимъ намѣреніемъ писать въ стихахъ своихъ толь разительныя истины, которыя вельможамъ и двору не могутъ быть пріятны. Онъ отвѣтствовалъ: Александръ Великій, будучи боленъ, получилъ извѣстіе, что придворный докторъ отравитъ его намѣренъ. Въ то же время вступилъ къ нему и медикъ, принесшій кубокъ, наполненный крѣпкаго зеля. Придворные отъ ужаса поблѣднѣли. Но великодушный монархъ, презря низкія чувствованія ласкателей, бросилъ пронизательный свой взоръ на очи врача и, увидѣвъ въ нихъ непорочность души его, безъ робости выпилъ питіе, ему принесенное, и получилъ здравіе. Такъ и мои стихи, примолвилъ пить, ежели кому кажутся крѣпкими, какъ польнковое вино, то они однако такъ же здравы и спасительны. Сверхъ того, ничто столько не дѣлаетъ государей и вельможъ любезными народу и не прославляетъ ихъ въ потомствѣ, какъ то, когда они позволяютъ говорить себѣ правду и принимаютъ оную великодушно. Сплетеніе пріятныхъ только реченій, безъ аттической соли и нравоченія, бываетъ вяло, подозрительно и непрочно. Похвала укрѣпляетъ, а лесть искореняетъ добродѣтель. Истина одна только творитъ героевъ безсмертными, и зеркало красавицѣ не можетъ быть противно.

Подобно, ежели бы спросили меня: съ какимъ намѣреніемъ преложилъ я псаломъ 81-й? я бы отвѣтствовалъ: не съ инымъ какимъ, а точно съ тѣмъ же, какъ и г. Ломоносовъ — слѣдующій:

Хвалу всевышнему Владыкъ
Потщися, духъ мой, возсылать:
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О Немъ, пока могу дышать.

Никто не уповай вовѣки
На сильну власть князей земныхъ:
Ихъ тѣ жь родили челоувѣки
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.

Когда съ душою разлучатся
И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ недеть,
Высоки мысли сокрушатся
И гордость ихъ и власть минеть.

Словомъ, наше намѣреніе было съ нимъ одно и то же: чтобъ небесную истину въ стихахъ и въ чистомъ употребительномъ слогѣ сдѣлать понятнѣе и удобнѣе къ впечатлѣнію въ разумъ и сердце. Самый сей псаломъ, будучи

напечатанъ, совсѣмъ и безъ позволенія моего, не знаю кѣмъ, еще въ 1787 году, въ періодическомъ изданіи подъ названіемъ *Зеркало Свѣта* въ первой части, ежели по сіе время не произвелъ ничего дурнаго, то вѣроятно заключить можно, что нынѣ и впредь не произведетъ никакого зла; ибо проповѣдь священнаго писанія въ прямомъ разумѣ и съ добрымъ намѣреніемъ нигдѣ и никогда не была опасна. Ежели оно въ однихъ мѣстахъ напоминаетъ земнымъ владыкамъ судить людей своихъ въ правду, то въ другихъ съ такою же силою повелѣваетъ народамъ почитать ихъ избранными отъ Бога и повиноваться имъ не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Якобинцы, поправшіе вѣру и законы, такого рода стиховъ не писали. Орель открытыми глазами смотритъ на красоту солнца и восхищается имъ къ высочайшему паренію; ночныя только птицы не могутъ сносить безъ досады его сіяніе. >

Когда авторъ поднесъ сочиненія свои лично императрицѣ, она приняла ихъ благосклонно и занялась, сколько было извѣстно, чтеніемъ оныхъ; въ наступившее воскресенье по обыкновенію пріѣхалъ онъ съ прочими для свидѣтельствванія ей своего почтенія; но показала она чрезвычайно холодна и придворные всѣ отъ него отвращались; не зная тому причины, долженъ былъ съ неудовольствіемъ возвратиться домой. Въ другое воскресенье то же съ нимъ случилось. На третье онъ рѣшился спросить гр. Безбородко (который былъ послѣ княземъ); графъ, по обыкновенію своему въ неприятныхъ случаяхъ, старался отдѣлаться отъ него невразумительнымъ бормотаньемъ, съ чѣмъ отъ него и долженъ былъ идти. Случившійся тутъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, который тогда былъ оберъ-прокуроромъ синода, позвалъ его къ себѣ обѣдать; туда же пріѣхалъ къ обѣду Булгаковъ, бывший посланникомъ въ Царѣградъ; онъ, бывъ автору довольно знакомымъ, спросилъ у него, для чего онъ нынче пишетъ якобинскіе стихи. Онъ не могъ сего понять; Булгаковъ объяснилъ ему, что читалъ ихъ въ его сочиненіяхъ въ парафразисѣ псалма 81. Авторъ отвѣтствовалъ, что онъ никогда не бывалъ якобинскихъ мыслей, и почему считаютъ таковымъ сей псаломъ, который написалъ царь Давидъ? — Однакожъ въ нынѣшнія времена это очень дурно, отвѣтствовалъ Булгаковъ, замолчавъ (ибо примѣтитъ должно, что въ сіе время революція во Франціи въ жесточайшемъ была дѣйстви и опослѣ авторъ уже узналъ, что якобинцы, сей псаломъ переложа, распространили по Франціи, къ упрекамъ правленія Людовика XVI). Послѣ сего разговору авторъ остался въ крайнемъ смущеніи и не зналъ, отъ кого спросить подробнѣйшее объясненіе сему вопросу. По возвращеніи домой, пріѣхалъ къ нему вечеромъ г. Дмитріевъ, бывший тогда гвардіи семеновскаго полка офицеръ, что нынѣ сенаторъ. Какъ онъ самъ былъ стихотворецъ и хороший автору пріятель, то и спросилъ его, что съ нимъ дѣлается. Онъ отвѣчалъ, что ничего. Какъ? васъ велѣно спросить г-ну *Шешковскому* (тайной канцеляріи секретарь), почему пишете вы такіе дерзкіе стихи, которые вы поднесли императрицѣ. Онъ изумился и сказалъ: Когда такъ, то я самъ спрошу, почему ихъ такими разумѣютъ, и тогда же написалъ анекдотъ, который подлинникомъ находится въ части 1. Сіе было въ тотъ самый годъ, когда поднесены были сочиненія императрицѣ, то есть 1795 г. въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а псаломъ сей переложень въ стихи въ 1787 г., о чемъ въ

томъ анекдотъ обстоятельно объяснено. Онъ при письмахъ своихъ послалъ тотъ анекдотъ къ графу Безбородкѣ, къ статсъ-секретарю Троицкому, у котораго его сочиненія, отданныя графомъ, тогда находились и гдѣ читалъ ихъ Булгаковъ, и третье отдалъ лично князю Зубову, бывшему тогда любимцемъ императрицы. По отсылкѣ оныхъ въ наступившее воскресенье поѣхалъ паки во дворецъ, дабы узнать, что съ нимъ далѣе будетъ, увидѣлъ императрицу весьма къ нему милостивую и господъ придворныхъ весьма ласковыхъ.

6. (VI) ИСТИННОЕ ЦАСТПЕ. Мысль изъ 1-го пс. Сочиненъ въ Пб. въ 1789 г., напечатанъ въ I-й части въ первый разъ 1798 г. Къ концу нѣтъ картины; ежели въ новомъ изданіи мѣсто позволить, то, сдѣлавъ программу, нарисовать.

7. (XII) ФЕЛИЦА. Соч. въ Пб. 1782, напеч. въ первый разъ въ *Собесѣдникъ* 1783, въ I части, во второй разъ 1798.

Значеніе рисунковъ: 1) Фелица указываетъ царевичу гору, на которой растеть роза везъ шиповъ; 2) "Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ" <последній стихъ 8-й строфы>.

13) *Киргизъ - кайсацкія орды.* — Почему названа императрица киргизъ-кайсацкою царевной, выше сказано.

14) *Царевичу младому Хлору.* — Тоже и о семь выше упомянуто.

15) *Читаешь, пишешь предъ налоемъ.* — Въ то время императрица занималась сочиненіемъ законовъ, какъ-то: грамотой дворянства, уставомъ благочинія и прочими, скоро послѣ того вышедшими законами.

16) *Коня парнаска не сдѣлаешь.* — Императрица, хотя занималась иногда сочиненіемъ оперъ и сказокъ, какъ выше явствуетъ, но стиховъ писать не умѣла и не писала, а когда надобно было, то препоручала статсъ-секретарямъ Елагину и Храповицкому, потомъ и прочимъ.

17) *Къ духамъ въ собранье не вѣзжаешь.* — Императрица не жаловала масоновъ и въ ложу къ нимъ не ѣзжала, такъ какъ дѣлали многіе знатные.

18) *Скачу къ портному по кафтанъ.* — Относится къ прихотливому нраву князя Потемкина, какъ и всѣ три нижеслѣдующіе куплеты, который то собирался на войну, то упражнялся въ нарядахъ, въ пирахъ и всякаго рода роскошахъ.

19) *Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ.* — Относится тоже къ нему, а болѣе къ гр. Ал. Гр. Орлову, который былъ охотникъ до скачки лошадиной.

20) *Или кулачными бойцами.* — Тоже къ Орлову относится, который охотникъ былъ до всякаго молодечества русскаго, какъ и до пѣсень русскихъ.

21) *И забавляюсь лаемъ псовъ.* — Относится къ Петру Ивановичу Панину, который любилъ псовую охоту.

22) *Я тѣшусь по ночамъ рогами/И греблей удалыхъ гребцовъ.* — Относится къ Семену Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда егермейстеромъ, который первый завелъ роговую музыку.

23) *Иль сидя дома, я прокажу.* — Сей куплетъ относится вообще до старинныхъ обычаевъ и забавъ русскихъ.

24) *За библіей зѣвая сплю.* — Относится до кн. Вяземскаго, любившаго читать романы (которые часто авторъ, служа у него въ командѣ,

предъ нимъ читываль, и случалось, что тотъ и другой дремали и не понимали ничего) — Полкана и Бову и извѣстныя старинныя русскія повѣсти.

25) *Между лѣнтяемъ и брюзгой.* — Въ вышеупомянутой сказкѣ о царевичѣ Хлорѣ, сочиненной императрицею, названы *лѣнтяемъ* и *брюзгой* царевной Фелицей вельможи. Сколько извѣстно, разумѣла она подъ первымъ кн. Потемкина, а подъ другимъ кн. Вяземскаго, потому что первый, какъ выше сказано, велъ лѣнливую и роскошную жизнь, а второй часто брюзжалъ, когда у него, какъ управляющаго казной, денегъ требовали.

26) *И знать и мыслить позволяешь.* — Императрица, подобно императору Траяну, весьма снисходительна была къ злорѣчивымъ къ ея слабостямъ людямъ; многіе о семъ анекдоты сказать можно бы, которые, можетъ быть, къмъ-нибудь и написаны будутъ, но они здѣсь неумѣстны.

27) *Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ.* — При императрицѣ Аннѣ столь было строгое правленіе, что если двое пошепчуть между собой, то принималось за подозрѣніе какого-либо умыслу, и нерѣдко таковыхъ по доносамъ отвозили въ тайную канцелярію.

28) *За здравіе царей не пить.* — Въ то же правленіе тѣ, которые въ публичныхъ пиршествахъ не выпивали большого бокала какого нибудь крѣпкаго вина, за здравіе царицы подносимаго, принимались за недоброжелателей ея и отсылались въ тайную.

29) *Тамъ съ именемъ Фелицы можно /Въ строкѣ описку поскоблить.* — Тогда же за великое преступленіе почиталось, когда въ императорскомъ титулѣ было что-нибудь поскоблено или поправлено. Сіе продолжалось даже до временъ Екатерины II, при которой уже стали переносить императорскій титулъ и въ другую строку, когда въ первой не помѣщался. Разумѣется, что не раздѣляли реченій, что-либо значущихъ, а прежде того никакъ того сдѣлать не смѣли, и таковыхъ писцовъ, кто въ семъ ошибался, часто наказывали плетью.

30) *Или портретъ неосторожно /Ея на землю уронить.* — Равномѣрно подвергались несчастію кто хотя ненарочно изъ рукъ выранивалъ монету съ императрицынымъ портретомъ: довольно было клеветнику донести, что бросилъ кто изображеніе лица, то отвозимъ былъ въ тайную, по одному крику, что я знаю за собою слово и дѣло государево; того, на кого сіе сказано, забирала подъ крѣпкую стражу, домъ весь кругомъ запечатывали и отвозили въ столицу къ тайному розыску.

31) *Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ, Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ.* — Сіе относится къ славной шутовской свадьбѣ нѣкотораго князя Голицына, бывшаго при императрицѣ Аннѣ, котораго женили на подобной ему шутихѣ; былъ нарочно состроенъ ледяной домъ со всѣми принадлежностями и даже пушки ледяныя, изъ коихъ стрѣляли, также баня ледяная, въ которой молодыхъ парили; при семъ случаѣ, былъ чрезвычайно славный маскарадъ: собраны были изъ всѣхъ подвластныхъ россійскому скипетру народовъ по мужчинѣ и женщинѣ наилучшихъ, въ богатѣйшемъ ихъ уборѣ, съ ихъ музыкальными инструментами, которые ѣхали въ церемоніи на разныхъ скотахъ и производили въ домѣ молодыхъ ихъ собственныя пляски и игры.

32) *Не щелкаютъ въ усы вельможъ; Князья насѣдками не клохчуть и проч.* — Императрица Анна любила забавляться подлыми шутами, которыхъ въ ея царство премножество было; изъ числа оныхъ былъ упомянутый князь Голицынъ; надъ ними любимцы государыни и прочіе вельможи ей въ угожденіе шучивали разными образами, подобно какъ иныя благородныя шалуны шутятъ надъ дураками, ими къ забавѣ ихъ содержимыми. Сія шуты, когда императрица слушала въ придворной церкви обѣдню, саживались въ лукошки въ той комнатѣ, чрезъ которую ей изъ церкви въ внутренніе свои покои проходить должно было, и кудахтали какъ насѣдки; прочіе же всё тому, надрываясь, смѣялись.

33) *Ты пишешь въ сказкахъ поученья.* — Напротивъ того императрица Екатерина, въ часы отдохновенія ея отъ дѣлъ, забавлялась веселостями, свойственными просвещенному ея вѣку; она писала, хотя не весьма удачныя, но шутивыя комедіи, какъ-то: *Федулъ съ дѣтѣми, Недоумѣніе* и проч., также сказки, какъ выше сказано, *Царевича Хлора, Федея* и другія. Для царевичей Александра и Константина сочинена азбука, въ которой между прочимъ сіе точно есть нравоученіе, что *не дѣлая ничего худаго можно и самого лютого порицателя сделать презрѣннымъ лжецомъ.*

34) *Который брани усмирилъ.* — Сей куплетъ относится на мирное тогдашнее время, по окончаніи первой турецкой войны въ Россіи процветавшее, когда многія челоуѣколюбивыя сдѣланы были императрицею учрежденія, какъ-то: воспитательный домъ, больницы и прочія.

35) *Который даровалъ свободу/Въ чужіе области скакать.* — Имп. Екатерина подтвердила свободу, дворянству данную Петромъ III, путешествовать по чужимъ краямъ, чего прежде дѣлать не смѣли.

36) *Сребра и золота искать.* — Издала указъ о свободномъ промыслѣ дорогихъ металловъ владѣльцамъ въ собственную пользу, которые прежде принадлежали коронѣ.

37) *Который воду разрѣшаетъ.* — Позволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли.

38) *И лѣсъ рубить не запрещаетъ.* — Сняла запрещенную порубку лѣсовъ, бывшую сперва подъ присмотромъ вальдмейстеровъ.

39) *Развязывая умъ и руки, Велитъ любить торги, науки и проч.* — Разрѣшила свободное производство всѣхъ мануфактуръ и торгова, чего прежде безъ свѣдѣнія мануфактуръ и коммерцъ-коллегии дѣлать не можно было.

Къ началу: Орель стремительно встрѣчаетъ младаго царевича при храмѣ мудрости и безсмертія. Къ концу: *По склонности моей къ перемѣнѣ, Имѣя шапку на бекрень, Лечу на рѣзвонъ бѣгунѣ.*

Примѣчаніе. Одѣ сей, какъ выше сказано, поводомъ была сочиненная императрицею сказка Хлора, и какъ сія государыня любила забавныя шутки, то во вкусѣ ся и писана на счетъ ся ближнихъ, хотя безъ всякаго злорѣчія, но съ довольною издѣвкою и съ шалостью. При всемъ томъ авторъ опасался, чтобъ не оскорбить ихъ симъ сочиненіемъ; то призвавъ своихъ друзей: покойнаго Н. А. Львова и Капниста, прочелъ имъ оное сочиненіе, которые также согласились съ нимъ, что нельзя ея выдать въ свѣтъ; вслѣдствіе чего осталась она извѣстною только между ими, заперта была и годъ въ сокрытіи находилась. Но въ одно утро зандобились автору нѣкоторыя бумаги, въ бюро его лежащія, гдѣ была сія ода; онъ, разбирая прочія, выложилъ ее на столъ; Козадавлевъ, жившій съ нимъ

въ одномъ домѣ, взяла нечаянно, увидѣла ее; прочетши нѣсколько строкъ, просилъ его неотступно повѣрить ему на часъ для прочтенія теткѣ его г-жѣ Пушкиной, которая страстно любила стихотворство, а паче творенія автора; не могъ онъ отговориться, подъ клятвою отдалъ ему, чтобъ никому не показывать; прошло часъ или два, онъ ему возвратилъ. Нѣсколько дней спустя И. И. Шуваловъ, покровитель автора, у которого онъ былъ подъ начальствомъ во время его ученія въ казанской гимназій, присылаетъ къ нему человѣка просить его убѣдительно къ себѣ за крайнюю нуждою. Авторъ не могъ отговориться, ѣдетъ къ нему, находитъ сего почтенного человѣка въ крайней тревогѣ, который его съ прискорбнымъ видомъ спрашиваетъ, что ему дѣлать: отсылать ли ему стихи его кн. Потемкину, который тогда былъ въ чрезвычайной силѣ во дворѣ и ихъ просить. Авторъ, удивясь, спрашиваетъ: Какіе стихи? — Мурзы къ Фелицѣ. — Какъ вы ихъ знаете? какъ они у васъ? — Г. Козадавлевъ по дружеству далъ мнѣ ихъ. — Но какъ кн. Потемкинъ ихъ узналъ? — Вчера у меня обѣдала компанія господъ, какъ-то: гр. Безбородко, гр. Завадовскій, гр. Шуваловъ, Стрекадовъ и прочіе любящіе литературу; при разговорѣ, что у насъ еще нѣтъ легкаго и пріятнаго стихотворства, я прочелъ имъ ваше твореніе, а гр. Шуваловъ изъ подслушки къ кн. Потемкину разсказалъ ему все, что тамъ на счетъ его писано. Не переписать ли и выбросить тѣ куплеты, которые къ нему относятся? — Авторъ, подумавъ, сказалъ, что нѣтъ: извольте отослать какъ они есть, — разсудя въ мысляхъ своихъ, что ежели что-нибудь выкинуть, то показать тѣмъ умыслъ на оскорбленіе его чести, чего никогда не было, а писано сіе твореніе изъ шутки на счетъ всѣхъ слабостей человѣческихъ. Между тѣмъ поѣхалъ домой съ крайнимъ прискорбіемъ; призвавъ г. Львова, который былъ домашній человѣкъ у гр. Безбородко, пересказалъ ему все случившееся съ нимъ и просилъ, чтобъ онъ узналъ графскія мысли и предупредилъ его на случай, ежели императрица спроситъ о семъ сочиненіи, что къ писанію сего сочиненія никакого оскорбительнаго умысла ни на чей счетъ не было, но писано оно изъ шутки и оставлено для друзей, но нескромностію г. Козадавлева вышло въ свѣтъ. Г. Львовъ исполнилъ просьбу автора; неизвѣстно, посылалъ ли Шуваловъ къ Потемкину, но только еще нѣсколько времени сочиненіе сіе было безвѣстно; но въ 1783 въ лѣтнихъ мѣсяцахъ сдѣлана княгиня Дашкова директоромъ академіи наукъ, а Козадавлевъ при ней совѣтникомъ; она, хотѣвъ возстановить російскую литературу, вознамѣрилась издавать отъ академіи журналъ. Козадавлевъ тотчасъ принесъ ей, безъ авторскаго соизволенія, сіе твореніе для помѣщенія въ томъ журналѣ, который названъ *Собесѣдникомъ*. Княгиня, не сказавъ никому ни слова, приказала въ немъ оное напечатать и въ первое воскресенье, въ которое она обыкновенно ѣзжала къ императрицѣ для поднесенія ей объ академіи своихъ рапортовъ, поднесла и тотъ журналъ, на первой страницѣ котораго помѣщена сія ода. Въ понедѣльникъ поутру рано присылаетъ императрица къ ней и зоветъ ее къ себѣ. Княгиня приходитъ, видитъ ее стоящую, расплаканную, держащую въ рукахъ тотъ журналъ; императрица спрашиваетъ ее, откуда она взяла сіе сочиненіе и кто его писалъ. Княгиня сначала испугалась, не знала, что отвѣчать; императрица ее ободрила, сказавъ: Не опасайтесь; я только васъ спрашиваю о томъ, кто бы меня такъ коротко зналъ, который умѣлъ такъ пріятно описать, что, ты видишь, я какъ дура плачу. — Княгиня ей сказала объ имени автора и все, что могла, объ немъ хорошаго. Нѣсколько дней спустя, когда авторъ

обѣдаль у начальника своего, кн. Вяземскаго, скоро послѣ обѣда сказываютъ ему, что почталіонъ принесъ ему конвертъ; онъ принимаетъ, видитъ надпись: Изъ Оренбурга отъ киргизской царевны къ мурзѣ. Онъ догадывается, развѣртываетъ конвертъ и находитъ въ немъ золотую табакерку, осыпанную брильянтами, и въ ней 500 червонныхъ; онъ приходитъ къ князю; спрашиваетъ его, прикажетъ ли онъ присланный ему подарокъ принять; онъ, взглянувъ суровымъ видомъ, спросилъ: Какой? Авторъ показываетъ; князь примѣтилъ, что табакерка была новой французской работы, понявъ, отъ кого она прислана, сказалъ: Возьми, братецъ, когда жалуютъ. Между тѣмъ княгиня Дашкова увѣдомила его, что то сочиненіе она поднесла императрицѣ: чрезъ нѣсколько дней приказано было сочинителя представить государынѣ, и съ тѣхъ поръ сталъ онъ ей какъ сочинитель извѣстенъ, и поднялось на него гоненіе отъ вельможъ или, лучше сказать, отъ одного Вяземскаго, которому чрезвычайно досадно стало, для чего онъ безъ его покровительства сталъ извѣстенъ императрицѣ, ибо ничѣмъ его раздражить столько было не можно, какъ если кто безъ его предводительства былъ замѣченъ и познаемъ государыней.

8. (XVI) ВИДѢНІЕ МУРЗЫ. Соч. въ Пб. 1783 мая 9 дня; напеч. въ первый разъ въ Собесѣдника въ томъ же году, потомъ въ 1-й части.

Значеніе рисунковъ: къ началу: “Сошла — и жрицей очутилась. Одежда бѣлая струилась.” <стихи 61 и 63>. Къ концу: “Вечность несется въ поднебесную съ именемъ великой царевны, от которой авторъ ожидаетъ безсмертія.”

53) *Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ / И сребророзовыхъ свѣтлицъ.* — Въ Царскомъ Селѣ была одна комната убрана вся янтаремъ, а другая розовая фольговая съ серебряною рѣзбою.

54) *Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ.* — Улусомъ называется селеніе кочующихъ народовъ или нѣсколько кибитокъ въ совокупности, на удобномъ мѣстѣ поставленныхъ.

55) *Украдкой отъ придворныхъ лицъ.* — Императрица притворялась, что будто не къ ней относится вышеупомянутое сочиненіе *Фелица*, и для того подарокъ къ автору посланъ былъ безъ огласки.

56) *За розказни, за растабары...И въ досканцахъ червонцы шлютъ.* — Отношеніе къ тому, что за упомянутые стихи, или вирши присланъ былъ вышесказанный подарокъ. Въ старинныя времена въ Россіи табаку не нюхали и потому табакерокъ не знали, а употребляли намѣсто ихъ такъ называемые досканцы, въ которыхъ сохраняли мушки, булавки и тому подобныя къ женскимъ уборамъ принадлежащія мелочи.

57) *... и жрицей очутилась / Или богиней предо мной.* — Вся сія картина по самый стихъ: *Держалъ, какъ будто бы уснувъ,* — подлинный списокъ съ портрета покойной императрицы, писаннаго г. Левицкимъ, — изобрѣтенія г. Львова.

58) *Изъ черноогненна виссона / Висѣлъ на лѣвую бедру.* — Описаніе владимірскаго ордена, который императрица, по написаніи ея учрежденія о губерніяхъ, яко награду за труды свои на себя наложила, объявивъ себя гохмейстеромъ сего ордена.

59) *Сафиросвѣтлыми очами,...* Богиня на меня воззрѣла.— Отношеніе къ тому, что, какъ выше сказано, представлень былъ авторъ императрицѣ въ воскресный день, въ кавалергардской комнатѣ, при множествѣ зрителей; то, подойдя къ нему, въ нѣсколькихъ шагахъ остановилась и, осмотрѣвъ быстрымъ взоромъ съ ногъ до головы нѣсколько разъ автора, подала наконецъ ему руку. Сего величественнаго вида не могъ онъ никогда забыть: *Пребудетъ образъ вѣкъ во мнѣ, Она который впечатлѣла.*

60) *Вострепещи, мурза несчастный!* — Выше сказано, императрица притворилась, будто не разумѣла, что въ одѣ *Фелицѣ* похвалы къ ней относились, а для того и показывала видъ важный, что будто она удивляется смѣлости, съ какой сіе сочиненіе написано, и полюбопытствовала видѣть автора.

61) *Довольно безъ тебя людей... И отъ сатиры щититься злыхъ.* — Пить сими стихами даетъ императрицѣ знать, что и безъ ея притворства многіе на него разгнѣвались изъ вельможъ за сіи стихи; а особливо, когда она каждому послала по экземпляру, подчеркнувъ тѣ строки, что до кого относится. Многіе происходили толки, и словомъ, по всему государству былъ великій шумъ.

62) *И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза, А тотъ соленыхъ огурцовъ.* — Сіе относится на прихотливый нравъ кн. Потемкина, который тогда только и былъ доволенъ, когда чего дожидался, а какъ скоро получалъ, то опять находился въ скукѣ: онъ нерѣдко посылавалъ нарочныхъ курьеровъ по имперіи, какъ-то въ Москву и въ другіе города за арбузами, за солеными огурцами и проч. и проч.

63) *И что не изъ чужихъ анбаровъ/Гибѣ наряды я крою.* — Симвъ показываетъ авторъ, что ниоткуда онъ не занималъ мысли свои, писавши сіи стихи, какъ изъ ея добродѣтели.

Приложеніе. <из Я.К. Грота>
ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭСКИЗЪ ВИДѢНІЯ МУРЗЫ.

... Лыстцами я почитаю тѣхъ, которые, напримѣръ, въ снахъ, хотя похвалить какую-либо выдуманную Царь-дѣвицу, каковую-либо царевну Прекрасу и не имѣя ничего сказать славнаго къ похвалѣ ихъ, машутъ своими волшебными ширинками и стаскиваютъ, намѣсто добродѣтелей, челоуѣколюбія и ума, въ ихъ палаты солнце, луну и звѣзды, и когда уже все приберуть къ нимъ масть къ масти, что только можно, и видять недостатокъ въ истинахъ, которыя трогаютъ сердце, то говорятъ, что у нихъ сквозь сорочки тѣло видно и какъ изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается. Мнѣ жъ прибѣгать къ такимъ нелѣпымъ вымысламъ нѣтъ нужды: неизмѣримое поле твоихъ добродѣтелей украшаетъ стихи мои. Я говорю про то, что все знаютъ, что ты добродѣтельна и проч. Лыстцами я почитаю и тѣхъ, которые, отъ страха, хотя удобрить каковую-либо лихую ягую бабу въ нелѣпыхъ бредняхъ сказовальщиковъ роженицѣ, у которой носъ въ потолокъ утыкается, а сердце непрестанно жаждетъ крови, — которая живыхъ людей въ пролубъ сажаетъ или толчетъ въ желѣзной своей ступѣ,

то, подобно скоту, ползя на четверенькахъ, поютъ предъ нею свои стихи, и когда ужасомъ стѣсненное сердце и голова, почти на плахѣ лежащая, ничего не могутъ произвести къ похвалѣ ея замысловатого, великолѣпнаго и прекраснаго, то ослинымъ голосомъ возглашаютъ: то-то баба, то-то ягая. Твой же просвѣщенный умъ и великое сердце снимаютъ съ насъ узы рабства, возвышаютъ наши души, даютъ намъ понимать драгоцѣнность свободы, толь свойственной существу разумному, каковъ есть человѣкъ, на что мы упоая, чувствуемъ свое счастье и въ удовольствіе сердца своего мыслимъ, дѣлаемъ и говоримъ смѣло про себя и про тебя все то, что хотимъ, что пристойно гражданину, сообразующему волю свою съ законами. Мы нынѣ напимѣръ смѣемъ говорить, что хотимъ или не хотимъ ѣхать на комедію, на балъ и въ маскарадъ, будемъ и не будемъ тамъ до утра, можемъ не плясать и плясать, играть и не играть, пить и не пить для твоего удовольствія. Ты не желаешь также, чтобы мы щолкали другъ друга по носкамъ, для того, чтобы тебя потѣшить, чтобы тебя повеселить. Веселія твои основаны на благопристойности, на снисхожденіи, на учтивости, и если мы тебѣ въ оныхъ сотовариществовать не хотимъ, если не предупреждаемъ твоихъ въ чемъ желаній, то прямо сказать, что мы завеличались своимъ счастьемъ, не чувствуемъ добра, по горло наслаждающаго насъ, и сіе есть всеобщая слабость человѣковъ: они познаютъ тогда свое блаженство, когда лишаются онаго. Можно также почестъ и тѣхъ льстецами вредными, которые, дабы прославиться своимъ краснорѣчіемъ, своими талантами, похваляли какое-нибудь дѣло, вредъ человѣчеству наносящее, волшебной сладостью и выраженіемъ стиховъ своихъ одобряли разбойничество подъ именемъ геройства, разбойниковъ подъ именемъ героевъ и вкореняли свойственную почти всѣмъ людямъ жадность къ стяжанію и отличность путями несправедливыми. Таковъ былъ плѣшивый и слѣпой старикъ, который своей безсмертной Иліадою возродилъ двухъ Александровъ: одинъ, смотря на Ахиллеса, восхваленнаго имъ, пролилъ слезы и поработилъ Азію, а послѣдній, смотря на перваго, потрясъ Европу. Сколько жъ было разбойниковъ, которые имъ подражали и наполняли вселенную кровію! Напротивъ того я не опасенъ, что стихи мои, тебѣ въ похвалу сочиненные, поострили кого къ какому-либо злодѣйству. Пусть прочтутъ ихъ и послѣдуютъ тебѣ твои потомки, послѣдуютъ цари вселенной. Они учинятъ вселенную изъ вертепа разбойничья блаженнымъ эдемомъ. Они сосѣдей своихъ безъ браней, по однимъ договорамъ, присоединятъ къ своимъ владѣніямъ, они построятъ памятники ихъ предмѣстникамъ и докажутъ тѣмъ, что они хотя ревнуютъ ихъ славу, но не завидуютъ ей и не помрачаютъ ея, но отдаютъ достойному достойное. Они прольютъ при освященіи тѣхъ памятниковъ слезы, означающая ихъ великія, благородныя и благодарныя души. Они пошлютъ купеческіе Флоты за тридцать земель въ тридесятое царство и, распространяя торговлю, разліютъ богатство въ областяхъ своихъ. Они построятъ цвѣтушіе города, которыхъ верхи досягать будутъ до облакъ. Они на степяхъ, можетъ быть, съ начала свѣта не обличаемыхъ, посѣютъ нивы, которыхъ наклоня эфиръ, представить взору златомъ струящеюся землю. Они построятъ Божеству храмы, которыхъ безсмертный мраморъ возвѣститъ въ позднѣйшія времена ихъ благочестіе. Они учредятъ народныя училища и учинятъ всѣхъ просвѣщенными человѣковъ. Они созиждутъ почтительныя зданія челоуколюбія, совѣсти и правосудія, куды прибѣгнутъ подъ покровъ вдовы и сироты, больные

прокаженные, дураки и шуты, тучные моты и тощие стихотворцы, гдѣ ихъ посаждать, призрять, напоить, накормятъ, обуютъ и одѣнуть, съ уговоромъ, чтобъ стихотворцамъ стиховъ не писать, а прочимъ что-нибудь работать, для того что однимъ праздность, а другимъ кропаніе стиховъ благосостоянію ихъ и здоровью вредны. Они ободряютъ домостроительство, привяжутъ каждого должностію къ своему городу, дадутъ познать свое отечество и отъ скуки, вмѣсто упражненія въ столицахъ картами и шашками, нечувствительно приобучаютъ каждого къ какому нибудь промыслу, позволятъ, кто только хочетъ, вино курить и провіантъ не большимъ подрядомъ, а хоть по одному мѣшку въ магазейны возить. Они не будутъ выжимать изъ своихъ подданныхъ послѣдней крохи, какъ изъ лимоновъ сокъ, и чрезъ то называться премудрыми, а доставятъ народу упражненія, руководѣнія и промыслы и будутъ съ нихъ то получать, чтб есть откуда взять, и тѣмъ будутъ содержать свое царство и награждать изобильно шапками заслуженныхъ мурзъ своихъ. Они не будутъ бояться сатиры и позволятъ всякому писать себѣ чрезъ почту, почитая, что они выше всѣхъ сатиры, и для того за дерзкіе вопросы только шутя приклеить отвѣтами носы. Они допустятъ къ себѣ депутатовъ, дабы изясняли, не угнетаютъ ли ихъ сатрапы. Они велятъ избрать въ судьи подобныхъ себѣ. Сообразяся съ ихъ кротостію, мурзы будутъ поступать съ невольниками мягкосердѣе, находя болѣе удовольствія въ человѣколюбіи, нежели въ тиранскомъ самовластіи. Они, пишучи законы, дадутъ право оныя разсматривать подданнымъ и замѣчать ихъ погрѣшности, и если подданные ихъ того дѣлать не будутъ, то не они виною будутъ недоразумѣній въ законахъ, но низкія души, которыя поопасутся говорить правду, чтобъ не лишиться мнимаго своего счастья, ибо онаго нѣтъ кромѣ чувства истины. Они будутъ сносить грубую правду и тѣмъ болѣе будутъ, нежели оную напишутъ въ законахъ своихъ въ наставленіе другимъ, болѣе нежели какія-либо побѣдятъ законѣныя предразсужденія и воинства цѣлаго міра, ибо они тогда побѣдятъ самихъ себя. Они нимало за то гнѣваться не будутъ, ежели имъ скажутъ, что они имѣютъ страсти, ибо страсти человѣкамъ свойственны, а творя дѣла божественныя, они болѣе будутъ удивительны, чѣмъ какое-либо божество, не имѣющее страстей, ибо Богу свойственно творить чудеса и Ему нѣтъ ничего невозможнаго. Сами страсти ихъ, такъ сказать, будутъ божественныя страсти. Они будутъ увеселенія свои находить въ великолѣпніи, щедротахъ, славіи и любви. Они будутъ мерзнуть тиранствомъ и при ихъ владѣніи не прольется кровь человѣческая какъ рѣка, не будутъ торчать трупы на колахъ и головы на эшафотахъ, и висѣлицы не поплывутъ рѣками возвѣщать черни о ярости лютыхъ владѣтелей своихъ; они не будутъ собирать цѣлой фали изъ разныхъ заточеній, чтобъ всѣмъ вмѣстѣ въ одинъ часъ отрубить головы, они предупредятъ преступленія премудрыми своими учрежденіями, благостію и снисхожденіемъ и при нихъ почти не будетъ разбоевъ. Вельможи ихъ будутъ столь же кротки, незлопамятны, немстительны, какъ ихъ владѣтели. Если иногда и будутъ любить дураковъ и шутовъ, то это свойственно великану, чтобъ предъ собой имѣть людей ниже себя хоть на полвершка ростомъ. Какъ же и будутъ въ пьянствѣ и въ дурацкихъ своихъ и злобныхъ шуткахъ ставить искренныхъ друзей своихъ къ стѣнѣ, чтобъ, стрѣляя по нимъ изъ ружей или изъ луковъ, мѣрять ихъ ростъ пулями или стрѣлами, но если будутъ забавляться, то иногда покупать статуи, иногда картины, биться съ супругами своими ящиками или,

склавши ручки, раскладывать въ кучи. Словомъ, царствованіе ихъ будетъ подобно царствованію богоподобной Фелицы, милосердой матери отечества киргизского народа, чрезъ что вселенная учинится древнимъ Эдимомъ и начнутся въ ней златія времена, толь много прославляемая, но никогда не ощущаемая нашими братьями стихотворцами. Лыстецами также можно называть и тѣхъ, которые хотятъ къ кому-нибудь поддобриться и что-нибудь выморщить, но ты меня и въ глаза еще не знала и про имя мое слыхомъ не слыжала, когда я, плѣненный твоими добродѣтелями, какъ дуракъ какой, при напомниманіи имени твоего, отъ удовольствія душевнаго плакалъ и, будучи приведенъ въ восторгъ, въ похвалу твою разные мараль стихи, которыхъ бы, можетъ быть, были достаточный уже стопы на завертку въ щепетильномъ ряду товаровъ, ежелибъ я ихъ не дралъ и не сжигалъ въ печи. То и нынѣ бы ты про меня конечно не знала, ежелибъ нѣкоторой неосторожной нескромностью они не учинились извѣстными цѣлому городу, а потомъ и тебѣ. А изъ сего ты видишь, что не подлое какое-либо ласкательство причиною тебѣ похвалъ моихъ, но твои великія добродѣтели и мое признательное и чувствительное сердце къ онымъ или лучше сказать такимъ образомъ, что судьба бросила въ мѣшечекъ два жребія и стала мѣшечекъ трясть: одинъ жребій выдался тебѣ, богоподобная царевна, чтобъ царствовать и удивлять вселенную, а другой, чтобъ мнѣ воспѣвать тебя и дѣла твои шуточными моими татарскими пѣснями. А какъ въ противность судьбы ничего не дѣлается, то, слѣдуя моему жребію, и стала я нечувствительно пѣвцомъ твоимъ. Но, правду сказать, ежелибъ не для тебя, то не хотѣлось мнѣ быть и нынѣ въ числѣ шайки стихотворцевъ, которыхъ я, а особливо похвальныхъ одъ подносителей почитаю подобными нищимъ, сидящимъ съ простертыми руками и ковшичками на мостахъ и воспѣвающимъ богатѣйшей, которыхъ они нимало или и вовсе не знаютъ. Для того же, чтобъ не быть стихотворцемъ, чего я не предпринималъ? Иногда въ сералѣ моемъ или, лучше сказать, въ храмѣ, посвященномъ роскоши, гдѣ тысячи предметовъ, плѣняющихъ очи и возбуждающихъ сладострастіе, то на чернобровую, то на бѣлокурую, то на тучную, то на маленькую красавицу бросалъ платокъ мой. Иногда на торжищѣ праздности и любостыжанія сидѣлъ я за горами золота, передвигалъ его туды и сюды, желая и у ближняго притягать къ себѣ не принадлежащее имѣніе, или ему свое бросить. И тутъ я чего не дѣлалъ? то въ кости, то въ карты, то въ шары, то въ шашки, а иногда, о! грѣшенъ окаянный! загибалъ я и уголки. Иногда принимался я важничать, морщился и протиралъ глаза свои и сказывалъ, что у меня отъ работы голова вкрутъ катится, хотя впрочемъ, такъ же какъ и прочіе любя чужими руками жаръ загребать, проигрывалъ я ночь въ рокамболь, а поутру за дѣлами дремалъ въ диванѣ. Иногда шатался я какъ тѣнь въ туфляхъ, въ колпакѣ цѣлый день по моимъ покоямъ, а случалось, по улицамъ и пѣлъ ширень да вирень. Словомъ, ничто не могло отвлечь меня отъ моей врожденной страсти, чтобъ о тебѣ не мыслить, не говорить и не писать, чѣмъ я утолялъ пламень души моей. Такъ дикая коза въ жаркій день перебѣгаетъ горы и доли и ищетъ источника, утолить ея жажду могущаго. Ты мнѣ велишь оставить чашу, въ которой ядъ; но ты сдѣлай такъ, какъ въ семь случаевъ поступилъ Александръ: онъ, принимая отъ врача сосудъ, въ которомъ подозрѣвалъ быть яду, смотрѣлъ ему въ глаза и когда примѣтилъ, что въ нихъ не было ничего коварного, ничего робкаго и трусливаго, то оную выпилъ и чрезъ то получилъ облегченіе отъ

своего страданія. Пламенныя мои чувствованія, смѣлыя мои изъясненія и слезы, которыми я омочаю бумагу мою, когда о тебѣ пишу, да будутъ тебѣ достовѣрными свидѣтелями, что похвала моя тебѣ не лицемерна и на тотъ одинъ конецъ воспѣвается, когда не могу я оною болѣе ободрить тебя къ подвигамъ добродѣтелей и усугубить твою къ нимъ ревность, ибо душа твоя сама по себѣ велика и къ подкрѣпленію своему никакой похвалы не требуетъ, то чтобъ, читая мои стихи, прочіе изъ описанія дѣлъ твоихъ научались твоимъ добродѣтелямъ и чтобъ я, изливъ чувствованія мои предъ тобою, показалъ сколько нибудь благодарности и усердія моея благотворительницѣ: ибо честный человекъ всякій чѣмъ ни есть долженъ быть признателенъ и благодаренъ существу, его благотворящему; а чѣмъ мнѣ инымъ было показать мое усердіе, дабы быть тебѣ извѣстну? Я не имѣю колесницы, на которой бы сидя управлялъ то воинскими, то гражданскими дѣлами, то совѣтовалъ о равновѣсіи царствъ вселенныя, гдѣ, показавъ мои услуги, заслужилъ твое благоволеніе. Итакъ позволю и не лишай меня сего собственного моего удовольствія, что дѣлаю въ похвалу твою стихи. Иногда сумасбродство столько слабымъ смертнымъ бываетъ пріятно, что ежели лишишь ихъ онаго, то сдѣлаешь ихъ совершенно несчастливыми. Нечего тебѣ бояться, чтобъ какая-нибудь похвала могла развратить твое сердце, слишкомъ 20 лѣтъ управляя толь преславно киргизскимъ престоломъ; когда ты была моложе и когда могли дѣйствовать жарчѣ твои страсти, могла ты держать съ похвалою возжи правленія, но теперь уже по опытамъ знаешь, что хорошо, что дурно....

9. (XXIV) КЛЮЧЬ. Соч. въ Пб. 1779 г., напечатано въ томъ же году въ первый разъ въ *С-петерб. Вѣстникѣ*; в другой разъ въ *Собесѣдникѣ*; въ третій въ I-й части 1798.

К началу: Изображеніе божества, присутствующаго при источнике Гребеневского ключа; который напоилъ стихотворческимъ духомъ изображеннаго при концѣ сихъ стиховъ творца Россіяды М. В. Хераскова. — Къ концу: Программу надо сочинить и нарисовать.

165) *Завидую пишта счастью*. — Хераскова; сочинителя эпической поэмы *Россіяды*.

166) *Священный Гребеневскій ключь*. — Подмосковное село, бывшее Хераскова, Гребенево, въ которомъ онъ сочинялъ сказанную поэму.

10. (XXV) НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКАГО. Соч. въ Пб. въ 1780 или 81 г., напечатано въ первый разъ въ *С-петерб. Вѣстникѣ*. того года, въ другой разъ въ *Собесѣдникѣ* въ тѣхъ же годахъ; въ третій разъ въ первой части въ 1798.

Значеніе рисунка, приложеннаго къ заглавію: Время или Смерть *глядитъ на всѣхъ* — на пышность, означенную пирамидой; на силы дерзновенныя, представленныя въ виде рыкающаго льва, — и *точитъ лезвее косы*. Къ концу нужна программа, ежели въ новомъ изданіи мѣсто позволить.

167) *Куда, Мещерскій, ты сокрылся?* — Дѣйствительный тайный совѣтникъ кн. Александръ Ивановичъ Мещерскій, главный судья таможенной канцеляріи.

168) *Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ.* — Былъ большой хлѣбосоль и жилъ весьма роскошно.

169) *Перфильевъ! и проч.* — Генераль-маіоръ Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, бывший при воспитаніи императора Павла кавалеръ, хороший другъ кн. Мещерскаго, съ которымъ всякій день были вмѣстѣ .

11. (XXVI) *ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА.* Соч. въ Тамбовѣ 1788, напеч. въ первый разъ въ I ч. 1798.

Значеніе рисунка: <олицетвореніе 4-й строфы.>

170) *Россійскій только Марсъ Потемкинъ Не ужасается зимы.* — Кн. Потемкинъ предводительствовалъ арміею, осаждавшею Очаковъ, при наступающей зимѣ, который взять декабря 6 числа въ самый злѣйшій морозъ.

171) *Надъ древнимъ царствомъ Митридата.* — Т. е. въ Тавридѣ, въ Крыму.

172) *Летаетъ и темнитъ Луну.* — Побѣждаетъ Турковъ.

173) *Хотя вы въ Стиксѣ не погружались, Но вы безсмертны по дѣламъ.* — Фетида, по баснословію, мать Ахиллеса, держа его за пятю, погружала его въ Стиксъ, чтобъ былъ неуязвимъ.

174) *И ты спѣши скорѣй, Голицынъ.* — Князь Сергій Ѳедоровичъ, бывший тогда въ очаковской арміи генераломъ подъ командою кн. Потемкина.

175) *Твоя супруга златовласа.* — Варвара Васильевна, урожденная Энгельгардова.

176) *Ея ты дяди и отца.* — Кн. Потемкинъ, ея дядя, любившій ее, какъ отецъ.

177) *Въ чертогѣ вокругъ ея безмолвною.* — Она жила тогда уединенно въ селѣ своемъ Зубриловкѣ, лежавшемъ недалеко отъ Тамбова, и дождалась нетерпѣливо извѣстія о мужѣ и о дядѣ изъ-подъ Очакова.

178) *Въ восторгѣ только Музы томною.* — Авторъ, не имѣя тоже извѣстія о нашихъ войскахъ, между страхомъ и надеждою послалъ ей сію оду.

12. (XLII) *КЪ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЛЬВОВУ* (что былъ послѣ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ). Соч. въ Пб. 1793, напеч. въ первый разъ въ I-й ч. 1798.

Значеніе рисунковъ: "1) Крестьянинъ русскій спокойно пашетъ, имѣя за плечами гудокъ и погоняя лошадь свою смычкомъ; въ нѣдрахъ земныхъ опочиваетъ Счастіе; 2) силуэты (Львова и жены его) и знаки дружескаго общества."

294) *Не жмутъ, не гонятъ отъ двора.* — Авторъ былъ тогда статсъ-секретаремъ при императрицѣ и чувствовалъ нѣкоторыя непріятности отъ приближенныхъ къ ней господъ; а г. Львовъ тогда жилъ в деревнѣ.

295) *Градской своей подругѣ шьетъ.* — Г-на Львова супруга была хорошая пріятельница первой женѣ автора и вышивала для нея по соломя кайму и картины для обоевъ петербургскаго ея дома.

296) *Моя подруга черноброва, Любезна, мила горожанка.* — Говорится о той же первой женѣ автора.

13. (XLIII) ВОДОПАДЪ. Написано въ Пб. 1791, октября 5-го дня, день, въ который скончался кн. Потемкинъ; напеч. въ первый разъ въ 1-й ч. 1798.

Значеніе рисунковъ: " 1) *На утломъ пнѣ, который свисъ,* сидитъ въ глубокой думѣ російскій престарѣлый воинъ, которому въ ясновидѣннн мечтаются его заслуга и предвѣстіе о кончинѣ славнаго полководца. 2) Медаль, представляющая кончину князя Таврическаго. Побѣда ведетъ его на вышнюю степень славы; но рокъ завистливый внезапно пресѣкаетъ его путь. Отъ нечаяннаго паденія Побѣда въ изумленіи останавливаетъ коней, и російскій Орелъ, оцѣпенѣвъ, взираетъ на падшаго героя."

297) *Съ высотъ четырема скалами.*—Симъ описывается точное изображеніе водопада, Кивачемъ называемаго, находящагося въ Олонецкой губерніи въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кончезерскаго чугуннаго завода; онъ стремится съ высоты между четырехъ гранитныхъ скалъ; подъ симъ подразумеваются четыре отдѣленія года, которыми протекаетъ время.

298) *Рѣкою млечною влекутся.*—Когда вверхъ ѣдешь по рѣкѣ, его составляющей, то подъ сводомъ деревь пѣнная вода льется точно какъ молоко или сливки.

299) *Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ, и проч.* — Хотя Кончезерскій заводъ лежитъ отъ сего водопада около 40 верстъ, но въ сильную погоду по вѣтру слышно иногда бываетъ дѣйствіе заводскихъ машинъ, которыя, смѣшавшись съ шумомъ водъ, дикую нѣкую составляли гармонию, которую авторъ самъ слышалъ, ибо онъ, будучи губернаторомъ въ сей губерніи, видѣлъ сей водопадъ, нарочно его обозрѣвая.

300) *Вѣтрами ль сосны пораженны, Ломаются въ тебѣ въ куски.* — Онъ приказалъ на высотахъ водопада срубить сосну и бросить ее въ стремленіе водъ; то по нѣсколько минутъ выплыли изъ жерла ея уже обломки или щепы.

301) *Сковать ли воду льды дерзуютъ?*— Онъ никогда не мерзнетъ и капли водныя истинно такъ падаютъ, какъ стеклянная пыль, въ которую отражась, лучи солнечные представляютъ весьма удивительное зрѣлище.

302) *Отважно въ хлябь твою стремится.* — Въ сихъ трехъ куплетахъ описываются свойства трехъ звѣрей, совсѣмъ между собой различныхъ: подъ волкомъ разумѣется злоба, который отъ ужаса стервенѣетъ или болѣе ярится; подъ ланію кротость, которая робка при опасности, а подъ конемъ гордость или честолюбіе, которое отъ препятствъ раздражается и растетъ.

303) *И шлемъ, обвитый повиликой.* — Трава повилика—знакъ любви къ отечеству.

304) *Какъ вечеръ во зарѣ румяной.*—Подъ симъ изображеніемъ подразумѣвается фельдмаршалъ Румянцевъ, какъ по своему прозвищу, такъ по преклонности лѣтъ своихъ.

305) *Поить надменныхъ, кроткихъ, злыхъ.* — По вышеописаннымъ свойствамъ звѣрей, авторъ и родъ человѣческой раздѣляетъ на трое, т. е. на злыхъ, гордыхъ и кроткихъ.

306) *Въ сенатѣ Цезарь средь похвалъ.* — Вышеупоминаемый Цезарь, диктаторъ римскій, тогда какъ думалъ провозглашенъ бытъ царемъ, принимая

многія ласкательныя себѣ просьбы, былъ пораженъ въ сенатѣ нѣсколькими кинжалами сенаторовъ и, закрывъ плащемъ лицо свое, упалъ между ими.

307) *Плѣнвишій Велизаръ царей/Въ темницѣ палъ, лишенъ очей.* — Выше объ немъ сказано, что онъ отказался отъ подносимой ему короны и, ведя въ триумфѣ своемъ царей, оклеветанъ, въ темницѣ лишенъ зрѣнія.

308) *Какъ въ лаврахъ я, въ оливахъ текъ?* — Предъ нѣсколькими годами фельдмаршалъ гр. Румянцовъ, какъ побѣдитель и благоразумный правитель губерній, ему ввѣренныхъ, былъ почтенъ лаврами и оливами, но въ послѣднюю турецкую войну, по проискамъ Потемкина, онъ не командовалъ главной арміей, а оставался въ резервной, весьма малочисленной, и жилъ недалеко отъ Яссы въ маленькой деревнѣ.

309) *Ослабли силы, буря вдругъ/Копье изъ рукъ моихъ схватила.* — Буря или немилость императрицы, которая отняла у него власть и лишила побѣды.

310) *Сошла октябрска ночь на землю.* — Подразумевается печальная ночь, въ которую скончался кн. Потемкинъ.

311) *Которого она страшилась, Кому вселенная дивилась.* — Здѣсь подъ луною разумѣется Оттоманская порта, которая страшилась Румянцова, удивляющаго побѣдами надъ ней вселенную.

312) *Что огнедышущи за перстомъ/Ограды вслѣдъ его идутъ.* — Огнедышущія ограды, то есть каре или четвероугольное устройство, каковыя фельдмаршалъ Румянцовъ выдумалъ для побѣдъ надъ Турками, не давая имъ многочисленностію своею окружать въ сравненіе ихъ небольшую российскую армію.

313) *Полки его изъ скрытыхъ становъ и проч.* — Фельдмаршалъ Румянцовъ толь вѣрно назначалъ рандеву или сборище своихъ войскъ, что въ назначенный часъ являлись полки издавеча на томъ мѣстѣ, гдѣ имъ было приказано, такъ что ихъ тутъ совсѣмъ не ожидали.

314) *Ночные знать его шаги.* — Симъ описываются ночныя экспедиціи или отряды, которыми онъ часто побѣждалъ Турокъ.

315) *Какъ волкъ невидимый въ шатрѣ.* — Планы свои располагалъ по ландкартамъ уединенно въ великой тайности; представляя непріятелямъ въ слабыхъ мѣстахъ ложныя силы, а на высотахъ большіе отряды, какъ обыкновенно дѣлаютъ искусные вожди, обманывая своихъ непріятелей.

316) *Что орлю дерзость, гордость лунну/У черныхъ и янтарныхъ волнъ.* — Орлю дерзость у янтарныхъ, а гордость лунну у черныхъ, т. е. Пруссаковъ у Балтійскаго моря, а Турокъ у Чернаго побѣ ждалъ; первыхъ, въ семилѣтнюю, а послѣднихъ, въ первую турецкую войну.

317) *Смирилъ Колхиду златорунну.* — Колхида златорунна разумѣется Таврида, или Крымъ (гдѣ Язонъ похитилъ золотое руно), который усмиренъ предводительствомъ Румянцова въ первой турецкой войнѣ.

318) *И бѣлаго царя уронъ/Рая вечерня предъ границей/Отмстилъ побѣдами сторицей.* — Подъ бѣлымъ царемъ разумѣется царь православный русскій; подъ границею рая вечерняго рѣка Прутъ, граничащая Молдавію отъ сѣверныхъ областей, на которой былъ окруженъ Турками ведшій Петръ,

не имѣя провіанту, и долженъ былъ уступить польскую Украину и прочія мѣста, — нѣкоторыя Полякамъ, другія Туркамъ, а гр. Румянцовъ своими побѣдами отмстилъ ту побѣду съ большими для Россіи выгодами.

319) *И всѣ вездѣ его почли, Триумфами превознесли.* — Послѣ первой турецкой войны великія оказываны были фельдмаршалу Румянцеву почести и дѣланы торжества на Ходынкѣ и въ прочихъ мѣстахъ.

320) *Стенанье филиновъ и совѣ.* — Въ простомъ народѣ почитаются за дурныя предвѣстія крики филиновъ и совѣ и прочія такого рода естественная явленія.

321) *Сидитъ глубока дума въ мглѣ!* — Симвъ стихомъ описывается изображеніе лица кн. Потемкина, на котораго челъ , когда онъ былъ въ задумчивости, видна была глубокомысленность.

322) *Обозрѣваетъ царства вдругъ.* — Онъ имѣлъ обзорчивый и быстрый умъ, стремящійся ко славѣ , по слѣдамъ котораго разливалось военное пламя.

323) *Чей трупъ, какъ на распутьи мгла, Лежитъ на темномъ лонѣ ноши?* — Кн. Потемкинъ, проѣзжая изъ Яссы въ Николаевъ, умеръ на дорогѣ и оставался цѣлую ночь лежащимъ на степи, покрытымъ простымъ плащомъ.

324) *Два лепта покрываютъ очи.* — Гусаръ, бывшій за нимъ, положилъ на глаза его двѣ денежки, чтобы они закрылись.

325) *Чей одръ — земля, и проч.* — Постеля его была тогда голая земля, балдахинъ — воздухъ, а чертоги — пустыня.

326) *Великолѣпный князь Тавриды.* — По присоединеніи Крыма къ Россіи онъ названъ Таврическимъ и жилъ весьма великолѣпно.

327) *Не ты ль, который звѣситъ смѣлъ/Мощь Росса, духъ Екатерины.* — Никто лучше какъ кн. Потемкинъ не проникнулъ честолюбиваго духа Екатерины и силъ имперіи ея, на которыхъ положась, основывалъ онъ великіе свои замыслы, которые выше сказаны словомъ Екатерины, чтобы выгнать изъ Европы Турокъ, усмирить гордость Китайцевъ и установить торгъ съ Индіею, но смерть всѣ намѣренія пресѣкла (ср. ниже № L, прим. 414).

328) *Не ты ль, которой орды сильны /Сосѣдей хищныхъ истребилъ, и проч.* — По его совѣтамъ истреблена Запорожская сѣча, освобожденъ отъ Татаръ Крымъ, которые, одна разбоями, а другіе незапными нашествіями много вреда и опустошенія причиняли Россіи: ими населены губерніи екатеринославской и таврической области; онъ пространныя тамошнія степи населилъ нивами и покрылъ городами, онъ на Черномъ морѣ основалъ флотъ, чего и Петръ В. своимъ усиленіемъ, заводя въ Воронежъ и въ Таганрогъ флотилии, не могъ прочно основать; онъ потрясалъ среду земли, т. е. Константинополь флотомъ, которымъ коман-довалъ подъ его ордеромъ адмиралъ Ушаковъ.

329) *И твердой дерзостью такой/Быть дивомъ храбрости самой?* — По взятіи Измаила солдаты російскіе сами удивлялись своей невероятной храбрости, что имѣя короткія лѣстницы, а иные почти безъ оныхъ, опираясь на штыки свои, взлѣзли на изманловскій страшный валъ и взяли крѣпость сію штурмомъ.

330) *Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ, Но проложилъ ихъ самъ.* — Кн. Потемкинъ, а паче кн. Суворовъ мало надѣялись на регулярную

тактику, или правила, предписанныя для взятія городовъ, но полагали удачу въ храбрости и пролагали пути къ цѣли своей изобретенными средствами при встречающихся обстоятельствахъ, и потому многіе искусныя тактики удивлялися предводительству Потемкина, что онъ своимъ манеромъ и, кратко сказать, русскою грудію приобрѣталъ побѣды.

331) *Забавы, роскошь вокругъ цѣвли/И счастье съ славой слѣдомъ шли.* — Въ самыхъ военныхъ безпокойствахъ и дурной погодѣ пышность и роскошь окружали кн. Потемкина, такъ что землянки, обитыя парчами и увѣшенныя люстрами, превосходили великолѣпіе дворцовъ, а особливо праздники, гдѣ онъ угашивалъ своихъ любовницъ.

332) *Воспѣлъ побѣду Измаила.* — Авторъ, описывая праздникъ кн. Потемкина въ Таврическомъ дворцѣ, по случаю взятія Измаила имъ данный, который напечатанъ въ 4-й части, подражалъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ Пиндару, славному греческому лирику.

333) *Гдѣ бездны разноцвѣтныхъ звѣздъ/Чертогъ являли райскихъ мѣстъ.* — Въ помянутомъ праздникѣ весь домъ былъ усыпанъ разноцвѣтными шкаликами, плошками и люстрами, такъ что онъ казался весь въ пламени, уподобляясь солнцу.

334) *Наполнили рыданьемъ слухъ.* — По многимъ выгодамъ, дѣланымъ кн. Потемкинымъ солдатамъ, они его любили и кончину его оплакивали общимъ рыданіемъ.

335) *Потухъ лавровый твой вѣнокъ, Гранена булава упала.* — Вѣнокъ лавровый, сдѣланный изъ богатыхъ брильянтовъ, подаренъ былъ кн. Потемкину императрицею за его побѣды, а булава, которая означала гетманство, также императрицею ему пожалована, которая не что иное какъ жезлъ начальничества, но только сдѣланный особымъ образомъ, что на трости или на палкѣ былъ шаръ граненый или съ шипами.

336) *Мечъ въ полножны войти чутъ могъ.* — Сей стихъ пѣтическимъ образомъ сказываетъ, что миръ только былъ при Потемкинѣ начатъ, т. е. что мечъ еще былъ не совсѣмъ положенъ въ ножны.

337) *Екатерина возрыдала.* — Хотя при послѣднихъ побѣдахъ кн. Потемкина остудили-было его разными навѣтами у императрицы, а можетъ быть и съ справедливою описывая его роскошь и худыя воинскія распоряженія, ибо конечно не имѣлъ бы онъ такихъ въ войнѣ успѣховъ, когда бы генералы, подчиненные ему, а особливо славный Суворовъ, вездѣ не вспомошествовали; но смертію его однако императрица чрезвычайно огорчалась.

338) *Оливы свѣжи и зелены /Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ.* — По смерти его миръ заключенъ съ такимъ удовольствіемъ и радостію, какъ бы быть при немъ то могло.

339) *И музъ ахейскихъ жалкій звукъ/Вокругъ Перикла раздается.* — Евгеній, славный архіепископъ славянскій, на греческомъ языкѣ написалъ кн. Потемкину эпитафію: то и уподобляется онъ въ этомъ стихѣ Периклу, любившему науки и краснорѣчіе.

340) *Маронъ по Меценатѣ рвется.* — Маронъ, или Виргилій, славный писатель латинскій, въ эклогахъ своихъ прославлялъ Мецената,

любимца Августа, а г. Петровъ, переведившій *Виргилія* на российский языкъ, писалъ элегію на смерть кн. Потемкина, который его покровительствовала, какъ *Меценатъ Виргилія*.

341) *На сребророзовыхъ коняхъ, На златоварномъ фаэтонѣ.* — У кн. Потемкина былъ славный цугъ сребророзовыхъ или рыжесоловыхъ лошадей, на которыхъ онъ на раззолоченномъ фаэтонѣ ѣзжалъ въ арміи.

342) *И въ смертный черный одръ упалъ.* — По погребеніи принца виртембергскаго, брата государынѣ императрицѣ Маріи, скончавшагося въ арміи, когда кн. Потемкинъ вышелъ изъ церкви и хотѣлъ сѣсть на свой фаэтонъ, но будучи въ печальныхъ мысляхъ, ошибся и сѣлъ на смертный одръ, на которомъ привезенъ былъ въ церковь принцъ, — опомнившись, чрезвычайно оробѣлъ, что и почли предвѣстіемъ его смерти, а особливо тогда, когда случилась его кончина, ибо это прѣдъ нею незадолго послѣдовало.

343) *Гдѣ сорокъ тысячъ вдругъ убитыхъ/Вкругъ гроба Вейсмана лежатъ.* — Славный генералъ Вейманъ, убитый въ первую турецкую войну за Дунаемъ, погребенъ въ Измаилѣ, въ которомъ было около 40 тысячъ гарнизону (въ то время какъ бралъ его штурмомъ Суворовъ), который весь порубленъ въ сей крѣпости.

344) *Столпы на небесахъ горятъ/По суши, по морямъ Тавриды.* — Пожары, бывшіе при взятіи крѣпостей и при пораженіи турецкихъ флотовъ, показывали на небѣ заревы въ подобіе огненныхъ столповъ.

345) *И мнитъ, въ Очаковѣ что вновь/Течетъ его и мерзнетъ кровь.* — Очаковъ штурмомъ былъ взятъ въ Николинъ день, 6-го декабря, въ такой жестокий морозъ, что текущая изъ ранъ кровь тотъ же часъ замерзала.

346) *Какъ ходятъ рыбы въ небесахъ.* — Въ тихій ясный лѣтній день бываютъ видимы въ водѣ облака и развѣвающіеся флаги корабельные.

347) *Вдали бѣлѣтъ на лиманахъ.* — На заливахъ морскихъ и устьяхъ, гдѣ впадаютъ большія рѣки въ море, то парусы на судахъ издалека бѣлѣютъ.

348) *Геройскій образъ оживляетъ.* — Многія почитавшія кн. Потемкина женщины носили въ медалянахъ его портреты на грудныхъ цѣпочкахъ; то вздохами движа, его, казалось, оживляли.

349) *Алцибиадовъ прахъ.* — По роскошной жизни здѣсь кн. Потемкинъ уподобляется Алцибиаду.

350) *Нашедши въ полѣ Оирсъ.* — Оирсъ, или Тирсисъ былъ подъ Троей одинъ изъ военнопленныхъ, превеликій трусъ, который однако оуждалъ Ахиллеса; отношеніе къ кн. Зубову, который, счастиемъ приобрѣвши его власть, оуждалъ иногда дѣла кн. Потемкина, но при восшествіи на престолъ императора Павла показалъ, что самъ не имѣлъ великой души.

351) *Чтобъ счастье доставить свѣту.* — Водопады, или сильные люди міра тогда только заслуживаютъ истинныя похвалы, когда споспѣшествовали благоденствію смертныхъ.

352) *Живи лишь красотой твоей.* — Шуми, водопадъ, живи лишь красотой твоей, или славься, сильный человекъ, когда въ памяти людей останутся такія токмо дѣла, которыя будутъ ихъ увеселять.

353) *Разжженный громъ и черный дымъ.* — Они напомнимъ разжженный громъ и черный дымъ, т. е. разореніе, происшедшее отъ

честолюбія водопада и людей сильныхъ.

354) *И ты, о водопадовъ мать! Рѣка, на Сѣверѣ гремяща, О Суна!* — Суна — рѣка, протекающая въ олонецкой губерніи, составляющая вышеупомянутый водопадъ Кивачъ; она названа здѣсь матерью водопада; относится сіе къ императрицѣ, которая дѣлала водопады, то есть сильныхъ людей, и блистала чрезъ нихъ военными дѣлами, или побѣдами.

355) *Поя златыя въ нивахъ бреги.* — То есть безъ пріобрѣтенія завоеваній чуждыхъ народовъ, но внутреннимъ управленіемъ государства или экономіею и прочими распоряженіями можно было славно царствовать и представлять великое зрѣлище, уподобляясь добродѣтелями величеству Небесъ.

14. (XLV) ПРОГУЛКА ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ. Написана въ Пб. 1791 мая дня, напеч. въ первый разъ въ 1-й ч. 1798.

<Прим. Грота: Рисунокъ (Олен.) изображаетъ ростральную колонну въ честь Орлова-Чесменскаго, сооруженную среди царскосельскаго пруда въ 1775 году.>

372) *И зданіевъ Ѳемиды и проч.* — Ѳемида, богиня правосудія; подразумевается здѣсь императрица Екатерина, которая въ память многихъ ея генераловъ, какъ-то: Орловыхъ, Румянцова и прочихъ, воздвигнула разныя зданія между искусственными прудами и рѣчками.

373) *Съ Плѣннорою младой.* — Выше сказано, что подъ именемъ Плѣнныры авторъ разумѣетъ первую свою жену, съ которой онъ прогуливался въ царскосельскомъ саду.

374) *Пой, Карамзинъ!* — и въ прозѣ. — Н. М. Карамзинъ, хорошій прозаическій писатель и исторіографъ російскій.

15. (LIV) ЛАСТОЧКА. Соч. въ Пб. 1794, въ память первой жены автора, что и изъясняется послѣднимъ стихомъ; напеч. въ первый разъ въ 1-й ч.

Значеніе рисунковъ: "1) Двѣ ласточки несутъ знакъ вѣчности въ поднебесную, — отношеніе къ переселенію души въ вѣчность; 2) обликъ скончавшейся Плѣнныры, подобной домовитой ласточкѣ."

16. (LVI) ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОБЪДУ. Писано въ Пб. 1795, напеч. въ первый разъ въ 1-й ч. 1798.

Значеніе рисунковъ: "На первомъ — мужъ въ русскомъ платьѣ приглашаетъ къ обѣду; вокругъ него сухія вѣтви, обвитыя повилкою, означаютъ дружество; на второмъ представлена чаша съ виноградомъ; возлѣ лежитъ узда, какъ эмблема умѣренности."

445) *Шекснинска стерлядь золотая.* — Шексна, въ которой славныя водятся стерляди, протекающая въ тверской губерніи.

446) *Каймакъ и борщъ уже стоятъ.* — Малороссійскія обыкновенныя кушанья.

447) *Хозяйка статная, младая.* — Авторъ говоритъ сіе про вторую свою жену, которая, недавно вышедши замужъ, молодая была хозяйка и угощала его благодѣтеля.

448) *Приди, мой благодѣтель данный.* — Подъ симъ стихомъ

разумѣются Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, которые между прочихъ знатныхъ особъ обѣдали у автора.

449) *Изъ званныхъ милыхъ мнѣ гостей.* — Былъ званъ между прочими любимецъ императрицы князь Зубовъ и общалъ прѣхать, но предъ обѣдомъ прислалъ сказать, что его государыня удержала; то сей куплетъ и относится къ нему.

17. (LVIII) ПАВЛИНЪ. Соч. въ Пб. 1795, въ первый разъ напеч. въ 1-й ч. 1798.

<Прим. Грота: Второй рисунокъ представляетъ вѣнокъ изъ волчца.>

451) ... *царь пернатый?* Не то ли райска птица-жарь. — Царь пернатый — орель; а жарь-птица, по русскому баснословію, имѣеть сияющія перья.

452) *Гласъ трубный, лебедино пѣнье.* — Лебедино пѣнье, по греческому баснословію, почиталось наисладчайшимъ.

453) А пеликана добродѣтель. — Пеликанъ, или аистъ, по древнему египетскому баснословію, столь благочестивая птица, что, глотая змѣй, освобождаетъ землю отъ ихъ яда и столь милосердая и жалостная, что, источая изъ груди своей кровь, кормить ею дѣтей своихъ.

454) *Сей фениксъ опустилъ вдругъ перья.* — Фениксъ, баснословная птица, о которой выше сказано, возрождается солнцемъ изъ ея пепла. Китайцы вѣрятъ, что будто она появляется предъ благополучными годами и особливо предъ царствованіемъ мудраго государя.

NB. Вообще сія ода относится на вельможъ безумныхъ, кичащихся своею пышностію.

18. (LXV) ПАМЯТНИКЪ. Писано въ Пб. 1796, напеч. въ первый разъ въ 1-й ч. 1798. Подражаніе Горацию, книги III ода 30.

<Прим. Грота: Первый рисунокъ (Олен.) представляетъ поэта, взирающаго съ благоговѣніемъ на божественное сіяніе; второй — пьедесталь съ книгою исторіи. Эта виньетка приложена къ I ч. изд. 1808 г.>

488) *Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ, и проч.* — Авторъ изъ всѣхъ російскихъ писателей былъ первый, который въ простомъ забавномъ легкомъ слогѣ писалъ лирическія пѣсни и шутя прославлялъ императрицу, чѣмъ и сталъ извѣстенъ.

NB. 1) Во всей I-й ч. программы картинъ изобрѣтенія и рисованія Алексѣя Николаевича Оленина, кромѣ подъ №, которыя изобрѣталь Ник. Ал. Львовъ, а рисоваль Егоровъ.

NB. 2) Музыка на оды подъ № сочиненія: 1-е г. Боршнянскаго, и 2-е Сартя.

ЧАСТЬ II.

19. (I) БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ. Соч. въ Пб. въ исходѣ 1796, но начальные два куплета в Петрозаводскѣ 1785; которые и помѣщены намѣсто эпитафиа въ рѣчи или словѣ о Безсмертіи души г. Папаева, говоренной имъ въ масонской ложѣ. Напеч. Въ первый разъ на особой тетрадкѣ 1797 или 98 года вмѣстѣ съ Праздникомъ Дѣвичьяго монастыря; во второй разъ въ изд. 1808.

20. (XIX) ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ. Подражаніе Горацию, эподовъ. второй одѣ; писана въ Пб. 1798, напеч. въ изд. 1808; соображена съ русскими обычаями и нравами.

90) *Младой къ Петрову дню блюденый.* — Внутри Россіи въ деревняхъ обыкновенно лучшихъ барашковъ (*приберегаютъ*) къ Петрову дню, къ розговѣнію.

91) *Тогда-то устрицы го-гу.* — Охотники до устриць и дичи любятъ съ запахомъ оныя кушать, что называется по-французски го-гу, или высокого вкуса. Фрикесе и рагу — тоже извѣстные бѣлый и красный соусы.

92) *Зрѣть карду съ тучными волами.* — Кардой называется въ понизовыхъ провинціяхъ зимняя загорода для скота, куда въ красный день выпускаютъ скотину.

21. (XXIV) Подражаніе Горацию; книги II одѣ 6-ой; писано въ Пб. 1797; напеч. Въ изд. 1808.

149) *Покою, мой Капнисть! Покою.* --В. В. Капнисть, статскій совѣтникъ, своякъ автору и бывшій ему хорошій пріятель; какъ выше сказано, упражнявшійся въ стихотворствѣ.

150) *И чуждымъ солнцемъ согрѣваться* — Капнисть тогда собирався въ чужіе края; авторъ ему не совѣтоваль.

151) *Вѣкъ Задунайскаго увяль* — Фельдмаршалъ гр. Румянцовъ тогда незадолго скончался.

152) *Рымницкаго печалень сталъ.* — Графъ Суворовъ былъ тогда въ ссылкѣ.

153) *...въ Обуховкѣ* — Въ Малороссіи Капнистова деревня.

154) *Въ текущій стеклянный Псель вокругъ.* — Псель, рѣка, протекающая въ той деревнѣ.

155) *Когда тебя въ темнозелену. / Подругу въ пурпурову шаль.* — Темнозеленые тогда нашивали мундиры; а дамы — пурпуровыя шали.

156) *Когда велитъ судьба съ Миленой.* — Подъ именемъ Милены должно разумѣть вторую жену автора.

157) *Злословну, площадную чернь.* — Разумѣются низкіе и подлые люди, и богатые и бѣдные.

22. (XXVIII) СНИГИРЬ. Соч. въ Пб. 1800 г. мая мѣсяца, на кончину гр. Суворова; напеч. въ изд. 1808.

204) *Флейтѣ подобно, милый Снигирь.* — У автора въ клѣткѣ былъ снигирь, выученный пѣть одно колѣно военного марша; когда авторъ по преставленіи сего героя возвратился въ домъ, то услыша, что сія птичка поетъ военную пѣсню, написалъ сію оду въ память столь славнаго мужа.

205) *Съ кѣмъ мы пойдемъ войной на гіену?* — Гіена, злѣшій африканскій звѣрь, подъ коей здѣсь разумѣется революціонный духъ Франціи, противъ которой гр. Суворовъ былъ посланъ.

206) *Кто передъ ратью будетъ, пылая и проч.* — Суворовъ, воюя въ Италиі, въ жаркіе дни ѣздилъ въ одной рубашкѣ предъ войскомъ на казачьей лошади или клячѣ, по обыкновенію своему былъ пеприхотливъ въ

кушаньи и часто ѣдалъ сухари; въ стужѣ и въ зноѣ безъ всякаго покрова такъ какъ бы себя закаливаль подобно стали; спалъ на соломѣ или на сѣнѣ, вставаль на зарѣ, а когда надобно было еще и прежде ночныя дѣлать экспедиціи на непріятеля, то самъ кричалъ пѣтухомъ, дабы показать, что скоро заря и что надобно идти въ назначенный имъ маршъ; тогда онъ въ приказахъ своихъ отдаваль, чтобъ по первому крику пѣтуховъ выступали. Обыкновенно онъ предводительствовалъ небольшимъ числомъ войскъ, и горстью Россіянъ побѣждалъ превосходное число непріятелей.

207) *Быть вездѣ первымъ въ мужествѣ строгомъ.* — Никто столько не отличался истиннымъ мужествомъ, какъ онъ, и побѣждалъ шутками зависть, потому что притворялся, нарочно дѣлая разныя проказы, дабы надъ нимъ смѣялись и, считая его дуракомъ, менѣе бы ему завидовали. Ибо почти что при самой смерти, когда случился разговоръ о Наполеонѣ при немъ, когда его называли великимъ полководцемъ, то онъ слабымъ голосомъ сказалъ: *Тотъ не великъ еще, кого такимъ почитаютъ.* — Злобу штыкомъ: онъ болѣе всего употреблялъ въ военныхъ дѣйствіяхъ сіе орудіе, такъ жестоко поступая съ непріятелями, что его почитали варваромъ; но онъ свои на то имѣлъ причины, которыя, можетъ быть, болѣе въ немъ означивали человѣколюбіе, нежели въ другихъ пощада и мягкосердіе, ибо онъ говорилъ, что надо въ непріятеля вперить ужась; то онъ поскорѣе покорится и тѣмъ пресѣчется кровопролитіе, а поступая съ снисхожденіемъ, продолжишь только войну чрезъ многіе годы, въ которые болѣе прольется крови, нежели въ одномъ ужасномъ пораженіи.

208) *Рокъ низлагать молитвой и Богомъ.* — Онъ весьма былъ благочестивый человѣкъ и совершенно во всѣхъ своихъ дѣлахъ уповаль на Бога, почитая, что счастье не отъ кого другого происходитъ, какъ свыше.

23. (XL) ФОНАРЬ. Соч. въ Пб. 1804, напеч. тогда же на особыхъ листкахъ, во второй разъ 1808.

276) *Стремить въ свою водъ рѣки трубы.* — Киты въ свои поверхностная отверстія устремляютъ такъ воду вверхъ, какъ рѣки или водометы.

277) *Столбомъ дымъ, жупель въ воздухъ вьется.* — Жупель, горячая сѣра.

24. (XLV) ОЛЕНИНУ. Соч. на Званкѣ въ 1804 или 1805, напеч. въ первый разъ 1808 г.

301) *Моей поэзьи изографъ.* — Изографъ; или живописецъ.

302) *Не снесъ; красъ возревновавъ.* — Авторъ, желая украсить изданіе сихъ одъ виньетами, нарисованными г. Оленинымъ, не могъ здѣсь отыскать художниковъ, которые бы вырѣзали ихъ на мѣди, и для того чрезъ пріятелей посылалъ первую часть в Англію, въ которой помѣщена ода *На взятіе Изамаила.* Картина представляла огнедушій Везувій, противъ котораго идетъ безстрашно съ примкнутымъ штыкомъ російскій гренадеръ, поваливъ за собою столпы Геркулеса, с надписью: *Non plus ultra.* Англійскіе художники, какъ думаютъ, изъ зависти къ славѣ російской или чрезвычайно живо изображенному рисунку, выдрали тотъ листъ; на которомъ та картина была представлена, а авторъ, не разсмотря, принялъ

ту книгу обратно отъ своего комиссіонера; но когда надобно было отдавать въ печать, то, увидѣвъ, что этого рисунка нѣтъ, просилъ г. Оленина, чтобъ вновь сдѣлалъ оный; онъ медлилъ болѣе года, и для того побудилъ его авторъ сею одою къ исполненію обѣщаннаго имъ сего труда.

303) *Оленинъ милый! вспомяни.* — Оленинъ, д. ст. сов., любитель художествъ и самъ хорошій рисовальщикъ, трудился надъ программами или рисунками I-й части, исключительно изъ того меньшаго числа, о чемъ въ примѣчаніяхъ къ первой части сказано.

304) *Какъ ржетъ предъ нимъ Везувій ярый.* — Везувій, огнедышущая гора въ Сициліи, и стихъ сей относится къ одѣ *На взятіе Измаила* въ I-ой части.

305) *И за зеркаломъ дѣлъ въ вершенни.* — Зеркала, или въ рамахъ клееные указы, напоминающіе строго судьямъ законы и правосудіе, учреждены были Петромъ В., которые и находились на столахъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, даже и въ сенатъ. По изданію Екатериною II учрежденія о губерніяхъ или, лучше, устава о благочиніи, въ которомъ написаны зеркала или напоминаніе судьямъ, но только весьма краткое, болѣе на нравоченіи, нежели на самодержавной власти основанное; то съ тѣхъ поръ хотя указа объ отмѣнѣ прежняго зеркала не было, однако оно мало по малу отмѣнилось и рѣдко гдѣ видно въ мѣстахъ присутственныхъ.

306) *Три дщери своего рожденья.* — Т. е. три главные искусства: стихотворство, живопись и музыка.

307) *Пришли въ полночь, какъ Петръ предрекъ.* — Петръ В. сказалъ, что науки и искусства странствуютъ по всему свѣту, — придетъ время, что посѣтятъ и нашъ край.

308) *Пойдемъ Сатурна побѣждать.* — Т. е. побѣждать время или забвеніе.

25. (LXXVII) **ЕВГЕНИЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ.** Писана на Званкѣ 1807 въ маѣ мѣсяцѣ, напеч. въ первый разъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ Москвѣ, а во второй разъ въ изд. 1808.

494) *Зачѣмъ же въ Петрополь на волюнѣ вхать страсть.* — Петрополь, или Петербургъ, или Петроградъ, отъ коего Званка находится въ 130 верстахъ.

495) *Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ.* — Званка, сельцо или деревня автора, лежащая на рѣкѣ Волховѣ.

496) *Барашковъ въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ соловьевъ.* — Т. е. бекасы, кои кричатъ какъ барашки, и обыкновенные барашки гуляютъ между кустовъ.

497) *Ревъ кравъ, громъ жолнъ.* — Или отголоски ихъ, когда они долбятъ деревья и производятъ звукъ.

498) *Повѣтъ съ дома мнѣ манжурскій иль левантскій.* — Манжурскій, т. е. запахъ чайный; левантскій — кофейный, т. е. что первый родится въ Китаѣ, и доставляется чрезъ торгъ левантскій.

499) *Ковровъ и кружевъ и вязани.* — На Званкѣ были меньшія суконныя и коверныя фабрики.

500) *Въ которой обозрѣвъ больныхъ и проч.* — Была тамъ небольшая для крестьянъ больница.

501) *... въ ерошки, въ фараонъ.* — Ерошки, карточная шутовская игра, въ которую картами въ глаза фыркають, приговаривая: тумана бѣ тебѣ въ глаза, — чего хочешь, того просишь, — и въ сіе время должно назвать какую-нибудь, съ которой бы стороны колоды, карту; и кто скоро не отгадаетъ, у того за простую карту волосы ерошать, за другую тумака даютъ и проч.. Фараонъ, шуточное названіе карточной игры банку, происходящее отъ слова фаро.

502) *Иль въ зеркало времянъ.* — Зеркало времянъ здѣсь называется исторія.

503) *Сбираются ко мнѣ не для какой науки.* — У автора приучены были маленькіе ребяташки, чтобы они приходили каждое утро къ нему для полученія баранокъ.

504) *Блестятъ и жучки въ епанечкахъ.* — Т. е. посредственные мысли, хорошо сказанныя, чистымъ слогомъ, дѣлають красоту сочиненія.

505) *И липца, воронка и чернопѣнна пива.* — Липецъ, медъ, на подобіе вина приуготовленный, желтаго цвѣта, а воронокъ — тоже медъ, но черный, съ воскомъ вареный, — напитки, которые бывають очень пьяны, особливо послѣдній, такъ что у человѣка при всей памяти и разсудкѣ отнимутся руки и ноги; пиво черное кабацкое тоже весьма крѣпкое.

506) *Древъ русскихъ сладкій сокъ до подвѣнечныхъ бревенъ.* — Березовый сокъ, яблочный и проч. дѣлають на подобіе шампанскаго вина, который вырываетъ пробки изъ бутылокъ. Подвѣнечное бревно есть самое верхнее на домѣ подъ застрѣхой.

507) *За здравье съ громомъ пьемъ.* — Т. е. съ пушечной пальбой.

508) *Тамъ въ шахматы, въ шары и проч.* — Шахматы, игра извѣстная; въ шары, — въ кегли или въ бильярдъ; пернатый къ потолку летокъ, или игра въ воланъ.

509) *Иль въ стекла оптики картинныя мѣста.* — Оптическая устроенная машина; подкладываются эстампы, изображающіе виды разныхъ городовъ, пристаней и тому подобные, которые, представляя въ большомъ видѣ, немалое дѣлають удовольствіе зрителямъ.

510) *Иль въ мрачномъ фонарѣ люблюсь.* — Въ камеръ-обскуру, въ которую супротивные натуральные предметы представляются въ маломъ видѣ весьма живо, и по рѣкѣ, особливо когда небольшой вѣтеръ, струйки, освящаемыя солнцемъ, бѣгутъ на подобіе звѣздъ по синей водѣ.

511) *И движа машину, древа на доски дѣлитъ.* — Пильная водяная мельница.

512) *Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ.* — Огненная паровая машина.

513) *Марииной рукой прядутся.* — Государыня императрица Марія Ѳеодоровна выписала изъ Англій прядильную машину, на которой одинъ человѣкъ болѣе нежели на сто веретенахъ можетъ прядть.

514) *Всѣ прелести, красы берутся съ поль царицы.* — Т. е. красильня, гдѣ красятъ шелкъ, шерсть, ленъ и бумагу травными красками, собирая онныя съ царицы полей, т. е. Флоры.

515) *Куется въ бердыши милицы.* — Въ сіе время по повелѣнію императора Александра была набираема милиція для защищенія границъ имперіи отъ Французовъ, для которой ковали бердыши и всякое бѣлое оружіе.

516) *Чѣмъ у Французовъ быть въ подданствѣ.* — Простой народъ русскій въ сіе время никакъ не терпѣлъ Французовъ и ни коимъ образомъ не хотѣлъ отъ нихъ быть побѣжденнымъ.

517) *Лѣнвивымъ строемъ плывъ, страшатъ тварь влаги стукомъ.* — Рыбная ловля, называемая колотомъ, въ которой нѣсколько десятковъ лодочекъ, собравшись вмѣстѣ, въ каждой съ двумя человекѣми, спуска въ воду сѣтки, тихохонько или лѣнливо ѣздятъ и стучатъ палками въ лодки, производя страшный звукъ, отъ чего рыба мечется какъ бѣшеная въ рѣкѣ и попадаетъ въ сѣтки.

518) *Какъ парусы суда, и лямкой бурлаки.* — На лямкахъ, — когда бечевою тянутъ суда, то для дружнаго шагу поютъ иногда бурлаки пѣсни.

519) *И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны.* — По обѣимъ сторонамъ Волхова находятся небольше холмики, населенные маленькими деревеньками, которыхъ тѣнь, особливо при закатѣ и восходѣ солнца, видна въ струяхъ водныхъ, тихо текущихъ, также луга и нивы.

520) *Стекль заревомъ горитъ мой храмовидный домъ.* — Когда солнце ударяетъ въ стекла, особливо при вечерѣ, то оныя подобно зареву блистаютъ; домъ автора билъ съ куполомъ и съ колоннами и немного похожій на храмикъ.

521) *Гдѣ встрѣчу водометъ шумитъ лучей дождемъ.* — По срединѣ горы, по которой былъ восходъ къ дому, усыпанный желтымъ пескомъ и осаженный шиповными кустами, былъ фонтанъ, отъ коего встрѣчу идущимъ блистали лучи.

522) *Изъ жерлъ чугуныхъ громъ.* — Изъ чугуныхъ пушекъ, во время фейерверковъ и иллюминацій.

523) *Блистать музыкой, пляской, пѣньемъ.* — У автора было нѣсколько родныхъ дѣвицъ и молодыхъ людей съ талантами, умѣющихъ играть на разныхъ инструментахъ.

524) *... у Талии игру и Терпсихоры.* — Они представляли иногда комедію; Талія, Муза комедіи, а Терпсихора, Муза пѣсень.

525) *Здѣсь тихогрома.* — Тихогромъ, или фортепіано.

526) *... Сокрылось солнце, — тѣнь!* — Сокрылись славныя побѣды и печальныя происшествія, и кто знаетъ, что впередъ случится съ Россіянами, кои подъ Орлами разумѣются.

527) *Но мечетъ днесь и онъ перуны.* — Императоръ Александръ былъ кроткаго духа и съ мирными расположеніями, но заведенъ былъ окружающими его въ весьма непріятныя военныя дѣла.

528) *Темиру новому подъ Пултускомъ, Прейсшъ-лау.* — Темиру, т. е. новому завоевателю или Наполеону; подъ Пултускомъ и Прейсшъ-Эйлау былъ онъ отраженъ славнымъ образомъ.

529) *А скрыль Орла съдаго славу.* — Г. Каменскій, заслуженный генераль и старикъ, потерялъ свою славу отъ болѣзни своей или невѣдомо отъ упадка духа, такъ что отдана была команда подчиненному ему генералу Бенигсону, который въ означенныхъ сраженіяхъ предводительствовалъ.

530) *Иль нѣтъ, Евгений!* — Евгений, архіерей викарный новгородскій, — пріятель автора, — который его посѣщаль на Званкѣ и любилъ слушать эхо отъ выстрѣловъ пушечныхъ, которые нѣсколько разъ по лѣсамъ Волхова удивительно отдаются.

531) *Вождя, волхва гробъ кроетъ мрачный.* — Подлѣ дома автора находится холмикъ, или курганъ, который обыкновенно бываетъ надъ гробницами. Волхвъ или вождь предполагается, что подлѣ онымъ погребенъ, ибо по исторіи новгородской извѣстно, что волхвъ или колдунъ, чародѣй былъ такой, который превращался въ крокодила и въ другія разныя чудовища и поѣдалъ по озеру Ильмену и по рѣчкѣ Волхову, изъ него текущей, плавающихъ на ней людей, отъ чего послѣдняя и прозвалась Волховомъ.

26. (LXXIX) ЛЕБЕДЬ. Подражаніе Горацию, одѣ 20 книги II, писано въ Пб. 1804, напеч. 1808.

542) *Не задержусь въ вратахъ мытарствъ.* — Какъ у католиковъ признается чистилище, — въ грекороссійской церкви мытарства или заставы, изъ духовъ состоянія, гдѣ умершія души должны дать отчетъ въ злыхъ и добрыхъ своихъ дѣлахъ добрымъ и злымъ духамъ по имѣющимъ у нихъ записнымъ тетрадамъ. Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный т. е. по безсмертной душѣ и по сочиненіямъ.

543) *Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ.* — Средь звѣздъ, или орденовъ совсѣмъ не сгнѣю такъ, какъ другіе.

544) *Чтобы услышать Богу пѣснь.* — Здѣсь авторъ разумѣетъ оду Богъ, имъ написанную.

545) *Съ Курильскихъ острововъ до Буга и проч.* — Сими пограничными живыми урочищами, т. е. рѣкою Бугомъ, Курильскими островами, Бѣлымъ и Каспійскимъ моремъ означается ширина и длина Россійской имперіи.

546) *Славяне, Гунны, Скивы, Чудь.* — Древніе народы, изъ коихъ русскій народъ составился.

547) *И, проповѣдая миръ Міру, Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ.* — Сими двумя стихами означаетъ авторъ, что онъ сочинилъ миролюбивыя правила третейскаго совѣстнаго суда, которыя хотя императоромъ Александромъ были благосклонно приняты во время его отправленія должности министра юстиціи, но чрезъ пронырство его завистникомъ въ свѣтъ не вышли.

ЧАСТЬ III.

27. (I) ПРИНОШЕНІЕ КРАСАВИЦАМЪ. Сіи анакреонтическія пѣсни написаны въ угожденіе второй жены автора, къ чему поданъ поводъ былъ недостаткомъ денегъ: она скучала, что не было оныхъ на отдѣлку сада въ петербургскомъ домѣ. Онъ шутя отвѣчалъ, что ему дадутъ ихъ музы, и началъ сіи пѣсни; вслѣдствіе чего и *Приношеніе* имъ сдѣлано женѣ его и прочимъ красавицамъ. Напеч. въ первый разъ 1804.

28. (II) НА РОЖДЕНИЕ ВЪ СЪВЕРЪ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА. Сіе аллегорическое сочиненіе относится ко дню рожденія государя императора Александра Павловича, случившагося декабря 12 дня, въ которомъ солнце оборачивается на весну. Хотя на тотъ случай была сочинена авторомъ ода и въ 1777 г., т. е. въ самый годъ рожденія его величества; но какъ въ не соотвѣтственномъ дару автора вкусъ, а въ Ломоносовскомъ, къ чему онъ чувствовалъ себя неспособнымъ, то та ода въ сочиненіяхъ его и не напечатана, а сія написана послѣ, года три спустя, т. е. въ 1780 г. Напечатана въ первый разъ въ *Вѣстникъ* потомъ въ первомъ изданіи въ Москвѣ 1798; въ третій разъ въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804, въ четвертый 1808 года.

Къ началу: Купидонъ, сдѣлавъ изъ лука своего лодку, изъ факела мачту, изъ повязки парусъ, изъ стрѣлъ веслы, поддерживаемъ бывъ голубяи, ѣдетъ въ свой путь. — Къ концу нужна программа.

29. (XI) РАЗВАЛИНЫ. Соч. въ Пб. 1797; аллегорическое описаніе, подъ образомъ острова Кипра, опустѣвшаго Царскаго Села, а подъ именемъ Киприды императрицы Екатерины. Напеч. въ первый разъ на особенныхъ листкахъ въ Саксоніи графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, который высланъ былъ тогда изъ Россіи императоромъ Павломъ.

30. (XVII) МЕЧТА. Соч. въ Пб. на сговоръ автора со второю его женою 1794.

31. (XVIII) КЪ АНЖЕЛИКЪ КАУФМАНЪ. Соч. въ Пб. на бракъ ихъ 1795, января 30 дня. Здѣсь описывается портретъ второй жены автора и отнесенъ потому на имя Кауфманъ, что сія живописица писала обыкновенно фигуры высокія и стройныя съ греческими лицами, какова была та, которой упомянуть образованіе.

32. (XXXI) ГОРЮЧІЙ КЛЮЧЬ. Соч. въ Пб. 1797; древній греческій переводъ.

Къ началу: Новую сію и восхитительную мысль не смѣлъ и не хотѣлъ художникъ преобразить иносказательнымъ смысломъ; а старался, елико можно, сдѣлать портретъ стихотворческаго смысла, представя Нимфу испуганную и отвращающуюся отъ чудеснаго дѣйствія пылающихъ водъ, конми уповала она потушить пламя ея. На второмъ планѣ виденъ кипарисный лѣсъ, и слѣдствія чудеснаго происшествія невеселую представляютъ перспективу.

Къ концу: Любимый по видимому сосудъ молодой Нимфы, поелику обвить онъ цвѣтами, опрокинуть будучи вмѣсто чистыхъ водъ, цѣлыя тучи ѣдкаго дыма извергаетъ ... и горе! кто усмотритъ состояніе? — кто сбережетъ цѣлость сосуда скудельнаго?

33. (LV) РУССКІЯ ДѢВУШКИ. Соч. въ Пб. 1799.

34. (LX) ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА. Соч. въ Пб. 1805 или 6 для И. И. Дмитриева по случаю его отвѣта автору на оду *Лѣто*, помѣщенную во 2-й части,

въ которой онъ жаловался, что московскія цыганки мѣшаютъ ему криками своими въ Маринной рождѣ упражняться въ стихотвореніи. Напеч. 1808.

21) *Да вопль твой звоа! ужасный.* — Извѣстный припѣвъ или восклицаніе древнихъ Вакханокъ при ихъ пьянственныхъ играхъ.

22) *И нѣжнаго пѣвца.* — И. И. Дмитріевъ упражнялся въ пѣсняхъ нѣжнаго рода, въ басняхъ и сказкахъ.

35. (LXI) ЦѢПИ. Соч. на Званкѣ 1797 по случаю потери Анной Михайловной Бакуниной золотой цѣпочки во время ѣзды ея на Званку.

36. (LXIV) САФЪ. Соч. въ Пб. 1794; изображеніе горести автора по смерти первой жены его 15 іюля.

37. (LXV) ТОНЧІЮ. Соч. въ Пб. — Программа для портрета автора, данная сему живописцу 1801 ноября дня. — По случаю спора, что иные совѣтовали ему написать въ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ, а другіе — по примѣру антиковъ, безъ всякихъ украшеній, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ, живописецъ о семъ просилъ разрѣшенія автора, который, чтобъ удовлетворить и ту и другую сторону спорильщиковъ, велѣлъ представить себя такъ, какъ въ сей одѣ онъ описанъ.

23) *Но тога ль...* — Плащъ, или мантія сенаторовъ римскихъ.

24) *Чтобъ шоль природой лишь водимъ и проч.* — Сими стихами авторъ хотѣлъ изобразить, первое: что онъ безъ всякихъ почти наукъ, одной природою сталъ поэтомъ; второе: что въ службѣ своей многія имѣлъ препятствія, но характеромъ своимъ безъ всякаго покровительства ихъ преодолевалъ.

25) *... и ласковъ для дѣтей, Лишь въ должности судилъ я строго.* — Авторъ любилъ дѣтей и по должности былъ взыскателенъ.

38. (СХХІІІ) ВѢНЕЦЪ БЕЗСМЕРТІЯ. Соч. въ Пб. 1802.

НВ. Слѣдуетъ къ 3-й части добавка піесъ, сочиненныхъ послѣ изданія 1808, которыя должно помѣстить между *Водомета* и *Вѣнца Безсмертія*, ибо сей всегда оставался послѣдній.

ОГЛАВЛЕНИЕ 1й ЧАСТИ.

I.	Богъ	1
II.	На освященіе каменноостровскаго инвалиднаго дома	7
III.	Властителямъ и Судіямъ	10
IV.	Величество Божіе	12
V.	Праведный Судія	18
VI.	Истинное щастіе	20
VII.	Побѣдителю	22
VIII.	Помощь Божія	26
IX.	Уповающему на свою силу	27
X.	Щастливое семейство	29
XI.	Успокоенное невѣріе	31
XII.	Фелица	36
XIII.	Благодарность Фелицѣ	49
XIV.	На отсутствіе Ея ВЕЛИЧЕСТВА въ Бѣлоруссію	51
XV.	На приобрѣтеніе Крыма	56
XVI.	Видѣніе Муразы	60
XVII.	Къ Калліопѣ	67
XVIII.	На Шведской мирѣ	73
XIX.	На взятіе Измаила	77
XX.	Изображеніе Фелицы	97
XXI.	На Новый Годъ	117
XXII.	Рѣшемыслу	120
XXIII.	Памятникъ Герою	126
XXIV.	Ключъ	129
XXV.	На смерть К. Мецераго	132
XXVI.	Осень во время осады Очакова	136
XXVII.	На смерть Г. Румянцовой	142
XXVIII.	Любителю художествъ	147
XXIX.	Меркурію	155
XXX.	На щастіе	157
XXXI.	На выздоровленіе Мецената	168
XXXII.	На умѣренность	172
XXXIII.	На коварство Французскаго возмущенія и въ честь Кн. Пожарскаго	178
XXXIV.	На панихиду Людовика XVI	194
XXXV.	Первому Сосѣду	199
XXXVI.	Пѣснь брачная четъ порфирородной	203
XXXVII.	Къ лирѣ	206
XXXVIII.	Къ красавцу	208
XXXIX.	Вельможа	209
XL.	Монументъ ПЕТРА Великаго	218
XLI.	ПЕТРУ Великому	221
XLII.	Къ Н. А. Львову	226
XLIII.	Водопадъ	229
XLIV.	На смерть Бибикова	248
XLV.	Прогулка въ Сарскомъ селѣ	253
XLVI.	На рожденіе Ея ВЫСОЧЕСТВА Великой Княжны ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ	256
XLVII.	Кантата	258
XLVIII.	Провидѣніе	259
XLIX.	На покореніе Дербента	264
L.	Мой истуканъ	266
LI.	Новоселье молодыхъ	278
LII.	На взятіе Варшавы	281
LIII.	На кончину Великой Княжны ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ	291
LIV.	Ласточка	296
LV.	Флотъ	298

LVI.	Приглашеніе къ обѣду	299
LVII.	Соловей	303
LVIII.	Павлинь	306
LIX.	Богиня здравія	308
LX.	На крещеніе Великаго Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА	309
LXI.	Горѣлки	310
LXII.	На рожденіе Царицы Гремиславы. Л. А. Нарышкину	312
LXIII.	Храповицкому	317
LXIV.	На кончину Г. Орлова	319
LXV.	Памятникъ	320

ОГЛАВЛЕНІЕ 2й ЧАСТИ.

I.	Безсмертіе души	1
II.	На тщету земной славы	10
III.	Желаніе въ горняя	13
IV.	Радость о правосудіи	15
V.	Введеніе Соломона въ судилище	17
VI.	Братское согласіе	20
VII.	Утѣшеніе добрыхъ	25
VIII.	На безбожниковъ	26
IX.	НА коронацію ИМПЕРАТОРА	28
X.	Молитва	30
XI.	На новый 1797 годъ	33
XII.	На кончину ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, и на возшествіе на престолъ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I	39
XIII.	На рожденіе Великаго Князя МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА	41
XIV.	На Мальтійской орденъ	45
XV.	Урна	56
XVI.	На новый 1798 годъ	61
XVII.	О удовольствіи	64
XVIII.	На воровбу	68
XIX.	Похвала сельской жизни	70
XX.	Похвала за правосудіе	74
XXI.	Афинейскому Витязю	76
XXII.	Надгробная ИМПЕРАТРИЦЪ ЕКАТЕРИНЪ II	84
XXIII.	На возвращеніе Графа Зубова изъ Персіи	86
XXIV.	Капнисту	93
XXV.	Орель	97
XXVI.	На побѣды въ Италіи	99
XXVII.	На переходъ Альпійскихъ горъ	101
XXVIII.	Снигирь	117
XXIX.	Правосудіе	119
XXX.	Буря	121
XXXI.	Храповицкому	122
XXXII.	На возшествіе на престолъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I	124
XXXIII.	Первая пѣснь Пиндара Пифическая	132
XXXIV.	Гимнь кротости	142
XXXV.	Къ царевичу Хлору	146
XXXVI.	Гимнь Солнцу	151
XXXVII.	На кончину благотворителя	156
XXXVIII.	На смерть Нарышкина	161
XXXIX.	Колесница	165
XL.	Фонарь	170
XLI.	Мужество	176
XLII.	Волховъ Кубрь	180
XLIII.	Цирцель	183
XLIV.	Дѣва за арфою	187

XLV.	Оленину	190
XLVI.	Къ Скопихину	193
XLVII.	Ко второму сосѣду	196
XLVIII.	Маневры	199
XLIX.	Зима	202
L.	Время	204
LI.	Весна	207
LII.	Память другу	210
LIII.	Монументъ милосердію	213
LIV.	Утро	218
LV.	Гимнъ Богу	223
LVI.	Лѣто	228
LVII.	Осень	230
LVIII.	Четыре возраста	232
LIX.	Походъ Озирйда	234
LX.	Гласъ Санктпетербурскаго общества	238
LXI.	Г. Озерову на приписаніе Эдипа	243
LXII.	Эродій надъ гробомъ праведницы	245
LXIII.	Хоръ I. на Шведской миръ	252
LXIV.	Хоръ II. на коронацію ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.	254
LXV.	Хоръ III. на тотъ же случай	255
LXVI.	Облако	257
LXVII.	Громъ	261
LXVIII.	Радуга	266
LXIX.	На всерадостное рождение Государыни Великой Княжны ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ	269
LXX.	На отправленіе въ армию Фельдмаршала Графа Каменскаго.	273
LXXI.	Персей и Андромеда	275
LXXII.	На выступленіе корпуса Гвардіи въ походъ	281
LXXIII.	Графу Стейнбоку	283
LXXIV.	Молитва по Высочайшемъ отсутствіи въ армию ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА	285
LXXV.	Атаману и войску Донскому	287
LXXVI.	Пиндарова Олимпическая первая пѣснь	293
LXXVII.	Евгенію. Жизнь Званская	302
LXXVIII.	Издателью моихъ пѣсней	312
LXXIX.	Лебедь	315

ОГЛАВЛЕНІЕ 3й ЧАСТИ (С примечаніями 1804 г.)

I.	Приношеніе къ Красавицамъ	1
II.	На рожденіе въ Сѣверѣ Порфиророднаго Отрока (нынѣ царствующаго императора Александра Перваго 1777 года 12 декабря, когда Солнце обращается отъ зимы на лето)	3
III.	Амурь и Псишея (На случай Его Величества сговора и на хороводъ, называ емый «Заплетися плетень», когда женихъ и невеста запутались въ немъ такъ лентою, что должно было разрезывать оную, въ Царскомъ Селѣ 1793 года мая 10 дня)	7
IV.	Къ Граціямъ (На бывшія въцарскосельской колоннадѣ балы въ присутствіи Императрицы Екатерины II, гдѣ дворъ, великія князья и княжны забавлялись танцами)	9
V.	Хариты (На русскую пляску великихъ княженъ Александры и Елены Павловны, бывшую въ тронной залѣ въ первый день святокъ, въ Петербургѣ 1795 года 25 декабря)	11
VI.	Побѣда Красоты (На случай известнаго сговора, который, по несчастію, не совершился въ 1796 году)	13
VII.	Къ музѣ (На коронацію Императора Павла Перваго 1797 года апреля 5 въ день Светлаго воскресенья)	15

VIII.	Пришествіе Феба (На возвращеніе его изъ Москвы въ томъ же году маія [?] дня. Подражаніе Диониссію Сиракузскому) - - - - -	17
IX.	Возвращеніе весны (На случай приезда Императрицы Маріи Федоровны изъ Москвы въ Девичій монастырь въ томъ же году маія [?] дня) - - - - -	19
X.	Праздникъ воспитанницъ Дѣвичьяго Монастыря (На день рожденія Ея Величества 1797 года іюля 24 дня) - - - - -	21
XI.	Развалины (Описаніе Царскаго Села по кончинѣ Императрицы Екатерины II 1797 году) - - - - -	30
XII.	Рожденіе Любви (или Великой Княжны Маріи Александровны въ Павловскомъ 1799 года маія 17 дня) - - - - -	35
XIII.	На брачныя торжества (Епиталама на брачныя торжества ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Александры и Елены Павловны въ Гатчинѣ 1799 года октября 12 и 19 дня) - - - - -	36
XIV.	Явленіе Аполлона и Дафны на Нѣвскомъ берегу (На прогулку по Нѣвской набережной ихъ Императорскихъ величествъ Государя Императора Александра Павловича и Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны 1801 года маія [?] дня) - - - - -	39
XV.	Вѣнчаніе Леля (На коронацію въ Москвѣ Государя Императора Александра Перваго 1801 году 15 сентября) - - - - -	42
XVI.	Бесѣда съ Гениемъ (На случай призыва автора Его Величествомъ и порученіе ему некотораго дела [1801 г.] ноября 23 дня) - - - - -	46
XVII.	Мечта (На сговоръ автора со второю его женою 1794 года) - - - - -	47
XVIII.	Къ Кауфманъ (На бракъ ихъ 1794 года января 30 дня) - - - - -	49
XIX.	Анакреонъ въ собраніи (На любовныя приветствія Князя Потемкина Таврическаго во время торжества его, бывшаго въ томъ домѣ, что нынѣ Таврической дворецъ 1791 года апреля 28 дня) - - - - -	51
XX.	Спящій Эроть (На оперу, игранную детьми княгини Татьяны Васильевны Юсуповой 1795 года. Первая половина оной перевѣдена изъ Платона) - - - - -	53
XXI.	Къ Лирѣ (Похвала Графу Румянцову и Суворову, когда первый скончался, а второй находился подъ гнѣвомъ Императора въ Его деревнѣ 1797 года ноября [?] дня) - - - - -	55
XXII.	Къ самому сѣбѣ. (1798 года) - - - - -	56
XXIII.	Потопленіе (Федора Михайловича Дубянскаго. 1796 года) - - - - -	58
XXIV.	На бракъ Графини Де Литы (1798 года октября [?] дня) - - - - -	59
XXV.	Къ Софіи (На сговоръ 1791 году) - - - - -	61
XXVI.	Крезовъ Эроть (1796 году) - - - - -	62
XXVII.	Къ Евтерпѣ (На случай посещенія Кн. Потемкина Таврическаго 1787 г.) - - - - -	63
XXVIII.	Анакреонъ у печки (Экспромтъ во время игранія на арфѣ Маріи Львовны Нарышкиной 1795 года) - - - - -	66
XXIX.	Пчелка - - - - -	68
XXX.	Геркулесь - - - - -	69
XXXI.	Люси (Воспитанницъ Графини Штейнбоковой 1797 года) - - - - -	71
XXXII.	Бой - - - - -	72
XXXIII.	Купидонъ (Подражаніе Анакреоновой 3-й Одѣ) - - - - -	74
XXXIV.	Горючій ключъ - - - - -	76
XXXV.	Къ Женщинамъ (Переводъ 2-й Анакреоновой Оды) - - - - -	77
XXXVI.	Соловей во снѣ - - - - -	78
XXXVII.	Венеринъ судъ (Подражаніе 40 Анакреоновой Оды) - - - - -	79
XXXVIII.	Рожденіе Красоты - - - - -	80
XXXIX.	Скромность - - - - -	83
XL.	Даръ - - - - -	84
XLI.	Желаніе - - - - -	86
XLII.	Гостю (На случай посещенія автора Пет. Лук. Вельяминова) - - - - -	87
XLIII.	Другу (На прогулку въ саду Николая Александровича Львова на дачѣ его близъ Нѣвскаго Монастыря) - - - - -	88
XLIV.	Парашѣ (На любовное исканіе Петра Андрѣевича Нилова Прасковѣ Михайловнѣ Бакуниной въ Гатчинѣ 1798 года) - - - - -	90
XLV.	Пиррѣ - - - - -	92

XLVI.	Богатство (<i>Переводъ Анакреоновой 23-й Оды.</i>)	94
XLVII.	Портретъ Варюши (<i>Варваръ Михайловнѣ Бакуниной</i>)	95
XLVIII.	Горы (<i>Молодой графинѣ Сологубѣ, встретившей автора шутя въ селѣ Горяхъ передевшись въ жидовское платьѣ, принесшей ему бекасовъ 1799 года июля [?] дня</i>)	96
XLIX.	Горки (<i>На день рожденія Марины Осиповны Нарышкиной въ томъ же году и мѣсяцѣ</i>)	97
L.	Виша (<i>Маленькая деревня г. Жуковского, гдѣ авторъ угаживанъ былъ</i>)	98
LI.	Мѣльникъ	99
LII.	Птицеловъ	100
LIII.	Стрѣлокъ	102
LIV.	Пѣночка	103
LV.	Руския Дѣвушки	104
LVI.	Пѣснь Баярда (<i>По случаю оперы, игранный передъ Императоромъ Павломъ Первымъ</i>)	106
LVII.	Варюшка (<i>Той же, что на странице 84</i>)	108
LVIII.	Арфа (<i>Пелагеѣ Михайловнѣ Бакуниной въ 1798 году</i>)	110
LIX.	На разлуку	112
LX.	Цыганская пляска	113
LXI.	Цѣпи (<i>По случаю потери Анной Михайловной Бакуниной ожерелья во время ѣзды ея на Званку 1797 года</i>)	115
LXII.	Призываніе и явленіе Пльниры (<i>Мечта автора по кончинѣ первой жены его 1794 года</i>)	116
LXIII.	Сафо (<i>Переводъ известной 1-й Оды славной Сафы</i>)	118
LXIV.	Сафъ (<i>Изображеніе горести автора по смерти первой жены его 1794 года июля 15 дня</i>)	119
LXV.	Тонцію (<i>Программа для портрета автора, данная сему живописцу 1801 года ноября [?] дня</i>)	121
LXVI.	Пикники (<i>Алексѣя Петровича Мѣльгунова въ 1776 году</i>)	123
LXVII.	Разныя вина (<i>или пирушка молодыхъ холостыхъ людѣй 1782 года</i>)	125
LXVIII.	Философы пьяный и трезвый (<i>Образъ мыслѣй Аристиды и Аристипа</i>)	127
LXIX.	Заздравный Орелъ (<i>Застольная пѣснь воиновъ въ 1795 году</i>)	131
LXX.	Голубка (<i>Подражаніе 9-й Анакреоновой Оды въ 1801 году</i>)	133
LXXI.	Лизѣ. Похвала розѣ (<i>Подражаніе его же 53 Оды</i>)	135
LXXII.	Анакреоново удовольствіе (<i>Подражаніе его же 36 оды</i>)	138
LXXIII.	Хмѣль	139
LXXIV.	Мореходецъ	140
LXXV.	Макиавель	141
LXXVI.	Графинѣ Орловой	142
LXXVII.	Деревенская жизнь	143
LXXVIII.	Охотникъ	145
LXXIX.	Объявленіе любви	146
LXXX.	Плаמידѣ	147
LXXXI.	Всемирлѣ	148
LXXXII.	Нинѣ (<i>Подражательный отрывокъ 29-й Оды Клопштокка</i>)	150
LXXXIII.	Кружка (<i>Застольная пѣсня гражданъ 1777 года</i>)	151
LXXXIV.	Гимнъ Сафы Венерѣ (<i>Переводъ известной второй ея Оды</i>)	154
LXXXV.	Тишина (<i>Въ 1801 году на Званкѣ въ деревнѣ Автора</i>)	157
LXXXVI.	Вниманіе (<i>Натальѣ Яковлевнѣ Плюсковой</i>)	159
LXXXVII.	Гитара	161
LXXXVIII.	Шуточное желаніе	163
LXXXIX.	Бабочка	164
XC.	Кузнечикъ.	165
XCI.	Любушкѣ	167
XCII.	Старикъ.	169
XCIII.	Пльнникъ	170
XCIV.	Фальконетовъ Купидонъ	171
XCV.	Свобода	173

XCVI.	На пастушій балетъ	175
XCVII.	Мщєніе	176
XCVIII.	Чечотка	177
XCIX.	Распускающаяся роза	178
C.	Цѣпочка	180
CI.	Вѣрь	181
CII.	Къ матери, которая сама воспитываетъ детей своихъ	182
CIII.	Къ добродѣтельной красавицѣ	183
CIV.	Соломонъ и Суламита	184
CV.	Сафы второй переводъ	191
CVI.	Пени	192
CVII.	Невестъ	196
CVIII.	Препятствіе къ свиданію съ супругой	198
CIX.	Дѣтямъ на Комедію и Маскерадъ	200
CX.	На Балетъ Зефиръ и Флора	201
CXI.	Мои Граціи	204
CXII.	Блаженство супруги	205
CXIII.	Лучь	206
CXIV.	Признаніе	208
CXV.	Плачь Царицы	210
CXVI.	Обитель Добрады	213
CXVII.	Поминки	226
CXVIII.	Альбаумъ	228
CXIX.	Посылка плодовъ	230
CXX.	Прогулка	231
CXXI.	Задумчивость	232
CXXII.	Водометь	233
CXXIII.	Вѣнецъ Бессмертія	235

ОГЛАВЛЕНИЕ 4й ЧАСТИ

I.	Торжество въ день возшествія на престоль Императрицы Екатерины II отправленное въ Тамбовъ Губернаторомъ Державинымъ въ его домъ 1786 года 28 іюня	1
II.	Прологъ на открытіе въ Тамбовѣ театра и Народнаго училища. Представленный благороднымъ Обществомъ въ день тезоименитства Императрицы Екатерины II	7
III.	Описание торжества; бывшаго по случаю взятія города Изманла въ домъ Генералъ Фельдмаршала Князя Потемкина-Таврическаго въ присутствіи Императрицы Екатерины II	23
IV.	Родственное празднество на брачное воспоминаніе Князя Александра Алексѣевича и Княгини Елены Никитишны Вяземскихъ; представленное Алексѣя Ивановича Васильева семействомъ	61
V.	Прологъ аллегорическій на рожденіе въ Сѣверѣ Любви	67
VI.	Прологъ Отрока почерпнутый изъ древняго Варягорускаго баснословія	77
VII.	Добрыня. Театральное представленіе съ музыкою въ пяти дѣйствіяхъ	95
VIII.	Пожарской; или освобожденіе Москвы. Героическое представленіе въ четырехъ дѣйствіяхъ съ хорами и речитативами	213
IX.	Кутерьма отъ Кодратьевъ. Дѣтская комедія въ одномъ дѣйствіи съ хорами	307

ОГЛАВЛЕНИЕ 5й ЧАСТИ.

I.	Истина	1
II.	Христось	8
III.	Надежда на Бога	28
IV.	Страданіе	30
V.	Умленіе	33
VI.	Проповѣдь	35
VII.	Благодарность	37

VIII.	Воцареніе Правды	39
IX.	На преодоленіе врага	41
X.	Состраданіе	44
XI.	Покаяніе	46
XII.	Доказательство Творческаго бытія	49
XIII.	Тоска души	50
XIV.	Идолопоклонство	55
XV.	Надѣжда, къ П. Львову	58
XVI.	Добродѣтель	61
XVII.	Слава	67
XVIII.	Явленіе	72
XIX.	Упованіе на защиту Божию	74
XX.	Предвѣстіе	76
XXI.	Проблескъ	79
XXII.	На освященіе храма Казанскія Богородицы	83
XXIII.	На домовую церковь К. А. Н. Голицына	87
XXIV.	Цѣленіе Саула	89
XXV.	На миръ 1807 года	107
XXVI.	На пареніе Орла	113
XXVII.	Гимнь Лирозпическій на прогнаніе Французовъ	115
XXVIII.	Тлѣніе и нетлѣніе	147
XXIX.	Геба	150
XXX.	Стрѣтеніе Орфеемъ Солнца	152
XXXI.	Шествіе по Волхову Россійской Амфитриты	155
XXXII.	Аспазія	160
XXXIII.	Аристипова баня	162
XXXIV.	Эхо	168
XXXV.	Жилище богини Фригги	170
XXXVI.	Новгородскій Волхвъ Злогоръ	176
XXXVII.	Царь Дѣвица	181
XXXVIII.	Въ память Давыдова и Хвостова	190
XXXIX.	Римскому народу	194
XL.	Къ Меркурію	196
XLI.	Къ Калліопѣ	197
XLII.	Къ Меценату	201
XLIII.	Къ Бахусу	202
XLIV.	На отъездъ ИМПЕРАТОРА	204
XLV.	Къ Лидіи	205
XLVI.	На побѣду АЛЕКСАНДРОМЪ Имъ Наполеона подѣ Люцинымъ	206
XLVII.	На побѣду при Лейпцигѣ	207
XLVIII.	На высочайшее отбытіе ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ	209
XLIX.	На отбытіе Великихъ Князей въ армию	212
L.	На покореніе Парижа	215
LI.	На срѣтеніе АЛЕКСАНДРА I	216
LII.	На возвращеніе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА	228
LIII.	На возвращеніе гвардіи	230
LIV.	Хоры, пѣтыя въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова	232
LV.	На возвращеніе ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ изъ чужихъ краевъ	234
LVI.	На торжество, бывшее въ Петербургѣ Марта 19 дня 1816 году на память взятія Парижа	236
LVII.	Полигиминіи	237

LXII. а, в Призываніе и явленіе Пльниры
(Мечта автора по кончинѣ первой жены его 1794 года)

РАЗСУЖДЕНИЕ О ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

или

ОБЪ ОДЪ!

Ода, слово Греческое, равно какъ и псалмъ, знаменуеть на нашемъ языкѣ пѣснь. По нѣкоторымъ отличіямъ въ древности носила на себѣ имя Гимна, Пеана, Диоирамба, Сколин, а въ новѣйшихъ временахъ иногда она тоже, что Кантата, Ораторія, Романсъ, Баллада, Стансъ и даже простая пѣсня. Составляется строфами, или куплетами, мѣрнымъ слогомъ, разнаго рода и числомъ стиховъ; но въ глубокомъ отдаленіи вѣковъ единообразныхъ въ ней строфъ не примѣчается. Въ древнѣйшія времена препровождаема была простою мелодіею; пѣвалась съ лирою, съ псалтирюю, съ гуслими, съ арфою, съ цитрою, а въ новѣйшія и съ прочими инструментами, но болѣе, кажется, со струнными. По лирѣ, или по составу, къ музыкѣ способному, называется Ода лирическою поэзіею.

Лирическая поэзія показывается отъ самыхъ пеленъ міра. Она есть самая древняя у всѣхъ народовъ; это отливъ разгоряченнаго духа; отголосокъ растроганныхъ чувствъ; упоеніе, или изліяніе восторженнаго сердца. Человѣкъ, изъ праха возникшій и восхищенный чудесами мірозданія, первый гласъ радости своей, удивленія и благодарности долженъ былъ произнести лирическимъ воскликновеніемъ. Все его окружающее: солнце, луна, звезды, моря, горы, лѣса и рѣки напояли живымъ чувствомъ и исторгали его гласы. Вотъ истинный и начальный источникъ Оды; а потому она не есть, какъ нѣкоторые думаютъ, одно подражаніе природѣ, но и вдохновеніе оной, чѣмъ и отличается отъ прочей поэзіи. Она не наука, но огонь, жаръ, чувство.

Кто первый ввелъ ее въ употребленіе, опредѣлить трудно. Нѣкоторые по Священному Писанію присвояютъ то Іувалу, сыну Ламехову, показателю гуслей и пѣвницы; язычники Аполлону, научившему пастырей играть на свирѣли и сочинившему, послѣ пораженія Тифона, хоръ, называемый Номось. Иные же Меркурію, сдѣлавшему изъ черепахи лиру. Новѣйшіе писатели полагаютъ корень вообще поэзіи въ совокупномъ составѣ человѣка духовнаго и тѣлеснаго, снабженнаго творческою силою воображенія и гармоніи. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, а особливо ума пылкаго, наполненный мыслями, будучи въ уединеніи и въ полной свободѣ, обыкновенно въ задумчивости своей предавшись мечтанію, говоритъ съ собою, насвистываетъ или напѣваетъ что-нибудь. Самые грубые народы, во всѣхъ временахъ и во всѣхъ странахъ свѣта, даже не знавшіе употребленія огня, въ Мексикѣ, въ Перу, въ Бразиліи, въ Канадѣ, въ Камчаткѣ, въ Якутскѣ и въ другихъ почти необитаемыхъ мѣстахъ, носили и носятъ на себѣ сіе отраженіе лучей Премудраго Создателя. Они самую дикость свою оставили и начали собираться въ общества не чрезъ что другое, какъ чрезъ пѣніе и лиру, подъ которою разумею всякое музыкальное орудіе. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но поелику не знаемъ мы старѣе лирической поэзіи еврейской, видимой нами въ боговдохновенныхъ пѣсняхъ Пророковъ, то и должно отдать въ изобрѣтеніи Оды преимущество сему народу, не токмо по древности его сочиненія, но и по высокому образу мыслей, каковыхъ въ самыхъ древнѣйшихъ и славнѣйшихъ языческихъ лирикахъ не встрѣчаемъ. Но положимъ, что всякаго другаго низшаго рода пѣснопѣнія могутъ источникомъ своимъ имѣть страсти, обстоятельства, природу; однако высокіе, священные псалмы не что иное суть, какъ вдохновеніе Божіе.

Таковая первостепенная, священная Ода есть самое выпренное, пламенное творение. Она быстротою, блескомъ и силою своею, подобно молніи объемя въ единый мигъ вселенную, образуетъ величіе Творца. Когда сверкаетъ въ небесахъ, тогда же низвергается и въ преисподнюю; извивается, чтобы скорѣе цѣли своей достигнуть; скрывается, чтобы ярче облистать; прерывается и умолкаетъ, дабы вновь незапно и съ вящимъ явившись устремленіемъ, болѣе звукомъ и свѣтомъ своимъ удивить, ужаснуть, поразить земнородныхъ. Вотъ примѣръ:

«Освѣтиша молнія Твоя вселенную, подвижесе и трепетна бысть земля».

Псаломъ 76. стихъ 19.

или:

Тогда во всѣ предѣлы свѣта
Какъ молнія достигнуль слухъ,
Что царствуетъ ЕЛИСАВЕТА,
ПЕТРОВЪ въ себѣ имѣя духъ.

Ломоносовъ.

Гимнъ пареніемъ своимъ нѣсколько ниже Оды. Хотя и можно бы сей послѣдней предоставить въ отличительное свойство ужасъ и удивленіе могуществу, а первому благодарность и славословіе за благодѣяніе и покровительство; но во всегдашнему ихъ смѣшенію определить прямую черту между ими трудно. Гимнами Евреи въ разныхъ случаяхъ воспѣвали истиннаго Бога и чудеса Его, а язычники — поклоняемыхъ ими боговъ и челоувѣковъ, прославившихся знаменитыми подвигами. Возносили ихъ при жизни, славословили и по смерти. Гробы ихъ, когда умолкала зависть, дѣлались у язычниковъ алтарями, а гѣсни гимнами. Сіе находимъ у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣкахъ. Гимны содержали въ себѣ часть религии и нравоученія. Они пѣвались при богослуженіи, ими объясняемы были оракулы, возвѣщаемы законоположенія, преподаваемы, до изобрѣтенія письменъ, славныя дѣла потомству и проч.

Лира, или псалтирь, согласовались ихъ предметамъ. Пѣли Гимны при восхожденіи солнца, при наступленіи ночи, при новомѣсячии и ущербѣ луны, при собираніи жатвы и винограда, при заключеніи мира и при наслажденіи всякаго рода благополучіемъ, а равно и при появленіи войны, мороваго повѣтрія и какого-либо инаго бѣдствія, не отъ одного или нѣсколькихъ молебщиковъ, но отъ лица всего народа. Черезъ Гимны возносились благодаренія, славословія, моленія и жалобы божествамъ. Гласы ихъ были гласы благоговѣнія, наставленія, торжественности, радости, великолѣпія, или вопли негодованія, сѣтованія, мщенія, унынія, плача и печали. Вотъ что были въ глубокой древности Оды и Гимны, и что въ храмахъ, на театрахъ, въ чертогахъ и на стогнахъ народныхъ ими воспѣвалось. Они были иногда подсказываемы конархистомъ (декламаторомъ), какъ у насъ стихиры, или провозглашаемы самимъ поэтомъ при звукѣ струнномъ. Видно сіе изъ многихъ псалмовъ Давида:

«Исповѣдайтеся Господеви въ гуслехъ: въ псалтири десятиструннѣмъ пойте Ему.»
Псал. 32, ст. 2.

ИЗЪ ОДЪ ПИНДАРА:

Златая арфа Аполлона,
 Подруга чернокудрыхъ Музъ!
 Твоимъ въ молчаньи звукамъ внемлетъ
 Монархъ веселья, пляска, ликъ.
 Когда же, хоромъ управляя,
 Даешь къ совосклицанью знакъ, —
 Огнь быстрый, вѣчный, вседробящій,
 Ты можешь молнии потушить!

ИЗЪ ПѢСНИ ИГОРЯ:

«Едва Баянь вѣще персты на струны вкладаше, и абіе они сами славу князей рокотаху.»

На конецъ, при распространившемся общежитіи, изъ собраній народныхъ перешло пѣснопѣіе и въ круги семействъ. Тамъ воспевалось имъ все житейское: любовь, ненависть, дружба, вражда, всякая охота, сельскія упражненія, жизнь пастушья и тому подобное, изъ коихъ послѣдняя, по нѣкоторымъ писателямъ, беретъ у всѣхъ первенство. Сочинители ихъ и купно пѣвцы были у Египтянъ, Финикянъ, Индѣйцевъ, Грековъ, Римлянъ, Аравитянъ и прочихъ народовъ, которые въ Южной Европѣ назывались бардами², а на Сѣверѣ скальдами. Нѣкоторые причисляютъ къ нимъ и друидовъ; но другіе называютъ ихъ только провѣщателями при жертвоприношеніяхъ³. То же ли, по дару вдохновенія, были у Евреевъ пророки, а у Славянороссовъ, по глаголу баю, баяны — оставляю на разсужденіе искусѣйшихъ въ древности, но скажу только, что всѣ ихъ пѣсни, по содержанію своему, были почти у всѣхъ одинаковы; а по свойству (характеру) ихъ, или выраженіямъ чувствъ, совсѣмъ различны. Климатъ, мѣстоположеніе, вѣра, обычай, степень просвѣщенія и даже темпераменты имѣли надъ всякимъ свое вліяніе. Но вообще примѣчается, что чѣмъ народъ былъ дичѣе, тѣмъ пламеннѣе было его воображеніе, отрывистѣе и короче слогу, менѣе связи, распространенія и послѣдствій въ идеяхъ, но болѣе живописной природы въ картинахъ и болѣе вдохновенія. Напротивъ того, у образованныхъ обществъ болѣе разнообразія, распространенія, пріятности, блеску въ мысляхъ и мягкости въ языкѣ. Израильскій пророкъ, проповедуя единство Божіе, движеть силою Его холмы, обращаетъ рѣки къ вершинамъ, касается горамъ и дымятся. Греческій бардъ, восхищенный славою своихъ витязей, гремитъ на ипподромѣ съ бѣгомъ колесницъ, мчится съ престѣпніемъ коней, увеличивая или украшая о нихъ свои понятія блескомъ двусоставныхъ словъ, называя Юпитера громовержцемъ, Нептуна землепрепоясателемъ, Венеру голубокою, Діану быстроногою и пр. Скальдъ Шкотовъ видитъ на облакахъ летающія тѣни своихъ предковъ, мечи на ихъ бедрахъ изъ сѣвернаго сіянія, мрачную, безмолвную природу и кровавыя брани. Славянороссійскій баянь изображаетъ ратное воспитаніе и ревность свою къ службѣ князя, что на концѣ копыя онъ взелѣянь, dospѣхами повить и вычерпаетъ шлемомъ своимъ быстрыя рѣки. Словомъ, всякій древній народъ, а особливо северные, воспевая свои подвиги и свои упражненія, изъяснялись, относительно чувствъ своихъ, въ ихъ гимнахъ и Одахъ своимъ образомъ; ставили славу свою въ героическихъ своихъ пѣсняхъ, гордились ими и, не имѣя ихъ, почитали себя несчастливими.

Но ода, или гимнъ, изображаютъ только чувства сердца въ разсужденіи какого-либо предмета, а не дѣйствія его. Гдѣ же останавливаются на дѣйствіи, тутъ уже сближаются къ Эпосѣ. Слогу имѣютъ твердый, громкій, возвышенный,

благородный, однако сходственный всегда съ предметомъ; въ противномъ случаѣ теряютъ свою изящность. Доказывается сіе одою «На счастье» Жанъ-Баптиста Руссо, переведенною г. Ломоносовымъ и Сумароковымъ. Послѣдняго слогу не соотвѣтствуетъ высокому содержанію подлинника. И такъ Гимнъ и Ода заимствуютъ свое нарѣчіе, свои краски, свою силу отъ воспѣваемого ими предмета; но никогда площадныхъ или простонародныхъ словъ себѣ не дозволяютъ, развѣ въ такомъ родѣ будутъ писаны; но здѣсь таковыя не имѣютъ мѣста. Впрочемъ качество или достоинство высокыхъ одъ и гимновъ составляютъ: вдохновеніе, смѣлый приступъ, высоту, безпорядокъ, единство, разнообразіе, краткость, правдоподобіе, новостъ чувствъ и выраженій, олицетвореніе и оживленіе, блестящія картины, отступленія или уклоненія, перескоки, обороты, околичности, сомнѣнія и вопрошенія, противоположности, заимословія, иносказанія, сравненія и уподобленія, усугубленія или усиленія и прочія витійственныя украшенія, не рѣдко нравоученіе, но всегда сладкогласіе и вкусъ.

Хотя изъ вышеупомянутыхъ украшеній многія въ особенности принадлежать риторикѣ и объяснены тамъ подъ именами разныхъ троповъ и фигуръ, но покажемъ, что такое они у лирика и какъ онъ ихъ употребляетъ.

Вдохновеніе не что иное есть, какъ живое ощущеніе, даръ Неба, лучъ Божества. Поэтъ, въ полномъ упоеніи чувствъ своихъ разгораясь свѣшнымъ онымъ пламенемъ или, простѣе сказать, воображеніемъ, приходитъ въ восторгъ, схватываетъ лиру и поетъ, что ему велитъ его сердце. Не разгораясь и не чувствуя себя восхищеннымъ, и приниматься онъ за лиру не долженъ. Вдохновеніе рождается прикосновеніемъ случая къ страсти поэта, какъ искра въ пепелъ, оживляясь дуновеніемъ вѣтра; воспламеняется помыслами, усугубляется ободреніемъ, поддерживается окружными видами, согласными съ страстью, которая его трогаетъ, и обнаруживается впечатлѣніемъ, или изліаніемъ мыслей о той страсти, или ея предметахъ, которые воспеваются. Въ прямомъ вдохновеніи нѣтъ ни связи, ни холоднаго разсужденія; оно даже ихъ убѣгаетъ и въ высокомъ пареніи своемъ ищетъ только живыхъ, чрезвычайныхъ, занимательныхъ представленій. Отъ того-то въ превосходныхъ лирикахъ всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выраженіе, то высокое, то пламенное, то сильное, или особую краску и пріятность въ себѣ имеющее. Но вдохновеніе можетъ быть не всегда высокое, а чаще между порывнымъ и громкимъ посредственное, заемлемое отъ воспѣваемого предмета, обстоятельствъ, или собственного состава и расположенія поэта; а потому и можетъ быть у всякаго свое и по временамъ отличное вдохновеніе по настроенію лиры, или по наитію генія. Исчислять всѣ его виды было бы весьма пространно. Но вотъ некоторые примѣры:

ГРОЗНАГО:

Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стонала отъ зыбей;
Что вихри въ вихри ударялись
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ,
И что надуты волнь громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

Ломоносовъ.

ГНѢВНАГО:

О ты, что въ горести напрасно
 На Бога ропщешь, человѣкъ!
 Внимай, коль въ ревности ужасно
 Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
 Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая,
 И гласомъ грома прерывая,
 Словами небо колебаль,
 И такъ его на распрю звалъ:

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
 Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ
 Моей возжженныхъ вдругъ рукою
 Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
 Мое величество вѣщали! — и проч.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Претящимъ окомъ Вседержитель,
 Воззрѣвъ на полкъ вечерній, рекъ:
 О дерзкій мира нарушитель,
 Ты мечь противъ меня извлекъ!
 Я правлю солнце, землю, море,
 Кто можетъ стать со мною въ споръ?

Ломоносовъ.

ТОРЖЕСТВЕННАГО:

Уже со многими народы
 Гласить ээиръ, земля и воды,
 И камни вопіють теперь!
 Къ намъ щедро Небо преклонилось
 И счастье наше обновилось:
 На тронъ взошла ПЕТРОВА Дщерь.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Тогда отъ радостной Полтавы
 Побѣды Росской звукъ гремѣлъ;
 Тогда не могъ ПЕТРОВОЙ славы
 Вмѣстить вселенныя предѣлы;
 Тогда Вандалы побѣжденны
 Главы имѣли преклоненны,
 Еще при пеленахъ Твоихъ;
 Тогда предъявлено судьбою,
 Что съ трепетомъ передъ Тобою
 Падутъ полки потомковъ ихъ.

Ломоносовъ.

РАДОСТНАГО:

Коликой славой днесъ блистаетъ
 Сей градъ въ прибытіи Твоемъ!
 Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаетъ
 Въ пространномъ зданіи своемъ;
 Но воздухъ наполняетъ плескомъ.
 И нощи тьму отъемлетъ блескомъ.
 Ахъ, еслибъ нынѣ Россювъ всѣхъ
 Къ Тебѣ горяща мысль открылась;
 То бѣ мрачна ночь отъ сихъ утѣхъ
 На вѣчный день перемѣнилась!

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Геройскихъ подвиговъ хранитель
 И проповѣдатель Парнассъ,
 Время и рока победитель,
 Возвыси нынѣ светлый гласъ;
 Приблужи къ небесамъ вершины,
 И для похвалъ екатерины,
 Какъ наша радость, разцветай,
 Шуми ручьями съ гласомъ Лыры,
 Борей преврати въ Зефиры,
 Представъ зимой въ полнощи рай.

Ломоносовъ.

СПОКОЙНАГО:

Царей и царствъ земныхъ отрада
 Возлюбленная тишина!
 Блаженство сель, градовъ ограда,
 Коль ты полезна и красна!
 Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
 И класы на поляхъ желтѣютъ;
 Сокровищъ полны корабли
 Дерзаютъ въ море за тобою;
 Ты сыплешь щедрою рукою
 Свое богатство по земли, и проч.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Въ долинѣ онъ стоитъ обширной,
 Гдѣ вечная цвѣтетъ вѣсна:
 Стада гуляютъ въ паствѣ жирной,
 Всегдашня тамо тишина:
 Ни слезъ, ни стона тамъ не знаютъ,
 Другъ друга жители лобзуютъ;
 Щить Марсовъ, шлемъ и копіе
 Лежатъ увитыя цвѣтами;
 Возлегли миръ на нихъ локтями,
 Стрежетъ оружие сіе.

Херасковъ

ИЛИ:

Сонъ сладостный не презираетъ
Ни хижинъ бѣдныхъ поселянъ.
Ниже дубравъ не убѣгаетъ,
Ни низменныхъ, ни тихихъ странъ
На коихъ по колосьямъ нивы
Подъ тѣнью облаковъ игривый
Перебирается Зефиръ,
Гдѣ царству етъ покой и миръ.

Изъ Горация.

ТИХАГО:

Россійско солнце на восходѣ
Въ сей обще вождедѣнный день
Прогнало въ ревностномъ народѣ
И ночи и печали тѣнь.
Вспомняувъ часы веселы,
Красуйтесь, счастливы пределы,
Въ сердцахъ усугубляйте жаръ!

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Владѣешь нами двадцать лѣтъ,
Иль лучше льешь на насъ щедроты;
Монархиня! коль благъ совѣтъ
Для Россовъ вышнія доброты!

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Такъ вскрикнувъ, я повергся долу:
Заглохнулъ стонъ болотна дня,
Замолкло лѣса бушеванье,
Затихла тише тишина.
Лежалъ простертымъ, чуть дыхая,
Въ цвѣтахъ на берегу ручья,
Надо коимъ мѣсяцъ серпозлатый
Блесталъ, блѣднѣлъ, темнѣлъ, — исчезъ.

Изъ Козегартена.

СТРАСТНАГО:

Увижу ль съ нимъ тебя, — и вмигъ
Трепещеть сердце, грудь тѣснится,
Нѣмъветъ рѣчь въ устахъ моихъ
И молнія по мнѣ стремится;
По слуху шумъ, по взорамъ мракъ,
По жиламъ хладъ я ощущаю;
Дрожу, блѣднѣю, — и какъ злакъ
Упадши, вяну, — умираю.

Изъ Сафы.

ИЛИ:

Жизнь во мнѣ тобой хранится,
Казнь и благо дней моихъ;
Духъ хоть съ тѣломъ разлучится,
Буду живъ безъ связи ихъ.
Тѣнь моя всегда съ тобою
Неразлучно будетъ жить,
Окружать тебя собою,
Взглядъ твой, вздохъ и мысль ловить.

Нелединскій.

ИЛИ:

Небеса, цари, вселенна,
Все мнѣ милая моя.
Лишь взглянула — я любовникъ;
Пожелала — я поэтъ.

Князь Горчаковъ.

НѢЖНАГО:

Какъ мать стенаньемъ и слезами
Крушится о сынѣ своемъ,
Что онъ противными ветрами
Отгнанъ, живетъ въ краю чужомъ, —
Она минуты всѣ считаетъ,
На брегъ по всякій часть взираетъ,
И просить щедры Небеса.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Не видя пламенной Беллоны,
Въ Едемскихъ жили бы садахъ,
Имѣли бы свои законы
Написанны въ твоихъ очахъ.

Херасковъ.

ИЛИ:

Въ бесѣдѣ ли съ тобой бываю,
Тебя одну въ ней вижу я,
Шаги твои всѣ замечаю;
Гдѣ взоръ твой, тамъ душа моя,
И съ кѣмъ ни молвила бъ ты слово,
Читая въ милыхъ мнѣ очахъ,
Тебѣ отвѣтствовать готово
Мое все сердце на устахъ.

Нелединскій.

ИЛИ:

Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ:
Лавры! васъ я не ищу:

Я и мирточкой доволенъ,
Коль отъ милой получу.

Дмитріевъ.

ПРИЯТНАГО:

Млеко́мъ и медомъ напоены,
Тучи́ють влажны берега,
И яснымъ солнцемъ освѣщенны,
Смеются злачныя луга.

Ломоносовъ

ИЛИ:

Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
Межъ бисерными облаками
Сіяетъ золото и лазурь.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Я слышу Нимфъ поющихъ гласы,
Носящихъ сладкіе плоды;
Тамъ въ гумнахъ чистятъ тучны класы;
Шумятъ огромныя скирды;
Среди охотничей тревоги
Лесами раздаются роги,
Въ покоѣ представляя брань.
Сіе богинѣ несравненной
Въ избытокъ принесутъ осенной
Земля, вода, лѣсъ, воздухъ въ дань.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Какіе радостныя плески,
Огней торжественныя блески,
Куренія отъ Алтарей? —
Мольбы! — Се лира для царей!

Херасковъ.

УМИЛИТЕЛЬНОГО:

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣва злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь:
Такъ Ниль смиренно протекаетъ,
Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
Но пользой выше прочихъ рѣкъ,
Своею сладкою водою,
Въ лугахъ зеленыхъ пролитою,
Златой даетъ Египту вѣкъ.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Иль мало смертны мы родились
И должны удвоять свой тлѣнь?
Еще ль мы мало утомились
Житейскихъ тягостью бремя?
Возри на плачь осиротѣвшихъ,
Возри на слезы престарѣвшихъ,
Возри на кровь рабовъ твоихъ.
Къ тебѣ любовь и радость свѣта,
Въ сей день зоветь ЕЛИСАВЕТА:
Низвергни брань съ концевъ земныхъ.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

А Ты, который обладаешь
Единъ подсолнечною всей,
На милость души преклоняешь
Возлюбленныхъ Тобой царей,
Хранишь отъ злаго ихъ навѣта!
Содѣлай, да владыки свѣта
Внушать мою нелестну рѣчь;
Да гласу правды кротко внимають
И на злодѣевъ лишь подъямяють
Тобою имъ врученный мечъ!

Капнисть.

УНЫЛАГО:

Но ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторжень рокомъ,
Нась въ плачъ погрузилъ глубококомъ,
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ;
Верхи Парнасски возстенали,
И Музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Что такъ смущаешься, волнуешь,
Безсмертная душа моя?
Отколѣ пламенны желанья?
Отколѣ тоска и грусть твоя?
Се холмы синіе мерцаньемъ,
Лугъ запахомъ спокойство лъеть;
Но ахъ! ничто не утоляетъ
Унынья томна твоего!

Изъ Козегартена; Часть 5.

ИЛИ:

Лѣса, влекущіе къ покою,
Чертогъ любви и тихихъ дней!
Куда вы съ прежней красотою
Сокрылись отъ моихъ очей?
Васъ та же зелень украшаетъ;
Но мнѣ того ужъ не являетъ,
Чѣмъ духъ бывалъ прельщаетъ мой;
Вездѣ меня тягчатъ печали, —
Вездѣ, гдѣ прежде восхищали
Утѣхи, счастье и покой.

Капнисть.

ИЛИ:

Безъ друга и безъ милой
Брожу я по лугамъ;
Брожу съ душой унылой
Одинъ по берегамъ.
Тамъ тѣ же все встречаю
Кусточки и цветки:
Но ахъ! не облегчаю
Ничѣмъ моей тоски!

Дмитріевъ.

ИЛИ:

Гдѣ найду я выраженья
Все, что чувствую, сказать?
Не достанетъ вображенья
Чувствъ души моей обнять.
Только два ихъ понимаю:
Время на двое дѣлю,
При тебѣ — все забываю,
Или безъ тебя — терплю.

Нелединскій.

ПЕЧАЛЬНОГО:

Безгласна видя на одрѣ
Защитника, отца, героя,
Рыдали Россы о ПЕТРѢ;
Вездѣ наполненъ воздухъ воя,
И сетовали всѣ мѣста:
Земля казалася пуста:
Взглянуть на небо — не сіяетъ,
Взглянуть на рѣки — не текутъ,
И горь высоту осѣдаетъ;
Натуры всей пресѣкъся трудъ.

Ломоносовъ.

или:

Россы! се ЕЛИСАВЕТА,
Се Она во гробъ здѣсь,
И лучей лишенна свѣта,
Предается тлѣну днесь;
Се конецъ Ея судьбинѣ.
Плачьте, Россы! плачьте нынѣ
О Монархинѣ своей.

Сумароковъ.

или:

Плачеть, стонеть, сердцемъ ноя,
Ходить милаго вокругъ;
Но увы! прелестна Хлоя!...
Ужъ не встанет милый другъ!

Дмитріевъ.

УТѢШИТЕЛЬНОГО:

Сіе, о, смертный! разсуждая,
Представъ Зиждителю власть;
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣнны часть.
Онъ все на пользу нашу строить,
Казнить кого или покоить.
Въ надеждѣ тяготу сноси
И безъ роптанія проси.

Ломоносовъ.

или:

Теперь по всѣмъ градамъ Россійскимъ,
По селамъ и степямъ Азійскимъ
Единогласно говорятъ:
Какъ Богъ продлитъ чрезъ вѣчно время
Дражайшее ПЕТРОВО племя:
Счастлива жизнь и нашихъ чадъ;
Не будетъ страшной ужъ премѣны,
И отъ російскихъ храбрыхъ рукъ
Разрушатся противныхъ стѣны
И сильныхъ изнеможеть лукъ.

Ломоносовъ.

или:

Не озлобляйся ты злодѣевъ клеветою,
Богъ зреть дѣла твои и Самъ вездѣ съ тобою.

Херасковъ.

или:

Надежды должно ль намъ лишаться,
Томить себя, стенать, терзаться,

Когда проходить все какъ прахъ,
Когда для насъ и горестъ люта
И часъ и каждая минута
Къ блаженству будущему шагъ.

Капнисть.

ИЛИ:

Лиза, рай всѣхъ чувствъ моихъ!
Мы не знатны, ни велики;
Но въ объятіяхъ твоихъ
Меньше ль счастливъ я владыки?

Дмитріевъ.

ЗАБАВНАГО:

Зевесъ быкамъ далъ рога,
Копыта лошадамъ,
Проворны зайцамъ ноги,
Зубасты зѣвы лвамъ,
Способность плавать рыбамъ,
Пареніе орламъ,
Безстрашный духъ мужчинамъ;
Но что жъ онъ далъ женамъ?
Чѣмъ все то замѣнить? —
Красой ихъ надѣляетъ:
Огонь и мечъ и щитъ
Красавица сражаетъ.

Изъ Анакреона.

ИЛИ:

Други! время скоротечно,
И не видишь какъ летить;
Молодыми быть не вѣчно;
Старость вмигъ насъ посѣтитъ.
Что же дѣлать? — такъ и быть!
Въ ожиданьи будемъ пить.

Дмитріевъ.

ИЛИ:

Ребята, намъ въ полѣ
Отъ солнца сгорѣтъ,
Дня жарка мнѣ болѣ
Нѣтъ мочи терпеть.
Мы можемъ собраться
Въ другой разъ сюда;
Купаться, купаться
Теперь череда!

Шишковъ.

ШУТЛИВАГО;

Платовъ, Европѣ ужъ извѣстно,
 Что силъ Донскихъ ты страшный вождь.
 Въ расплохъ, какъ бы колдунъ всемѣстно
 Ты съ тучъ падешь, какъ снѣгъ, какъ дождь.
 По черныхъ вороновъ полету,
 По дыму, гулу, мхамъ, звѣздамъ,
 По рыску волчью, видя мѣту,
 Подходишь къ вражѣмъ вдругъ носамъ,
 И зря на тускъ, на блескъ червонца,
 По солнцу, иль противу солнца
 Свой учреждаешь ретаулъ
 И тайный ставишь караулъ.
 Въ травѣ идешь — съ травою равень;
 Въ лѣсу — и равень лѣсъ съ главою;
 На конь вскокнешь — конь тихъ, не нравень,
 Но вихремъ мчится подъ тобой.
 По камню ль черну змѣемъ чернымъ
 Ползешь ты въ ночь, — и слѣду нѣтъ;
 Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной, —
 Стрѣлу сѣчешь ей въ слѣдъ пущенной,
 И брося петли вокругъ шей,
 Фазановъ удишь, какъ ершей.

Атаману и войску Донскому.

Смѣлой приступъ или *громкое вступленіе*, бываетъ отъ накопленія мыслей, которыя, подобно водѣ, стеснившейся при плотинѣ, или скалѣ, вдругъ прорываясь сквозь оныя, съ шумомъ начинаетъ свое стремленіе. Едва ли можно воспарять выше такового начала! Имѣющій вкусъ тотчасъ остановится тутъ, гдѣ примѣтитъ себя упадающимъ. Но находятся однако оды, которыя начинаются тихо и отчасу выше восходятъ своимъ пареніемъ. Бываютъ и такія, которыя имѣютъ ровное и прямое направленіе; а другія местами порывны и извивисты, каковы всѣ г. Ломоносова, смотря по предметамъ, какіе они описываютъ. Вотъ примеры громкаго, тихаго и вдругъ возвышающагося вступленія:

ГРОМКАГО:

Вонми, о Небо! что реку.
 Земля! услышь мои глаголы:
 Какъ дождь на нивы потеку
 И какъ роса на злачны доли,
 Прольюсь и въ бездны преисподни
 Пѣть имя, чудеса Господни.

Второзаконія гл. 32.

ИЛИ:

Внемлите, всѣ предѣлы свѣта,
 И выдайте, что можетъ Богъ!
 Воскресла намъ ЕЛИСАВЕТА:
 Ликуеть Церковь и чертогъ!

Ломоносовъ.

ТИХАГО:

Заря багряною рукою
 Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
 Выводитъ съ солнцемъ за собою
 Твоей державы новый годъ.
 Благословенное начало
 Тебѣ, богиня, возсіяло.
 И нашихъ искренность сердець
 Предъ трономъ Вышняго пылаеть,
 Да счастьемъ твоимъ вѣнчаетъ
 Его средину и конецъ!

Ломоносовъ.

ТИХАГО И ВДРУГЪ ВОЗВЫШАЮЩАГОСЯ:

Сквозь тучи вокругъ лежащи черны,
 Твой горній кроющи полеть,
 Носящи страхъ намъ, скорби зѣльны,
 Ты грянулъ наконецъ! — и свѣтъ
 Отъ молніи твоей горящей,
 Сердца Альпійскихъ горъ потрясшей,
 Струей вселенну пролетѣлъ;
 Черезъ неприступны переправы
 На высотѣ ты новой славы
 Явился, сѣверный Орелъ!

Изъ оды *На переходъ Альпійскихъ горъ*.

Высокость, или выпренность лирическая, есть не что иное, какъ полеть пылкаго, высокаго воображенія, которое возноситъ поэта выше понятія обыкновенныхъ людей и заставляеть ихъ сильными выраженіями своими то живо чувствовать, чего они не знали и что имъ прежде на мысль не приходило. Но высокая бываетъ двоякаго рода: одна—чувственная и состоитъ въ живомъ представленіи веществъ; другая—умственная и состоитъ въ показаніи дѣйствія высокаго духа. Первая принадлежитъ къ лирѣ, а другая къ драмѣ. Посему-то иногда живое чувственное не можетъ быть высокимъ умственнымъ; ни самое высокое умное не можетъ быть живымъ чувствомъ. Словомъ, что живо, то не есть еще высоко; а что высоко, то не есть еще живо. Итакъ по сему понятію лирическое высокое заключается въ быстромъ пареніи мыслей, въ непрерывномъ представленіи множества картинъ и чувствъ блестящихъ, громкимъ, высокопарнымъ, цвѣтушимъ слогомъ выраженное, который приводитъ въ восторгъ и удивленіе. Высокое же драматическое содержится въ тихомъ и спокойномъ дѣйствіи души великой, которая, бывъ выше другихъ, и въ слабостяхъ человека, твердостью и мужествомъ его, а не блескомъ однимъ воображенія и громомъ словъ, показываетъ въ немъ высокое существо и заставляеть разумъ почитать его, или благоговѣть предъ нимъ. Кратко, прямая высокая состоитъ въ силѣ духа, или въ истинѣ, обитающей въ Богѣ. Одно справедливо изящное въ томъ и другомъ случаѣ есть только высоко. Въ одѣ, которая изображаетъ, какъ пѣснь лирическая, превосходныя чувства, и тутъ же, какъ эпопея или драма, описываетъ дѣйствіе великодушія, могутъ бытъ помещаемы и та и другая высокая, по только поэтому, вкусъ имѣющимъ, чтобы не распространить дѣйствія и тѣмъ не охладить чувствъ. Вотъ примеры и той и другой высоты и вообще ихъ обихъ:

ЧУВСТВЕННОЙ:

Отверзлась дверь, не виденъ край,
Въ пространствѣ заблуждаетъ око.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Лице любви толь прекрасно,
Въ ночи горять коль звѣзды ясно
И проникаютъ тихій понть;
Подобно сей царицы взгляды
Сквозь души и сердца идуть.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Люди съ солнцемъ — людямяъ ясно,
А со мною — все туманъ.

Московскій Журналь.

УМСТВЕННОЙ:

Онъ тигровъ челюсти терзаеть,
Волнамъ и вихрямъ запрещаетъ,
Велить лунѣ и солнцу стать,

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Взглянувъ въ Россію кроткимъ окомъ,
И видя въ мракѣ ту глубокомъ,
Со властью рекъ: да будетъ свѣтъ, —
И бысть!...

Ломоносовъ.

ИЛИ (въ нѣжномъ слогѣ):

О, души моей веселье,
Для кого мнѣ жизнь мила!
Я послѣдне ожерелье
За тебя бы отдала!

Московскій Журналь.

ВООБЩЕ ЧУВСТВЕННОЙ И УМСТВЕННОЙ:

О вы, не дремлющія очи,
Стрегущія небесный градъ!
Вы, бодрствуя во время ночи,
Когда, покоясь, смертны спясть,
Взираете сквозь тѣнь густую
На цѣлу широту земную.
Но чаю, что вы въ оный часъ,
Впротивъ естественному чину,
ПЕТРОВУ зрѣли Дщерь едину,
Когда пошла избавить насъ

Ломоносовъ.

или:

Умреть или победить здѣсь должно:
Умремъ! — кликъ вторить по горамъ.

Безпорядокъ лирической значить то, что восторженный разумъ не успѣваетъ чрезмѣрно быстро текущихъ мыслей расположить логически. Потому Ода плана не терпитъ. Но безпорядокъ сей есть высокій безпорядокъ, или безпорядокъ правильный. Между периодовъ, или строфъ, находится тайная связь, какъ между видимыхъ, прерывистыхъ колѣнъ перуна неудобозримая нить горючей матеріи. Лирикъ въ пространномъ кругу своего сѣтлаго воображенія видитъ вдругъ тысячи мѣстъ, отъ которыхъ, чрезъ которыя и при которыхъ достигъ ему предмета, имъ преслѣдуемаго; но ихъ нарочно пропускаетъ или, такъ сказать, совмѣщаетъ въ одну совокупность, чтобъ скорѣе до него долетѣть. При всемъ томъ, если не предводитъ его разумъ, то хотя препровождать долженъ. Иначе сей мнимый безпорядокъ будетъ въ самомъ дѣлѣ безпорядокъ, горячка, бредъ. Вотъ примѣръ лирическаго безпорядка, въ которомъ поэтъ, какъ изступленный, мечется отъ одной мысли къ другой, кажется безъ всякой связи, но сколько тутъ ума и сколько красоты!

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведеть на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шуметь забылъ,
Въ долині тишина глубокой. —
Внимая нѣчто, ключъ молчить,
Который завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшить во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Ломоносовъ.

Единство страсти, или одно главное чувство, въ лирической пѣснѣ, какъ въ эпосѣ и драмѣ единство дѣйствія, господствовать долженствуетъ; ибо разсѣяніе за многими предметами отнимаетъ силу и быстроту у лиры. А для того, посвящая ее радости, можно теряться въ восхищеніяхъ и даже дерзать почти на сумасбродство, но отнюдь не переходить къ печали. Начиная ненавистью, не надлежитъ оканчивать любовью. Иначе любовь не будетъ уже противницею ненависти, или останется тою же самою страстно, какою и была, но только подъ сокрытіемъ. Сіе противострастіе видно въ нижеследующей строфѣ:

Такъ ты, такъ ты таковъ то лютъ! —
Но, ахъ! средь самыхъ тѣхъ минутъ,
Когда тебя я ненавижу,
Когда тобой я грусть терплю,
Съ тобой я твой порокъ люблю,
Въ тебѣ еще все прелесть вижу...

Пени.

Впрочемъ единствомъ называется и то, когда поэтъ предмета своего ни на мигъ не упускаетъ изъ виду. Примѣры сему: у Анакреона почти во всѣхъ Одахъ;

у Горация въ книгѣ 1, въ одѣ 10 Къ Меркурію и между моими многія, изъ коихъ та Ода и Гимнъ Кротости ниже сего помещаются:

КЪ МЕРКУРІЮ.

Краснорѣчивый внукъ Атланта,
Меркурій! дикій нравъ смягчившій грубыхъ смертныхъ
И образъ давшій ихъ движенью тѣлъ красивый
По правиламъ Палестры, « и т. д., [сокр. мной, А. Л.]»

ГИМНЪ КРОТОСТИ.

Сіянье радужныхъ небесъ,
Души чистѣйшее спокойство,
Блескъ тихихъ водъ, здемъ очесъ,
О кротость! ангельское свойство!
Отливъ отъ Бога самого!
Тебѣ, тобою восхищенный,
Настроиваю, вдохновенный,
Я струны сердца моего, «и т. д., [сокр. мной, А. Л.]»

Разнообразіе бываетъ тройкое: одно въ картинахъ и чувствахъ, другое въ слогѣ и украшеніяхъ, третіе въ механизмѣ стиховъ, слоудоудареніи или ризмѣ. Въ первомъ поэтъ, имѣющій вкусъ, старается выставить разныя картины, одну послѣ другой противоположныя, какъ то: ужасныя и пріятныя, и проч. Во второмъ согласуетъ слогъ свой съ описаніемъ предметовъ, или природы, понижая или возвышая оный, громкими или тихими выраженіями. Въ третьемъ перемѣняетъ стопосложеніе, мѣры и паденія созвучно дѣйствию описываемому, медленнымъ или быстрымъ теченіемъ стиха. Все сіе весьма поражаетъ и удивляетъ слушателей. Но такое разнообразіе должно всегда усиливать единство, делать главный предметъ привлекательнѣйшимъ, богатѣйшимъ, блистательнѣйшимъ тѣмъ самымъ, когда разные лучи его, какъ отраженія солнечныхъ, видомъ или качествомъ своимъ подобные ему, отъ всѣхъ его окружающихъ картинъ, дѣйствій, звуковъ, побочныхъ чувствъ и извитій обращаются на лицо единства, и въ немъ одномъ сливаясь, распространяють, украшаютъ и усугубляютъ его великолѣпіе. Но тутъ надобно великое искусство, чтобъ всѣ сіи разнообразія постепенно сами по себѣ возвышались; картины становились блистательнее, чувства живѣе, звуки поразительнее, извитія перепутанностию своею болѣе любопытство возбуждали и наконецъ всѣ бы они какою неожиданною нечаянностью, приводящею въ восторгъ и удивленіе, съ громомъ и блескомъ, или пріятнымъ чувствомъ вдругъ разрешались. Надобно однако, чтобъ при всѣхъ тѣхъ разнообразіяхъ не было ничего натянутого, темнаго, замѣшаннаго, непостепеннаго, излишняго, или — какъ Пиндаръ говоритъ — такой несоразмерной нагрузки, которая отягощаетъ воображеніе; но все бы было ясно, все дѣльно, все естественно и необходимо, такъ чтобы, перешагнувъ рѣку, не говорить уже о переходѣ ручья. Впрочемъ всякая другая неприличная разнообразность будетъ пестрый шутовской нарядъ, смѣхъ въ благоразумномъ читателѣ произвести могущій. Образцы разнообразія относительно картинъ можно видѣть въ Одахъ Пиндара и Горация. Ломоносовъ имъ наполненъ. Прочіе наши поэты, а особливо Петровъ, показываютъ его довольно. Касательно же другихъ разнообразій какъ то: возвышенія и пониженія слога, перемѣны звуковъ отъ стопосложенія, то не знающему чужеземныхъ языковъ, а особливо греческаго и латинскаго, ни изъяснить, ни понять того не можно; но чтобъ читающіе только по-русски могли имѣть о нихъ некоторое понятіе, смѣю

предложить въ моихъ сочиненіяхъ оды: *Къ любителю художествъ, На взятіе Варшавы, Персея и Андромеду*. Наконецъ разнообразіе бываетъ и въ планѣ. Иные при самомъ началѣ объявляютъ цѣль свою, другіе скрываютъ ту до конца, третьи такъ утаиваютъ, что и угадать трудно. Примѣръ перваго: у Ломоносова въ одѣ 19, *На новый 1764 годъ*; втораго: у меня въ одѣ *Павлинъ*; третьяго: у Горация во II книгѣ, въ одѣ IV, *Къ Калліопѣ*, которой переводъ здѣсь слѣдуетъ и о коей понинѣ толкователи не согласны, съ какимъ намѣреніемъ она написана. Для показанія же разнообразія въ картинахъ, приведемъ въ примѣръ отрывки изъ Пиндара, Ломоносова и цѣлую мою небольшую оду *На шествіе Амфитриты*.

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

Къ Калліопѣ.

Сойди ко мнѣ съ небесъ, царица Калліопа!
И громкою трубой, иль нѣжнымъ звономъ струнъ
Отъ цитры Феба, иль когда предпочитаешъ
Ты голосъ свой всему, — воспой безсмертну пѣснь [сокр. мной, А. Л.]

ИЗЪ ПИНДАРА.

Сидитъ на скипетрѣ Зевеса
Орель, пернатыхъ царь, и, внизъ
Спустя высокопарны крылья,
Во сладостномъ забвеньи спитъ.
Пріятна мгла, смежая вѣжды,
Главу его на перси гнетъ;
Бряцаньемъ тихимъ утомленный,
Чуть зыблется хребетъ его «и т. д.»

ИЗЪ ЛОМОНОСОВА.

Тамъ тьмою острововъ посѣянь,
Рѣкъ подобень океанъ,
Небесной синевой одѣянь,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныхъ весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски копіемъ:
Сребро и золото истекаетъ
Во всемъ наслѣдїи твоемъ.
Плутоновъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеска дневнаго светила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.

ШЕСТВИЕ ПО ВОЛХОВУ
РОССИЙСКОЙ АМФИТРИТЫ.

Что сіяеть отъ заката
Въ полнощъ полудневный свѣтъ?
Средь багряна, сткляна злата
Кто по Волхову плавить?
Полкъ тритоновъ трубить въ трубы;
Рыбъ на днѣ струится бѣгъ;
Пляшутъ холмы, скачутъ дубы,
Съ плескомъ рукъ бѣжить вслѣдъ берегъ
И шумять струи жемчужны! и. т. д., [сокр. мной, А. Л.]

Краткость. Извѣстно, что пламенное чувство изъясняется кратко, но сильно. Поелику высокая Ода наполняется горячимъ, сильнымъ чувствомъ, то и разумѣется, что Ода должна быть кратка, или по крайней мѣрѣ не слишкомъ длинна; ибо предполагается, что возбуждена мгновеннымъ чувствомъ какого-либо предмета; а потому и не можетъ то чувство долго продолжаться въ равной силѣ. Если жъ кому превосходное вдохновеніе, или даръ, позволить распространяться, то надобно, чтобы онъ пламени своему умѣлъ придавать непрестанно новую пищу; чтобы все продолженіе было такъ напитано душою, какъ цѣпь электрическаго силою, которая при малѣйшемъ къ ней прикосновеніи ока, или слуха, издавала бы отъ каждаго звена своего блескъ и трескъ. Повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей, одѣтыхъ только другими словами безъ чувствъ, не токмо бываетъ ненужно, но и неприятно. Въ томъ великая тайна, чтобы пронизательную, быструю душу умѣть занимать всегда новымъ любопытствомъ. По сей-то причинѣ всѣ лучшіе лирики предметъ свой показывали только съ той стороны, которая болѣе поражаетъ, и едва сдѣлавъ ея впечатлѣніе, столь же стремительно оставляли, какъ за нее принимались. Впрочемъ краткость не въ томъ одномъ состоитъ, чтобы сочиненіе было недлинно, но въ тѣсномъ совмѣщеніи мыслей, чтобы въ немногомъ было сказано много и пустыхъ словъ не было. Вотъ примеры краткости въ цѣломъ твореніи и въ слогѣ возвышенномъ и простомъ.

ВЪ ЦѢЛОМЪ ВОЗВЫШЕННОМЪ:

Коль зрѣлице красно, пріятно,
Гдѣ вкупѣ братія живетъ!
Благоуханье ароматно
Какъ на браду съ главы течеть, и т. д., [сокр. мной, А. Л.]

Псаломъ 132.

ВЪ ЦѢЛОМЪ ПРОСТОМЪ:

Сабинскаго вина, простаго,
Немного изъ большихъ кувшиновъ
Днесъ выпьемъ у меня, Меценъ!
Что самъ, на греческихъ винъ гнѣзда
Наливъ, я засмолил въ тотъ день и т. д., [сокр. мной, А. Л.]

Изъ Горация.

ВЪ СЛОГѢ ВОЗВЫШЕННОМЪ:

Идетъ ли къ трону — всѣмъ любима!
Зажглась война — непобедима!
Желаешь мира — миръ цвѣтетъ!

Херасковъ.

ИЛИ:

Ты днешь — дубовъ столетий лѣсъ
Косматымъ корнемъ вверхъ ложится;
Гремишь — и каменный утесъ
.....падетъ, крушится.

Бобровъ.

ВЪ СЛОГЪ ПРОСТОМЪ:

Простое сердца чувство
Для свѣта ничего;
Тамъ надобно искусство.
А я — не зналъ его.

Моск. Журн.

Правдоподобіе во всякомъ сочиненіи, а болѣе въ одѣ или гимнѣ нужно, потому что лира издревле посвящена на сохраненіе дѣлъ народа, или, лучше, на расширеніе славы его. Поелику же истина одна даетъ вымысламъ вѣроятіе, а вымыслы истину только украшаютъ, то и надобно, чтобъ лирическая пѣснь содержала въ себѣ некоторую правду, или былъ, а безъ того она не достигнетъ своего значенія. Правдоподобіе состоитъ въ томъ, чтобъ собраны были всѣ приличія и принадлежности къ воспеваемому предмету въ пособіе, дабы ему чрезъ нихъ казаться болѣе вѣроятнымъ. Безъ сего не возбудитъ онъ вниманія, не затвердится въ памяти у современниковъ и не перейдетъ чрезъ преданіе къ потомству. Напримѣръ: ежели лирикъ говорить, что тотъ велѣлъ волнамъ, — и волны отступили, то должно, чтобы тотъ былъ Богъ, или по крайней мѣрѣ человѣкъ, снабженный Божескою силою, дабы возмогъ творить такія чудеса; чтобы былъ Юпитеръ, когда двумя шагами претекъ вселенную; чтобы былъ Россъ, обладатель полсвета, когда полсвета очертилъ блестящій его мечъ. Безъ сей осторожности всякое подобное кичливое изреченіе предъ прямымъ знатокомъ будетъ не золото, а шумиха, могущая забавлять только дѣтей. Вотъ примеры правдоподобія:

Но естли гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ;
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ къ тебѣ преклонить
И тучи страшныя нагонить
Во срѣтенъе врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою, —
Предыдетъ ужась предъ тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Самъ Богъ ведетъ, и кто противу?
Кто ходъ Его остановить?
Какъ океанскихъ водъ разливу
На встрѣчу кто поставитъ щить?

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Колосъ Россіскій! свой смири прегордый видъ,
И Нильскихъ зданія высокихъ пирамидъ,
Престаньте болѣе считаться чудесами!
Вы смертныхъ бранными содѣланы руками:
Нерукотворная здѣсь Росская гора,
Внявъ гласу Божію изъ устъ екатерины,
Прешла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины
И пала подъ стопы Великаго Петра.

Рубанъ.

Новость, или необыкновенность чувствъ и выраженій, заключается въ томъ, что когда поэтъ неслыханными прежде на его языкѣ изреченіями, подобіями, чувствами или картинами поражаетъ и восхищаетъ слушателей, излагая мысли свои въ прямомъ или переносномъ смыслѣ, такъ чтобы онѣ по сходству съ употребительными, извѣстными картинами, или самою природою, по тѣмъ или другимъ качествамъ, не взирая на свою новостъ, тотчасъ ясны становились и плѣняли разумъ. Витійственные сѣти сія не потому нравятся знатокамъ, что онѣ остро выдуманы; но что ласкають ихъ самолюбію, когда настоящій оныхъ разумъ скорее, чѣмъ простой народъ, понимаютъ. Напримѣръ: они гордятся тѣмъ, что въ стрѣлахъ Пиндара слышать поразительные звуки арфы, сердца ихъ услаждающіе; а въ стрѣлахъ Гомера видятъ лучи Аполлона, или солнца, смертельную язву Грекамъ наносящіе, чего другіе не видятъ и не слышатъ. Вотъ примеры новыхъ чувствъ и выраженій:

Не мѣдъ ли въ чревѣ Этны ржеть
И съ сѣрою кипя клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ
И челюсти разинуть хочетъ?

ИЛИ:

Целуйтесь громы съ тишиною,
Упейся молнія росою;
Стань рядъ планетъ въ счастливый знакъ.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Я зрю пловущихъ Этнѣ победоносный строй.
Ихъ парусы—крылѣ; ихъ мачты—лѣсъ дремучій!

Петровъ.

ИЛИ:

Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце — въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяць — въ теремѣ мѣсяць,
На небѣ звезды — въ теремѣ звезды,
На небѣ заря — въ теремѣ заря
И вся красота поднебесная.

Изъ Древн. Рус. стихотвореній.

или:

Онъ жажда твоихъ всѣхъ утоленье,
Онъ чуденъ именемъ Своимъ,
Любовь и свѣтъ — Его есть сущность;
Его когда — всегда есть съ нимъ;
Его гдѣ — здѣсь и повсеместно;
Его подобіе — есть ты;
Его отсвѣтъ — въ тебѣ блистаетъ.
Гордись, мой братъ, величьемъ симъ!

Изъ Козегартена.

Олицетвореніе и оживленіе суть главнѣйшія свойства поэзіи. Она всѣ существа моральныя и духовныя, не имѣющія образа, а равно вещественныя, лишеныя видимыхъ нами чувствъ, гласа и движенія, олицетворяетъ и оживляетъ, дабы понятнее представить чрезъ то сотворяемый ею, такъ-сказать, новый волшебный, очаровательный міръ и имъ удобнее удивляя и убѣждая простой умъ, привлечь его на свою сторону. Лирической поэтъ къ возвышенію своего предмета не рѣдко пользуется таковыми вымыслами. Вотъ примеры олицетворенія и оживленія:

ОЛИЦЕТВОРЕНІЯ:

Европа утомленна въ брани,
Изъ пламени поднявъ главу,
Къ тебѣ свои простерла длани
Сквозь дымъ, куреніе и мглу.

Ломоносовъ.

или:

Москва едина, на колѣна
Упавъ, передъ тобой стоить,
Власы сѣдые простираетъ,
Тебя, богиня, ожидаетъ.

Ломоносовъ.

ОЖИВЛЕНІЯ:

Тамъ холмы и древа взываютъ
И громкимъ гласомъ возвышаютъ
До самыхъ звѣздъ ЕЛИСАВЕТЪ.

Ломоносовъ.

или:

Встаютъ верхи риейски выше:
Течетъ Двина, Днѣпръ, Волга тише,
Желая твой увидеть свѣтъ.

Ломоносовъ.

Блестящія живыя картины то есть, съ природою сходственные виды, которые мгновенно мягкихъ или чувствительныхъ людей поражаютъ воображеніе и производятъ заочно въ нихъ фантазію (мечты), или фантастическія чувства. Картины сіи въ лирической поэзіи (не говоря о эпической) должны быть кратки,

огненною кистью, или одною чертою величественно, ужасно, или пріятно начертаны. Излишнее распространіе у нихъ отнимаетъ цѣну. Здѣсь болѣе всего идутъ иперболы (или увеличиванія). Одного, или нѣсколькихъ членовъ довольно, чтобы представить страшнаго великана, остальное дополнить воображеніе. Вотъ примеры величественныхъ, ужасныхъ и пріятныхъ картинъ:

ВЕЛИЧЕСТВЕННЫХЪ:

Въ поляхъ, исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сидитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ,
И вокругъ довольства исчисляетъ,
Возлегли лактемъ на Кавказъ.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Уже изъ свѣтлыхъ вратъ сафирныхъ
Направилъ коней ты эфирныхъ,
Ржутъ, топчуть твердь, спѣшать летѣть.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Втапоры вынималъ Казарянинъ
Вонъ изъ налучья свой тугой лукъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
Хочетъ застрѣлить черна ворона —
А и тугой лукъ свой потягиваетъ;
Калену стрѣлу поправливаетъ;
И натянулъ свой тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу — семи четвертей —
И завыли рога у тута лука,
Заскрыпѣли полосы булатныя.

Изъ древн. Рус. стихотвореній.

УЖАСНЫХЪ:

Бѣжить въ свой путь съ весельемъ многимъ
По холмамъ грозный исполинъ,
Ступаетъ по вершинамъ строгимъ,
Презрѣвъ глубоко дно долинъ,
Вьетъ воздухъ вихремъ за собою;
Подъ сильною его пятою
Кремнистые бугры трещать
И слѣдомъ дерева лежать.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Тамъ кони бурными ногами
Взвиваютъ къ небу прахъ густой,
Тамъ смерть межъ готескими полками,
Бѣжить, ярясь, изъ строя въ строй,
И алчну челюсть отверзаетъ
И хладны руки простираетъ,
Ихъ гордый исторгая духъ,
Тамъ тысячи валятся вдругъ.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Червь кровоглавый точитъ умершихъ;
Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣзятся,
Змѣи въ крапивѣ шипятъ.

Карамзинъ.

ПРІЯТНЫХЪ:

Бѣлѣйшей мрамора рукою
Любовь несетъ передъ собою
Младыхъ супруговъ свѣтлый ликъ.
Сама смотря на нихъ дивится,
И полкъ всѣхъ нѣжностей тѣснится,
И къ онимъ тщательно приникъ.
Кругомъ ея умильны смѣхи
Взирающихъ плѣняютъ грудь,
Пріятности и всѣ утѣхи
Цвѣтами устилаютъ путь.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Зелену ризу по лугамъ
И по долинамъ расширяя,
Изъ устъ зефирами дыхая,
Съ веселіемъ вѣщаетъ къ намъ.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Какъ сводъ небесъ яснѣетъ синей,
По немъ звѣздъ бездна разстлана;
Древа блестящъ кудрявить иней
И свѣтитъ полная луна;
Далече выстрѣлъ раздается,
И дымъ, какъ облакъ, къ верху вьется.

Петровъ.

Отступленіе, или уклоненіе отъ главнаго предмета дѣлается съ умысломъ, чтобъ сперва болѣе возбудить вниманіе, по какой причинѣ онъ оставленъ, а потомъ, представя его съ вѣщимъ громомъ, или блескомъ, увеличить чье-либо мужество,

добродѣтель, премудрость, невинность и пр., а тѣмъ привести въ восторгъ и удивленіе слушателей. Вотъ примеры отступленія:

Позволь, — мнѣ жаръ велить сердечный,
Монархія, въ сей свѣтлый день,
Какъ въ имени твоёмъ Предвѣчный
Поставилъ намъ покоя сѣнь,
Безмолвно предвѣщая царство,
Чтобъ миромъ свергла ты коварство, —
Позволь мнѣ духа взоръ простерть
На брань и сродство милосердо,
Гдѣ кротости жилище твердо,
Жалка и сопостатовъ смерть.

О, коль мечтанія противны
Объемлютъ совокупно умъ!
Доброты вижу здѣсь предивны!
Тамъ пламень, звукъ и вопль и шумъ!
Здѣсь полдень милости и лѣто,
Щедротой общество нагрѣто;
Тамъ смертну хлябь разинулъ адъ!
Но Промыслъ мракъ сей разгоняетъ,
И волны въ мысляхъ укрощааетъ,
Отверзся въ славу Божій градъ.

Эфиръ, земля и преисподня
Зиждителя со страхомъ ждуть!
Я вижу Отрока Господня
Пріемлюща небесный судъ.
Всесильный властію Своею
Вѣщааетъ свыше къ Моисею:
— Я въ ярости ожесточу
Египту сердце вознесенно;
Израиля неодоленно
Пресвѣтлой силой ополчу. —
Сіе жъ явилъ Богъ въ наши лѣта,
Неистову воздвигнувъ рать,
Дабы тебѣ, ЕЛИСАВЕТА,
Вѣнцы побѣдъ преславныхъ дать.

Ломоносовъ.

или:

Се внемлю новой славы звуки!
Меня видѣнія влекутъ: —
Младенцы, простирая руки,
Рождаются и такъ рекутъ....

Херасковъ.

или:

Не драгоценностей алканье,
Не слава, не хвала людей
И не предметъ тобой избранный

Волнують во груди твоей;
Но тотъ, — прочь отъ очей повязка!
Запона и отъ слуха прочь!

Изъ Козегартена.

Перескокомъ называется то, что показываетъ выпускъ, или промежутокъ между понятіями, когда не видно между ими надлежащаго сопряженія. Духъ нашъ самъ по себѣ быстръ; но когда еще разгоряченъ какою страстію, то стремительнѣе бываетъ. Въ жару мысли тѣсняются, летятъ и какъ всѣхъ ихъ вдругъ высказать не можно, то нѣкоторыя изъ нихъ не договариваются, или пропускаются; а важнѣйшія токмо какъ бы выпорхиваютъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ находились въ круту нашего воображенія, оставляя прочія безъ примѣчанія, кои могли бы служить имъ связью. Отъ того-то мысли иногда кажутся оторванными, неполными; но какъ онѣ, хотя отдаленно, однако другъ за другомъ слѣдуютъ, то сіе отдаленіе и кажется промежутокъ или выпускомъ, которое читатель, имѣющій проницательный умъ и могущій слѣдовать за полетомъ пѣнтя, легко самъ своею догадкою дополнить можетъ. Сіе положеніе лирика прекрасно изображаетъ наша древняя русская прибаутка:

Онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ.
Конь его поднимается
Выше дерева стоячаго,
Ниже облака ходячаго;
Горы и доли между ногъ пускаетъ,
Быстрыя рѣки хвостомъ покрываетъ.

Но примѣтить должно, что таковыя перескоки пристойны только въ чрезвычайно важныхъ, стремительныхъ ощущеніяхъ страстей. Вотъ примеры:

Азь рекъ (*во гнѣвъ ко врагамъ моимъ Вы свидетели*), и гдѣ они?

Бытія книга.

или:

Сокровищъ полны корабли
Держають (*плыть*) въ море за тобою.

Ломоносовъ.

или:

Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ тебѣ всѣхъ трудъ (*обращены*).

Ломоносовъ.

или:

Нечестіемъ законъ погранъ,
Порокомъ долгъ и судъ изгнанъ;
Моря и острова въ неволѣ:
И Ты, о Господи, доколѣ? (*терпишь*).

Петровъ.

Оборотъ или обращеніе: Когда поэтъ средь выпренняго своего полета, будто задумавшись, опомнивается вдругъ и обращается къ чему-либо занимательнѣйшему, дабы придать тѣмъ болѣе блеска, важности и величества своему предмету. Или, неожиданно перервавъ свою матерію, начинаетъ другую, однако сходственную, или поддерживающую прежнее его содержаніе; или вызываетъ кого-нибудь себѣ въ помощь, въ свидетели и проч. Это мастерская уловка, чтобы таковымъ образомъ владѣть, или, лучше, на всемъ скаку умѣть обращать пламеннаго Пегаса. Надобно тутъ сильный, искусный ѣздокъ, или, просто сказать, необыкновенный восторгъ. Чѣмъ круче и быстрѣе будетъ оборотъ, тѣмъ болѣе заслужитъ удивленія. Но при всемъ томъ, чтобъ оборотъ былъ, какъ выше сказано, къ чему-либо важнѣйшему, или превосходнѣйшему, а иначе исчезнетъ его блескъ. По сему самому требуется въ семъ извѣтнѣ большаго дарованія. Кажется, принадлежить онъ въ особенности Ломоносову. Онъ таковыми великолѣпными оборотами наполненъ, и никто изъ нашихъ писателей съ нимъ въ таковыхъ не сравняется. Вотъ примѣры:

Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы
И отъ Меня вліянный духъ;
Въ безчисленны промчится роды
Добротъ твоихъ не ложный слухъ.
Тобой поставлю судъ правдивый,
Тобой сочту сердца кичливы,
Тобой Я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду дарить;
Господствуй, утверждена Мною,
Я буду навсегда съ тобою.

Но что страны вечерни тмятся
И дождь кровавыхъ капель льютъ?
Что Финскихъ рѣкъ струи дымятся,
И доли съ влагой пламень льютъ?
Тамъ видя выше горизонта
Входяща готеска Фаэтона
Противъ теченія небесъ,
И вокругъ себя горящій лѣсъ.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Какая бодрая дремота
Открыла мысли ясный сонъ?
Еще горить во мнѣ охота
Торжественный возвыситъ тонъ.
Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ
И купно ясный день сіяетъ!

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Но кая странна рѣчь приходитъ
Въ мой полный трубныхъ гласовъ слухъ?
Къ любезной кротости преводитъ
Въ сурову брань вперенный духъ?

Вы, яры волны, укротитесь;
Вы, бури, въ тихость превратитесь;
Внимай со страхомъ смертныхъ умъ;
Умолкни лютой брани шумъ;
Престаньте, смерть родящи звуки;
Почійте, копя, мечъ и луки!

Петровъ.

ИЛИ (когда вызываетъ):

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество изъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветь отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

О тѣнь великая, покойся!
Мы помнимъ тѣмы твоихъ заслугъ;
Безмолвна въ вечности устройся —
Твой трудъ межъ нами живъ вокругъ.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Возстань, Платонъ, и посмотри,
У насъ Минерва на престолѣ.

Петровъ.

Околичности вмѣщенія, или переходы къ какой-либо другой матеріи, сходственной качествомъ своимъ воспѣваемому предмету. Они употребляются въ такомъ случаѣ, когда изящность побочнаго содержанія, вдругъ встрѣчая, увлекаетъ поэта; или неплодовитость своего собственнаго побуждаетъ его искать въ другомъ мѣстѣ обогащенія ему. *Околичностей*, или вводовъ таковыхъ эстетики полагаютъ два рода: первый въ текстахъ священнаго писанія, или какихъ-либо премудрыхъ изреченіяхъ людей великихъ (апофегмахъ), или общихъ истинахъ (аксіомахъ); другой историческій, или басенный. Можно бы, кажется, прибавить астрономическій, или астрологическій, занимствуя оный изъ небесныхъ знаковъ, или явленій, которыми поэтъ мнѣніе свое подкрѣпляетъ. Послѣднія приличествуютъ болѣе лирику, потому что поэзія вѣще украшается вымыслами. *Околичностями* болѣе всѣхъ изобилуетъ Пиндаръ. Вотъ примѣры:

ПРЕМУДРЫХЪ ИЗРЕЧЕНІЙ:

Цвѣтутъ во славу Мною царства
И пишутъ правый судъ цари.

Ломоносовъ.

или:

Отецъ духовъ не есть Богъ мертвыхъ;
Онъ Богъ, —но Богъ есть вечной жизни.

Бобровъ.

или:

Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ:

Супружню Ольга смерть отмщая,
Казнить искусствомъ искорестъ;
И тмы невѣрства избѣгая,
Спѣшить до просвѣщенныхъ мѣсть.

Ломоносовъ.

или:

Въ своихъ увидишь въ предкахъ явны
Дѣла велики и преславны,
Что могутъ духъ природѣ дать.
Уже младаго МИХАИЛА
Была къ тому довольна сила
Упадшую Москву поднять.

Ломоносовъ.

или:

Се новый АЛЕКСАНДРЪ родился
И берегъ невскій возгордился,
Что росскія Минервы внукъ
Умножить древней славы звукъ.

Херасковъ.

БАСЕННЫЙ:

Что дымъ и пепель отрыгая,
Мрачилъ вселенну Энциладъ;
Реветь подь Этною, рыдая,
И тѣломъ наполняетъ адъ;
Зевесовымъ пронзенъ ударомъ,
Въ отчаяннѣ трясется яромъ,
Безсилень тяготу поднять.

Ломоносовъ.

или:

Тамъ Мемель, въ видѣ Фазгонта
Стремглавъ летя, Нимфѣ прослезилъ,
Въ янтарнаго заливахъ понта
Мечтанье въ правду превратилъ.

Ломоносовъ.

АСТРОНОМИЧЕСКІЙ, ИЛИ АСТРОЛОГИЧЕСКІЙ:

Я дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,
Рукою отрока держащу.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Тамъ мужъ, звѣздами испещренный,
Свой свѣтлый напрягаетъ лукъ,
Діяна стрѣлы позлащенны
Съ нимъ мечеть изъ прекрасныхъ рукъ.
Се небо показываетъ ясно,
Коль то съ добротами согласно
Рожденныя въ признакахъ сихъ:
Отъ ней геройство съ красотою
Повсюду миромъ и войною
Лучи иускаютъ дней златыхъ.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Что се! — средь дня въ эфирѣ блещеть
Сложенный изъ созвѣздій крестъ,
И очи кроя, Туркъ трепещеть.
Ты, Муза, чтуща книгу звѣздъ,
Мнѣ знаменія рцы причину. —
Тезоименный Исполину,
Максентій коимъ побѣждень,
Защитникъ вѣры, славы Россовъ,
Гроза и ужасъ чалмоносцовъ,
Великій Константинъ рождень.

Петровъ.

ИЛИ:

На темный вижу шаръ подлунный
Съ равнинъ небесныхъ горныхъ мѣсть.
Овенъ младый, золоторунный
Незапно вшелъ и всталъ средь звѣздъ.
Не кротости ль символъ въ немъ зрится?

Сомнѣнія и вопрошенія. — Когда Поэтъ, въ упоеніи своего восторга, представляетъ себѣ, будто въ чемъ сомнѣвается и, дѣлая себѣ вопросы, самъ же на нихъ отвѣчаетъ, дабы тѣмъ усугубить красоту, или силу своего предмета, или страсти. Разрѣшенія таковыхъ сомнѣній чрезвычайно поражаютъ слушателей. Вотъ примѣры:

ВОПРОШЕНІЙ:

Что такъ тѣснить боязнь мой духъ?
Хладнѣютъ жилы, сердце ноетъ.
Что бьетъ за страшный шумъ въ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ.
Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
Небесная отверзлась дверь;

Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицомъ;
Умытымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ, герой открылся.

Ломоносовъ.

или:

Но что за громы ударяютъ?
Се гласъ мой звучно повторяютъ
Земля и вѣтры и валы!

Ломоносовъ.

или:

Кто въ громъ радостные клики
И огонь отъ многихъ водъ даетъ?
И кто ведетъ въ перунахъ лики? —
Великая ЕЛИСАВЕТЪ!

Ломоносовъ.

СОМНѢНІЙ:

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны?
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны?

Ломоносовъ.

или:

Что жъ се? — Дянѣ я прекрасной
Уже послѣдую въ лѣсахъ,
Отъ коей хитростью напрасной
Укрыться хочеть звѣрь въ кустахъ!

Ломоносовъ.

Противуположности. весьма усиливають и украшаютъ предметы, когда поэтъ кратко и рѣзко умѣетъ ввести ихъ въ пристойномъ мѣстѣ. — Вотъ примѣры:

Тамъ степи, кровью напоенны,
Взрастили лавры намъ зелены.

Ломоносовъ.

или:

Въ войну кипить съ землею кровь
И суша съ моремъ негодуетъ;
Владѣетъ въ мирны дни любовь
И вся натура торжествуетъ.
Тамъ заглушаетъ мысли шумъ;
Здѣсь красить всѣ довольства умъ.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Ты внѣ гроза, ты внутрь покровъ.
Полки сражая, внѣ воюешь;
Но внутрь безъ крови торжествуешь.
Ты буря тамъ, здѣсь тишина.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Съ Бореемъ вшелъ въ союзъ Зефиръ.

Херасковъ.

ИЛИ:

Я ласкалась, ты чуждался;
Угѣшала, ты скучалъ;
Я стенала, ты смѣялся;
Я лобзала, ты терзалъ;
Я сердилась и рвалася,
Что въ обманъ тебѣ далася,
И хотѣла цѣпь прервать;
Но лишь только что смягчалась,
Пуще я въ тебя влюблялась
И гналась тебя искать.

Поповъ.

Заимословіе, или рѣчь заимобразно, такъ сказать, какому-либо существу одушевленному, или неодушевленному поэтомъ данная, должна быть въ лирическомъ твореніи весьма краткою; иначе длинный посторонній разговоръ сообщаетъ лирѣ некоторую холодность и сухость, дѣлая сочиненіе не только драматическимъ, но вялымъ, скучнымъ и непріятнымъ. Вотъ примѣръ заимословія:

Благословенна вѣчно буди,
Вѣщаетъ Вѣтхій деньми къ ней,
И всѣ твои съ тобою люди,
Что ввѣрилъ власти Я твоей.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Исполненъ я веселья нынѣ,
Что вновь дѣла мои растутъ:
Вѣщаетъ ПЕТРЪ ЕКАТЕРИНЪ;
Твои советы всѣ цвѣтуть. —
Блаженны дщерью мы своею;
Рука Господня буди съ нею.

Ломоносовъ.

Тогда Божественны науки
Черезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки
Къ сему монарху, говоря:
Мы съ крайнимъ тѣпаніемъ готовы
Подать въ російскомъ родѣ новы Чистѣйшаго ума плоды.

Ломоносовъ.

или:

Сіяющъ звѣздными очами,
Странъ Россійской говоритъ:
Ликуй!... дошли въ предѣлы вѣчны
Твои желанія сердечны,
И милующій Россювъ Богъ
Младенца далъ тебѣ въ залогъ.

Херасковъ.

*Иносказаніе*⁴, *инорѣченіе* (аллегорія), или остроумное прикрытіе прямого смысла, когда поэтъ, не хотя назвать вещь по какой-либо извѣстной ему причинѣ прямымъ ея именемъ, называетъ въ переносномъ или настоящемъ смыслѣ другою вещью и черезъ то придаетъ возвышеніе или пониженіе своему предмету; или когда, скрывая подлинное свое о немъ мнѣніе, показываетъ принадлежностью его, какъ-бы подъ рукою, истинныя его доброты, или пороки, лаская тонкимъ образомъ чьему-либо самолюбію, или издѣваясь надъ онымъ, изъ коихъ послѣдній случай называется иронією, или насмѣшкою. Вотъ примѣры важной и насмѣшливой аллегоріи:

ВАЖНОЙ:

Тамъ вдругъ облегъ драконъ ужасный
Мѣста святы, мѣста прекрасны,
И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
Весь свѣтъ чудовища страшится,
Единъ лишь смѣло устремится
Россійскій можетъ Геркулесъ.

Ломоносовъ.

или:

Парящій слышу шумъ орлицы,
Гдѣ пышный духъ твой, Фридерикъ!

Ломоносовъ.

НАСМѢШЛИВОЙ:

Орлы на тое не взирають,
Что Львовы челюсти зіяють.

Ломоносовъ.

или:

Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ:
Политика и правосудье,
Умъ, совесть и законъ святой
И логика пиры пируютъ,
На карты ставятъ вѣкъ златой,
Судьбами смертныхъ пунктируютъ,
Вселенну въ трантелево гнуть:
Какъ полюсы, меридіаны,
Науки, Музы, боги — пьяны
Всѣ скачуть, пляшутъ и поють.

Сравненія и уподобленія суть Иероглифы, или нѣмой языкъ поэзіи. Поелику она по подражательной своей способности ничто иное есть, какъ говорящая живопись: то и сравниваетъ два предмета чувственнымъ образомъ между собою, или вдругъ рѣшительно ихъ другъ другу уподобляетъ, дабы чрезъ то, не говоря много, изобразить о нихъ яснѣе свои понятія, или, лучше сказать, чтобы неизвестный или невидимый предмета представить чрезъ видимый вѣявъ, или на лицо; и тому изъ нихъ, которому Поэтъ желаетъ придать болѣе совершенствъ, занявъ ихъ отъ другаго. Въ сихъ украшеніяхъ нужно: въ первомъ быстрый и пронизательный умъ, чтобы скоро умѣть схватить и вѣрно сличить разность и сходство; а въ другомъ живое, сильное воображеніе чтобы спечаткомъ, иди спискомъ замѣнить подлинникъ. Таковыя сравненія и уподобленія чрезвычайно оживляютъ и украшаютъ лиру. Вотъ примѣры:

СРАВНЕНІЙ:

Какъ лютой мразь весна прогнавши
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ,
Вселенну паки воскрешаетъ,
Натуру намъ возобновляетъ,
Поля цвѣтами красить вновь:
Такъ нынѣ милость и любовь,
И светлый дщери взоръ ПЕТРОВОЙ
Насъ жизнью оживляетъ новой.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Да возрастетъ ея держава,
Богатство, счастье и полки,
И купно дѣлъ геройскихъ слава,
Какъ токъ великія рѣки
Чѣмъ далѣ бѣгъ свой простираетъ,
Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаетъ,
И множество градовъ поить,
Разлившись на поля восходитъ,
Обильный тукъ на нихъ наводитъ
И жатвы щедро богатить.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Прекрасно солнце на восходѣ
Приносить нову жизнь природѣ:
Аврора тако вашихъ дней,
Любовь и качества душевны
Сулятъ намъ радости подневны
И вѣкъ златой Россіи всей.

Херасковъ.

ИЛИ:

Увивается тутъ родная матушка:
Она плачетъ такъ, какъ рѣка лется;

А родна сестра плачетъ, какъ ручей течеть;
Молода жена плачетъ, какъ роса падеть;
Красно солнышко взойдетъ, росу высушить.

Изъ русской пѣсни.

УПОДОБЛЕНІЙ:

Въ луга усыпаны цвѣтами
Царица трудолюбныхъ пчель,
Блестящими шумя крылами,
Летать между прохладныхъ сель;
Стекается, оставивъ розы
И сотомъ напоенны лозы,
Со тшаніемъ отвсюду рой,
Свою царицу окружаетъ!
И тѣсно вслѣдъ ея летаетъ
Усердіемъ вперенный строй.
Подобнымъ жаромъ воспаленный
Стекался здѣсь Россійскій родъ
И радостию восхищенный,
Теснясь, взиралъ на твой приходъ.

Ломоносовъ.

или:

Подобно граду онъ густому
Летяще воинство тѣснилъ,
Искалъ со стороны пролому
И рвался въ сердце нашихъ силъ.

Ломоносовъ.

или:

Едемскому подобна саду,
Россія въ наши дни цвѣтеть:
Всеобщую сердець отраду
Мой стихъ усердно воспеть.

Херасковъ.

Усугубленія или *усилія* могутъ быть употреблены съ успѣхомъ, когда поэтъ, желая съ одной стороны распространиться, а съ другой, опасаясь быть растянутымъ, едінообразнымъ, или, такъ сказать, одноцвѣтнымъ, а по тому самому и скучнымъ, напрягаетъ, или усиливаетъ предыдущія свои мысли и чувства повтореніемъ какого-либо одного слова, усугубляя тѣмъ быстроту своего паренія и дая себѣ тѣмъ способъ къ перемѣнѣ и къ накопленію другими картинами и чувствами своего содержанія, главный предметъ его обогащающими. Вотъ примѣры:

Здѣсь Нимфы невоской Ипокрены,
Видѣнія ея лишены,
Сердцами пойдутъ вслѣдъ за ней.
Сердцами пойдутъ и устами
Въ восторгъ сладкомъ возгласять.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Ея и бодрость и восходъ
Златой наукамъ вѣкъ доставить
И отъ прирѣнія избавить
Возлюбленный *Россійскій родъ*.

Россійскій родъ! коль ты ужасень
Въ поляхъ противъ своихъ враговъ,
Толь домъ твой въ нѣдрахъ безопасень.
Ты внѣ гроза, ты внутрь покровъ.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Глаголь времянь! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветь меня, *зоветь* твой стонъ,
Зоветь — и къ гробу приближаетъ....

ИЛИ:

А тамъ — израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій;...
А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ;...
А тамъ — на лестничнѣй восходъ
Прибрель на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти;
Онъ хочеть руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.
А тамъ....

Нравоученіе. По той ли причинѣ, что поэзія языкъ боговъ, голосъ истины, проліявшей свѣтъ на человѣковъ, что всѣ почти древніе вожди и законодатели, какъ-то: Божественный Моисей, языческіе Орфей, Бахусъ, Озиридъ, Зороастръ, Брамго, Солонъ, Одень, наконецъ Магометъ и многіе другіе были поэты и законы свои изрекали стихами, или по чему другому; но только извѣстно, что во всѣхъ народахъ и во всѣхъ вѣкахъ принято было за правило, которое и понынѣ между прямо просвѣщенными мужами сохраняется, что совѣтують они въ словесности всякаго рода проповѣдывать благочестіе, или науки нравовъ. Особливо находятъ болѣе къ тому способно лирическую поэзію, въ разсужденіи ея краткости и союза съ музыкаю, чѣмъ удобнее она затверживается въ памяти и, забавляя, такъ - сказать, просвѣщаетъ царства. Китайцы и некоторые другіе народы начинаютъ тѣмъ воспитаніе дѣтей, что заставляютъ ихъ затверживать наизусть стихотворные отрывки, или краткія наставительныя пѣсни. Индѣйцы браминской секты до того довели сіе употребленіе, что знатнаго поколѣнія беременнымъ женщинамъ напѣваютъ набожныя, или нравоучительныя стихи, уверяя, что яко бы души младенцевъ, въ утробѣ еще сущихъ, напоятся благочестіемъ посредствомъ душъ материнскихъ. Подлинно ли это такъ, не утверждаю; но вижу и въ сколіяхъ (о коихъ ниже объяснится) древнихъ Грековъ, что и при самыхъ ихъ забавахъ и веселыхъ

пиршествѣхъ наставленія изъ виду выпускаемы не были. Первобытныя славныя лирики, до насъ дошедшіе, то свидѣтельствуютъ. Дикіе даже, бедность и угнетеніе терпѣвшіе скальды, не смотря на лица сильныхъ, пѣли ихъ народамъ и обладателямъ разительныя, но полезныя истины. Ихъ иногда гнали, потому ли, что правды міръ не терпитъ, или непріятенъ пророкъ въ отечествѣ?—Эдуардъ I, король англійскій, даже истреблялъ ихъ. Но, напротивъ того, добрые государи, отцы отечества, любившіе доблесть и благочестіе, ихъ при себѣ содержали, уважали ихъ пѣсни, хвалились ими. Пѣснопѣвцы вездѣ при нихъ бывали, даже въ походахъ и въ самыхъ сраженіяхъ. Они ободряли ихъ самихъ и воинство къ мужественнымъ подвигамъ и къ презрѣнію смерти. Словомъ, древній вдохновенный сѣверный скальдъ былъ изступленникъ въры, законовъ, вольности, славы, чести, любви къ отечеству и верности своему государю. Держа въ рукахъ лиру и воспѣвая пѣсни, метался онъ между ужасами и опасностями, какъ полоумный, проповѣдывая добродѣтель. Полуденный Бардъ былъ тоже. Псалтирь наполнена благочестіемъ. Самый первый псалмъ не что иное, какъ нравоученіе. Пророкъ вдохновенный (vates), или древній лирикъ былъ одно и то же. Онъ былъ герольдъ Неба, органъ истины. Величіе, блескъ и слава сего міра проходятъ; но правда, гремящая во псалмопѣнїяхъ славословіе Всевышнему пребываетъ и пребудетъ вовеки! Посему-то, думаю я, болѣе, а не по чему другому, дошли до насъ оды Пиндара и Горация, что въ первомъ блещутъ искры богопочтенія и наставленія царямъ, а во второмъ, при сладости жизни, правила любомудрія. Въ разсужденіи чего нравоученіе, кратко, кстати и хорошо сказанное, не только не портитъ высокіхъ лирическихъ пѣсней, но даже ихъ и украшаетъ. Вотъ примѣры:

ИЗЪ ПИНДАРА:

Такъ милостью боговъ единыхъ
И въ добродѣтеляхъ своихъ
Всѣ процвѣтаютъ человѣки!
Блаженства лишь они дождятъ:
Черезъ нихъ премудрыя — премудрость;
Красноречивы — сладость устъ;
Могущіе — ихъ силу стяжутъ
И всѣ дары текутъ отъ нихъ, и т. д., [сокр. мной, А. Л.]

ИЗЪ ГОРАЦІЯ:

Кто хочетъ только, что лишь нужно,
Тотъ не заботится никакъ,
Что море взволновалось бурно,
Что огненный вращая зракъ,
Медвѣдица нисходитъ въ бездны.

ИЗЪ ЛОМОНОСОВА:

Услышьте, судіи земные
И всѣ державныя главы:
Законы нарушать святыя
Отъ буйности блюдитесь вы
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

ИЛИ:

О, коль монархъ благополучень,
Кто знаетъ Россами владеть:
Онъ будетъ въ свѣтъ славою звученъ
И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть.

ИЗЪ ХЕРАСКОВА:

О смертные! не истребляйте
Своей надежды на Творца;
И гордостью не отравляйте
Во благоденствіи сердца.
Хотя земные суть владыки
Предъ смертными у насъ велики,
Но Богъ и надъ царями Царь.
Какъ хочеть, всѣми управляетъ,
Престолы рушить, возставляетъ,
Однимъ всю движеть перстомъ тварь.

ИЗЪ ПЕТРОВА:

Ты обществу своимъ примѣромъ показалъ,
Что истинный герой безъ зависти родится
И качествомъ своимъ во другъ веселится.

Сладкогласіе или сладкозвучіе. Любителямъ изящныхъ художествъ извѣстно, что поэзія и музыка есть разговоръ сердца; что ищутъ онѣ побѣды единственно надъ сердцами такимъ образомъ, когда нѣжныя струны ихъ созвучностію своею въ нихъ отзываются. Греки, достигая до сего, такъ обработали и одобротали свой языкъ, что при слышаніи гимновъ, препровождаемыхъ лирою, почитали ухо свое душою и дополняли имъ недоста-токъ ихъ разума. У сѣверныхъ скальдовъ столь утонченъ былъ слухъ, что признавался отливомъ картинъ живущаго свѣта, до чего ни древніе, ни нынѣшніе полуденные народы не достигли. Я подъ симъ понимаю, что они были совершенные мастера звукоподражательного стихотворенія. Знатокъ въ томъ и другомъ искусствѣ тотчасъ примѣтитъ, согласна ли поэзія съ музыкою въ своихъ понятіяхъ, въ своихъ чувствахъ, въ своихъ картинахъ и, наконецъ, въ подражаніи природѣ. Напримѣръ: свиститъ ли выговоръ стиха и тонъ музыки при изображеніи свистящаго или шипящаго змія, подобно ему; грохочетъ ли громъ, журчитъ ли источникъ, бушуетъ ли лѣсъ, смѣется ли роща — при описаніи раздающагося гула перваго, тихобормочущаго теченія втораго, мрачноунылаго завыванія третьяго и веселыхъ отголосковъ четвертой; словомъ: одѣта ли каждая мысль, каждое чувство, каждое слово имъ приличнымъ тономъ; поражается ли ими сердце; узнается ли въ нихъ дѣйствіе или образъ естества. Въ разсужденіи чего, сколь нужно поэту пешися о чистомъ и гладкотекущемъ слогѣ, чтобъ онъ легкокъ былъ къ выговору, удобенъ къ положенію на музыку и къ изображенію всѣхъ вышписанныхъ прелестей. Малая шероховатость, малая темнота досаждаютъ вниманію и разсѣваютъ мысли. Знаю я, сколь трудно до сего достигнуть, чтобъ соединить плавность Хераскова съ силою стиховъ Петрова. Но до чего не доможеться истинный даръ и неутомимое прилежаніе — Вотъ примѣры сладкогласія и звукоподражанія (onomatopoe).

СЛАДКОГЛАСІЯ:

Поля, лѣса густые,
Спокойствія удѣлъ,
Гдѣ дни мои златые,
Гдѣ я Лизету пѣлъ!⁵

Капнисть.

ЗВУКОПОДРАЖАНІЯ:

И устремляясь громъ на громъ.

Ломоносовъ.

ИЛИ:

Со бомбой бомба, съ громомъ громъ,
Ядро жужжа шибается съ ядромъ.

Петровъ.

ИЛИ:

Стуча съ крыльца ступень съ ступени
И скатится въ древесны тѣни.

Вкусъ есть судія и указатель приличія, любитель изящности, провозглашатель въ разсужденіи чувствъ красоты, а въ разсужденіи разума, истины. О немъ, какъ о счастіи (фортунѣ), какъ о сострастіи (симпатіи), какъ о высшемъ умѣ (геніи), говорить много можно, а опредѣлить его съ ясностію, для всѣхъ понятною, едва ли кто возьмется. Но безъ его печати, какъ безъ клейма досмотрщика, никакія искусственныя произведенія безсмертія не достигаютъ. Онъ ничего не терпитъ несвойственнаго природѣ: отъ развратнаго бѣжитъ, отъ гнуснаго отвращается, но бываетъ иногда такимъ волшебникомъ, который страннымъ и дикимъ существамъ придаетъ неизяснимую прелесть и ведетъ великана паутиною въ свой плѣнь. Иногда у современниковъ въ туманѣ, но въ потомствѣ, просвѣтляясь, заслуживаетъ статуи и алтари. Гомеръ и Мильтонъ сіе доказываютъ. Безъ него ни громогласная арфа, ни тихозвенящая свирель власти надъ сердца́ми не сыщутъ. Онъ знаетъ всему мѣру, гдѣ тонъ возвысить, гдѣ понизить, гдѣ остановиться и гдѣ продолжать. На всѣсахъ его лежитъ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ, до человека касающихся, времени, обычаевъ, религіи и проч. Онъ умѣетъ распределять тѣни красокъ, звуковъ, понятій и изъ разногласія творить согласіе. Онъ, какъ говорятъ нѣкоторые эстетика, есть сосредоточенный свѣтъ и жаръ, то есть умъ и чувство, между холодною геометріею и пылкою музыкою. Я оставляю сію высокую метафизику ихъ учености, но говорю просто, что безъ вдохновенія на струнахъ лиры нѣтъ жизни, а безъ вкуса — пріятности. Словомъ, какъ въ области прочихъ искусствъ, такъ и въ лирическомъ стихотворствѣ, по приличію единственно обстоятельствъ, предметовъ и свойствъ ихъ, когда они естественно, ясно и сладкозвучно выражены, вкусъ познаваемъ быть можетъ. Приведемъ въ примѣры на нашемъ языкѣ нѣчто въ великолѣпномъ и нѣчто въ простомъ слогѣ, а потомъ въ переводѣ изъ Греческой Антологіи, Анакреона, Горація, какъ образцовъ изящнаго вкуса, подражательно и у насъ написанное:

ВЪ ВЕЛИКОЛѢПНОМЪ:

Щедротъ источникъ, ангель мира,
Богиня радостныхъ сердецъ,
На кой какъ заря порфира,
Какъ солнце тихихъ дней вѣнецъ:

О, мыслей нашихъ рай прекрасный,
Небесъ безмрачныхъ образъ ясный,
Гдѣ видимъ кроткую весну,
Въ лицѣ! въ устахъ, въ очахъ и нравѣ!
Возможно ль при твоей державѣ
Въ Европѣ страшну зрѣть войну?

Ломоносовъ.

ВЪ ПРОСТОМЪ:

Ахъ! когда бъ я предузнала
Страсти бѣдственны плоды,
Я бъ съ восторгомъ не встрѣчала
Полуночныя звезды:
Не шла бъ отъ всѣхъ украдкой
Золотого я кольца;
Не была бъ въ надеждѣ сладкой
Видеть милаго льстеца.
Къ отвращенію удара
Въ горестной моей судьбѣ,
Я слила бъ изъ воска яра
Легки крылышки себѣ
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нѣжно, нѣжно бы взглянула
Хоть однажды на него!
А потомъ бы улетала
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы сѣла
Среди площади какой;
Возрыдала бъ, возопила:
Добры люди! какъ мнѣ быть?
Я невѣрнаго любила:
Научите — не любить.

Московск. Журналъ.

ИЛИ:

Какъ притти къ ней смѣть Скука? —
На часахъ у ней Любовь.

Н. Львовъ.

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ
ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ:

Лиза голову чесала
Скромно гребнемъ золотымъ;
Взявши волосъ, привязала
Къ красотамя меня своимъ и т. д., [сокр. мной, А. Л.]

ИЗЪ АНАКРЕОНА:

Опутавъ Лея Музы
Въ цвѣточномъ тенетѣ,

Стеречь, повергши въ узы,
Вручили красотѣ и т. д., [сокр. мной, А. Л.]

ИЗЪ ГОРАЦІЯ:

О ты, Бландузскій ключъ кипящій,
Въ блистанъ спорящій съ стекломъ,
Струи цѣлебныя точащій,
Достойный смѣшанъ быть съ виномъ!
Ты будешь славенъ, ключъ счастливый,
Въ числѣ естественныхъ чудесъ,
Какъ воспою тѣнисты ивы,
Обросши тотъ пустой утесъ,
Отколь твои струи прозрачны,
Склоняя серебряной дугой,
Отважно скачутъ въ доли злачны
И говорятъ между собой.

Бобровъ.

Наконецъ любители словесности не будутъ ли довольными, относительно вкуса, некоторыми изъ моихъ одъ, въ духѣ сихъ лириковъ написанными, какъ-то: въ I ч. на стр. 199 *Къ Сосѣду*, въ III ч. на стр. 11 *Хариты*, и проч.

За симъ, когда показалъ и объяснилъ я принадлежности лирической поэзіи, не подумалъ бы кто, что я советую ихъ всѣ вдругъ помещать во всякомъ гимнѣ или одѣ. Нѣтъ, это бы было то же, что, вместо посева, бросать кучею семена на одномъ мѣстѣ, какъ сказала Коринна Пиндару. Но что надобно ихъ при случай и пристойно употреблять, то необходимо. Они отнимаютъ сухость и одноцветность; дѣлаютъ предметъ разнообразнымъ, обильнымъ, ;сильнымъ; въ нихъ познается богатство мыслей и превосходство таланта; они составляютъ изящество и существо прямой оды, ежели истекаютъ только отъ истиннаго вдохновенія. Напротивъ, безъ вышняго сего дара не красотами они бываютъ, а раскрашенными, неоживленными призраками. Всякій наборъ пустыхъ, гремучихъ словъ, скропанный по школьнымъ однимъ правиламъ, или нанизанность надутыхъ неодушевленныхъ подобій, всякій, говорю, длинный разговоръ, холодное поученіе, газетныя подробности, неточная оболочка реченіями мыслей, принужденное, безстрастное восклицаніе, нагроможденная высота, или тяжело ползущее пареніе, никому непонятное глубокомысліе, или лучше сказать, безсмыслица и слухъ раздражающая музыка, стыдятъ и унижаютъ лиру. Звуки ея тогда какъ стрелы тупыя отъ стѣнъ отскакиваютъ и какъ стукъ въ свинцовый тимпанъ до сердца не доходятъ. Поистиннѣ, вдохновеніе есть одинъ источникъ всѣхъ вышесказанныхъ лирическихъ принадлежностей, душа всѣхъ ея красотъ и достоинствъ: все, все и самое сладкогласіе отъ него происходитъ, — даже вкусъ, хотя даетъ ему дружескіе свои совѣты и онъ отъ него принимаетъ ихъ, но не прежде, какъ тогда уже, когда успокоится; а во время пылакаго его паренія едва только издали смѣетъ приближаться къ нему и надзирать за нимъ. Если поэтъ за первымъ безъ всякаго разсужденія быстро послѣдуетъ, а за вторымъ не торопясь, съ благоразуміемъ, и за справою уже сего послѣдняго, а не прежде, выдаетъ въ свѣтъ свои сочиненія: то безъ всякаго сомнѣнія рано или поздно получаетъ плески; чувствуй, и будутъ чувствовать; проливай слезы, и будутъ плакать. Отъ восклицанія токмо сердца раздаются громы. Вдохновеніе, вдохновеніе, повторю, а не что иное, наполняетъ душу лирика огнемъ небеснымъ. Оно напрягаетъ всѣ ея силы, окрыляетъ, возноситъ и исторгаетъ, такъ-сказать, ея бытіе изъ пелень плоти

или изъ всѣхъ земныхъ предѣловъ, дабы лучше выразить и изъяснить изступленное ея положеніе. Отъ вдохновенія происходятъ бурные порывы, пламенные восторги, высокія Божественныя мысли, выпрєнныя паренія, многосодержащія изреченія, таинственныя предвѣщанія, живыя лицеподобія, отважные переносы и прочія риторскія украшенія, о коихъ было уже говорено. Отъ него, или приличнее здѣсь сказать, отъ Духа Божія, подъ струнами вѣщественнаго іудейскаго лирика и царя скакали холмы, двигалась земля, преклонялось небо предъ лицомъ Вседержителя; солнце престоломъ, а луна подножіемъ ногъ Его становились. Отъ него, смѣю сказать, но лишь по подражанію токмо святымъ пророкамъ, Орфей водилъ лѣса и рѣки за собою; Гомеръ, помаваніемъ Юпитеровой главы, колебалъ вселенную. Не зная истиннаго Бога, языческіе поэты не могли воспарять до такой высоты, чтобы славословить Невидимаго, Непостижимаго; ибо ихъ понятія болѣе были тѣлесныя, нежели духовныя, и разделялись на многія божества. Но о семъ буду говорить ниже, а теперь довольно о гимнахъ и Одахъ, которыхъ множество примѣровъ можно видѣть въ псалтирѣ. Изъ языческихъ всѣхъ ближе подходитъ къ нимъ, по очищеннымъ мыслямъ отъ идолопоклонства и по высокому своему содержанію, гимнъ греческаго стоическаго Философа *Клеанта* напечатанный въ моихъ Сочиненіяхъ. Въ христіанской Церкви, не говоря о новыхъ, славнѣйшіе въ древности гимны суть: *Тебе Бога хвалимъ въ Свѣте тихій Святыя славы*. Впрочемъ, для примѣра помѣщаю здѣсь одинъ переведенный гимнъ изъ Гомера и приступаю къ объясненію другихъ низшихъ степеней древнихъ лирическихъ гѣсней.

ГОМЕРОВЪ ГИМНЪ МИНЕРВѢ.

Пою великую, безсмертную Аѳину,
 Голубоокую, божественную дѣву,
 Богиню мудрости, богиню грозныхъ силъ,
 Необоримую защитницу градовъ,
 Эгидоносную, всемогущу Тритогену,
 Которую родилъ самъ Дій многосовѣтнѣй,
 Покрытую златой, сіяющей броней.
 Оцѣпетнѣе объяло всѣхъ боговъ,
 Когда изъ Зевсовой главы она священной
 Исторглась, копіемъ великимъ потрясая:
 Во основаніяхъ вострепета Олимпъ
 Подъ крепостью ея; земля изъ нѣдръ своихъ
 Стонъ тяжкій издала, весь понтъ поколебался,
 Смятенъ до черныхъ безднъ, на брегъ побѣгли воды.
 Гиперіоновъ сынъ средъ дня остановилъ
 Бѣгъ пышущихъ коней, доколь съ раменъ своихъ
 Оружье совлекла божественная дѣва.
 Возрадовался Дій рожденіемъ Аѳины.
 О Громовержцева эгидоносна дщерь!
 Приветствую тебя. Услышь ты голосъ мой
 И впредь ко мнѣ склоняй твой слухъ благопріятнѣй,
 Когда я воспую тебѣ хвалебны гѣсни.

Переводъ Гнѣдича.

Пеанъ заимствовалъ содержаніе свое наипаче отъ Мифологіи, и особливо относился къ похваламъ, молитвамъ и побѣднымъ гѣснямъ Аполлона. Были они воспѣваемы въ честь и другихъ боговъ, а равно и человѣковъ; но всѣ пропали.

Полагають, что болѣе сочинялъ ихъ Пиндаръ. Они суть пѣсни, выражающія кроткія чувства, вліянные единственно религіею. Въ нихъ нѣтъ ни высокихъ замысловъ, ни паренія, ни извитій, ни глубокомыслія, происходящаго отъ разсудка. Они просты. Предметы ихъ одни благодѣтельные вліянія вѣры, истѣкающія отъ души чистой, спокойной, исполненной благочестія. Достоинство ихъ: усердіе, ясность и плавность. Впрочемъ, могутъ пеаны быть и другаго содержанія, въ которыхъ любовь къ отечеству, воинскіе подвиги и всякія гражданскія добродетели воспѣваются и ободряются. Для примѣра отъ древности намъ пеановъ не осталось; но одинъ похожій на нихъ, помѣщенный у Гагедорна между сколіями, прилагаю:

О ты, что у рѣки Тритона
Узрѣвшая впервые свѣтъ,
Аѳинъ владычица, Паллада!
Храни сей градъ, гражданъ его
Отъ бѣдъ, крамоль и ранней смерти,
И ты, отецъ сея богини!

Коль днесъ победой увенчанный
Хочу тебя, о мать! воспѣть
Плутона и Цереру пѣснюю.
Благословенна будь и ты,
О дщерь великаго Зевеса,
Богиня мрака, Прозерпина!
И объ сей блюдите градъ.

Въ Делосѣ нѣкогда Латона
Двухъ чадъ произвела на свѣтъ:
Еленегонную Діану
И златовласа, свѣтла Ѡива.

О ты, Аркады покровитель,
Хорегъ! и самъ плясавецъ, богъ
Хохочущихъ, гонецъ бѣгущихъ
Вслѣдъ Нимфъ и обрѣтатель ихъ
Въ сокрытіи отъ тебя, — являйся,
О Панъ! средь нашихъ здѣсь ты пѣсней
И бодръ всегда будь, свѣтлъ лицомъ.

Враговъ своихъ мы побѣдили,
И по желанью торжество
Намъ нынѣ даровали боги.
Такъ, такъ, Аѳины, боги вамъ
Отечество днесъ Пандрозы
Приобрѣли въ безцѣнный даръ.

Диѳирамбъ, пѣснь, посвященная Бахусу. Она есть высокое пареніе искусства, происшедшаго въ Греціи отъ празднествъ, въ честь Бахусу учрежденныхъ, подавшихъ поводъ къ сочиненію оныхъ. Диѳирамбъ занимаетъ мѣсто между одою и гимномъ. Диѳирамбъ содержитъ въ себѣ пламенные чувства, въ которыя входитъ поэтъ упоеніемъ вина или удивленіемъ первоначальному насадителю винограда. Въ диѳирамбахъ господствуетъ во всемъ пространствѣ лирической безпорядокъ,

смѣляя картины, новость изречений. Чтобъ сочинять диѳирамбы, надобно имѣть чрезмерно живое чувство, необузданное воображеніе, или родъ изступленія, для того что выраженія его должны возбуждать къ неистовымъ движеніямъ и круговымъ пляскамъ. Въ диѳирамбѣ позволяется, для живѣйшаго представленія предметовъ, присовокуплять нѣсколько словъ къ одному какому-либо часто хоромъ повторяемому слову, дабы чрезъ то сила чувствъ отчасу болѣе возрастала и продолжалась до того, пока шумомъ вниманіе не оглушится и не воспламенится воображеніе. Наипаче свойство диѳирамба состоитъ въ томъ, чтобъ картины, которыя, кажется, никакого сношенія между собою не имѣютъ, толпами тѣснились, но не следовали другъ за другомъ. Чтобъ Сочинитель, дѣлая непрестанно скачки, хотя бы и зналъ связь своихъ мыслей, но никакъ бы того не обнаруживалъ. Будучи разрѣшенъ отъ всѣхъ правилъ искусства, употреблялъ бы разныя мѣры и роды стиховъ, но только бы удобныя для музыки. Имѣя средствомъ всю свободу, обладая истиннымъ пѣитическимъ духомъ и богатствомъ мыслей, умѣлъ бы все сіе такъ скрывать, чтобъ подражатели его, не имѣя подобнаго огня и такового, какъ онъ, буйнаго восторга, думая быть глубокомысленными и таинственными, высокопарною надутостію своею показывали бы только на обыкновенныхъ чувствахъ обыкновенныя краски. Вотъ въ чемъ изящество диѳирамбовъ. И для того мелкіе въ Греціи писатели, желая въ семь родѣ отличиться, начинали ихъ пышными картинами, заимствованными отъ небесныхъ знаковъ и воздушныхъ явленій: но славнымъ комикомъ Аристофаномъ были осмѣяны. Онъ въ одной изъ своихъ комедій представилъ человека, шедшаго съ небесъ; его спрашиваютъ, что тамъ видѣлъ — Отвѣтствуетъ: Сочинителей диѳирамбовъ, которые бѣгають межъ облаковъ и вѣтровъ, хватая туманы и пары, дабы сдѣлать изъ нихъ великолѣбныя вступленія; а на другомъ мѣстѣ сравнивалъ онъ ихъ съ воздушными пузырями, едва до земли доткнувшимися и исчезающими. Отсюда-то у поэтовъ принято было въ общее обыкновеніе, что хотѣвшій воспѣвать Аполлона приводилъ себя въ спокойное положеніе; но онъ же самый, приступая къ славословію Бахуса, воззярляся, обращаясь во всѣ стороны; когда же и тѣмъ воображеніе его не одушевлялось, то возбуждалъ его чрезмѣрнымъ употребленіемъ вина. Воспламенный моліей напитокомъ, выступаютъ я на ристалище, говорилъ Архилохъ. — Не знаю я диѳирамбовъ, сочиненныхъ нашими знаменитыми лириками; но въ нѣкоторыхъ народныхъ, такъ называемыхъ цыганскихъ пѣсняхъ, гдѣ припеваётся: *жги, говори!* вижу имъ подобіе. Эстетики находятъ двѣ сходственныя съ диѳирамбами оды у Горація въ книгѣ второй XIX, въ третьей XXV, изъ коихъ первую въ переводѣ прилагаю:

Вакха вдали, вѣрнѣ потомство, я видѣлъ:
 Межъ дикихъ онъ скалъ сѣдящій, пѣть училъ пѣсни
 Нимфъ, ставшихъ вокругъ, внимавшихъ его, и вверхъ
 Завостренныхъ ушьями козлоногихъ Сатировъ, [сокр. мной, А. Л.]

Сколія. Греки, не упоминая здѣсь о ихъ Эподахъ, Пріомахъ, Номахъ, Просодіяхъ, Пеанахъ, Диѳирамбахъ, Партеніяхъ, Гимноденіяхъ, Эндиминіяхъ, Гипорхемахъ, Ортическихъ и другихъ пѣсняхъ, имѣли многія на разные случаи⁶; но пѣвали болѣе и чаще всѣхъ въ дружескихъ своихъ пиришестввахъ за столомъ, а нѣкоторыя, говорятъ, и въ мистеріяхъ съ разными обрядами, избрѣтенныя Терпандромъ при карнейскихъ праздникахъ во время XXXVI Олимпіады, введенныя же въ Аѳины Аѳинеемъ, такъ названныя Аристотелемъ *сколіи* или застольныя пѣсни. Сіи сколіи разделялись на міѳологическія, историческія и на общественныя, изъ коихъ міѳологическія были почти то же, что пеаны, да и самыя пеаны пѣвались за столомъ между прочими сколіями. Обычай былъ у Грековъ,

возсѣдши за трапезу, прежде всего единогласно возглашать похвалы богамъ. Потомъ пѣли на разные случаи съ разными обрядами, по приличію содержанія, сказанныя сколіи, — иные съ миртовыми, иные съ лавровыми ветвями, а иные съ кубкомъ вина, держа ихъ въ рукахъ и передавая изъ рукъ въ руки по сосѣдству, или наискось другъ другу, поочередно. Когда же усовершенствовалась музыка и начали въ бесѣдахъ употреблять арфу, то неискусные въ пѣснопѣніи, по пришедшей къ нимъ очереди, должны были просить пѣть за себя славныхъ пѣвцовъ, давая имъ за то подарки. И такъ было у Грековъ въ разсужденіи пѣнія застольныхъ пѣсень три обряда: первый, пѣть единогласно богамъ; второй, по очереди съ ветвями; третій, чрезъ пѣвца съ препровожденіемъ арфы. Сей послѣдній, будучи хорошо превосходнымъ пѣвцомъ исполняемъ, сильно трогалъ души пирующихъ, когда прославлялись добродетели и подвиги народа, предковъ и ихъ самихъ. Но было также у Грековъ безчисленное множество народныхъ, или площадныхъ пѣсень. У всякаго состоянія людей свои, какъ-то: у воиновъ, пастуховъ, земледѣльцевъ, молотильщиковъ, мельниковъ, водоносцовъ и прочихъ разнаго состоянія жителей; а равно и на всякіе случаи: свадебныя, погребательныя, забавныя, издѣвочныя и другія. Для примѣра несколько древнихъ сколій здѣсь прилагаю. Отъ нихъ, мнѣ кажется, произошли застольныя и масонскія пѣсни.

НА БОГАТСТВО:

Ты, богатство, смертныхъ горе!
Ни земля твоихъ, ни море
Троновъ не должны сносить.
Удалися въ мрачны бездны!
Адскія тебя железны
Двери должны заключить.

НА ДРУЖБУ:

Схватывай змію рукою —
Храбрымъ страха нѣтъ сердцамъ.
Съ хитростью коварство злою
Чуждо истиннымъ друзьямъ.

ИЛИ:

Прошу тебя, стрегись, мой другъ:
Подъ каждымъ мшистымъ камнемъ тайно
Здѣсь ползаютъ зміи вокругъ,
И часто, гдѣ необычайно
Бываетъ тихо и темно,
Тамъ кроется лишь зло одно.

ИЛИ:

Когда бъ намъ можно умудряться
И знать, кто подлинно каковъ,
Въ грудяхъ душами раскрываться,
Читать сердца на мѣсто словъ;
То безъ ошибки бъ избирали
Мы истинныхъ себѣ друзей.

О здравіе! изящный даръ,
 Ты мило смертнымъ и желанно.
 Правдиво предсѣдишь ты всѣмъ,
 И красота съ тобой пусть сядетъ;
 Но третье мѣсто я даю
 Богатству, честностью стяжанну;
 Четвертое жъ — кому отдать?
 Известно, — дамъ его я счастью:
 Быть младу у младой подруги.

ГАРМОДИОНУ:

Ты долженъ миртъ вѣтвями
 Украшенъ быть, мой мечъ,
 Какъ и Гармодіона,
 И Аристоклена былъ,
 Что имъ тиранъ низверженъ
 И равенство законовъ
 Отечеству дано.
 Нѣтъ! ты еще никакъ не умеръ,
 Дражайшій нашъ Гармодіонъ;
 Но живъ на островахъ блаженныхъ,
 Гдѣ быстроногіи Ахиллесъ
 И сынъ прехрабрый гдѣ Ѡетиды
 Ликуетъ свѣтло Діомидъ, —
 И ты, какъ говорятъ, днесъ тамъ.

Вотъ четыре главныя, въ глубокой древности бывшія и намъ извѣстныя лирическія произведенія, которыя съ приличностію уподобить можно: первую, Оду, или Гимнъ — быстротой рѣкъ, все съ собою увлекающей, выходящей иногда изъ береговъ своихъ, иногда между лѣсовъ и горъ чрезъ пороги съ шумомъ скачущей и разными кривизнами стремящейся, иногда прямымъ направленіемъ тихо между полей и рошъ по долинамъ и лугамъ ліющей, иногда принимающей въ себя побочные источники, иногда уединенно, глубоко одною стезею текущей, по которой плаватель видитъ мгновенно предъ собою мелькающее разные виды, то въ ужасъ, то въ уныніе, то въ радость, то въ восторгъ его приводящія. Второй, Пеанъ — тихопрозрачному потоку, сквозь который чистыя воды и въ самой глубинѣ самомажйшіе цветные камни и песокъ видны. Третій, Диѳирамбъ — ужасному, яростному водопаду, который въ бурномъ, бѣшенемъ стремленіи своемъ ломаетъ скалы и деревья, мещетъ вокругъ себя бугры пѣны, брызги, какъ дымъ, столпомъ высоко подымаетъ и на далекое разстояніе заставляетъ внимать страшныя грохочущія гулы, такъ что у путника, вблизи стоящаго, голова кружится, а вдали обнимаетъ его трепета. Четвертое, Сколіи — небольшому источнику безъ всякихъ кривизнъ, прямою чертою къ одному предмету своему текущему, не принимающему въ себя никакихъ побочныхъ ручьевъ; иногда мрачностію и тихостию, а иногда веселостію своею мимоходящихъ слухъ и взоръ занимающему.

Но перейдемъ теперь отъ древней лирической поэзіи къ новѣйшей. [Конецъ 1—го Чтенія и начало 2—го Чтенія въ Бесѣдѣ въ Кн 6. на стр. 3] Въ Римѣ мало было изящныхъ лириковъ. Квинтиліанъ⁷ говоритъ, что Горацій изъ нихъ одинъ достоинъ чтенія; но онъ и самъ, по скромности можетъ-быть своей, признаетъ⁸ себя не болѣе,

какъ только слабымъ отголоскомъ древнихъ Грековъ. Если жь пройти мимоходомъ современно и послѣ него жившихъ, не столько знаменитыхъ: Цезія-Басса, Стація и Катулла⁹, то можно сказать, что по смерти сего любимца Августова лира умолкла. По нашествіи на Италію варварскихъ полчищъ, гласа ея долгое время вовсе слышно не было. Она, казалось, возвратилась паки на Геликонъ и нѣсколько вѣковъ не восхищала смертныхъ. На сѣверѣ только у скальдовъ раздавались ея звуки. Но когда изъ сей суровой страны свѣта наводнили западъ дикіе народы, отъ коихъ древній Римъ палъ, то науки и художества ушли на востокъ и на полдень, въ Азію и Африку къ Арабамъ и Сарацинамъ, которымъ особливо особливо покровительствовали калифы. Наконецъ, въ IX столѣтіи, хотя несколько поддерживалъ просвѣщеніе Карлъ Великій, собравъ пѣсни Цельтовъ и заведя при дворѣ своемъ училища; но и послѣ его, съ нашествіемъ Норманновъ, покрылась Европа сугубымъ мракомъ невѣжества. Естли гдѣ и проблескивали слабыя искры словесности, то не иной, какъ варварской, составленной изъ грубыхъ нарѣчій победителей, влія-ніемъ своимъ испортившихъ языкъ побѣжденных Римлянъ. Стихотворство тогда, безъ вдохновенія и вкуса, ежели можно его таковымъ назвать, было суровое сотканіе словъ силлабическою просодіею, которое при вторженіи Готовъ *руннымъ* называлось. Естли справедливо недавнее открытіе одного славено-руннаго стихотворнаго свитка I вѣка и нѣсколькихъ пронзреній V столѣтія новгородскихъ жрецовъ, то и они принадлежатъ къ сему роду мрачныхъ временъ стихосложенія. Я представляю при семъ для любопытныхъ отрывки оныхъ; но за подлинность ихъ не могу ручаться, хотя, кажется, буквы и слогъ удостовѣряють о ихъ глубокой древности. Пусть знатоки о семъ разсудятъ¹⁰. <...> [сокр. мной, А. Л.]

Гмь послухси Бояна.

Умочи Боянъ снова удытъ
 А комъ плъ блгъ тому
 Суди Велеси не убѣгти
 Слвы Словенси не умети
 Мчи Бояни на языци оста
 Памети Злгоръ Волхви глоти
 Одину памяти Скифу гамъ
 Златымъ пески тризны сыпи.

ПЕРЕВОДЪ:

Не умолчи, Боянъ, снова воспой;
 О комъ плѣль, благо тому.
 Суда Велесова не убежать:
 Славы Славяновъ не умалить.
 Мечи Бояновы на языкъ остались;
 Память Злогора Волхвы поглотили.
 Одину воспоминаніе, Скиѳу пѣснь.
 Златымъ пескомъ тризны посыплемъ.

ИЗРЕЧЕНІЯ, ИЛИ ОТВѢТЫ НОВОГОРОДСКИХЪ ЖРЕЦОВЪ: [сокр. мной, А. Л.]

УГЛИ.

Жрцу говоръ Еролку.

Пакоща свада. / Дюжу убой / Тяжа нагата. / Тошь перелой.

ПЕРЕВОДЪ:

По злобѣ свада / Сильному смерть: Тяжба съ богатствомъ / Худъ передѣль.

Въ продолженіе тѣхъ среднихъ вѣковъ западные ученые, кои едва ли не были одни только духовные, писали важныя сочиненія на вульгарномъ, или простонародномъ языкѣ (*lingua volgare*), придерживаясь, до VII столѣтія, древняго римскаго, а послѣ латинскаго со смесью иноплеменныхъ словъ. Но свѣтскіе, ежели гдѣ и упражнялись въ письменахъ, то въ провинціальныхъ только нарѣчійхъ: басскомъ, галиканскомъ, провансальномъ, португальскомъ, лимоническомъ, пли смѣшанномъ съ испанскимъ, италянскимъ и Французкимъ, который вообще именовался *lingua rustica Romana*, или римское деревенское нарѣчіе. Правда, въ IV столѣтіи, какъ говоритъ Бровнъ, по изгнаніи на западъ бардовъ а на востокъ по истребленіи Феодосіемъ Великимъ идольскихъ жертвенниковъ, сочиняли еще въ монастыряхъ монахи¹¹, по древнимъ образцамъ, оды и трагедіи, но единственно для препровожденія времени чтеніемъ ихъ въ кельяхъ, а не для гбнія въ храмахъ, или игры на театрахъ; и съ тѣхъ уже темныхъ и неблагопріятныхъ для художествъ и наукъ время общественная свѣтская поэзія отъ музыки отделилась. Древнее достоинство ихъ пало потому, что не токмо въ народныхъ собраніяхъ, но и нигдѣ почти въ обществахъ онѣ вовсе не употреблялись. Тогда ничего уже изящнаго не являлось. Важность, чистота, сладкозвучіе пріятность древнихъ языковъ греческаго и латинскаго исчезли.

Однакожь съ другой стороны возникъ новый родъ гбснословной поэзіи въ христіанской Церкви. Первые христіанскія тайныя общества отправляли сначала свое богослуженіе въ подземельяхъ и на гробахъ мучениковъ еврейскимъ псалмогбніемъ въ подражаніе тому, что и самъ основатель священной вѣры Христосъ Спаситель, последнюю свою вечерю съ ученикамъ своими окончилъ гбніемъ¹². Просвѣщеннѣшіе Христіане сочиняли потомъ и приносили въ свои собранія для гбнія собственныя свои оды и имны въ честь Христу и мученикамъ. О семъ свидѣтельствуеъ апостолъ Павелъ¹³ и самъ увѣщеваетъ вѣрныхъ воспевать псалмы, имны и оды духовныя въ своихъ собраніяхъ¹⁴. Плиній въ письмѣ своемъ къ Траяну о Христіанахъ упоминаетъ такжео гбсняхъ у нихъ воспѣваемыхъ Христу, яко Богу¹⁵. Игнатій Богоносецъ во II вѣкѣ изобрѣлъ новый родъ перекличнаго по клиросамъ гбнія, именуемаго *антифонами*. Амвросій Медиоланскій¹⁶ въ IV столѣтіи, на мѣсто витѣватаго, или фирунаго, заимствованнаго отъ греческаго языческаго и еврейскаго¹⁷ гбсногбнія, ввелъ столповое, или степенное гбніе по примѣру первыхъ апостольскихъ времявъ, въ кои оно было еще просто, безъ всякаго искусства и украшенія. Въ стихотвореніяхъ первыхъ Христіанъ не видно ни отдѣльныхъ одинакихъ строфъ, ни паденія слоговъ греческой и римской поэзіи, не сочетанія созвучныхъ риемъ среднихъ и новыхъ вѣковъ стихотворства; не истекали они изъ восторговъ какой-либо страсти; или витѣства поэта, ожидавшаго себѣ отъ кого-либо награжденія; или ограниченной земной, глбнной, человеческой славы; но главное ихъ содержаніе и свойство было духовное, пламенное воспареніе чистой, живой вѣры, основанной на надеждѣ воскресенія и чаянія небесныхъ наградъ, или вѣнцовъ безсмертія за мученическія страданія, или подвиги благочестія. Въ V вѣкѣ Пруденцій и Ниль писали уже мерными стихами. Въ VII и VIII появились многіе знаменитые церковные гбснописцы и въ Восточной Церкви, между которыми знаменитѣе всѣхъ Іоаннъ Дамаскинъ, коего Ирмологій и Октоихъ, или Осмигласникъ, ежедневно поются и въ нашей Славено-Россійской Церкви съ душевнымъ умиленіемъ. Но въ нагбвахъ сихъ тѣсней видно уже возвратившееся подражаніе витѣватымъ греческимъ осми тонамъ, извѣстнымъ подъ названіями Дорическаго, Фригическаго, Лидійскаго, Іонійскаго, Іолійскаго и другихъ. Нѣкоторыя изъ оныхъ писаны на греческомъ стихами, по большей части ямбами и равномѣрными строфами. Хотя сего въ славянскомъ переводѣ и не примѣтно, однакожь разстановки пагбва дѣлають для насъ нѣсколько ощутительнымъ и мерность подлинника. Другія изъ сихъ гбсней сочинены и въ подлинникѣ проую,

но почти равнозмѣрнымъ числомъ слоговъ въ каждомъ гласѣ, или нагѣвѣ, дабы по распѣвѣ перваго подлежащаго стиха гѣтъ и нижеслѣдующіе. Въ славенскихъ нашихъ переводѣхъ сіе нѣсколько затруднительно по несоответствію числа слоговъ съ подлинникомъ; и потому-то въ нашей Церкви, напримѣръ въ канонахъ, только ирмосъ поется, а прочіе подъ нимъ лежащіе стихи, назначенные также для гѣнья, читаются. Съ таковымъ новымъ христіанскимъ стихотвореніемъ родились новые роды и названія песней, которыя неизвестны были древнимъ, какъ напримѣръ: Октоихъ, Тріодь, Ирмосъ, Канонъ, Антифонъ, Стихира, Тропарь, Кондакъ, Икосъ, Акаѣстикъ и другіе¹⁸. Пѣснописцы церковные на изобретете сихъ родовъ и на названіе оныхъ вышесказанными именами имѣли такое же право, какое новѣйшіе италіянскіе и Французскіе стихотворцы на Кантаты, Сопеты, Стансы, Ронды, Романсы, Баллады и другіе, которые также неизвестны были въ древней поэзіи. Впрочемъ напрасно некоторые иностранные новѣйшіе словесники винятъ первыхъ Христіанъ въ упадкѣ сей последней. Уадокъ ея должно приписать переворотамъ государствъ и измѣненію языковъ отъ варварскихъ нашествій, а не Христіанамъ. Первые Отцы Церкви не пренебрегали чтеніемъ и древнихъ языческихъ стихотворцевъ. Видны и въ святомъ Апостолѣ Павлѣ Аратъ и Епименидъ¹⁹, на коихъ онъ ссылался. Оригенъ, Климентъ Александрійскій, Минуцій Феликсъ, Василій Великій и многіе Отцы часто приводили во свидѣтельство Омира, Гезіода и прочихъ стихотворцевъ. Въ христіанскихъ монастыряхъ переписывали всѣхъ древнихъ греческихъ и римскихъ писателей и тѣмъ сохранили ихъ отъ потери. Правда, что Христіане порвыхъ вѣковъ не имѣли поэмъ, подобныхъ Омировой и Виргиліевой, и одъ равныхъ Пиндаровымъ и Гораціевымъ; но образцы оныхъ чрезъ благочестивыхъ пѣснопѣвцевъ остались не недосязаемы и для нашихъ временъ. Что же касается до высокихъ и величественныхъ изображеній Божества и духовныхъ отвлеченныхъ ощущеній, то ни Орфеевы, ни Пиндаровы, ни Гораціевы имны не могутъ сравняться съ христіанскими; и потому ихъ краткость, животворную выразительность, высокость мыслей, нельзя не признать образцами лирическими. На примѣръ:

«Его же воинства небесная славятъ и трепещутъ; Херувимы и «Серафимы, всякое дыханіе и тварь, пойте, благословите и превозносите во вся вѣки!»

ИЛИ:

«Тебе, на водахъ повѣсившаго всю землю неодолимо, тварь видевши на лобнѣмъ висима, ужасомъ многимъ содрогашеся: нѣсть святѣ паче Тебе, «Господи, зывающіи!»

Какая въ первомъ ирмосѣ, въ начальныхъ словахъ, таинственная и заманчивая загадка, возбуждающая вниманіе слушателя, а въ послѣднихъ разрѣшеніе величественною картиною богопочитанія всей твари!

Во второмъ: какой поэтъ могъ толь кратко и сильно совместить выразительность неизмѣримыхъ противоположностей всемогущества и ничтожества, поношенія и благоговѣнія!

Но исчислять подобныя красоты въ церковныхъ нашихъ пѣсняхъ было бы безконечное покушеніе. Довольно, что мы ими восхищаемся съ X вѣка, то есть, со времени великой княгини Ольги, или паче съ крещенія всей Россіи внукомъ ея, великимъ княземъ Владиміромъ.

Но обратимся къ светской поэзіи. Она, такъ какъ и прочія науки, съ X уже столѣтія по Рождествѣ Христовѣ начала возрождаться въ Европѣ. Ежели и не признать за справедливое вышепомянутое руническое стихотвореніе и за ничтожное счастье народныя пѣсни о богатырскихъ подвигахъ временъ Владиміровыхъ, что можно видѣть въ IV части моихъ Сочиненій на стр. 207, то достигшая до насъ

и одна въ цѣлости древняя пѣснь о походѣ Игоревѣ, въ которой виденъ духъ Оссіяновъ и выраженія, подобныя въ извѣстныхъ Гаральдовой²⁰ и Скандинавской, показывающая сколокъ болѣе сѣверныхъ скальдовъ, нежели западныхъ бардовъ, едва ли не оспаривала бы предвареніе наше въ словесности у всей Европы, ежели бы только не остановило ходъ ея бѣдственное нашествіе съ востока на Россію кипчакскихъ ордъ въ XII вѣкѣ, то есть въ то самое время, когда въ Парижѣ учрежденъ университетъ. Съ тѣхъ только поръ на западѣ занялась истинная заря просвѣщенія. Науки и искусства съ разныхъ странъ свѣта начали собираться въ прежнее ихъ жилище, Италію. Крестовые рыцари, бывшіе въ Палестинѣ, при возвращеніи ихъ восвояси, принесли съ собою поэзію, заимствованную отъ восточныхъ Арабовъ, владѣвшихъ Испанію; оттуда же перешла она въ Италію, Францію, Германію²¹ и другія сосѣдныя имъ области. Трубадуры²², прованскіе стихотворцы, распространили оную. Стихи свои писали они на вышепомянутомъ провансальномъ, или романскомъ языкѣ, воспевая въ нихъ свои рыцарше романическіе подвиги, волокитства и всякую общежительную смѣсь. Главные характеры содержанія ихъ пѣсень были набожность, храбрость и любовь. Для усмотрѣнія сего прилагаю пѣснь XIII столѣтія, сочиненія трубадура Готье де Коанси²³. <...> [сокр. мной, А. Л.]

Хотя Ротрюенжъ, молодая пастушка,
Сонеты сочиняетъ и пишетъ песенки;
Я буду воспевать святую Богоматерь,
Во чревѣ коея сынъ Божій воплотился.
Мнѣ кажется, Ее когда я именую,
То съ имени ея въ уста мнѣ каплетъ медь;
А для того не буду именъ пѣть недостойныхъ
Впредь женщинъ я другихъ, а также и дѣвицъ;
Грѣшно бы было то и неугодно Богу²⁴.

Трубадуры первые зачали употреблять риѣмы, хотя некоторые въ томъ и несогласны²⁵. Въ ихъ время стихотворство получило въ Италіи названіе веселой науки (*gaia sciencia*) отъ вопросовъ и отвѣтовъ любовнаго, или пріятнаго содержанія. Князья, графы и всякаго состоянія знаменитые люди за честь себѣ поставляли въ сей науцѣ упражняться. Благородныя женщины принимали участие не токмо въ слушаніи и чтеніи стиховъ, но въ разсужденіяхъ объ оныхъ и даже въ самомъ ихъ сочиненіи. Решительно сказать, что въ сіе время поэзія трубадуровъ, въ отношеніи разнообразія мыслей и изъясненія страстей, сделалась душою наилучшихъ обществъ, какъ въ обхожденіи, разговорахъ, такъ и въ перепискѣ. Въ теченіе XII столѣтія, при дворѣ барселонскомъ, аквитанскій графъ Пойтонъ ознаменовалъ себя главою трубадуровъ. Въ 1324 году, въ Тулузѣ учредились такъ называемыя *Цвѣточныя Игры*, на которыхъ отличившіеся стихотворцы вознаграждались золотою фьялкою, или розою, или ноготками. Первое награжденіе фьялки получалъ кастельн Одарскій гражданинъ Арнольдъ Видаль за поэмю въ честь Пресвятой Дѣвы. Покровительница сихъ игръ была графиня Клеменція Изаура, отказавшая въ пользу сего общества знатное имѣніе и великолепный домъ. Съ сего времени разлился свѣтъ новѣйшей поэзіи; появившейся сначала отъ Арабскихъ, Испанскихъ и Сицилійскихъ границъ и часть отъ часу потомъ болѣе распространявшейся и процветавшей. Въ исходѣ того же столѣтія въ Италіи возстали славные поэты: Дантъ, Петраркъ и Бокацій. Они, подражая древнимъ, образовали свои лирическія произведенія по ихъ примѣрамъ и могутъ безпрекословно назваться возродителями древней и отцами новой поэзіи въ такъ ими названныхъ: Канцонахъ, Сонетахъ, Балладахъ, Стансахъ, Мадригалахъ и другихъ пѣсняхъ, извѣстныхъ въ Европѣ.

Хотя сіи славные поэты, въ отношеніи вкуса, благородства; высокости мыслей и прочихъ украшеній, съ успѣхомъ подражали древнимъ; но, будучи можетъ-быть увлечены господствовавшими тогда примѣрами трубадуровъ, или потому, что при краткости словъ и множествѣ буквъ согласныхъ, въ италіянскомъ языкѣ употребляемыхъ, легче было имъ писать съ римами, нежели безъ рима, подобно какъ импровизаторамъ ихъ, не думая тотчасъ находить римы, — не могли они рѣшительно послѣдовать тоническому стопосложенію Грековъ и Римлянъ, а писали болѣе съ римами силлабическую просодию, однакоже и подъ ибо римы не вовсе подверглись, ибо есть у нихъ стихи и безъ оныхъ. Подобно сему и у насъ приняли риму отъ Нѣмцевъ и Французовъ Ломоносовъ и Сумароковъ. Хотя и прокладывалъ нѣсколько путь къ древнему тоническому стихосложенію г. Тредіаковской, но ему не удалось превозмочь ихъ и никто ему въ томъ до нынѣшняго времени не послѣдовалъ, не смотря на то, что народныя наши пѣсни подражательны древнимъ греческимъ, какъ ниже о томъ усмотрится, и что славяно-россійскій языкъ, по свидѣльству самихъ иностранныхъ эстетиковъ²⁶, не уступаетъ ни въ мужествѣ латинскому, ни въ плавности греческому, превосходя всѣ европейскіе: италіянскій, Французскій и испанскій, колыми паче нѣмецкій, хотя нѣкоторые изъ новѣйшихъ ихъ писателей и въ сладкозвучіи нарочитые успѣхи показали. Гердеръ²⁷ сравниваетъ древнюю и новую поэзію такимъ образомъ: первая, говоритъ онъ, подобна шуму большаго лѣса, который бушеваніемъ наитончайшихъ своихъ лѣтораслей, самъ собою вдохновенъ и священъ. Вторая: волшебному Гесперійскому саду, въ которомъ искусствомъ всѣ дерева поютъ и каждая вѣтвь звонитъ колокольчикомъ. Я прилагаю, для сравненія той и другой, небольшой отрывокъ стиховъ, мною сочиненныхъ. Знаючи разсудить, которая изъ нихъ способнѣе для нашего языка.

НОВОЙ:

Отливъ отъ творческаго духа,
 Спечатокъ съ мудрости лучей,
 Ума согласье, ока, слуха,
 Эмпирной сладости ручей,
 Поэзія, глаголь небесный!
 Коль плоти бы органы тѣсны
 Могли издать твой полный строй, —
 Я бь создалъ новый міръ тобой.

ДРЕВНЕЙ:

Духа отливъ, иль спечатлѣнье,
 Творческой мудрости, свѣта,
 Ока, ума, слуха согласье,
 Сладости райской источникъ,
 Неба глаголь, о стихотворство!
 Если бы плоти тѣсный органъ
 Полный твой строй могъ изліять, —
 Новый бы міръ создалъ тобой.

Кажется мнѣ, если я не ошибаюсь, онъ обѣ хороши, всякая въ своемъ родѣ, по различнымъ вѣсамъ; но думаю, что въ последней больше свободы, больше изліянія жара, когда гармонія, на римахъ не запинаясь, течетъ непрерывно, подобно быстрой рѣкѣ, струя за струею. Но надобно къ сему болѣе природнаго дара, нежели искусства.

Наконецъ, приступимъ къ объясненію всѣхъ вышеупомянутыхъ новѣйшихъ лирическихъ пѣсней. [Начало 3—го Чтенія въ Бесѣдѣ въ Кн 14. на стр. 3] Почтенные почитатели благоволили слышать разсужденія мои въ 2-й и 6-й книжкѣ Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова о древней и среднихъ вѣкахъ лирической поэзій. По порядку теперь должно бы говорить о новѣйшей, то есть: о *Кантатахъ*, *Ораторіи*, *Сонетѣ*, *Мадригалѣ*, *Триолетѣ*, *Рондо*, *Серенадѣ*, *Оперѣ*, *Балладѣ*, *Стансѣ*, *Романсѣ* и *простой Пѣсни*, въ чемъ они различествуютъ между собою и что въ нихъ Сочинители наблюдать должны <...> [сокр. мной, А. Л.]

Кантата — Не большое лирическое, музыкаю препровождаемое сочиненіе, получившее происхожденіе свое въ Италіи. — Она можетъ заключать въ себѣ *Канціонету* (краткую Оду), *Мотету* (Церковной гимнь) и *Кантату* (пѣснь благородную, нравоучительную). Всѣ они и прочія, въ Италіи известныя, на музыку перелагаемые стихи, вошли въ большое употребленіе не токмо въ ихъ Отецествѣ, но и по всей Европѣ со временъ вышеупомянутыхъ Данта, Петрарха и Бокація. — Съ инструментальною же музыкаю въ западную Церковь *Мотеты*, или *Гимны*, по мненію Бровна, принесены Греками, но не прежде какъ въ XV столѣтіи, по взятіи Турками Константинополя²⁸, при Папѣ Сикстѣ IV. А какъ Папа Пій IV въ XVI вѣкѣ хотѣлъ оную изгнать, то славный Сочинитель музыки Палестрино, придавъ ей болѣе важности и благоговѣнія, удержалъ, и съ техъ временъ она до нынѣ существуетъ въ Католическихъ и прочихъ Христіанскихъ Церквахъ, окромѣ, какъ выше въ примечаніи сказано, Греческой. — У насъ же *Кантата* извѣстна какъ подъ собственнымъ Ея именемъ, такъ подъ названіемъ *Концерта* и *простой Канты*. — *Концерты* поются въ Церквахъ одною голосовою Хоральною музыкаю; а *Канты* — въ семинаріяхъ и мірскихъ бесѣдахъ пѣвались въ старину съ гуслими и другими инструментами, какъ и духовныя пѣсни, болѣе жъ — одними голосами; нынѣ же рѣдко. — Церковныя *Концерты* обыкновенно состояются изъ псалмовъ и другихъ священныхъ пѣсней. А *Кантаты* изъ разныхъ житейскихъ происшествій, Мифологическихъ, Историческихъ, Пастушьихъ и Любовныхъ, и особливо въ случаяхъ важныхъ, торжественныхъ. Напримѣръ: на бракосочетаніе ныне Царствующаго Государя Императора; на рожденіе Великаго Князя Николая Павловича; на пріѣздъ изъ чужихъ краевъ Великой Княгини Маріи Павловны, находящіяся въ моихъ Сочиненіяхъ въ I и III частяхъ на страницахъ 203, 309 и 213, которыя на музыку положили первыя двѣ г. Сарті, а последнюю г. Бортиянскій. Относительно же нашихъ *Кантъ* прошедшихъ XVII и XVIII столѣтій, то они сочиняемы были большею частію изъ Малороссіянь духовными особами на разныя происшества, а паче душеспасительныя — силлабическимъ польскимъ стихотвореніемъ, изъ коихъ одной для примѣра куплетъ прилагаю:

Кто крепкохъ на Бога уповая,
Тотъ недвижно смотритъ на вся злая. —
Ему же ни въ народѣ мятежъ бѣднѣй,
Не страшень мучитель звѣровиднѣй;
Не страшень изъ облакъ огнь палящій,
Ниже вѣтръ, отъ южныхъ странъ шумящій;
Когда Онъ, смертнаго страха полный,
Финобалтійскія движетъ волны.

Сочин. Феофана Прокоповича.

Кантата можетъ занимать мѣсто древняго *Пеана* или *Схоліи*. — Она не требуетъ высокаго паренія и сильныхъ выраженій, приличныхъ Одѣ или

Гимну, и должна изображать просто, ясно, легко всякія умиленныя, благочестивыя, торжественныя, любовныя и нѣжныя чувствованія, въ которыхъ видно бы было болѣе чистосердечія и страсти, нежели умствованія и затѣй. — Поэтъ не долженъ въ ней выпускать изъ виду своего предмета и представлять его естественно, болѣе въ чувствахъ Сердца, нежели въ дѣйствіи. — Для сего самого *Кантата* раздѣляется на двѣ части: на речитативы и пѣсни. — *Речитативъ* не что иное есть, какъ музыкальный рассказъ или распѣвное чтеніе съ музыкою, предварительно изображающее положеніе Сочинителя духа, и служить вступленіемъ въ матерію пѣсней. — Пѣсни представляютъ чувства или страсти сердца, приводящіе душу въ движеніе. — *Речитативъ* долженъ быть тише и простѣе; а пѣсни живѣе и пламеннѣе, а особливо хоры. — *Кантата* можетъ быть сочинена стихами разныхъ родовъ и мѣръ: въ *Речитативахъ* длиннѣйшими, сколько можно ближе къ обыкновенному разговору, какъ-то четырехстопными и шестистопными; въ Пѣсняхъ же трехстопными, двухстопными, иногда и четырехстопными, однако не болѣе, но всегда плавнымъ, гладкимъ слогомъ, потому что длиннотышныя и шароховатыя не такъ удобно полагаются на музыку. *Кантату* въ Италіи раздѣляютъ въ рассужденіи и самаго содержанія ея на два рода: на большую, или важную, на меньшую, или увеселительную. — Первая для народныхъ собраний, вторая для комнаты. Первая исполняется многими голосами и инструментами, вторая небольшимъ числомъ. — *Кантата* обыкновенно начинается *Речитативомъ*, въ которомъ, такъ сказать, предувѣдомляются слушатели о ея содержаніи, послѣдствіе же объясняетъ она песнями одногласными, двугласными, трехгласными, четырехгласными, пятигласными, шести гласными и хорами, но заключается всегда послѣднимъ. Маленькая Италіанская *Кантата*, или, какъ Французы называютъ, *Кантонета*, можетъ состоять изъ одного *Речитатива* и пѣсни или хора; но въ ней требуется большей исправности и чистоты въ стихотворствѣ и музыкѣ, нежели въ большой. *Свѣтскія Кантаты*, въ которыхъ допускаются небольшіе драматическіе разговоры нѣсколькихъ лицъ, называются *drama musicale*; важнаго же содержанія, хотя и не духовныя, — *Ораторіями* (*oratio*), о которыхъ ниже объяснится. — Примѣръ *Кантаты*, взятой изъ языческаго баснословія, можно видѣть въ переводе Жаңъ-Баптиста Руссо, подъ именемъ «*Церцеи*», напечатанной въ моихъ *Сочиненіяхъ*, II части на страницѣ 183-и. Къ сему же роду Лирическихъ музыкальныхъ пѣсень относятся *Мадригаллы*, *Сонеты*, *Триолеты*, *Рондо*, *Серенады* и прочія въ Италіи, Франціи и Гишпаніи извѣстныя поющіеся Стихотворенія.

Мадригалль. — Италіанскаго сочиненія состоитъ изъ 5-ти, 8, 11 и 16 строкъ. Содержаніе его, форма и мѣра стиховъ могутъ быть различны. У него даже и правилъ нѣтъ. Произхожденіе его выводятъ отъ слова *mandra* — стадо, куча; иные отъ Трубадуровъ. По сему самому и причисляются къ Сельскимъ пѣснямъ. — У насъ же называютъ *Мадригалами* родъ небольшихъ стиховъ, въ честь или угожденіе кого-либо, а паче женщинъ писанныя, въ которыхъ съ замысловатою острою въ послѣднемъ стихѣ похваляется ихъ красота, добродѣтель и прочее.

Сонетъ — Италіанское произведеніе, родъ стихотворенія, состоящего изъ 14-ти экзаметровъ, разделенныхъ на два четырехъ-стишія и на два трехъ-стишія. — Въ первыхъ двухъ четырехъ-стишіяхъ женскіе и мужескіе рѣзмы чрезъ строку одинакія, а во вторыхъ двухъ трехстишіяхъ два первые стиха — съ одинакими рѣзмами сряду, послѣднія же четыре стиха съ особенными рѣзмами противъ первыхъ четырехстишныхъ чрезъ строку. Примѣры Сонетовъ Петрарховыхъ можно видѣть въ III-й части моихъ Сочиненій на страницахъ 230, 231 и 232, взятыхъ изъ буквальныхъ переводовъ г. Шишкова, а я прилагаю здѣсь славный Барровъ, переводу г. Сумарокова.

Триолетъ, небольшая пѣсня, Французкому Стихотворству принадлежащая, состоитъ въ 8-ми стихахъ равной мѣры и двухъ римахъ, изъ коихъ первая повторяется послѣ третьей, и еще первая и вторая послѣ шестаго Стиха.

Рондо, Французкая небольшая пѣсня, сочиняется строфами, по восьми стиховъ каждая строфа, такимъ образомъ: въ каждой строфѣ первой половины, первыя два стиха повторяются на концѣ во второй половинѣ; римы же сочетаются: первая съ четвертой, пятой и седьмой, а вторая съ третьей, съ шестой и съ восьмой, что видно изъ старинного Французкого примѣра у г. Лагарпа. — Ежели сіе повтореніе натурально, само по себѣ выдетъ, что вторыя стихи подкрѣпляютъ первые и дѣлаютъ пѣснопеніе весьма пріятнымъ.

Серенада — слово Италіянское, означающее вечеръ, потому что стихотворное сіе сочиненіе, положенное на инструментальную и вокальную музыку, поется при вечерѣ въ хорошую погоду предъ какимъ-либо домомъ въ честь Любезному предмету. — Серенада болѣе употребляется въ Гишпаніи. Будучи препровождаема тихо въ безмолвіи, въ мрачную или несколько лунную ночь, на Цитрѣ, на Гитарѣ или на какомъ-нибудь другомъ инструментѣ въ открытомъ воздухѣ, весьма трогаетъ Сердце. — Само по себѣ разумѣется, что она должна быть нѣжнаго, страстнаго содержанія. Греки весьма пристойно называли ее жалобною пѣснію, предъ дверями воспѣваемой. — Эстетики полагаютъ въ сей родъ Горациеву I части XXV-ю *Оду къ Лидѣ*. — Вотъ примѣры:

СОНЕТЪ:

Великій Боже! твой исполнишь правдой Судъ,
Щедроты отъ Тебя имѣти смертнымъ сродно;
Но въ беззаконіи всѣ дни мои текутъ,
И съ правосудіемъ, простишь меня, не сходно.

Долготерпѣніе ты долженъ окончатъ
За тьму моихъ грѣховъ по правости устава,
И милосердіе днесъ должно умолчатъ:
Того теперь сама твоя желаетъ Слава.

Во мщеніи праведномъ Ты тварь свою забудь;
Пренебрегай токь слезъ и темъ доволенъ будь,
Греми, рази, свою ты ярость множая!

Хотя и трепещу, я чту твой гнѣвъ стена,
Но въ кое мѣсто Ты ударишь, поражая,
Не крыла чтобы гдѣ Христова кровь меня.

У г. Сумарокова часть 9, стран. 113.

МАДРИГАЛЛА:

Нѣтъ, Хлоя, не могу я страсти побѣдить!
Но можно ли тебя узнать и не любить?
Ах! ты даешь мнѣ умъ, воспламеняешь къ славѣ,
Разсѣваешь грусть и исправляешь въ нравѣ;
Годъ жизни я отдамъ за этотъ райской часть,
Чтобъ видѣть мнѣ тебя, чтобъ слышать мнѣ Твой гласъ,
И часто мысль одна: «Увижу завтра Хлою» —
Уже на цѣлой день веселья мнѣ виною.

Соч. Г. Дмитриева часть 2, стран. 85-я.

ТРИОЛЕТА:

— Лизета чудо въ бѣломъ Свѣтѣ,
 Вздохнувъ, я самъ себѣ сказалъ:
 Красой подобныхъ нѣтъ Лизетѣ;
 Лизета чудо въ бѣломъ Свѣтѣ;
 Умомъ зрѣла, въ весеннемъ Цвѣтѣ.
 Когда же злость ея узналъ...
 — Лизета чудо въ бѣломъ Свѣтѣ! —
 Вздохнувъ, я самъ себѣ сказалъ.

Сочинен. Г. Карамзина часть 1, стр. 175.

РОНДО:

Время сбросило порфиру
 Зимню, хладную долой,
 Съ неба Солнце лучъ златой
 Ниспустило всему міру. —
 Я, мою взявъ въ руки Лиру,
 Въ честь веснѣ гласъ строю мой.
 Время сбросило порфиру
 Зимню, хладную долой.

Изъ Лагарпа.

Въ мѣсто вышеупомянутой Гораціевой *Оды къ Лидѣ*, почитаемой Эстетиками *Серенадою*, которая въ нынѣшнемъ вѣкѣ была бы непристойна, прилагаю *Аллегорическую*; но къ сему роду всякая любовная, нѣжная песня, сходная къ обстоятельствамъ *Любовниковъ*, годится,

СЕРЕНАДА:

Сильфѣ ко Лилеѣ.

Лилея нѣжна, благовожна,
 Цвѣтъ постоянства, чистоты,
 Что такъ тиха, скучна, безмолвна
 Цвѣтешь уединенно ты?
 Взгляни, весна ужъ наступаетъ,
 Погодка тихая дышаетъ. —
 Но ты, Лилея, спишь!

Кинь зимнія твои теплицы
 И пышны скучныя места
 И изъ стеклянныя свѣтлицы
 Взгляни на поле, на куста,
 На зелень, на леса, на холмы,
 На облакъ голубые сонмы. —
 Но ты, Лилея, спишь!

Се день насталь, выдь изъ темницы
 Свободнымъ воздухомъ дышать;
 Взгляни на свѣтлыхъ злаковъ лица, —
 Готовы всѣ тебя обнять;
 Къ тебе главы ихъ наклоняють,
 Благоухать тебя желаютъ. —
 Но ты, Лилея, спишь!

Взгляни на воды, какъ златятся,
 Отъ Солнца чешуясь лучемъ;
 Когда, когда, мнять, покатыся
 Омытъ въ подножь пыль твою?
 Услышь, услышь гласъ Сильфа томна,
 Къ тебѣ души любовной полна! —
 Но ты, Лилея, спиши!

Ораторія (*Oratio*, или *речь*) — музыкальное, нѣкоторою частію драматическое, а болѣе Лирическое сочиненіе, подражательно изъ древней Греческой, перемешанной съ хорами трагедіи заимствованное. — *Ораторія* появилась первоначально въ западной Церкви отъ Пилигримовъ, или поклонниковъ святымъ мѣстамъ, возвратившихся изъ Іерусалима, послѣ крестовыхъ походовъ. Они по набожности своей, взявъ тексты и лица изъ священнаго писанія, составили изъ себя хоры и открыли первое сего рода пѣснопеніе во Франціи похвалу святыхъ въ исходѣ XV или въ половинѣ XVI столетія, вероятно при томъ же Папѣ Сикстѣ или Пій IV, при которомъ и Кантата вошла въ употребленіе въ Италіи. — Болѣе же ввелъ ее въ оную нѣкто Флорентинецъ Нерій²⁹ въ XVI уже вѣкѣ, для подкрѣпленія благочестія. — Около тѣхъ же время, такого же почти свойства, появилось Лирическое, Музыкально-драматическое произведеніе на Венеціанскомъ театрѣ подъ названіемъ *Оперы*, сочиненное въ честь Короля Французкаго Генриха III-го. *Ораторія* съ *Оперой* различается въ томъ, что *Ораторія* иметъ духовное содержаніе и лица изъ Священнаго писанія вѣтхаго и новаго Завѣта, а *Опера*, — разумеется важная, — изъ Языческой Мифологіи, Исторіи древней и новой. — Въ *Ораторіи* поющіе лица не облакаются въ театральныя одежды, а въ *Оперѣ* въ такія, какой народъ и состоянія представляютъ. — Въ *Ораторіи* поющія лица не действуют и въ разговорахъ не имѣютъ почти, никакой связи, а *Опера* есть связанная драма. — Цель *Ораторіи* — одна только та, чтобъ возбудить въ слушателяхъ тѣ же сердечныя чувствованія, кои воспѣваются; а въ *Оперѣ* представляются действия, Лица имѣютъ въ изъясненіяхъ своихъ узелъ и прочія драматическія принадлежности — *Опера* блистаетъ великолѣпіемъ, Лица ея открыты; въ *Ораторіи*, напротивъ, поютъ съ великимъ смиреніемъ и естьлиже можно, то и сокровенны, дабы пѣніе казалось съ облаковъ, подобно Ангельскому, и во время продолженія онаго какою бы кто изъ пѣвцовъ неосторожною размашкою или неприятною фізіогноміею не здѣлалъ соблазна и не привелъ въ смѣхъ слушателей. *Опера* для зрѣнія; а *Ораторія* для слуха. — *Опера* земное, а *Ораторія* небесное пѣніе. — *Оперу* должно не спуская глазъ смотреть; а *Ораторію* слушать съ закрытыми глазами — *Опера* представляется на театрѣ во всякое время; а *Ораторія* токмо въ католическихъ и прочихъ иностранныхъ Церквахъ въ знаменитые праздники или въ дни, особому благоговенію посвященные; но у насъ по великимъ постамъ на театрахъ и въ домахъ, а потому здѣсь пристойнѣе можетъ *Ораторія* назваться большою Кантатою. — Въ каковомъ понятіи «*Рассужденія*» сего въ первой половинѣ и въ V части *Сочиненій* моихъ напечатанную подъ названіемъ «*Цѣлѣніе Саула*» не должно признавать Церковною, а Свѣтскою. — Церковная *Ораторія* должна начинаться лирически, какъ и Бровнъ, — съ которой я подражательно сдѣлалъ свою, — началъ такимъ образомъ:

Восстань, о Мечь! Изъ преисподней
 Со пламенныхъ твоихъ Одровъ
 И лей казнь на главу Его. —

У меня же — какъ Свѣтская большая Кантата, потому что въ Церквахъ нашихъ *Ораторіевъ* не бываетъ, — начинается предувѣдомительнымъ речитативомъ:

Сауль? Сіона Царь, сынъ Кисовъ, волю Бога,
Взгордяся, презрѣлъ, тѣмъ власть его уничижилъ.

Но для Церковной Ораторіи нѣтъ нужды въ такомъ предъизвѣстномъ речитативѣ, потому что по случаю какого-либо Церковнаго праздника, священнаго известнаго происшествія или дня, на особое благоговѣніе посвященнаго, всякъ о предметѣ извѣстенъ. При томъ вообще речитативъ Церкви неприличен, поелику онъ есть разговоръ или повествованіе и относится къ Драмѣ или Эпопее. Если жъ въ Ораторіи Речитативы, Аріи, Дуэты и прочія пѣсни премененія музыки и отдохновения необходимы, то должны бытъ они, сколько можно, не столь часты и сокращенны для возбужденія только или, так сказать, для воскрыленія хоральнаго пѣнія. — Главное свойство Ораторіи — Хоръ. Онъ есть Гласъ Церкви, или лучше цѣлою Вселенной, славословящій едиными устами своего Создателя. — Равномѣрно лица в Ораторіи допускаются только для того, чтобы разными ихъ характерами Сочинителю музыки дать случай блистать своимъ искусствомъ въ отгѣнкахъ чувствъ или страстей. Никогда не долженъ Сочинитель Ораторіи спускаться съ глазъ главнаго своего предмета, ни выше его не возноситься, ни ниже спускаться, а всегда отъ него заимствовать и къ нему только относить свои чувства, тѣмъ паче не уклоняться къ личности или къ какому поученіямъ, — ибо Ораторія не Богословія. — Стихи должны бытъ въ ней безъ всякой пышности и натянутыхъ прикрасъ, плавны, просты, умильтельны. Нѣжныя утонченныя и сладострастныя пѣсни, каковы бываютъ въ Операхъ и Кантатахъ, важности Ея не соответствуютъ и совсемъ не у места. — Стихотворецъ для сочиненія Ораторіи потребенъ не самой высокой степени, но посредственной, который бы умѣлъ только дѣлать стихи, для музыки способныя изъясляющія кроткія литаническія и молебныя чувства, — Словомъ, кто хочетъ упражняться въ сочиненіи стиховъ для Церковной Музыки, тотъ можетъ почерпать примѣры какъ для состава ихъ, такъ и самаго содержанія изъ Псалтири, избирая такія псалмы, которыя могутъ изображать пламеннѣе, торжественнѣе, живѣе или умильтельнѣе чувства сердца, въ такомъ расположеніи духа, въ какомъ Сочинитель находится; также советоваться нужно ему съ главными основателями Церковной Музыки, как-то: съ Палестриномъ, Дураптомъ, Парголезіемъ, Бахомъ, Гайденомъ, Плейелемъ, Сартіемъ, Березовскимъ, Бортиянскимъ и прочими. — На нашемъ языкѣ не знаю я никакой Ораторіи, на какой-либо особенной случай сочиненной, кроме переведенной господиномъ Карамзинымъ о *Сотвореніи Мира* г. Гайдена. Въ рассужденіи чего для примѣру, какъ родъ небольшой Ораторіи, представляю здѣсь *Литанію*, или *Молитву о здравіи Императора* положенную на Музыку въ прошломъ 1807, году г. Нейкомомъ.

МОЛИТВА.

Господи! воссылаютъ
Къ Тебѣ свои мольбы;
Взоръ, длани простираютъ
Смиренныя рабы:
Взгляни сквозь страшны бездны
Съ высотъ Твоихъ святыхъ
На вздохи, токи слезны,
На огонь Оимьямовъ ихъ.
Взгляни — и виждь, — Россія,
Тьмой душъ, — какъ звездъ, горя
Средь тверди голубья,
Гласить: Спаси Царя!

Храни его на брани,
Покой въ пути, паси;
Твои незримы длани
Вездѣ надъ нимъ носи;
Будь твердый щит от злобы
Ты зришь, сколь врагъ его
Геройскихъ душъ свель въ гробы
Средь звѣрства своего. —
Тамъ мать лишилась сына,
Тамъ братъ палъ смерти въ доль,
Четы здесь половина, —
И ты, Творецъ! — доколь?...

Доколь токи крови
Велишь намъ, грѣшнымъ, лить?
Богъ благодти, любви
Жестокъ не можетъ быть. —
Престани же отъ Гнѣва,
Ревъ бури усмири;
Хлябь алчную Эрева
Перунами запри;
Ударь — и съ крыль Зефира
Снесется тихій день,
Благоуханну мира
Дастъ АЛЕКСАНДРЪ намъ сѣнь!

Опера. — Мы видѣли уже, откуда происходитъ; однако въ цѣлости своей она не есть изобрѣтеніе одной Италіи. — Она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть не что иное, какъ подражаніе древней Греческой Трагедіи. Тамъ также разговоры сопровождались музыкою, какъ и въ ней речитативы, только извѣстными тонами³⁰; равно Лирическіе стихи пѣлись Хорами, но тоже уставными. Съ другой стороны извѣстно что въ новѣйшія времена у разныхъ народовъ къ увеселенію государей и знатныхъ особъ изобретены и введены въ нее новыя переѣмы, которыя соединены и смешаны съ разнотонною музыкою, различными представленіями, чего прежде не было. — Долгое время Опера была забавою только дворовъ, и то единственно при торжественныхъ случаяхъ; но какъ бы то ни было, нынѣ уже стала народною. — Поелику же въ ней большая часть есть Лирическая, или лучше, прямая важная Опера, по образцамъ Метастазія, должна быть вся писана краткими Лирическими стихами, или, по крайнѣй мѣрѣ, скандированною прозою, чтобъ удобно было ее сопровождать Музыкою; а потому и скажемъ нѣчто объ ней.

Некоторыя Французскія, а паче Нѣмецкія эстетики³¹ Италіянскую Оперу и хвалятъ и порицаютъ. Они говорятъ: «Въ семъ чрезвычайномъ зрѣлищѣ господствуетъ удивительная смѣсь великаго и малаго, прекраснаго и нелѣпаго. Въ лучшихъ-де Операхъ видишь и слышишь такія вещи, которыя или по ничтожности, или по несообразности своей, подумаешь, для того только припутаны, дабы подурочить зрителей, поужать дѣтей и легкомысленную чернь. Между тѣмъ посреди сихъ бездѣлицъ, мелочей и даже обидныхъ для хорошаго вкуса представленій, встречаешь такія дѣйствія, которыя глубоко проникаютъ Сердце, наполняютъ душу восхищеніемъ, нѣжнѣйшимъ состраданіемъ, сладостнымъ удовольствіемъ, или ужасомъ и содроганіемъ. Въ одной сценѣ негодуешь на дурачество, въ другой, забывая себя, берешь участіе въ дѣйствующихъ и не вѣришь, какимъ

образомъ случилось, что тѣ же, которые удивляли великодушнѣмъ, благородною осанкою, вѣжливѣмъ обхожденіемъ, вдругъ, какъ шуты или сумасброды, смѣшно надутостію, уродливѣмъ кривляньемъ и всякими непристойностями морять со смѣху дѣтей и народъ, досажая благомыслящимъ, которые для того иногда отъ нихъ отвращаются. — Кромѣ сихъ противоположностей, несоотвѣтственности и несвязности въ игрѣ ихъ, благоразумію и хорошему вкусу противныхъ, усматриваются неудобства и почти невозможности имѣть совершенную Оперу по самымъ ея правиламъ. Въ ней требуется разнообразности, чудесности, безпрестанныхъ переменъ и самой чрезъестественности въ отношеніи природы. Для сего необходимы нѣтолько всѣ искусства, но и многія науки: Поэзія, Зодчество, Музыка, Живопись, Перспектива, Механика, Химія, Оптика, Гимнастика и самая Философія для познанія и изъясненія всѣхъ страстей и тайныхъ изгибовъ Сердца человѣческаго, какими средствами удобнѣе Его растрогать и привести въ желаемое положеніе. Сего же безъ превосходныхъ дарованій виртуозовъ дѣлать невозможно. Таланты рѣдки, а ежели и найдутся, то наивеличайшая въ томъ состоятъ трудность, чтобъ по самолюбію, по самонавію и по неисчисленнымъ ихъ прихотямъ привести ихъ къ искреннему единодушію, дабы всѣ действовали согласно и къ единой цѣли. Всякой изъ нихъ своимъ искусствомъ хочетъ отличатся, не смотря на то, хотя бы на счетъ другаго, а иногда и на свой собственный, лишь бы, напримѣръ, поэту исполнскимъ воображеніемъ, гѣвцу чрезмѣрною вытяжкою голоса, музыканту непонятными прыжками перстовъ, при громкомъ рукоплесканіи заставить выпучить глаза и протянуть уши такого же вкуса людей, каковы они сами. Отъ того-то бываетъ, что они въ таковыхъ случаяхъ уподобляются тѣмъ канатнымъ прыгунамъ, которыя руки свои принуждаютъ ходить, а ногами вкладывать въ ножны шпагу, думая, что это чрезвычайно хорошо. Отъ таковыхъ-то усилій и несообразностей съ прямымъ вкусомъ выходитъ въ Италіянскихъ операхъ нѣлепца. вмѣсто пріятнаго зрѣлища — игрище, вмѣсто воспитательной гармоніи — козлоглашеніе. Наконецъ, г. нѣмецкіе эстетики говорятъ, что великолѣпное сіе представленіе со всѣмъ превосходствомъ его Изобрѣтенія, наилучшимъ изъ всѣхъ представленій быть долженствующее, вымышлено больше по легкомыслію, нежели благоразумію, потому что оно съ одной стороны совершеннымъ почти быть не можетъ, а съ другой, въ странныхъ его и шутовскихъ явленіяхъ унижаетъ самыя превосходныя дарованія и дѣлаетъ изящныя искусства презрительными. Самые Италіявцы признаются, что наивеликолѣпнѣйшая Опера нерѣдко бываетъ скучною, даже и несносною, оттого что уклонилась отъ природы и не удерживаетъ въ себѣ даже и тѣни вѣроятія. Если же и доставляетъ нѣкоторое удовольствіе, то только минутное, для того что увеселяетъ зрѣніе и слухъ, не питаетъ души. Здравомысліе рѣдко въ Операхъ проскакиваетъ. Въ разсужденіи чего, по великимъ на нее издержкамъ, по безчисленнымъ въ ней трудамъ и по многообразнымъ сдѣланиямъ вещей, она подобна той многосложной машинѣ, которая безпрестанно портится. Это, по изреченію Августа³², есть *та рыба, которая не стоитъ золотой уди, или игра свѣчи*. — Если жъ что и имѣетъ въ себѣ хорошаго, могущаго принести нѣкоторую пользу, то единственно то, что подала случай соединить поэзію съ музыкою, какъ водилось то у древнихъ». — По всѣмъ таковымъ причинамъ, г. Эстетики желаютъ ея исправленія, дабы возвысить къ той благородной цѣли, какова была греческая трагедія, отъ которой она происходитъ.

Я не вове намеренъ соглашаться съ таковымъ строгимъ судомъ, ниже смѣю защищать Оперу. Любимецъ Музъ, имѣющій доступъ къ Государю, уваженіе отъ своихъ подчиненныхъ и благорасположеніе къ себѣ публики, которому бы поручено было въ управленіе сіе важное зрѣлище, и посредственностію онаго

можесть заслужить благодарность. — Тонкихъ знатоковъ мало, вкусы различны, и мигъ удовольствія — шагъ къ блаженству. А сего уже и много, когда доставится случай нѣкоторымъ и несколько часовъ провести съ пріятностію. Какое же другое зрѣлище къ сему способнѣе, какъ Опера? — Она, мнѣ кажется, перечень, или сокращеніе всего зримаго міра. Скажу болѣе: она есть живое Царство вымысловъ и мечтаній поэзій; образчикъ (идеаль), или тѣнь того удовольствія, которое ни око не увидитъ, ни уху не слышится, ни въ сердцѣ не восходитъ, по крайней мѣрѣ престолюдиму. Въ ней представляются сраженія, победы, торжества, великолѣпныя зданія, хижины, пещеры, бури, молніи, громы, волнующіяся моря, кораблекрушенія, бездны, пламень изрыгающія. Или въ противоположность тому: пріятныя роши, долины, журчащіе источники, цвѣтушіе луга, классы, Зефиромъ колеблемые, зари, радуги, дожди, луна, въ нощи блистающая, сіяющее полуденное солнце; въ ней снисходятъ на землю облака, сидятъ на нихъ Боги, летаютъ Геніи, являются привидѣнныя, чудовища, звѣри, рыкають львы, ходять деревья, возвышаются и исчезаютъ холмы, поють птицы, раздается эхо. Словомъ: видишь предъ собою волшебный, очаровательный міръ, въ которомъ взоръ объемлется блескомъ, слухъ гармонією, умъ непонятностію, и всю сію чудесность видишь искусствомъ сотворенну, а притомъ въ умѣншительномъ видѣ, что будто человекъ познаетъ тутъ все свое величіе и владычество надъ вселенной. Подлинно, послѣ великолѣпной оперы долго находишься въ нѣкомъ сладкомъ упоеніи, какъ бы послѣ пріятнаго сна, забываешь непріятности въ жизни. Чего же еще желать? — Касательно моральной же ея цѣли, то что препятствуетъ возвести ея на ту же степень достоинства и уваженія, въ коемъ была Греческая Трагедія? — Извѣстно, что въ Аѳинахъ театръ былъ политическое учрежденіе. Имъ Греція поддерживала долгое время великодушныя чувстваванія своего народа, превосходство ея надъ варварами доказывающія. Много говорено и писано, что слава есть страсть душъ благородныхъ; что ни чѣмъ другимъ героевъ рождать и сердцами ихъ располагать не можно, какъ ею одной, и великій Суворовъ развѣдывалъ, что о немъ говорятъ ямщики на подставахъ, крестьянѣ на сходкахъ. Отъ гражданъ они получаютъ извѣстіе о городскихъ потѣхахъ, если въ нихъ сами не случатся. Ничѣмъ такъ не поражается умъ народа и не направляется къ одной мѣтѣ правительства своего, какъ таковыми приманчивыми зрѣлищами. Вотъ тонкость политики Ареопага и истинное поприще Оперы. Нигдѣ нельзя лучше и пристойнѣе воспѣвать высокихъ сильныхъ одѣ, препровожденныхъ Арфою въ безсмертную память Героевъ Отечества и въ славу добрыхъ Государей, какъ въ Оперѣ на театрѣ. ЕКАТЕРИНА Великая знала это совершенно. — Мы видѣли и слышали, какое дѣйствіе имѣло героическое музыкальное представленіе, сочиненное ею въ военное время подъ названіемъ *Олега*, въ которомъ одна строфа изъ 16-ой оды г. Ломоносова была воспѣваема:

Необходимая судьба
 Во всѣ народы положила,
 Дабы военная труба
 Унылыхъ къ бодрости будила.

Одинъ стихъ въ такомъ представленіи можесть произвести слѣдствія, подобные извѣстному слову, сказанному Александромъ Великимъ Кассандру.³³

Но оставимъ политику; сообщимъ нужныя замѣчания для желающихъ сочинять Оперы. По принятому издревле обыкновенію, ради своей чудесности, Опера — разумѣется трагическая — почерпаетъ свое содержаніе изъ языческой мѳологіи, древней и средней исторій. Лица ея — Боги, Герои, Рыцари, Богатыри, Фен, волшебники и волшебницы.

У насъ изъ Славянскаго баснословія, сказокъ и пѣсень древнихъ и народныхъ, писанныхъ и собранныхъ гг. Поповымъ, Чулковымъ, Ключаревымъ и прочими въ такъ названныхъ книгахъ *Досуахъ*, Славянскихъ сказкахъ и пѣсенникахъ, много заимствовать можно чудесныхъ происшествій. Сочинитель Оперъ и трагикъ могутъ одно и то же содержаніе обрабатывать, представляя знаменитыя дѣйствія, запутанныя противоборующимися страстями, которыя оканчиваются какими-либо поразительными развязками торжественныхъ или плачевныхъ приключеній. Сочинитель Оперы отличается тѣмъ только отъ трагика, что смѣло уклоняется отъ естественнаго пути и даже совсѣмъ его выпускаетъ изъ виду; ослѣпляетъ Зрителей частыми переменами, разнообразіемъ, великолѣпіемъ и чудесностію приводитъ въ удивленіе, не смотря на то, естественно или неестественно, вѣроятю или нѣвероятно. Въ трагическомъ родѣ предпочитаетъ всѣмъ другимъ высокое трогательное, и изыскается сильнымъ чувствомъ, а не словами одними; въ планѣ и въ дѣйствіяхъ избѣгаетъ хитросплетенія, держится простоты, въ ходѣ не спѣшитъ чрезъ мѣру, зная, что противно то свойству пѣнія, еще того болѣе бережется отъ продолжительной и трудной развязки, почитая, что это дѣло ума, и нужно въ Трагедіи, а не въ Оперѣ, гдѣ надобно болѣе чувства, въ продолженіе котораго, что говорить, что дѣлаетъ, то и выражаетъ языкомъ краткимъ, чистымъ. Пѣсни или самыя Оды для хоровъ, когда бы пристойность и случай позволили пѣть ихъ, должны быть ненадуты, просты, сильны, живымъ наполнены чувствомъ. Самой первой степени поэтъ, ежели онъ въ слогѣ своемъ нечистъ, тяжель, единообразенъ, единозвученъ, не умѣетъ изгибаться по страстямъ и облекать ихъ въ сердечныя чувства, — къ сочиненію Оперы не годится. Не позаимствуютъ отъ него ни выразительности, ни пріятности Лицедѣй и уставщикъ музыки. Сочинитель Оперъ непременно долженъ знать ихъ дарованія и применяться къ нимъ, или они къ нему, дабы во всѣхъ частяхъ оперы соблюдена была Гармонія. Комическій Оперистъ, примѣняясь къ сему, заимствуетъ содержанія свои изъ Романовъ, изъ общезитія, шутить благородно, болѣе мыслями нежели словами, избѣгая площадныхъ, а паче перековеркиванія ихъ по выговору иностранныхъ. Италіяны обильны и тѣми и другими, а Французы болѣе комическими операми, особливо маленькими, называемыми у нихъ оперетками. У насъ важныхъ Оперъ, сколько я знаю, только двѣ, сочиненныя Сумароковымъ: *Цефалъ и Прокрисъ*, *Пирамъ и Тизба*. Есть переведенныя изъ Метастазія и другихъ иностранныхъ; но онѣ играны на тѣхъ языкахъ, а не на Русскомъ, не говоря о шутошныхъ и забавныхъ, какъ *Филидора* и прочихъ. Каковыя есть и собственно отечественныя Сочиненія гг. двухъ Княжнинныхъ, Хераскова, князя Горчакова, князя Шаховскаго, Попова и прочихъ; но всѣмъ предпочитается г. Аблесимова *Мельникъ*, по естественному его плану, завязкѣ и языку простому. Выше сказано, что покойная Императрица удостоивала сей родъ поэзіи своимъ занятіемъ. Она любила Русской народъ и желала пріучить его и на театрѣ къ собственной его Идиомѣ³⁴. — Я осмѣливаюсь предложить не для образца или подражанія, но только для опыта отечественную Героическую Оперу подъ названіемъ «Грозный, или взятіе Казани», мною сочиненную.

Романсъ получилъ свое названіе отъ Романскаго, то есть испорченнаго Латинскаго языка, на которомъ около XI-го столетія первые начали писать сего рода пѣсни Трубадуры — Прованскіе Стихотворцы. — О семъ выше уже сказано; однако сего рода Стихотвореніе и прежде еще ихъ было извѣстно въ Гишпаніи, Англии и у прочихъ народовъ. — Гишпанія ими особливо богата, и изъ нее вошли они во Францію, а потомъ далѣе. Содержаніе старинныхъ Романсовъ была всякая всячина: забавная и печальная, а особливо набожность, храбрость, честь, любовь. Въ нихъ воспѣвались Рыцари, Дамы, волшебники, волшебницы; въ Богомолье, въ Рыцарскихъ подвигахъ и волокитствѣ упражнявшіяся. — Вкусъ того времени

приложенная выше пѣснь Трубадура XIII вѣка своею простотою ясно доказываетъ. Романсы составляются краткими четырехстропными разныхъ родовъ стихами, более жъ трехстопными, легкимъ, простымъ, яснымъ, текущимъ слогомъ, удобнымъ полагаться на Музыку, и препровождаются Мелодіею на разныхъ инструментахъ, а особливо на Гитарѣ. По образу повествованія сюда же относится и собраніе древнихъ Русскихъ пѣсень, изданныхъ г. Ключаревымъ, о коихъ при описаніи пѣсни ниже объяснится. — Сюда также принадлежатъ нищенскія набожныя пѣсни о святыхъ и Богатырскія похождения, которыя подобно Греческимъ рапсодіямъ³⁵ пѣвались у насъ по ярмонкамъ и прочимъ народнымъ собраніямъ праздно шатающимися бѣдными людьми, а въ Малороссіи и Студентами, кои назывались прежде сего Бурсаками. — Достоинство — разумѣется хорошихъ, правильныхъ Романсовъ — состоитъ въ томъ: 1-е) чтобъ писаны были сколько можно простѣе, но не площаднымъ языкомъ, если ж и шуточно, то шутки бы были въ мысли, а не въ словахъ, а особливо въ испорченныхъ. — 2-е) Чтобъ рассказывались въ нихъ сколько можно простодушнѣе похожденія или приключенія, но лирически, то есть: раздѣльно на четырехстрочные куплеты, краткими, выразительными, звучными стихами, съ богатыми или счастливыми рѣмами. 3-е) Чтобъ приключеніе въ нихъ было описано старинное и, сколько можно, того времени наречіемъ и покроемъ, когда и где что происходило; но не такъ, чтобы того разумѣть было невозможно. 4-е) Чтобы не было въ нихъ какого-либо умничества или учености, а равно и варварского невѣжества. 5-е) Чтобъ приключенія въ нихъ были рассказываемы занимательныя, чудесныя, трогательныя или смѣшныя, почерпнутыя изъ Мифологіи, Исторіи, Басенъ, Романовъ, сказокъ и прочихъ событій временъ прошедшихъ. — Словомъ: Романсъ любить волшебное, чудесное, удивительное, ужасное, мечтательное, любовное, нѣжное, страстное и всякія издевательскія повѣсти обоихъ половъ, а особливо о какомъ-либо древнемъ Богатырѣ, странномъ Рыцарѣ, Царѣ-Дѣвицѣ, волшебникѣ, волшебницѣ, отшельникѣ, старинномъ служивомъ и проч. — Вотъ примѣры Романсовъ: первый изъ Сочиненій г. Дмитриева часть . , странъ . , а второй мой собственной. Первой по легкости и красотѣ, а лучше — по простотѣ своей, что есть душа Романсовъ, достаточенъ былъ бы для подражанія; но какъ въ немъ нѣтъ рѣмъ, а первые изобретатели Романсовъ Трубадуры писали Романсы свои всегда съ рѣмами, то и написалъ я свой.

ВАХМИСТРЪ.

Сними съ себя завѣсу,
Седая старина!
Да возвѣщу я внукамъ,
Что ты откроешь мнѣ.

Я вижу чисто поле;
Вдали жъ передо мной
Чернѣеть колокольня
И вьется дымъ изъ трубъ.

Но кто вдоль по дорогѣ,
На голомъ рыжакѣ,
Трюхъ, трюхъ, а индѣ рысью,
Подъ шляпой въ колпакѣ,

Въ замасленномъ колетѣ,
Съ котомкой въ торокахъ?
Палашъ его тяжелый,
Тащась, чертитъ песокъ.

Не древний ли Крыжатикъ?³⁶
Вотъ сунуло куда!
Изрядной я историкъ!
Простите, — заврался.

Нѣтъ, это бывший вахмистръ
Шешминскаго полку,
Отставку получившій
Черезъ двадцать службы лѣтъ.

Уже въ верстѣ, не болѣ,
Отъ родины своей;
Все жилки въ немъ взыграли
И сердце разцвѣло!

Какъ будто въ мѣръ волшебный
Онъ ведьмой занесенъ;
Все, все его прельщаетъ,
Въ восторгъ приводитъ духъ.

И воздухъ будто чище,
И травка зеленѣй,
И солнышко светлѣе
На родинѣ его.

Завидя жъ дымъ въ деревнѣ,
Растаялъ пуще онъ;
Тогдашній день — Субботу
И баню вспомянулъ.

«Любезная хозяйка! —
Ворчалъ онъ про себя.
Помѣшкай на минуту
И будешь ты самъ-другъ.

Ступай, Рыжакъ, проворнѣй!»
И съ словомъ симъ стегнулъ;
Удалый конь пустился,
Какъ изъ лука стрѣла.

Ужъ Витязь нашъ проѣхалъ
Околицу съ гумномъ —
И вотъ уже въѣзжаетъ
На свой Господской дворъ.

Но что, ахъ! въ немъ находить?
Его ль жилище то?
Лубки прибиты къ окнамъ,
И на дверяхъ запоръ!

Не видно въ щѣломъ домѣ
Ни курицы живой;
Все тихо, — лишь на кровлѣ
Мяучить тощій котъ.

Онъ съ лошади слезаетъ,
Идетъ и въ дверь стучить —
Никто не отвечаетъ!
Лишь въ щелку ветръ свистить.

Объятый удивленьемъ
И страхомъ пораженъ,
Пошелъ онъ вспять съ сомнѣньемъ,
Его ли это домъ?

Но робкими шагами
Спустился лишь съ крыльца,
Какъ вдругъ Терентьичъ лысой
Представился ему.

Другъ друга вмигъ узнали —
И тотъ и сей завылъ.
«Терентьичъ! гдѣ хозяйка?»
Помещикъ спросилъ.

«Охти, охти, Бояринъ!
Ответствовалъ старикъ, —
Охти!» — и, скорчась, слезы
Утеръ своей полой.

«Ухъ, сръзаль! Знать, хозяйка
Велѣла долго жить!
Скажи, скажи скорѣй!» —
Вѣщаетъ Витязь мой.

Терентьичъ продолжаетъ:
«Хозяюшка твоя
Жива иль нѣтъ, Богъ знаетъ, —
Да здѣсь ея ужъ нѣтъ!

Пришло тебѣ, Бояринъ,
Всю правду объявить:
Попуталъ грѣхъ лукавый
Хозяюшку твою.

Она держала пристань
Недобрымъ молодцамъ;
Одинъ изъ нихъ пойманъ
И на нее донесъ.

Тотчасъ Ее схватили
И въ городъ увезли;
Что жъ съ нею учинили,
Узнать мы не могли.

Вотъ пятой годъ въ исходѣ, —
Охти намъ! — какъ объ ней
Ни слуху, нѣтъ, ни духу,
Какъ канула на дно»...

Несчастный мужъ поплакалъ,
Потомъ, вздохнувъ, пошелъ
Къ Терентичу въ избушку
И съ горести легъ спать.

Сей Витязь и понынѣ,
Друзья! еще живетъ;
Три года, какъ въ округѣ
Онъ Земскимъ былъ судьей.

II-й. Царь-Дѣвица.

Царь жила-была Дѣвица,
Шепчетъ Руска старина. —
Будто Солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна.

Очи были голубыя,
Брови черныя дугой,
Огнь — уста, власы — златыя,
Грудь — какъ лебедь бѣлизной.

Въ жилкахъ рукъ Ея пуховыхъ,
Какъ эфиръ, струилась кровь;
Между розъ, зубовъ перловыхъ,
Усмѣхалася Любовь.

Родилась она въ сорочкѣ
Самой счастливой порой,
Ни в полудни, ни в полночкѣ, —
Алой, утренней заріой.

Кочеть хлопалъ на нашестѣ
Крыльями, крича сто разъ:
Сѣверной Звѣзды на свѣтѣ
Нѣтъ прекраснѣй, какъ у насъ.

Маковка злата Церковна
Какъ горить средь красныхъ дней,
Такъ священная корона
Мило теплилась на ней,

И вливала чувство тайно
Съ страхомъ чтить Ее — дивясь:
Къ ней придти необычайно
Было не перекрестясь.

На нее смотрѣть не смѣли
И великіе Цари;
За решеткою сидѣли
На часахъ Богатыри.

И Полканы всюду чудны
Домъ стрegli Ее и тронъ;
Съ колоколенъ самогудный
Слышался и ночью звонъ.

Теремъ былъ Ея украшенъ
Въ солнцахъ, въ месяцахъ, въ звѣздахъ;
Отливались блески съ башенъ
Вкругъ въ восьми ее моряхъ.

Въ рощахъ злчныхъ, въ лукоморѣ
Въявь гуляла и въ саду,
Летомъ въ лодочкѣ на взморье,
На санкахъ зимой по льду.

Конь подъ ней, какъ вихрь, крутился,
Чувъ Дѣвицу ездока;
Полкъ за нѣю Нимфѣ тащился
По следамъ издалека.

Козъ и зайцовъ быстроногихъ
Страсть была Ея гонять,
Гладить ланей златорогихъ
И деревъ подъ тѣнью спать.

Ей ни мошки не мешали,
Ни кузнечики дремать;
Тихо вѣтерки порхали
Ее только обвѣвать.

И по веткамъ птички райски,
Скакивалъ заморской котъ,
Пѣли соловьи китайски
И жужукаль водоміотъ.

Статно стоя, няньки, мамки
Одаль смѣли чуть дышать,
И бояръ къ Ней спозаранки
Въ спальню съ дѣломъ допускать.

Съ ними такъ тамъ рассуждала,
Какъ изъ облакъ Божество;
Лежа царствомъ управляла,
Ихъ журя за шаловство.

Иногда же и тазала
Не однимъ ужъ язычкомъ:
Если больно рассерчала,
То—по кудрямъ башмачкомъ.

Все они Царя-Дѣвицы
Такъ боялись, какъ огня,
Крыли, прятали ихъ лица
Отъ малѣйшаго пятна.

И безъ памяти любили,
Что бесхитростна была;
Ей неправдѣ не говорили,
Что сама имъ не лгала.

Шила ризы золотыя,
Сплошь низала жемчугомъ,
Маслила брады сѣдыя
И не ссорилась съ умомъ.

Жить давала всемъ въ раздольѣ,
Плавали какъ въ маслѣ сырѣ;
Ездила на богомольѣ,—
Божествомъ Ее всякъ чтить.

Все поля Ея златились
И шумели подъ серпомъ,
Тучныя стада водились,
Горы капали серебромъ.

Слава добраго правленья
Разливалась всюду въ свѣтъ;
Все кричали съ восхищенья,
Что Ея мудрѣе нѣтъ.

Стиходѣи тужь бряцали
И на гусяхъ милу ложь;
Въ царствахъ иныхъ повторяли
О Царѣ-Дѣвице то жь.

И отъ этого-то грому
Поднялся женихи
Вереницей къ Ея дому,
Какъ фазаньи пѣтухи.

Царствъ за тридевять мудруя,
Вымышляли, какъ хвалить;
Вздохами любовь толкуя
Къ ней боялись подступить.

На слонахъ и на верблюдахъ
Ханъ иной дары Ей шлетъ,
Подъ ковромъ на Хинскихъ блюдахъ,
Камень съ гору самосвѣтъ.

Тотъ Эдемского Индея.
Гребень — звѣздъ на немъ наростъ,
Пурпуръ — крылья, яхонтъ — шея,
Изумрудный зобъ и хвостъ.

Колпигъ алы черевички
Тотъ, — съ бандорой выступать;
Горлицъ нежныя яички—
Нѣжно пѣть и воздыхать.

Но она имъ не склонялась:
Набожна была чрезчуръ;
Только въ шуткахъ забавлялась,
Напущая на нихъ дурь.

Иль велѣла имъ трудиться:
Яблокъ райскихъ Ей искать,
Хохликъ Солнцевъ, чтобъ свѣтиться
Въ тѣмѣ, въ вѣкъ младостью блистать.

Но животь понадорвали
И всѣ стали они въ пѣнь;
Какъ искавъ и не сыскали,
То исчезли будто тѣнь.

Тутъ, откуда ни явился
Царь, Царевичъ или Круль,
Ни людямъ не поклонился,
Ни на Спаса не взглянулъ.

По бедру коня хлестъ задню
И въ тотъ мигъ невидимъ сталъ, —
Шастъ къ Царю-Дѣвицѣ въ спальню
И Ея поцѣловалъ.

Хоронилася платочком
И ворчала хоть въ сердцахъ;
Но какъ вслѣдъ его окошкомъ
Хлопнувъ, то вскричала: ахъ!

Конь къ тому жъ въ пути обратномъ
Тронулъ сѣтъ садовыхъ струнъ:
Градъ позналъ въ семь звукъ страшномъ,
Что былъ дерзокъ Маркобрунъ.

Вотъ и всталъ дымъ коромысломъ
Отъ маяковъ по горамъ;
Въ мрачномъ воздухѣ, нависломъ
Ревъ завывалъ и по церквамъ.

Кличъ прокликали въ столицѣ,
И гонцы всѣмъ дали вѣсть,
Чтобъ скакать къ Царю-Дѣвице
И, служа ей, — мстить за честь.

Заскрыпѣли двери ржавы
Оружейницъ древнихъ лѣтъ,
Воспрянули мужи славы
И среди пустынныхъ мѣстъ.

Правятъ снасти боевыя
И булатъ и сталь острятъ;
Старыя орлы, седыя
Съ соколами въ бой летятъ.

И свирѣпы кони въ стойлахъ
Топаютъ, храпятъ и ржутъ,
На холмахъ и на раздольяхъ
Вьютъ пылъ столбомъ, пѣну льютъ.

Вслухъ пищали стѣнобойны,
Растворя чугунныя рты,
Взвивъ въ часы полночны, сонны,
Звали всехъ въ походъ идти.

Идетъ въ шкурахъ рать звѣриныхъ,
Съ дубомъ, съ пращей, съ кистеніомъ,
Въ перьяхъ птичьихъ, въ кожахъ рыбныхъ,
И какъ холмъ течетъ чрезъ холмъ.

Занимаетъ степи, луги
И насадами моря,
И кричатъ: погрѣмте, други,
За Дѣвицу, за Царя!

Не плѣнила она сбойствомъ
Нась, ни златомъ, ни серебромъ,
Но лишь девичимъ геройствомъ,
Здравымъ и простымъ умомъ.

И такъ сими вождь речами
Взбудоражилъ войновъ духъ,
Что, поднявъ бугры плечами,
Растрепали Круля в пухъ.

И еще въ его бы Царствѣ
Только разъ одинъ шагнуть,
Свѣта бъ не было въ пространствѣ,
Чемъ его и вспомянуть.

Кровь народа Маркобруна
Уподобилась рѣкѣ;
Онъ дрожалъ Ея перуна
И въ своемъ ужъ чердакѣ.

Но какъ онъ Царя-Дѣвицы
Нежный нравъ довольно зналъ, —
Сталь пастухъ—и гласъ цевницы
Часто Ей своей внушалъ.

«Виновать, — пѣль, — предъ тобою,
Что прекрасна ты, мила.
Сердце тронь мое рукою.» —
Сядь со мной! — она рѣкла...

Такъ и всѣ красотки славны
Дерзостей не могутъ несть;
Все бывають своенравны, —
Жены, дѣвы любятъ честь.

Баллада. — Нѣкоторые почитаютъ Ее Французкаго, другіе Италіянскаго происхожденія, отъ слова *ballo*, или пѣснь для бала сочиненная, по которой танцевали. — Это есть не что иное, какъ правильная небольшая повествовательная Поэма такого же содержанія, разбора и вкуса, какъ Романсъ; но только иные говорятъ, что Романсъ для пространнаго, а Баллада для краткаго повествованія; что послѣдняя тономъ нѣсколько повыше. И выраженіи не такъ простодушны и легки, какъ у перваго. — Но есть множество Балладъ и неправильныхъ, а особливо у Нѣмцовъ. — Въ Англіи уклонялась иногда Баллада къ роскошному, шутивому и колкому слогу; но нынѣ обратилась вездѣ на прежнюю простоту свою. Настоящая правильная Баллада пишется тремя куплетами одинакаго рода и мѣры стиховъ. Каждый куплетъ по восьми строкъ, а сверхъ трехъ еще куплетъ прибавляется въ четырьѣхъ строкахъ, такъ называемая у Французовъ *посылка*, или *обращеніе*. — Въ каждомъ куплетѣ находятся въ четырехъ строкахъ одинакія рѣзны, въ двухъ другія, а в шестой и в послѣдней — согласныя. При каждомъ куплетѣ, равно и въ обращеніи послѣдній стихъ одинакой повторяется пригѣвомъ прежняго стиха (или рефреномъ). — Вотъ примѣры правильной Баллады: первая подражательно переведенная изъ г. Руссо Жанъ Баптиста, а вторая моя собственная.

1-я.
Къ старухѣ.

Ужель и впрямъ, Краса съдая,
Проживъ вдовою двадцать лѣтъ,
Огнемъ любовнымъ вся пылая,
В плѣнь пажу сердце отдаешь?
Горить, — какъ печь, холодна какъ ледъ!
Но въ клеткѣ вѣтръ сдержать желая
И птички какъ полѣтъ? — Кто съдъ, —
Прости уже, любовь драгая!

Не лучше рай воображая,
Ты бѣ въ смерти зрѣла свой предмѣтъ,
Чемъ, страстью векъ твой сокращая,
Скорѣй скрываешь жизни слѣдъ.
Бывало время, — цвѣлъ твой цвѣтъ,
Сердца толпились, воздыхая,
Но днесъ совсемъ не то. — Кто съдъ, —
Прости уже, любовь драгая!

Припомнь, что въ книжкахъ ты читая,
Какъ подъ вечеръ, а не въ обѣдъ,
Лизетта бедная разтая
Любовной ощутила бредъ;
Но къ счастью, что Ея сосѣдъ
Былъ умный Рыцарь: не лаская,
Ей краткой даль совѣтъ: кто съдъ, —
Прости уже, любовь драгая!

И ты мнѣ, твой живой портретъ
Сребромъ и золотомъ осыпая,
Шутя бѣ хоть даль; но нѣтъ, — кто съдъ, —
Прости уже, любовь драгая!

II-я.
Сѣверный Амуръ.

В Рыцарски облекшись латы,
Озорной разбойникъ Галль,
Чтобъ добычи взять богаты,
На Россію наскакалъ. —
Конь его браздой звучалъ
И ступаль Москвѣ на пяты, —
Руской духъ напротивъ сталь —
Сѣверный Амуръ мохнатый.

Галль, въ хищеньи тароватый,
Кровью руки умывалъ,
Грбилъ пламенемъ градъ объятый
И карманы набивалъ;
Ни святынь не пощажалъ,

Въ храмы рыскаль и палаты, —
(Руской духъ лишь становяль) —
Съверный Амуръ мохнатый.

Галль сколь жаденъ былъ проклятый
И богатствъ сколь ни алкаль,
Но, бесстыдствомъ бѣсь крылатый,
Болѣ красоть искаль
И имъ жаръ свой открываль,
Требуя любви отплаты. —
Руской духъ лишь ихъ спасаль, —
Съверный Амуръ мохнатый.

Галль гдѣ усь лишь протягалъ
Алыхъ усть на ароматы, —
Въ грудь стрѣлой его встречаль
Съверный Амуръ мохнатый.

Неправильныя баллады.

1-я.

За нарушенный обѣтъ
Посылають Боги мщенье,
И измѣна — къ Аду слѣдъ. —
Боги мстятъ за преступленье!

Шель Всеславъ въ далекій путь,
И Всемила съ нимъ прощалась;
Белоснежна девы грудь
Слезъ ручьями орошалась. —
«Не забуду, — говорить, —
Хоть Всеславъ и дни скончаетъ:
Смерть лишь жизнь одну дѣлитъ,
Но сердцецъ не раздѣляетъ».

За нарушенный обѣтъ
Посылають Боги мщенье,
И измѣна — къ Аду слѣдъ. —
Боги мстятъ за преступленье.

«Есть ли жъ рушу клятву я
Въ дни, когда тебя не станеть,
Пусть ужасна тѣнь твоя
Укорять меня предстанеть. —
Пусть съ главы моей сорветъ
Тонкій флёръ, покровъ вѣнчанной,
И покажетъ къ гробу слѣдъ
Мне свѣточей погребальной!»

За нарушенный обѣтъ
Посылають Боги мщенье,
И измѣна — къ Аду слѣдъ. —
Боги мстятъ за преступленье!

Но повѣяль вътерокъ,
Месяцъ кроется, тускнѣеть;
Утра часъ ужъ недалокъ,
Скоро Солнце мракъ рассѣтъ —
И Всеславъ «прости» сказалъ,
Слезы скрытъ—шеломъ надвинулъ,
Къ груди милую прижалъ,
Воздохнулъ, взглянулъ, покинулъ.

За нарушенный обѣтъ
Посылають Боги мщенье,
И измѣна — къ Аду слѣдъ. —
Боги мстятъ за преступленья!

Время быстрое течеть,
Дни промчалися унылы...
Но Всеслава нѣтъ, какъ нѣтъ —
Где же онъ? Где страсть Всемилы?
Все забыто, —въ сердце къ ней
Поселилась прежняя радость:
Блескъ Вадимовыхъ очей
Оживиль девицы младость.

За нарушенный обѣтъ
Посылають Боги мщенье,
И измѣна — къ Аду слѣдъ. —
Боги мстятъ за преступленья!

Витязь храбрый былъ Вадимъ,
Статный юноша, прекрасный,
И навѣкъ Всемила съ нимъ
Сопряглась любовью страстной.
Вотъ курится фиміамъ,
Брачный пиръ благоухаетъ,
Ходить чаша по рукамъ
И веселье разливаеть.

За нарушенный обѣтъ
Посылають Боги мщенье,
И измѣна — къ Аду слѣдъ. —
Боги мстятъ за преступленья!

Но вдругъ въ теремъ золотой
Входитъ Витязь неизвестный
И садится близъ молодой,
Какъ бы жданный гость, любезный. —
Страшенъ гостя мрачный видъ:
Шлема спущено забрало,
Въ длани Свѣточъ, черный щитъ...
Онъ молчалъ, и—все молчало.

За нарушенный объѣтъ
Посылають Боги мщенье,
И измѣна — къ Аду слѣдь. —
Боги мстятъ за преступленье.

Тутъ Всемила изрекла,
Слыша сердца трепетенье:
«Витязь! шлемъ сними съ чела,
Соверши мое желанье;
Ликъ веселіе гласить!
Пей и веселися съ нами:
Брачный гимнъ для насъ гремитъ
Въ жизни разъ лишь предъ Богами!»

За нарушенный объѣтъ
Посылають Боги мщенье,
И измѣна — къ Аду слѣдь. —
Боги мстятъ за преступленье!

Такъ рекла и вотъ шеломъ
Неизвѣстнаго открылся
Вмигъ подземный грянулъ громъ
Витязь въ остовъ премѣнился.
«Я Всеславъ! — онъ говорить. —
Въ битвѣ Смерть меня сразила;
Но насъ смерть не разлучить:
Ты Невѣста мне, Всемила!»

За нарушенный объѣтъ
Посылають Боги мщенье,
И измѣна — къ Аду слѣдь. —
Боги мстятъ за преступленье!

«Ты клялась любить меня, —
Вѣчной клятвы не здержала
И ужасна тѣнь моя
Упрекать тебя предстала.
Со главы твоей сорветъ
Легкій флер, покровъ вѣнчанной
И покажетъ къ гробу слѣдь
Сей Свѣточей погребальной.»

За нарушенный объѣтъ
Посылають Боги мщенье,
И измѣна — къ Аду слѣдь. —
Боги мстятъ за преступленье!

Рекъ, воссталъ, схватилъ рукой
Полумертвую Всемилу
И повлекъ Ее съ собой
Въ темну, хладную могилу. —

Тамъ любви прѣдѣла нѣтъ
Тамъ Всеславъ Ее вкушаетъ;
Но Вадимъ? — Во цвѣтѣхъ лѣтъ
Ранняя скорбь его терзаетъ!

Ах! за рушенный обѣтъ
Посылають Боги мщенье,
И измѣна — къ Аду слѣдъ. —
Боги мстятъ за преступленье.

II-я.

Звучать щиты, и кони ржутъ
На брань Славяне поспѣшаютъ;
Отсюда воины текутъ
И къ битвѣ рвеніемъ пылають. —
Одинъ Вадимъ, ихъ вождь, герой,
Идетъ медлительной стопою,
Навѣкъ расстался онъ съ драгой,
И слава не мила герою.

Копье, противныхъ прежде страхъ,
Въ десницѣ сильной ослабѣло
Погасъ огонь мужества въ очахъ,
И Сердце страстию истлело;
Поникъ пернатый шлемъ Его,
Ретивый конь главу склоняетъ. —
«Гдѣ ты, другъ Сердца моего!
Гдѣ ты, Раида? — Онъ вѣщаетъ. —

Съ тѣхъ поръ, какъ разлученъ съ тобой,
Не вижу радости въ Вселенной,
Одинъ скитаюся съ тоской, —
Она лишь мнѣ другъ неизмѣнной!
Не милъ мнѣ громъ моихъ побѣдъ,
Нѣтъ больше мнѣ за нихъ награды,
Изчезъ Вадиму къ славѣ слѣдъ:
Погаснули Раиды взгляды!

Гдѣ дни, какъ въ лаврахъ я летѣлъ
Къ тебѣ отъ битвы знаменитой?
Гдѣ дни, когда отъ тучи стрѣлъ
Мнѣ грудь твоя была защитой?
Остался сиротой Вадимъ,
Изчезъ призракъ очарованья!
Почто же не исчезли съ нимъ
О радостяхъ воспоминанья?» —

Умолкъ, — и вдругъ тѣмы вражьихъ стрѣлъ
На рать Славянскую слетѣли;
Героевъ смерти мракъ одѣлъ;
На трупяхъ враны восшумѣли. —

Низпаль Вадимъ, пронзень копьемъ:
Окрестность вся вострепѣтала,
И въ браняхъ мещущего громъ
Могила мрачна воспріяла.

Сочин. г. Жихарева Людмила

Славнейшія Баллады на Нѣмецкомъ языкѣ — г. Бюргера, изъ коихъ у насъ прекрасно переведенныя (Людмила) и несколько вновь сочиненныя г. Жуковскимъ, но все они составлены не по образцу. <По-русски мои> также есть въ III части стран. 13 «Победа красоты»; стран. 206 «Лучъ»; въ V части стран. 170 «Жилище богини Фригги»; стран. 176 «Волхвъ Злогоръ» и правильная на стр. 234 «На возвращение Государыни Императрицы».

Стансъ — Лирическое стихотвореніе, для комнатнаго пѣнія определенное, состоящее изъ нѣсколькихъ Куплетовъ, или Стансовъ, название свое имѣетъ отъ Италіянскаго слова (stanza), или расстановка. Ввелъ ее въ употребленіе первоначально во Франціи в 1580 году при Генрихѣ III Французкій Стихотворецъ Линкендесъ. — Стансы сочиняются опредѣленнымъ числомъ стиховъ, яснымъ и чистымъ слогомъ. Главное правило въ нихъ — не дѣлать переносовъ изъ одного куплета, или станса, въ другой. — Располагаютъ стихи такъ, чтобы при переходѣ изъ одного куплета въ другой не помѣщали сряду двухъ стиховъ мужскихъ или двухъ женскихъ, которые бы между собой составляли рیمъ; или прочетши Стихъ, въ оконченномъ куплетѣ не встрѣтитъ бы начинающійся куплетъ такого же рода, мужскимъ или женскимъ стихомъ. Находятся *Стансы* правильныя и неправильныя. — Неправильныя суть тѣ, которые не подвержены вышесказанному опредѣленному порядку; но бываютъ въ нихъ помѣщены ріомы по волѣ Стихотворца, только бы не было двухъ мужскихъ или женскихъ ріомъ сряду. — Бываютъ стансы изъ 4-хъ, 6, 8, 10 и 12 стиховъ, а также изъ 5, 7, 9 и 11-ти. Составленныя же изъ 4-хъ называются у Французовъ четырехстрочными, изъ 5 — пятистрочными, изъ 6 — шестистрочными, изъ 8 — осмистрочными, изъ 10 — десятистрочными, но тѣ, которые составлены бываютъ изъ 7, 9, 12, 13 и 14-ти стиховъ, названія особливаго не имеютъ. — Двенадцатистишныя *Стансы* сочиняются точно такимъ порядкомъ, какъ и тѣ, которые называются десятистрочными, но прибавляются только къ 10-ти стихамъ два одинакой ріомы съ послѣдними. Четырнадцатистишныя имеютъ тотъ же самый порядокъ. Впрочемъ, какъ сихъ послѣднихъ, такъ и 13 и 16-строчныхъ Стансовъ, какъ Французы говорятъ, у нихъ весьма рѣдко видѣть можно. — Семистишныя стансы сочиняются изъ 4-хъ строкъ и трехъ или изъ 3-хъ и 4-хъ. Въ первомъ случаѣ после четвертаго Стиха полагается расстановка, или отдохновеніе, а во второмъ — послѣ третьяго тоже. — Девятиштишныя же Стансы составляются всегда одинакаго порядка, то есть: прежде всего пишутся четыреъ стиха, а потомъ пять. И, такимъ образомъ, расстановка сего рода въ Стансѣ бываетъ уже послѣ четвертаго стиха. — Французы думаютъ, что бореніе страстей или приятная задумчивость весьма удобно изображаются въ стихахъ сего рода по неравному ихъ размѣру. Но могутъ также Стансы изображать веселья и приятныя предметы. Въ семь случаѣ стихи ихъ располагаются такимъ образомъ, что веселья чувства изъясняются при окончаніи каждаго Станса мужскимъ стихомъ, потому что будто мужскія не столько располагаютъ къ нѣжной унылости, сколько женскія; но сіе можетъ быть свойственно Французкой поэзіи, а въ Россійской унылость, веселость или нѣжность не привязаны, кажется, ни къ мужскимъ, ни къ женскимъ стихамъ, но даютъ имъ отгѣнки тѣ или другія чувства Сердца стихотворческаго. — Стансами у насъ называются просто стихи восьмой или десятистрочными куплетами, писанныя легкимъ и приятнымъ слогомъ, которой

не показывает ни сильного пламенного восторга, ни паренія превосходнаго или лирическаго дара, чего Стансъ и не требуетъ. — Онъ долженъ помѣщенъ кажется быть между Греческихъ Пеана и Схоліи. Таковыхъ христіанскихъ прекрасныхъ Стансовъ можно довольно видѣть у г. Хераскова въ ...> части на стран. — Вотъ примѣръ Станса Французкаго и Русскаго.

Французкаго:

Крылаты пролетаютъ годы,
Как мигъ — проходить такъ же вѣкъ,
И ахъ! обычный кругъ природы
Не перемѣнитъ Человѣкъ,
Хотя бы жертвы онъ стотельчны
И благовонный Фиміамъ
Всечасно воскурялъ Богамъ, —
Судебъ законы будутъ вѣчны.

Отъ смерти жертвы не спасутъ:
Богатый Крезъ и Ирѣ убогой
Въ обитель общую пойдутъ
И такъ же общею дорогой.
Почто жъ страшиться, коль судьбой
Прикованы мы къ общей долѣ,
Что слышенъ громъ на бранномъ полѣ
И всюду льется кровь рѣкой?

Почто жъ страшиться намъ, что бури
На черныхъ тучахъ возлегли
И въ понтѣ кроя свѣтъ лазури,
Ломаютъ съ трескомъ корабли?
Ужель не все одно и то же,
Что кончить дни свои въ волнахъ,
Иль въ ратной прѣ, съ мечемъ въ рукахъ,
Иль дома и на мягкомъ ложѣ?

Все должно свѣтъ оставить сей,
Какъ брѣгъ цвѣтушій, но мятежной;
На что жъ объ немъ скорбеть душой,
Плывя ко пристани надежной?
Единый мигъ — всему конецъ!
Кто въ свѣтъ знаетъ смерти муки?
Но ахъ! ужасенъ часъ разлуки:
Кончина рушитъ связь Сердецъ!

Ужасенъ часъ! предѣлы гроба
Насъ безызвѣстностью страшатъ;
О смерти мысль: трепещеть злоба
И мнитъ отверзтый видѣть Адъ;
Кто не былъ обольщенъ страстями?
Кто, міру не служа душой,
На мракъ безвѣстный гробовой
Взиралъ безстрашными очами?

Безмездное добро творить,
Блаженство ближняго устроить,
Рассудку страсти покорить —
Вотъ средство — совѣсть намъ покоить,
Неробко смерти ждать приходъ!
Мы гости въ жизни сей мгновенной —
И семя нашихъ дѣлъ въ вселенной
Лишь въ вѣчности приносить плодъ.

Сочин. г. Жихарева.

Русскаго:

Прочь отъ насъ, Катонъ, Сенека!
Прочь, угрюмый Эпиктетъ!
Безъ утѣхъ отъ человѣка
Пусть, несносенъ былъ бы свѣтъ.

Младость дважды не бываетъ;
Счастливъ тотъ, которой въ ней
Путь цвѣтами устилаеть,
Не предвидя грозныхъ дней! —

Такъ мою настроя лиру
И призвавъ одну изъ музъ,
Дружбу, Сердце и Темиру,
Съ ними пѣлъ а мой союзъ.

Пѣлъ, не думая о славѣ, —
Не искалъ ничьихъ похвалъ;
Лишь друзей моихъ къ забавѣ
Лиру я съ стѣны снималъ.

Все въ глазахъ моихъ играло,
Я въ волшебной былъ странѣ!
Солнце ярче лучъ бросало
И казалось Фебомъ мнѣ.

Вижу ль розовый листочикъ:
Онъ меня остановилъ;
То Зефиръ, не вѣтерочикъ,
Крылышкомъ Его сронилъ.

Въ роще ль голосъ разольется
Сладкопѣвца Соловья,
Сердце въ мигъ во мнѣ забьется. —
Филомелу вспомню я.

Съ нею вмѣстѣ унываю
И доволенъ, что грущу! —
Но почто я вспоминаю
То, чего ужъ не сыщу?

Утро дней моих затмилось
И опять не расцвѣтеть:
Сердце съ счастьемъ простилось
И мечтой весеннихъ лѣтъ.

Рѣзвый нѣжныхъ музъ питомецъ,
Другъ и смѣховъ и утѣхъ,
Нынѣ имъ какъ незнакомецъ
И собой пугаетъ всѣхъ.

Чувства прежнія имѣю,
Прежній жаръ въ моей крови,
А ужъ Граціямъ не смѣю
Воспѣвать я о любви.

Осужденъ къ несносной скукѣ
Грусть въ самомъ себѣ хранить
Ахъ! и съ другомъ бытъ въ разлукѣ,
И отъ дружбы слезы лить!

О любимый сынъ природы!
Нѣжный, милый нашъ пѣвецъ!
Скоро ль Отческія воды
Насъ увидятъ на конецъ?

Скоро ль мы на Волгу кинемъ
Радостный сыновній взоръ,
Всѣхъ родныхъ своихъ обнимемъ
И составимъ братской хоръ?

Съ нами то же, что со цвѣтомъ:
Былъ — и нѣтъ его чрезъ день.
Ахъ, уклонимся жъ хоть лѣтомъ
Древъ домашнихъ мы подъ тѣнь.

Скажемъ имъ: Древа! примите
Вы усталыхъ пришлецовъ
И съ пріязнью обнимите
Въ нихъ друзей и земляковъ.

Было время, что играли
Здѣсь подъ тенью мы густой, —
Вы цвѣтете,... мы увяли!
Дайте старости покой.

Сочин. г. Дмитріева.

Кратко сказать: стансами называть можно всѣ наши 10-ти и 8-ми строчные куплеты, легко и плавно писанные, которые не имѣютъ въ себе ни восторговъ, ни паренія.

Пѣсня. — Пѣніе родилось вмѣстѣ съ человѣкомъ. Прежде нежели лепеталъ, издавалъ онъ гласы, а въ возрастъ страсти почти каждая нашла свой особый голосъ. Отсюда происходятъ пѣсни. — Это уже сказано въ самомъ началѣ сего разсужденія.

Россійскія старинныя пѣсни раздѣляются на три рода: на протяжныя, плясовыя и средня. — О характерѣ, мелодіи и сходствѣ ихъ съ древними Греческими видно въ предисловіи покойнаго Тайнаго Совѣтника и Кавалера Львова, при Книгѣ, изданной имъ въ 1790 году о народномъ Рускомъ пѣніи, гдѣ всякаго содержанія пѣсни, собранныя стараніемъ Его, положены на ноты Придворнымъ Капельмейстеромъ Прачемъ³⁷. — Здѣсь скажемъ нѣчто о ихъ стихотвореніи; оно просто, ближе къ природѣ, нежели къ искусству; отличается, большею частью въ началахъ пѣсень, едва ли не отъ всѣхъ иностранныхъ, отрицательными сравненіями и сокращенными прилагательными именами, какъ-то: *не ясенъ соколъ по поднебесью, чернъ воронъ вмѣсто черный*, что придаетъ ему некоторую особенную загадочную бодрость и силу; но во всѣхъ есть связь; большая часть безъ рифмъ; разнаго рода и мѣръ стиховъ; а не такъ, какъ нынѣ пишутся съ рифмами, одними почти трехстопными ямбами и хорейми. — Вотъ ихъ спечатокъ, или подобіе древнимъ: Цыганскія, по быстротѣ слога и по приговоркѣ какой-нибудь одной рѣчи, точно суть Дионисамбы; Подблюдныя — по гаданіямъ, — ихъ Клиноды; святошныя, по игрѣ³⁸, какъ наша: *Живѣ, живѣ Курилка* и такъ далѣе. — Нельзя сказать, чтобъ въ нихъ и поэзіи не было, хотя не во всѣхъ. Находятся такія, въ которыхъ видно не только живое воображеніе дикой природы, точное означеніе времени, трогательныя, нѣжныя чувства, но и философическое познаніе сердца человѣческаго.

Такова пѣсня въ сказанной Книгѣ подъ № 3. — Находятся такія, кои веселую фантазію въ веселыхъ видахъ изъясляющія — подъ № 15. — Есть показывающія естественное вѣрное подобіе, какъ подъ № 23. — Есть изъясняющія чистосердечіе и милую простоту, какъ подъ № 34. На конецъ не недостаетъ и такихъ, въ которыхъ показывается сравненіями нѣжнѣйшая въ своемъ родѣ высота чувствованій и мыслей, пронизающая душу; также и такихъ, которыя мрачными картинами и мужествомъ во вкусѣ Оссіяна возбуждаютъ къ Героизму. — Первая изъ сихъ двухъ послѣднихъ подъ № 29. Скажемъ вкратцѣ Ея содержаніе: Любownikъ проситъ позволенія у прежней своей любовницы жениться, увѣряя ее, что онъ ее будетъ любить по прежнему. — Она ему отвѣтствуетъ:

Ахъ, не грѣтъ солнцу жарче лѣтняго,
Не любить другу больше прежняго.

Вторую прилагаю подлинникомъ:

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Ужъ не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече въ чистомъ полѣ.
Курится огонечекъ малешенекъ:
У огоніочка разостланъ шелковой коверъ,
На коврикѣ лежитъ удалъ добрый молодець,
Прижимаетъ бѣлымъ платомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецкую кровь горячую.
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
Будто слово хочеть вымолвить хозяину:
Ты вставай, вставай, удалой добрый молодець!
Ты садися на меня на своего слугу,
Отвезу я добра молодца въ свою сторону,

Къ отцу, къ матери родимой, къ роду-племени,
 Къ милымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ. —
 Какъ вздохнетъ удалой добрый молодецъ;
 Подымалась у удалого его крепка грудь;
 Опускались у молодца бѣлы руки,
 Растворилась его рана смертная,
 Пролилась ручьемъ кипячимъ кровъ горячая.
 Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему коню:
 Охъ, ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
 Ты товарищъ моей участи,
 Добрый пайщикъ службы царскія!
 Ты скажи моей молодой вдовѣ,
 Что женился я на другой женѣ;
 Что за ней я взялъ поле чистое,
 Насъ сосватала сабля острая,
 Положила спать калена стрѣла.

Сочин. неизвѣстнаго.

Словомъ: въ Рускихъ древнихъ народныхъ пѣсняхъ много любопытнаго разнообразія въ картинахъ и въ слогѣ, свойственныхъ нашей поэзи. Можно о семъ читать съ великою основательностію писанное Шишковымъ въ разговорахъ его о словесности, напечатанныхъ въ прошломъ 1811 году. Но относительно древнихъ пѣсней, изданныхъ г. Ключаревымъ, о конхъ выше при описаніи Романа упомянуто, то въ нихъ нѣтъ почти поэзи, ни разнообразія въ картинахъ, ни въ стопосложеніи, кромѣ весьма немногихъ. — Онѣ сухи, одноцвѣтны и однотонны. По гигантеску, или богатырскому хвастовству хлѣбосольствомъ и боями, оказывается въ нихъ, съ одной стороны, отгѣнокъ грубой Скабдинавской Поэзи, свойственной нашимъ предкамъ, по склонности ихъ къ молодечеству и попойкамъ, что выпиваютъ однимъ духомъ по ушату вина и побиваютъ трупомъ одного мертвого татарина, схваченнаго за ноги, бусурмановъ по тысячи; а другой — по повтореніямъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, одними и тѣми же словами того, что уже выше сказано, сходствуютъ с Гомеровыми пощмами, кромѣ вышепомянутой нелѣпицы и неуваженія женскому полу, чего у Грековъ нигде не примѣчается. Поелику же сіи древніи русскіе пѣсни, или старинные наши романы, всѣ почти повествуютъ о победахъ нашихъ надъ Татарами, то и должно изъ сего заключить, что они не весьма глубокой древности, а по освобожденіи уже Россіи отъ сихъ варваровъ сочинены какимъ-нибудь однимъ человѣкомъ, а не многими, чѣмъ и доказывается не вкусъ цѣлаго народа, котораго въ нихъ, какъ и въ другихъ нашихъ пѣсняхъ я не вижу. При всемъ томъ они, какъ и простанародные сказки, хотя бы были неиспорчены, какъ остатокъ нашей старины, весьма драгоценны. —

Но теперь станемъ говорить о нынѣшнихъ пѣсняхъ: онѣ заимствованы отъ Европейцовъ. — Ежели не взять появленія ихъ со времени князя Кантемира³⁹ и также Тредьяковскаго, когда онъ перевелъ несколько Французскихъ и небольшую поэму, называемую: *Вада въ островъ любви*, также сочинилъ нѣсколько своихъ пѣсень; будучи еще въ Гамбургѣ 1730 года, какова напримѣръ:

Весна катить,
 Зиму валить,
 Поютъ птички
 Со синички,
 Хвостомъ машутъ и лисички: —

То и нельзя, кажется, происхождение нашихъ пѣсень разумѣется новаго вкуса отнести далѣе времени ПЕТРА Великаго, когда сблизижъ онъ насъ съ Европою. Царствование императрицы ЕЛИСАВЕТЫ вѣкъ былъ пѣсень. Она сама благоволила снисходить на сию забаву. Для показанія тогдашняго вкуса прилагаю ниже сего сколько по преданію известно, сочиненную собственною ея особою. Таковыя вообще пѣсни, разумеется изящныя, или лучшаго разбора людей, по разсужденію эстетиковъ, не что иное есть, какъ мгновенный взглядъ на природу пріятную, нужную, веселую, игривую, въ которой наслаждается человекъ блаженствомъ жизни; или вопреки тому, въ несчастныхъ случаяхъ сокрушается горестію, уныніемъ, тоскою, печалію и далѣе. Предлогъ пѣсни, выраженіе и ходъ ея приличенъ ея содержанію. Онъ легокъ, естественъ, простъ. Въ пѣсни господствуетъ полное, живое чувство, какъ и въ одѣ; но только гораздо тише, не съ такимъ возвышеніемъ и распространіемъ. Пѣсня назначена природою для пѣнія: то и должна она быть сладкозвучною, способною къ музыкѣ и къ повторенію какимъ-либо инструментомъ. Въ пѣснѣ ни радостное, ни горестное, ни забавное, ни издѣвочное ощущеніе не преступаетъ правилъ благопристойности и границъ общежитія. Знатоки говорятъ, что между пѣснью и одою трудно положить черту различія. Но естли оно и существуетъ то основывается ни на чемъ другомъ, какъ на постепенности.

Для разбора же подобныхъ степеней или *градацій* въ сочиненіяхъ надобенъ весьма пронизательный умъ и крайне тонкое чувство, чтобъ определить ихъ решительную разность. Въ одѣ и пѣснѣ столь много общаго, что та и другая имѣютъ право на присвоеніе себѣ обоюднаго названія; однакоже не можно указать и между ими нѣкоторыхъ отгнѣнокъ, какъ по внутреннему, такъ и по внешнему ихъ расположенію. По внутреннему: Пѣсня держится всегда одного прямого направленія, а Ода извивчиво удаляется къ околичнымъ и побочнымъ идеямъ. Пѣсня изъясняетъ одну какую-либо страсть, а Ода перелетаетъ и къ другимъ. Пѣсня имѣетъ слогъ простой, тонкой, тихой, сладкой, легкой, чистой; а Ода смѣлый, громкій, возвышенный, цвѣтушій, блестящій и не столькой иногда обработанный. Пѣсня долгое время иногда удерживаетъ одно ощущеніе, дабы продолженіемъ онаго болѣе напечатлѣться въ памяти; а Ода разнообразіемъ своимъ приводитъ умъ въ восторгъ и скоро забывается. Пѣсня сколько возможно удаляетъ отъ себя картины и витійство, а Ода, напротивъ того, украшается ими. — Пѣсня чувство, а Ода жаръ. — По внѣшнему составу: пѣсня имѣетъ сходные съ первымъ, одинакіе и равные куплеты; а Ода иногда разномѣрныя и неравнострочныя строфы. Пѣсня во всякомъ куплетѣ содержитъ полный смыслъ и окончателные періоды; а въ одѣ нерѣдко летитъ мысль не токмо въ сосѣдственныя, но и въ послѣдующія строфы. Пѣсни у насъ пишутся по большой части хорями, или другими метрами, но только трехъ-стопными, или двухъ-стопными стихами, удобными полагаться на музыку; а оды для чтенія, наиболее четырехъ-стопными ямбами, громогласные звуки издающими, по крайней мѣрѣ такъ почти всегда писали гг. Ломоносовъ и Сумароковъ, послѣдую Нѣмцамъ и Французамъ. Пѣсня имѣетъ одинъ напѣвъ или мелодію, въ разсужденіи единообразнаго ея куплетовъ расположенія и мѣры стиховъ, которыя легко могутъ затверживаться наизусть и вновь возражаться въ памяти своимъ голосомъ; а Ода, по неравнымъ своимъ строфамъ и разносилнымъ выраженіямъ, въ разсужденіи разныхъ своихъ предметовъ, разною гармонією препровождаться долженствуетъ и не легко затверживается въ памяти. Пѣсня должна украшаться неискусственною простотою, гладкотекущими стихами и богатыми рѣимами; а Ода довольствуется однимъ механическимъ движеніемъ и просодією, небрежа слишкомъ о звонкихъ рѣимахъ, или вовсе пишется безъ оныхъ; но печется только о богатствѣ, высоты мысли и яркой выразительности. Въ Пѣснѣ царствуетъ пріятность, а въ одѣ

пареніе. Пѣсня никакой шероховатости, никакой погрѣшности не терпитъ; а въ одѣ иногда, какъ въ Солнцѣ, небольшія пятна извиняются. Пѣсня вообще убѣгаетъ важныхъ, славянскихъ словъ, смѣлыхъ оборотовъ и всякихъ лирическихъ украшеній, довольствуется одною только ясностію и искусственною простотою; а Ода безъ Славянскаго языка, извитій и глубокомыслія почти обойтись не можетъ. Наконецъ, въ Пѣсни все должно быть естественно, легко, кратко, трогательно, страстно, игриво и ясно, безъ всякаго умничества и натяжекъ; а въ Одѣ потребно знаніе Мифологіи, Исторіи, Астрономіи и прочихъ наукъ, ежели (поэтъ) хочетъ чувства ввести (заметныя) и удивленія достойныя. Превосходный лирикъ долженъ иногда уступить, въ сочиненіи пѣсни, вѣтряной, веселонравной Дамѣ. Французы въ семъ родѣ поэзіи признаются во всей Европѣ лучшими искусниками. Особливо ихъ любовныя, забавныя, застольныя пѣсни, по вкусу пріятности своей, едва ли не достигли совершенства. Множество и у насъ подобныхъ, иныя можетъ быть и не хуже, что можно видѣть во всѣхъ нашихъ пѣсенникахъ, гдѣ находятся пѣсни на всякія случаи. Лучшія пѣсней Сочинители у насъ почитаются: гг. Нелединскій, Дмитріевъ, Поповъ, Богдановичъ, Капнистъ, Карамзинъ, князь Горчаковъ и другія, которыхъ имена изъяснять было пространно, и предоставляю себе некоторыхъ упомянуть въ номенклатурѣ. Въ заключеніе вотъ та пасторальная пѣсня, которая относится преданіемъ къ помянутой высочайшей Сочинительницѣ:

Чистый источникъ! всѣхъ цвѣтовъ красивѣй,
 Всѣхъ пріятнѣй мнѣ луговъ,
 Ты и роцъ всѣхъ, ахъ! и меня счастливѣй,
 Горь, долинокъ и кустовъ;
 Но не тѣмъ, что лишь струйки тихо льются
 По сыпучему песку
 И что птичекъ въ слухъ пѣсни раздаются
 По зеленому лѣску.
 Нѣтъ, не тѣмъ; но прекрасно умывала
 Нимфа что лице тобой,
 Съ брегу бѣлыя ноги опускала
 И токъ украшала твой.
 Тутъ и алыя розы устыдились,
 Зря ланиты и уста,
 И ланей къ ней на грудь преклонились,
 Что бѣлѣй ихъ красота.
 О, коль щастливы желтыя песчинки,
 Тронуты ея стопой!
 О, коль пріятны легкія травинки,
 Смятыя ея красой!
 Тише жъ нынѣ, тише протекайте,
 Чисты струйки по песку
 И слѣдовъ съ него Ея вы не смывайте, —
 Смойте съ глазъ мою тоску.

Вотъ всѣ известные до нынѣ произведенія новѣйшихъ времявъ Лиры. Они если не чада истой природы, то не что иное суть, какъ подражательныя отростки древнихъ, съ нѣкоторыми только переменами въ ихъ составе и мѣрѣ, отъ игры воображенія, свойствъ и страстей поэтовъ происшедшія. Высокія и глубокомысленныя, какого бы названія ни были, то же, что Гимны и Оды; пламенныя и иступленныя — Дионирамбы; трогательныя и умилительныя — Пеаны; приятныя и забавныя — Схоліи. По разнообразію ихъ въ выраженіяхъ и по отгѣнкѣ въ чувствахъ, какъ Эстетики говорятъ⁴⁰, суть бесчисленны, подобно на деревьяхъ листьямъ, начавъ отъ многолиственного твердаго дуба до нѣжно благоуханной розы и даже до жесткаго и сухаго Иссопа. Между высокопарнымъ Пиндаромъ и забавно рассудительнымъ Гораціемъ, шутивнымъ Анакреономъ и страстнолюбленною Сафою, мрачнымъ Оссіаномъ и тупоумнымъ Камчадаломъ бесконечная есть разность. Но при всемъ томъ новѣйшія Словесники⁴¹ раздѣляютъ Оду на четыре главныя статьи.

Французы:

- I. — на духовную.
- II. — Героическую.
- III. — Философическую.
- IV. — Общежительную.

Нѣмцы:

- I. — на Размыслительную, или философическую.
- II. — Фантазическую (вообразительную) или описательную.
- III. — Чувственную, или чувства одни изъясляющую.
- IV. — Смѣшанную, или тѣ и другія свойства содержащую; но г. Гецель къ онымъ прибавляетъ и V-ю, такъ называемую Амбеическую, или перекликную.

Въ *духовной* Одѣ удивляется Поэтъ премудрости Создателя, въ видимомъ имъ въ семь великолепномъ Мірѣ чувствами, а въ невидимомъ — духомъ вѣры усматриваемой; хвалить Провиденіе, славословить благодать и силу Его; исповѣдуетъ предъ Нимъ свое ничтожество и согрѣшеніе. — Всѣ же таковыя понятія изъясляетъ простымъ, чистымъ, сокрушеннымъ Сердцемъ или пламеннымъ восторгомъ, даже иногда какъ бы во иступленіи, изъ брэнной плоти исторгаясь, воскресляется душою въ ликъ Ангеловъ. Таковыхъ множество гимновъ и одъ въ Вѣтхомъ Заветѣ, въ Псалтирѣ у Давида и у прочихъ пророковъ, а в христіанствѣ у Дамаскина и у другихъ Церковныхъ Пѣснописцевъ. Замѣтить должно, что въ первыхъ господствуетъ болѣе чувственное воображеніе: тамъ прыгають горы, какъ овны; рѣки вспятъ возвращаются; одѣвается Богъ свѣтомъ, какъ ризою; ходитъ на крылахъ вѣтренныхъ и тому подобное. Во вторыхъ царствуетъ духовное пареніе или отвлеченныя непостижимыя понятія таинствъ о воплощеніи сына Божія. — Слово плоть бысть; сый трипостасное сіяніе Отчее; по рождествѣ дѣва и по смерти жива и прочь. Приведемъ здѣсь тому и другому примѣры:

Въ чувственномъ.

1) Облакъ и мракъ окрестъ Его, правда и судьба исправленіе престола Его. Огнь предъ нимъ предъидеть, и погальить окрестъ враги Его. Освѣтиша молнія Его вселенную, видѣ и подвижется земля. Горы яко воскъ растаяша отъ лица Господня, отъ лица Господа вся земля.

Псал. 96.

2) Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюся, мыслями утомленъ!

Г. Ломон. Ода II. О величествѣ Божіемъ.

3) Какъ искры сыплотся, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя рождаются;
Какъ въ мразный ясный день зимой Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сияютъ, —
Такъ звезды въ безднахъ подѣ Тобой.

Часть 1-я. Ода Богъ.

Въ отвлеченномъ.

1) Вонми небо, и возглаголю, яко слово Отчее волею сниде на землю,
преклонивъ Небеса, и бысть человекъ да человекъ спасеть, яко человекъколюбець.
Дамаск. Гласъ 1-й. Пѣснь 2-я.

2) Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣль;
Но взоръ твой въ бездну проникаетъ,
Не зная никакихъ предѣль.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Литется радость твари всей.

Г. Ломон. Ода 10-я.

3) Хаоса бытность довременну
Изъ безднѣ Ты вѣчности воззвалъ;
А вечность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ:
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сияя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ,
Создавъ все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есть, Ты будешь въ вѣкъ!

Часть 1-я, Ода Богъ.

Въ *Героической* Одѣ восхищенный Лирикъ удивляется или сорадуется душевнымъ и тѣлеснымъ качествамъ прославляемого имъ Героя или Героини или своего народа; одобряетъ и хвалитъ ихъ заслуги, поощряя и впредь къ добродѣтелямъ; превозноситъ великодушіе, мужество и благость въ дѣйствіяхъ, смѣлость и благоразуміе въ предпріятіяхъ. Правила сей Оды тѣ же самыя, что и въ *Богочительной*; но по не столь важному предмету наполняется она не столь высокими мыслями. Примѣчено сіе и у другихъ славныхъ Художниковъ, как-то: у Живописцевъ, Музыкантовъ и Каменосѣщцовъ, что при изображеніи ими божественныхъ предметовъ возвышаются ихъ таланты и даже сами себя превосходятъ. — У Грековъ въ Героическихъ пѣсняхъ всѣхъ былъ блистательнѣе Пиндаръ. Онъ воспѣвалъ отличившихся на Олимпійскихъ и другихъ играхъ конскимъ ристаніемъ, бѣгомъ, борьбою и прочими ратоборными подвигами. — Въ Римѣ, подражая ему, Горацій воспевалъ Августа, у насъ Ломоносовъ Петра

и Елисавету, а Петровъ Екатерину II-ю, которыя въ кругу нашихъ лириковъ, писавшихъ похвальныя Оды, предсѣдательствуютъ и понынѣ. Вотъ примѣры:

1) Когда бы древни вѣки знали
Твою щедроту съ красотой,
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный въ храмѣ образъ твой.

Г. Ломон. Ода 2-я.

2) Въ Тебѣ прекрасный домъ создали
Душѣ великой Небеса. . .

Его же Ода 7-я.

3) Великое Свѣтило міру,
Блестая съ вечной высоты
На бисерь, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ,
Но краше въ свѣтѣ не находить
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ той всего превыше,
Душа ея зефира тише
И зракъ прекраснѣе рая.

Его же Ода 8-я.

4) Что Марсъ кровавый не дерзаетъ
Руки своей простерти къ намъ?
Твой онъ силы почитаетъ
И власть подобну небесамъ.

Его же Ода 9-я.

5) Проснись злата, проснися Лира!
Ужъ твой высоко Фебъ востекъ;
Уже восчувствованъ отъ Міра
Прекрасный имъ рожденный вѣкъ.
Взгляни, какъ въ плодъ одѣлись лозы
И развернулись нѣжны розы,
Содѣйство Феба ощути!
Какъ блестятъ нивы онъ злата!
Цветуть, ухаютъ⁴² рощи злачны;
Шумятъ, журчатъ ключи прозрачны;
Не страшень Флорѣ вихрь, ни мгла, ни градъ;
Фебъ — вождь красотъ;
Фебъ — сильный царь отрадъ;
Кто щастье смертныхъ строить;
Того, о лира, пѣть достоинъ;
Греми Его хвалы!

Ода г. Петрова кн. Потемкину. Часть I.

6) Онъ свѣдѣнъемъ Улиссъ, геройствомъ Ахиллесъ.

Его же Ода гр. Румянцеву. Часть I.

7) О Стоикъ посреди великолѣпій трона!
Котораго душа со щастіемъ равна!

|Его же Ода гр. Орлову. Часть I.

8) Так, — мужеству ль его дивиться? —
Онъ твердостью изгналъ враговъ;
Великодушію ль чудиться? —
Онъ мстью ихъ не пролилъ кровь!
Красть ль, щедротъ ль поклоняться? —
Се пленны имъ благотворятся
Безмездно Царствы и Цари!
Иль обожать его смиренъ? —
Онъ Богу только въ прославленье
Творилъ добро, смирялъ царствъ при.

Ода импер. Александру I-му
на возвращеніе изъ армии. Часть V.

9) О Россѣ! о добльственный народъ!
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью твоихъ добротъ. —
По мышцамъ — ты неутомимый;
По духу — ты непобѣдимый;
По сердцу — простъ; по чувству — добръ;
Ты въ щастьи — тихъ; въ нещастьи — бодръ;
Царю — радушенъ, благороденъ,
Въ терпены — лишь себе подобенъ.

Часть V. Гимнъ на прогнаніе Французовъ.

10) Сражаясь вѣры со врагами
И небо поддерживавъ плечами,
Держай! великій Богомъ Мужъ.

Часть II. Ода на переходъ Альпійскихъ горъ.

Философическая Ода должна быть содержанія нравоучительнаго. — Въ ней плѣненный Стихотворецъ красотою добродѣтели или пораженный гнусностію порока изъявляеть благорасположеніе свое къ первой и отвращеніе отъ другой. Вотъ примѣры:

1) Проснись, о смертный человѣкъ!
И здѣлайся полезнымъ свѣту;
Послѣдуй истины совѣту;
Въ беспечности не трать свой вѣкъ.
Летить не возвращаясь время;
Спѣши пороковъ свергнуть бремя. —
Завтра смерть тебя ссѣчетъ.

Г. Петрова переводъ съ Томаса. Часть I.

2) Въ бѣдахъ утѣха и отрада,
Отъ злыхъ защитникъ мнѣ, отрада,
О сладость сердца моего!

Возлюбленная добродѣтель!
Душа моя тому свидѣтель,
Что ты любезнѣ всего.

Г. Хераскова Часть VII.
Утѣшенная добродѣтель.

3) Восторги мыслей и забава
Трудовъ не стоитъ таковыхъ;
И многихъ умираетъ слава
Гораздо прежде смерти ихъ.

Его же Часть VII. *Къ Музамъ.*

4) Не перлы Персскія на васъ
И не Бразильскіе звѣзды ясны,
Для возлюбившихъ правду гласъ
Лишь добродетели прекрасны. —
Они суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь в Сенатѣ
Не могъ сіять, сія въ златѣ, —
Сіяютъ добрыя дѣла.

Часть I-я. *Вельможа.*

5) Осель останется осломъ,
Хотя осыпъ его звездами.

Тамъ же.

6) Оставя скиптръ свой и чертогъ,
Бывъ странникомъ въ пыли и потѣ,
Великій Петръ, какъ некій Богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ. —
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ
И не на Царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

Тамъ же.

Общежительныя Оды могутъ быть различнаго содержанія: веселія, роскошныя, задумчивыя и печальныя. — Въ нихъ Стихотворецъ, роскошествуя въ лонѣ удовольствій, воспѣваетъ младость, радость, пиры, игры и смѣхъ, какъ Анакреонъ; или, утопая въ пучинѣ горести, оплакиваетъ, какъ Юнгъ, потерю своихъ родныхъ и прочее. Гораций умелъ совмещать въ нихъ стоическую философію Зенона съ пріятностію земныхъ наслажденій Эпикура, чѣмъ и приобрелъ себѣ какъ отъ своихъ единовременниковъ, такъ и отъ потомковъ безсмертную славу. — Столь-то средина, какъ стезя премудрости, всегда и всѣмъ нравится! Вотъ примѣры:

Веселой.

1) Шекснинска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ;
Въ крафинахъ вина, пуншъ, блистая
Тотъ льдомъ, тѣ искрами, манятъ;

Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзинъ смеются,
Не смеютъ слуги и дохнуть,
Тебя стола вокругъ ожидая;
Хозяйка статная, молодая
Готова руку протянуть.

Часть I. Приглашеніе къ обѣду.

Задумчивой.

2) Слыхаль, слыхаль я тайну эту,
Что иногда груститъ и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя имъ вся покойна тварь.
Хотя онъ громкой славой знатенъ,
Но, ахъ! — и тронъ всегда ль приятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зреть обманъ, тамъ зреть упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!

Тамъ же.

3) Блаженство не въ лучахъ порфирь,
Не въ вкусъ яствъ, не въ нѣгъ слуха;
Но въ здравьи и въ спокойствѣ духа, —
Умеренность есть лучший пирь.

Тамъ же.

4) Блаженъ, кто поутру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

Часть I-я. Къ первому сосѣду.

5) Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ Граціи трепать.

Тамъ же.

Роскошной.

6) Гремить музыка, слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
Сластей и Ананасовъ горы
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Младья дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой,
И Алиатико съ Шампанскимъ,
И пиво Руское съ Британскимъ,
И Мозель съ Зельцерской водой.

Тамъ же.

Печальной.

7) Глаголь время! Металла звонь!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветь меня, зоветь твой стонъ,
Зоветь — и къ гробу приближаетъ!
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Глядитъ на всѣхъ, — и на Царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и серебрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны
И точить лезвее косы.

Часть I. На смерть Кн. Мещерскаго.

8) Безсмертная прямая слава
Есть цѣпь цветущихъ вѣчно благъ. —

Что жъ хвалишься во злобѣ, сильный
Внутрь беззаконіемъ и внѣ?
Коль ты чрезъ слезы крокодильны,
Чрезъ токи крови на войнѣ,
Чрезъ вероломствы, бунты, яды,
Чрезъ святотатну неба честь
Повергъ престолы, храмы, грады
И могъ царей всѣхъ выше сѣсть?

9) Возьмемъ же въ противоположность
Тирану добраго Царя,
Всю истощившего возможность,
Блаженство подданныхъ твоя:
Не зримъ ли Генія въ немъ неба,
Блестяща радуги лучемъ,
Въ томъ мрачна демона Эреба?
Тотъ сыплетъ свѣтъ, — сей вержетъ громъ.

Часть V. Изъ оды Слава.

Касательно *размыслительной* Оды, Зюльцеромъ и Гецелемъ упоминаемой, то она есть та же самая, что и Философическая, или моральная; но поелику сіи эстетики ничего не говорятъ о духовной, всѣми филологами принимаемой, то и нужно кажется допустить въ нее не токмо философическія, но и Богословскія мысли. — Въ таковыхъ владычествуетъ болѣе всего духъ и умъ, нежели воображеніе и чувства; а потому картины въ нихъ рѣдки или совсемъ не вмѣстны. Они наполняются паче глубокомысліемъ, или отвлеченными понятіями. Перлы ихъ суть краткія изреченія разума и истины: я есмь, есть и Ты. — Душа ихъ нравоученіе,

выразительно, приятно а иногда и забавно сказанное, какъ говорить Гораций, неподражаемый въ семь родъ искусникъ:

Въ прокъ винъ не запасай драгихъ,
Обрѣзывай крыль надежды
По краткости ты дней твоихъ.

Вотъ примѣры размыслительныхъ Одь изъ строгихъ нравоучительныхъ Одь:

1) А ты, второй Сарданапаль!
Къ чему стремишь всехъ мыслей беги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игры, средь праздности и неги?

Часть I. Вельможа.

2) Доколъ, Щастье, ты вѣнцами
Злодѣевъ будешь украшать?
Доколъ ложными лучами
Нашъ разумъ хочешь ослѣплять?
Доколъ, истуканъ прелестной,
Мы станемъ жертвой, намъ безчестной,
Твой тщетной почитать Олтарь?
Доколъ будемъ строить храмы,
Твои чтить Замыслы упрямы,
Прельщенная словесна тварь?

3) Безъ брани хищной и насильной
Не можно развѣ устроить?
Не можно Божеству земному
Безъ ударающаго грому
Своимъ величествомъ блистать?

4) Вамъ будетъ Царь въ немъ несравненный,
Правдивой, кротостью почтенный,
Достойный Олтаря во вѣкъ;
Тогда страшилище Евфрата
Противъ вѣнчаннаго Сократа
Послѣдней будетъ человекъ.

Ода на Щастіе г. Руссо,
переводъ г. Ломоносова.

5) Доколь владычество и славу,
Коварство! будешь присвоять;
Вѣсы, кадило, мечъ, державу
Въ рукахъ злодѣйскихъ обращать?,
Доколь ловитвой ухищренной
Яремъ накладывать вселенной
Тебѣ чрезъ наглость и чрезъ лесть?
За святотатственны обманы
Доколь стяжутъ власть тираны,
Кумиры Божескую честь?

6) Когда смѣшься ты, — сирена;
Когда ты плачешь, — крокодилъ;
Когда молчишь, — тогда геенна
Кипить въ тебѣ всѣхъ адскихъ силъ.

7) Не тронъ, — но духа благородство
Дасть велики имена.

Часть I. Ода на Коварство.

Фантастическая Ода описываетъ природу. — Ее достоинство — живость и блестящія картины. Вотъ примѣры:

1) На темногубомъ Эфирѣ
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучомъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны рассыпаль,
Кропя забвенія росую,
Моихъ домашнихъ усыпляя;
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкаль.

Часть I. Ода Видѣніе мурзы.

2) Съдѣящъ, увѣнчанъ осокою,
Въ тѣни развесистыхъ деревьевъ,
На урну облегшись рукою,
Являющій лице небесъ
Прекрасный вижу я источникъ.

3) Источникъ шумный и прозрачный,
Текущій съ горной высоты,
Лука поящій, долы злачны,
Кропящій перлами цвѣты,
О, коль ты мне приятень зришься!

4) Ты чистъ, — и восхищаешь взоры,
Ты быстръ, — и утѣшаешь слухъ. —
Какъ серна, скачуща на горы,
Такъ мой къ тебѣ стремится духъ.

Тамъ же. Ода Ключь.

5) Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырема скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипить внизу, бьетъ вверхъ бутрами;

Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лесу гремитъ.

Тамъ же. Ода Водопадъ.

б) На холмѣ, сквозь зеленой рощи,
При блескѣ светлаго ручья,
Подъ кровомъ тихой майской ночи,
Вдали я слышу соловья.
По вѣтрамъ легкимъ, благовоннымъ
То свистъ его, то звонъ летитъ;
То, шумомъ заглушаемъ воднымъ,
Вдыханьемъ сладостнымъ томить.

Тамъ же. Ода Соловей.

Чувственная Ода изливаетъ нѣжныя, трогательныя чувства. — Вотъ примѣры:

1) Щедротъ источникъ, Ангель мира,
Богиня радостныхъ сердецъ,
На коей какъ заря порфира,
Какъ солнце тихихъ дней вѣнецъ;
О, мыслей нашихъ рай прекрасный,
Небесъ безмрачныхъ образъ ясный,
Гдѣ видимъ кроткую весну
Въ лицѣ, въ устахъ, въ очахъ и нравѣ!
Возможно ль при Твоей державѣ.
Въ Европѣ страшно зрѣтъ войну?

Ода 15 г. Ломоносова.

2) Не бряцай, печальна лира,
Громкой пѣсни ты сей часть,
Благодетельница Мира
Удалилася отъ насъ.
Музы богиня удалилась,
Изъ Петрополя сокрылась
Матерь отъ своихъ детей:
Солнцу красному подобно,
Щастье, кажется, народно
Укатилось за ней.

Часть I-я. Ода на отсутствіе имп.
Екатерины II-я въ Бѣлоруссію.

3) Странъ чуждыхъ хвально знать искусство
И ихъ любя благотворить;
Но Росса сердце, сына чувство,
Отецъ! чѣмъ можешь замѣнить?

Часть II-я. Гласъ Санктпетербургскаго общества.

4) Ужъ двадцать лѣтъ, какъ украшаешь
Ты Росса трона вышину;
Ужъ двадцать летъ изображаешь
Щедроту, кротость, тишину. —

Кто зрѣль лице Твое сурово?
Кому рѣкла обидно слово?
Виною чьихъ была ты слезъ?
Во храмѣ ль Ты, — благочестива;
Въ чертогахъ ли, — ласкоречива;
Твой свѣтлый взглядъ — есть взглядъ небесъ.

Часть V. На отвѣздъ имп.
Елисаветы Алексѣевны.

Переключную, или Амбеическую Оду, въ которой Поэтъ, представляя два лица, заставляетъ ихъ переключаться, спорить или говорить между собою, вводить г. Гецель, ссылаясь на Евреевъ, что у нихъ таковыя были въ употребленіи, показавъ ихъ въ Псалмахъ 15, 24 и 46-мъ, а по Русской Псалтири въ 14, 23 и 45. Пѣсни Пѣсней Соломоновыхъ показываютъ таковыя же переключныя Оды. Стихиры Греческой Церкви, передаваемыя съ клироса на клиросъ, то же. У Горация — въ книгѣ III подь числомъ IX «Къ Лидѣ»; у Индейскаго брамина Шри Бгарота Чондро Рай — въ книгѣ Биддѣ Шундоръ (Красота учености); у господина Дмитріева — въ I-й части «Ермакъ»; у меня — въ III части «Пьяной и трезвой философы». — Но оставимъ новейшія, покажемъ для любопытства въ отрывкахъ переводовъ древнихъ восточныхъ лириковъ.

Въ кафисмѣ 2-й въ 14-мъ псалмѣ.

(Одно лице вопрошаетъ:) Господи, кто обитаетъ въ жилищѣ Твоемъ? или кто вселится въ святую Гору Твою?

(Другое лице отвѣтствуетъ): Ходяя непорочень, и дѣлая правду, глаголай истину въ сердцѣ своемъ.

Въ кафисмѣ 3-й въ 23-мъ псалмѣ.

Вопросъ: Кто взыдетъ на Гору Господню? или кто станетъ на мѣстѣ святѣмъ Его?

Отвѣтъ: Неповинень руками и чистъ сердцемъ.

Вопросъ: Кто есть Царь славы?

Отвѣтъ: Господь силъ, той есть Царь славы.

Въ Пѣсняхъ Пѣсней.

Суламита

Скажи, о другъ души моеи!

Подъ коей миртой ты витаешь?

Какой забавить соловей?

Гдѣ кедръ, подь коимъ почиваешь?

Соломонъ

Когда не знаешь ты сего,

Пастушка милая, овечекъ

Гони ты стада твоего

На дворъ, что въ роцѣ между рѣчекъ.

Князь

Дщерь сына времѣни я вижу
Или богиню красоты?
Какая прелесть несравненна
Видна во всѣхъ Ея чертахъ!
Лице — цвѣтовъ весны нѣжнѣе,
А взоръ — какъ лучъ блестящихъ звѣздъ.
Щастливъ, тебя кто часто видитъ;
Щастливъ, кто близъ тебя живетъ; —
Боговъ счастливѣе тотъ будетъ,
Тобою будетъ кто любимъ.
Смотря на прелести небесны,
Мужчины млѣютъ предъ тобой.
Въ восторгъ приводитъ несказанный
Единый взоръ твоихъ очей.
Трепещутъ жилы, сердце бьется
От прикасанія руки. —
Какъ камню твердому быть должно,
Тебя чтобъ видя, не любить.

Княжна

Какъ Кокось (Норель) средь деревъ Индійскихъ,
Такъ ты среди другихъ мужчинъ. —
Твой станъ и видъ твой благородный
Являеть выступъ блага слона⁴⁴;
Какъ левъ предъ прочими зверями,
Такъ предъ людьми отличенъ ты.

Князь

Когда я взоръ твой ни встречаю,
Вся кровь волнуется во мнѣ;
Себя и все позабываю,
Когда твой слышу разговоръ. —
Съ тобой въ восторгахъ утопаю,
Тоскую, мучусь безъ тебя.

Княжна

Я съ равнодушіемъ смотрела
Всегда доселѣ на мужчинъ.
Любовной страсти я не знала,
Когда не видѣла тебя. —
Съ техъ поръ совсемъ перемѣнилась,
Сама не знаю отъ чего, —
И чувства сделались живѣе,
И въ жилахъ горячѣе кровь,
И грудь вздымается скорѣе, —
Я чувствую къ тебѣ любовь.

Изъ Ермака.

Старецъ

Шуми, Иртышъ! реви ты съ нами
И вторь плачевнымъ голосамъ!
Навѣкъ отвержены богами!
О, горѣ намъ!

Младый

О, горе нам!
О, страшная для насъ невзгода!

Старецъ

О ты, которыя вѣнецъ
Поддерживали три народа⁴⁵,
Гремевши міра по конецъ!
О, сильна древняя держава!
О, мать нескольких племенъ!
Прошла твоя, исчезла слава!
Сибирь! и ты познала плѣнь.

Младый

Твой народы расточенны,
Какъ вихремъ возмятенный прахъ,
И самъ Кучумъ⁴⁶, гроза вселенны,
Твой царь погибъ въ чужихъ пескахъ.

Ода смѣшенная — та же самая и общежительная, о коей говорено выше. — Поелику же оба вышеименованные противусмысленные филологи ее допускаютъ, то, кажется, и всѣ раздѣлы прочихъ едва ли не напрасны потому, что въ ней одной Стихотворецъ можетъ говорить обо всемъ. — Похваляя героя, прославляя Бога; описывая природу, проповѣдывать нравоучение и проч. Разность предмѣтовъ производитъ разнообразіе и рождаетъ изобиліе, оказываетъ остроу ума какъ молнію, отъ одного края неба до другого мгновенно устремляющуюся, что возбуждаетъ удивленіе; но только тутъ весьма нужно здравомысліе, или логика. Поелику жъ въ таковыхъ смѣшенныхъ одахъ удобно помещаются похвалы иносказательныя и намеками, которыя, подобно тонкому благоуханію или тихой гармоніи, издали со стороны приносимыя, увеселяютъ болѣе сердца чувствительныя и благородныя, нежели близкое и грубое промолгасіе, или густой финиима дымъ, прямо въ лицъ куримый, то они и нравятся лучше людямъ, вкусъ имеющимъ. Внезапное же совокупленіе всѣхъ далекихъ и близкихъ лучей, или околичностей, къ одной точкѣ есть верхъ искусства. Оно-то, потрясая душу, называется изящнымъ или высокимъ. — Вотъ примѣры:

Аллегоріи, или иносказанія.

1) Богоподобная царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды

Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокую гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растеть,
Гдѣ добродетель обитаетъ, —
Она мой духъ и умъ плѣняетъ,
Подай, найди ее, совѣтъ.

Часть I-я. Ода XII-ая

2) Рафаэль! живописецъ славный,
Творецъ искусствомъ естества!
Рафаэль чудный, безприкладный
Изобразитель Божества!
Умелъ ты кистию свободной
Непостижимость написать, —
Умей моей Богоподобной
Царевны образъ начертать.

Отверницы, обиняки или намеки.

Мѣжду лентяемъ и брюзгой,
Мѣжду тщеславыя и порокомъ
Нашель кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

Часть I, Ода Фелицѣ.

Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ
Въ мароккскихъ лентахъ и звездахъ.

Тамъ же, Ода Вельможа.

Внезапное совокупленіе околичностей.

По слѣдамъ Анакреона
Я хотель воспѣть Харить —
Фебъ во гнѣвѣ съ Геликона
Мнѣ предсталъ и говорить:
«Какъ! и ты уже небесныхъ
Дѣвъ желашь воспѣвать?» —
Столько прелестей безсмертныхъ
Хочеть смертный описать!
Но бывалъ ли на высокомъ
Ты Олимпѣ у Боговъ?
Обнималъ ли браннымъ окомъ
Ты веселье ихъ пировъ?
Видель ли Харить предъ ними,
Какъ подъ звукъ приятныхъ лиръ
Плясками они своими
Восхищаютъ Горній міръ;
Какъ съ протяжнымъ тихимъ тономъ
Важно павами плывутъ;
Какъ съ веселымъ быстрымъ звономъ
Голубками воздухъ вьютъ;
Какъ вокругъ они спокойно

Величавый мещуть взглядъ;
 Какъ ихъ всѣ движенья стройно
 Взору, сердцу говорятъ?²
 Какъ хитоны ихъ эфирны,
 Льну подобные власы,
 Очи светлые, сафирны
 Помрачаютъ всѣхъ красы?
 Какъ богини всемъ соборомъ
 Признаютъ: имъ равныхъ нѣтъ —
 И Минерва важнымъ взоромъ
 Улыбається имъ вслѣдъ?
 Словомъ: видѣлъ ли картины,
 Непостижныя уму?» —
 «Видѣлъ внукъ Екатерины», —
 Я отвѣтствовалъ ему.
 Богъ Парнасса усмѣхнулся,
 Давъ мнѣ лиру, отлетель, —
 Я струнамъ Ея коснулся
 И младыхъ харитъ воспѣлъ.

Часть III. Ода V. Хариты.

Словомъ, ежели похвалы, подъ Аллегорическими именами наполненныя разнообразіемъ, въ общежительныхъ одахъ бывають не отвратительны не токмо героямъ, которымъ они воспѣты, но нравятся и постороннимъ людямъ по своимъ приятнымъ околочностямъ, то, кажется, уже излишны образцы, господами учеными преподаваемые. Они тѣ пѣсни называютъ:

- Генетлиатическою* — или на день рожденія.
- Эпиталамическою* — на брачное сочетаніе.
- Апобатерическою* — на отъездъ въ путь.
- Эпibatерическою* — на возвращеніе изъ пути.
- Пропемтическою* — доброжелательною при проводахъ.
- Синхаристическою* — поздравительною возвратившимся въ отечество.
- Эпиникическою* — торжественною.
- Сотерическою* — на выздоровленіе.
- Эпидиктическою* — панегирическою, т. е. похвальною.
- Эвхаристическою* — благодарственною.
- Эоническою* — вѣковою.
- Схоластическою*, или симпозиастическою, т. е. пиръ описывающею.
- Просевтическою* — просительною у Бога, у государя или вельможъ.
- Апологическою* — басельною.

О которыхъ о всѣхъ находится достаточное изъясненіе у г-на Тредьяковскаго въ *Способѣ къ сложенію стиховъ*, имъ выданномъ въ 1735 году. Но я скажу: ежели названіи не придають вещамъ уваженія безъ прямыхъ достоинствъ, то должно со мною согласиться, что таковыя разделенія не что иное, какъ школярный вздоръ, который напрасно только отягощаетъ память юношества. — Установя оду на путешествіе, на возвращеніе, можно уже и на все дѣйствія человѣческія, — на сиденіе, на лежаніе. Вотъ нелепица! —

<С этого места весь следующий абзац по слово "мыслями" перечеркнут рукой Д., [А. Л.]>

[Но когда раздѣль непременно нуженъ, то можно бы оный установить не по содержаниямъ вещей въ гѣсняхъ, но по свойствамъ или именамъ Славныхъ Пѣсногѣвцевъ, для того что не токмо Стихотворство, но и другія искусства суть слепокъ Творческаго духа съ природы, или подражаніе оной; но у всякаго Генія есть своя собственность, или печать его дара, которымъ онъ отъ другихъ отличается. — Мишель Анжелло узналъ по одной чертѣ кисти Рафаела. — Всякой въ Поэзій знатокъ по могуществу, перелагающему горы въ сердца морскія, познаетъ впереннаго Святымъ Духомъ Давида; по историческимъ околичностямъ и извѣстнымъ оборотамъ, стремящимся быстро изъ мысли въ мысль къ одному прославляемому подвижнику, — чудеснаго Пиндара; по глубокомыслію, соединенному съ приятностію роскоши и любомудрія въ краткихъ и тонкихъ изреченіяхъ, — неподражаемаго Горація; по сильному и быстропробѣгающему пламени, которое, какъ молнія, пробѣгая сердце, поражаетъ и мертвитъ, — несчастнолюбленную, нѣжную Сафу; по чувственному удовольствію, нѣгѣ и забавамъ — сладостнаго Анакреона; по мрачному описанію природы, кровавымъ битвамъ, гѣнямъ героевъ, въ облакахъ летающимъ, и по унынію, отъ слепоты и старости происходящему, — трогательнаго Оссіана. — Всякой, говоря, искусникъ узнаетъ въ живописи Рафаела и Корреджія по изобильному воображенію, простотѣ и благородству въ фигурахъ и особливо первого по правильному рисунку, а второго по прелѣстному колориту; по легкости и плавности кисти, нѣжности въ лицахъ и значительности характеровъ — Гвидореня; по изобилію въ мысляхъ и живости въ выраженіяхъ — Рубенса; по смѣлости и силѣ — Аннибала Караччи; по живому воображенію, богатству и свежести въ колоритахъ, наипаче женскихъ лицъ — Павла Веронеза и прочь. — Музыкантовъ: по силѣ, благородству, привлекательности, чудному вездѣ, ясному и всемъ вразумительному согласію — Палестрино; по благородству, высоты и соединенной богатой гармоніи — Лео; по простотѣ и нѣжности, прямо идущей къ Сердцу, — Порпори; по силѣ и богатству — Александра Скарлато; по живому и веселому воображенію — Анфосія; по чувствительности и глубокой меланхоліи — Парголезія. Такимъ образомъ распознаются Зодчіе и Ваятели по ихъ характерамъ, привычкамъ и вкусу, — то для чего бы, кажется, не различить и не распределить въ лирическихъ поэмъ по именамъ ихъ славныхъ мастеровъ, не говоря о ихъ содержаніяхъ или не ограничивая ихъ, о чемъ бы они ни были? — Напримѣръ, оставя духовные неприкосновенными, для чего бы не назвать Героической, или похвальной Оды — Пиндарической? философической, или размыслительной — Гораціанскою? страстной, или пламеннолюбивой — Сафической? роскошной или веселопутливой — Анакреонтической? меланхолической или военноунылой — Оссіанскою? — применяясь къ почерку, или вкусу ихъ, какъ выше они написаны. Ломоносовъ болѣе отмѣненъ частыми радостными, почти одинакими восторгами, величественными картинами и благозвучіемъ, нежели непрерывнымъ пареніемъ и глубокими мыслями.]

Составъ, форма, или наружный распорядокъ Оды Еврейскихъ можно видѣть въ Псалтирь, на Нѣмецкой языкъ переведенной славнымъ Мендельсономъ, напечатанной 1783 года въ Берлинѣ. — Греческіе же, до насъ дошедшіе Пиндарическіе Оды заключаются въ трехъ отдѣленіяхъ, которые называются: 1-я — строфою, 2-я — антистрофою, 3-я — Эпподомъ или хоромъ. За предшествовавшюю строфою послѣдовала антистрофа, а за нѣю уже Эпподъ. Потомъ въ такомъ же порядкѣ они вновь начинались, перемѣнялись и продолжались. Пѣснопѣніе сихъ куплетовъ въ родѣ и числѣ разнообразныхъ стиховъ оживлялось пляскою. Танцовщики во время гѣнія Строфы обращались и вертели въ одну сторону, во время Антистрофы — въ другую; во время же Эппода, который былъ весьма кратокъ, стоя на одномъ мѣстѣ, ни туды ни сюды не двигаясь, только покачивались или приплясывали, —

Не знаю я, отсюда ли взялъ покойный князь Потемкинъ-Таврический при торжествѣ его о взятіи Измаила пляску, учрежденную имъ изъ кадрили 24-хъ знаменитѣйшихъ особъ, которая подъ музыкою и пѣніемъ хоровъ, для того случая нарочно сочиненныхъ, перемежая Контродансъ съ Польскимъ, приводила въ восхищеніе зрителей. — Вотъ примѣръ формы Пиндарической Оды:

Строфа.

Полунощи Царица,
Народовъ многихъ Мать!
Владычія пространству
Душа Твоя равна.
Ты черпешь дары съ неба;
Мы черпемъ отъ Тебя.
Ты трону честь Петрову,
Намъ щастіе и жизнь.

Антистрофа.

О, Павелъ и Марія,
Утѣхи нашихъ думъ!
О, Орлъ и Орлица,
Родившіе Птенцовъ,
Имущихъ воспарити
Превыше облаковъ!
Уже въ бронѣ и шлемѣ
Играетъ Александръ.

Эподосъ.

Какъ благовонный израстаетъ
На полѣ цвѣтоносномъ кринь,
Подобной красотой блистаетъ
Во колыбели Константинъ.
Богинины растите внуки,
И хваль Ея продлите звуки.
Какъ кедръ Петровъ умножся домъ
И богати весь свѣтъ плодомъ!

Часть I-я Соч. г. Петрова петой
въ домѣ его на Островкахъ.

Присовокупляю здѣсь для любозпытныхъ знать древнихъ музыку, или мелодію, одной Пиндаровой оды и гимна ко Немезисе.

Подобныя Пиндарическія формы можно видѣть и еще у г. Петрова; а также и у меня II-й части Ода XXI, LXXVI, въ IV-й части — въ Описаніи праздника князя Потемкина-Таврическаго, въ V-й — На освященіе Казанскія Церкви. — Таковымъ составомъ и всѣ были писаны оды Пиндаромъ, и большая часть Софокловыхъ драматическихъ хоровъ; но Алцей, Сафо и другіе Лирики, до Пиндара жившія, имѣли всякой собственныя, въ которыхъ они разныя роды Стиховъ, мѣръ и паденій размещали по своему благоизобретенію. — Не случилось мнѣ, однако, видѣть Алцеевыхъ, и уцѣлели ли они отъ времени, не знаю; а Сафической вотъ примѣръ:

Щастливъ! и въ щастіи Богамъ тотъ равень,
Сидитъ напротивъ и внемлетъ кто усть
Сладчайшихъ твоей гласъ и милую очестъ
Улыбку къ себѣ.

Гораций въ разностишныхъ своихъ одахъ едва ли не всё собралъ Греческія формы и показалъ имъ образцы, которымъ при концѣ сего рассужденія приложена таблица трудовъ А. Котельническаго.

Въ Германіи, въ новѣйшія времена, Клопштокъ первый ему въ томъ послѣдовалъ, а послѣ его и многихъ уже видимъ Нѣмецкихъ стихотворцевъ, пишущихъ свои оды разнородными формами и разномѣрными стихами съ рифмами и безъ рифмъ, каковы и у насъ нынѣ появляются. Тредьяковскій давно уже о нихъ говорилъ въ *Способѣ своемъ о сложеніи Россійскихъ стиховъ*, изданномъ имъ въ 1735 году. — Тамъ онъ показалъ многіе примѣры не токмо разномѣрныхъ Стиховъ, но и разношестныхъ Куплетовъ, сказавъ, что будто не бываетъ болѣе десятистрочныхъ; но, напротивъ, въ Пиндарѣ видимъ не токмо въ Строфахъ и Антистрофахъ, но и въ нѣкоторыхъ Эпподахъ болѣе, нежели по 14-ти Стиховъ. Клопштокову оду для примѣра прилагаю.

Поелику жъ Египтяне, Евреи, Индейцы, Персы и прочія восточныя народы не могутъ не почестъся древнейшими Грековъ и Латинянъ, отъ коихъ въ средніе вѣка, какъ многіе писатели уверяютъ, на Западѣ Барды, а на Сѣверѣ Скальды принесли образцы пѣсенъ къ Целятамъ, Германамъ, Англосаксамъ, Исландамъ, Каледоніямъ и Скандинавамъ, то и скажу я нѣчто для любопытныхъ о формахъ Индейскихъ Браминновъ, Аравлянъ, Персовъ, Грузинъ и Скандинавскихъ Скальдовъ.

У Индейцовъ Стихи на Шамскрито-Индейскомъ языкѣ бывають разностопныя. — Отъ одной стопы простираются иногда и до 15-ти, но болѣе шестистопныя. — Вотъ примѣръ оныхъ, взятый изъ ихъ вышеупомянутого Стихотворца мага Шри Бгарота Чондро Рай, переведенный на русскій языкъ г-мъ Надворнымъ Совѣтникомъ Лебедевымъ:

Престань алкать богатствъ, о бранный человекъ!
Но душу украшай ты добрыми дѣлами,
Учись вкушать плоды отъ собственныхъ трудовъ, —
Вотъ средства погасить желанья похотливы. . .
Что жизнь твоя? Она есть капелька воды,
Которая дрожить на розовомъ листочкѣ. . .

Г. Лебедевъ, ссылаясь на 200 страницу Грамматики Натанайла Брассея Галгета, показываетъ примѣры Индейскихъ Стиховъ изъ книги Бидле-Шундоръ (Красота учености). Основывая весь ихъ составъ на пресѣченіяхъ или расстановкахъ (цезурахъ), означенныхъ знаками: (z, ii) и точками (:), которыя имеютъ особые названія, какъ-то: *ессъ-дарыи*, *тотомъ-чондо*, *дли поди*, или *дуй поди* и прочія, по коимъ они приспособлены къ музыкѣ и, отличая въ пѣніи однимъ, двумя и тремя щелчками перстовъ, сопровождаются разными инструментами, какъ-то: Гобоями, или дудками, гудками, балалайками, желѣзными треугольниками и раковинами, изъ коихъ послѣднія почитаются божественнымъ инструментомъ. — При таковыхъ оркестрахъ въ богомольныхъ домахъ народныя пѣвцы, налагая себѣ на ноги желѣзные цепи и положи на пѣчи одинъ другою руки, переходятъ изъ стороны въ сторону, производя звукомъ, голосами и инструментами страшный шумъ, подобный бурѣ.

Арабскія и Персидскія лирическія произведенія, съ небольшою между собою разницею, называемые *газель*, *кита* и *касыде*, не упоминая эпическихъ, именуемыхъ *Месцеви*, пишутся: *газели* пятью, шестью и девятью стихами, въ коихъ въ начальныхъ двуподустишьяхъ рифмы, а въ прочихъ не бываетъ, только въ последнемъ слогѣ. — *Кита*, или двустишная пѣсня, въ коей также только въ первыхъ двухстишьяхъ рифма наблюдается. — *Касыде*, или похвальный Гимнъ Богу и знаменитымъ людямъ, пишется продолговатыми стихами. — Изъ коихъ въ *газель* и въ *китѣ* всякой стихъ имеетъ особой свой смыслъ, не имея никакой съ прочими связи, а въ *касыдѣ* связывается смыслъ одного стиха съ другимъ. — Все они бываютъ четырехстопныя, трехстопныя и двухстопныя, изъ коихъ длинныя составляются изъ пяти и изъ четырехъ слоговъ, а короткіе изъ двухъ слоговъ. —

Примѣръ самой длинной стопы: *Моретифилатунъ,*

Самой короткой: *Феулъ.*

А изъ сего видно, что счетъ слоговъ, а не тоническое ударение составляетъ ихъ стихосложеніе.

Грузинскіихъ форма нѣкоторыхъ стиховъ отличается отъ всехъ вышеписанныхъ частыми рифмами; ибо у нихъ бываютъ не токмо такіе стихи, которые въ каждой строкѣ на концѣ имеютъ рифму, но и такія, въ которыхъ помещаются въ каждой строкѣ по четыре рифмы, напримѣръ:

Тамаръ цкнари, шесацнари, хмарнари, пирмцнари,
Мзе-мциннари, сачинари, цкалимкнари, момдинари.

Бываютъ и двадцатисложныя съ четырьмя и съ двумя сряду рифмами.

Что жъ касается до Скандинавской поэзіи, то Скальды, по образцамъ ихъ Эдды⁴⁷, составляли свои пѣсни удивительно и почти непонятно. — Они ставили себѣ за особенную честь и славу быть въ короткихъ словахъ многозначительными, а не обыкновенными переставками словъ не токмо для простого народа, но и для разумѣющихъ читать, хотя они смыслъ словъ и понимали, непостижимыми, или таинственными, чтобъ никто къ нимъ поддѣлаться не могъ, полагая верхъ своего въ томъ искусства. — Не распространяясь, впрочемъ, какъ сюды о непринадлежащемъ богатствѣ ихъ языка, силѣ, разнообразіи, извитіяхъ, красотахъ и блескахъ выраженной и о неисчислимомъ множествѣ благозвучныхъ словъ и рифмъ, приятностію своею увеселяющихъ ухо, скажу объ одномъ составѣ пѣсенъ. — Они составляютъ ихъ между слоговъ трехъ и девяти, въ каковыхъ сильнѣе жаръ изливается. — Бываютъ четырехстопныя и пятистопныя, а иногда и до четырнадцатисложныхъ, или до экзаметровъ простираются. — Строфы разнообразны и въ количествѣ слоговъ, и въ паденіяхъ, между коими иногда для украшенія, для избежанія единозвучія или для возвышенія новымъ духомъ содержанія бываютъ хоры, или эпподы, повторенія, рефрены, или припѣвы. — Словомъ, Скальды были весьма прилежны и затейливы въ изобретеніи разнородныхъ формъ ихъ поэмъ, коихъ у нихъ считается до 136-ти. — Въ древнихъ не примѣчается рифмъ; но у новейшихъ весьма видны. — Главное же основаніе Скандинавской Пѣнттики состоитъ въ трехъ правилахъ, которые они строго соблюдаютъ, а именно: 1-е) три одинакія буквы, 2-е) ровной счетъ слоговъ, 3-е) краткость и долгота удареній; а также въ древнейшихъ оказывается и опредѣленная, прекрасная, весьма утонченная переставка словъ, какъ для сокращенія понятій, такъ и для благозвучія. — Черезъ нее бываетъ, съ одной стороны, въ одной строфѣ два или болѣе смысла, такъ тѣсно и искусно между собою переплетенныя, что незнаатокамъ Эдды кажется Гордіанскимъ узломъ, которого они разрешить не въ силахъ; а с другой — отъ возвращенія или повторенія сказанныхъ трехъ буквъ —

такая гармонія, которая ихъ пленяла. — Но скажемъ понятнѣе: те однозвучныя вышесказанныя три буквы или слова, начинающіеся съ одной и той же буквы односложныя они или неодносложныя, должны быть въ каждомъ двустипіи такъ размещены, чтобъ въ первомъ стихѣ было бъ ихъ непременно по двѣ, а во второмъ одна; однако бы не сплошь одна за другою следовали, но между другими словами. — Равно и возвратныхъ слоговъ должно быть въ каждомъ стихѣ по два одинаковаго произношенія или звука, ежели они только хотя сходственно созвучны; а ежели полной звукъ издають, то тѣмъ Гармонія совершеннѣе. — При всемъ томъ сія сходственная созвучность терпима только была въ первомъ стихѣ, а во второмъ должна быть непременно полной звукъ издающая. — Изъ таковыхъ-то переставокъ словъ и буквъ и распоряженія слоговъ, какъ увѣряютъ знатоки Сѣверныхъ твореній Скальдовъ, выходило такое очаровательное согласіе, загадочная острота мыслей и игривость воображенія, что изъ описанія ихъ понять неудобно, а развѣ нѣсколько изъ примѣровъ. — Вотъ они: <...> [сокр. мной, А. Л.].

Сколько ни трудна Скандинавская поэзія, но Китайская для меня совсемъ не понятна относительно формъ ихъ пѣсенъ; ибо образъ ихъ письма совсемъ отличенъ отъ прочихъ извѣстныхъ народовъ и языкъ ихъ весь состоитъ изъ словъ односложныхъ, выражаемыхъ четырьмя ударами голоса возвышеннаго, скорого, равнаго и сокращеннаго, изъ коихъ возвышенный и ровный состоятъ въ мѣрѣ долгой (*longam*), а скорый и сокращенный въ краткой (*brevem*), и стихи ихъ пишутся четкою и нечеткою Буквъ. Хореическая Стопа господствуетъ въ писанныхъ четкою; а въ нечеточныхъ примешивается дактилическая. Сіе разумѣется о стихахъ правильныхъ; но они большею частію у нихъ суть неправильныя или безъ всякаго наблюденія правилъ, въ коихъ представляются питическія вымыслы; которыя всѣ состоятъ въ мелкихъ строфахъ, или звеньяхъ, и раздѣляются на три рода, какъ приложенной при семь образецъ показываетъ: <...> [сокр. мной, А. Л.].

Весьма предосудительно бы было, ежели бъ, говоря о формахъ пѣсенъ иностранныхъ, не сказала я ничего о Россійскихъ. Г. Тредьяковскій въ *Способѣ* нашего стихосложенія на страницѣ 170-й изъясняется, что у идолопоклонническихъ жрецовъ нашихъ были стихи безъ рифмъ; а односложныя почитались общими; хотя онъ имъ и не показалъ примѣровъ, но по наведенію ихъ въ недавнемъ времени мы приложили ихъ въ образцѣ пѣсни Одиновой и отвѣтахъ Новгородскихъ жрецовъ, въ семь нашемъ рассужденіи уже показанномъ. — По онымъ, которыя видимъ въ пѣсельникахъ, о коихъ мы уже говорили, и по народнымъ песнямъ видно, что стихосложеніе наше большею частію основывается на пяти родахъ стиховъ, как-то 1) *Ямбъ*, 2) *Хорей*, 3) *Пиррихія*, 4) *Дактилъ* и 5) *Анапестъ*. — *Ямбъ* состоитъ изъ двухъ слоговъ, изъ коихъ ударяетъ голосъ на последнемъ слогѣ: *лю/бовь*. — *Хорей* также состоитъ изъ двухъ слоговъ, изъ коихъ ударяетъ голосъ на первомъ: *вѣ/ра*. — *Пиррихія* состоитъ изъ двухъ краткихъ слоговъ, иногда на первой, а иногда на второй ударяющихъ, отъ чего стихи не весьма гладки или текущи бывають. — *Дактилъ* состоитъ изъ трехъ слоговъ, котораго удареніе на первомъ слогѣ: *том/ны/я*. — *Анапестъ*, который весьма редко употребляется, противоположенъ Дактилю, имеетъ удареніе на последнемъ слоге: *че/ло/вѣкъ*. — Здѣсь примѣтити должно, что Греки и Римляне употребляли *спондей*, который противоположенъ Пиррихію и состоитъ изъ двухъ долгихъ слоговъ; но какъ нашъ языкъ долгихъ совмѣщать не можетъ и, гдѣ сила или удареніе бываетъ, тамъ дѣлается долгой слогъ, то напрасно некоторыя стараются, чтобъ чистымъ Греческимъ падениемъ наши экзаметры писать было можно, который требуетъ на концѣ Спондея. — На сихъ стопахъ почіетъ Россійская поэзія. — Вотъ примѣры лирической: <...>

Хорей

Отста/вала / лебедь/бѣла/я
Какъ отъ/стада/ лебе/дино/ва.

Хорей съ Дактилемъ

У ко/лодезя /у сту/денова
Добрый/млодець/ самъ ко/ня поилъ
Красна/дѣвица / воду / черпала

Дактиль

Ярка не /ярка ба/ранъ не ба/ранъ
Стара о/вѣчка не/ярина/чка.

Ямбъ

Дале'/че охъ/ дале'/че во /чистомъ /полѣ
Не трав/ка не/мурав/ка за/шата/лася.

Ямбъ съ Анапестомъ

Не шуми /мати/ зеле'/на дубро/ва
Не мѣшай/цвѣсти/лазореву цвѣту.

Анапестъ

Ой ты по/люшко по/люшко чи/стое
Ни чево /мнѣ ты по/ле не ро/дило
Охъ ты ро/дило толь/ко Роки/товъ кустъ.

Можно о семь читать и у господина Ломоносова в I-й части *Предисловія о Пользѣ Книгъ Церковныхъ*.

Касательно же мѣръ стиховъ, количества ихъ въ строфахъ, или куплетахъ, то они суть въ томъ и въ другомъ различны въ пѣсняхъ Лирическихъ. — Сіе можно видеть въ подробности у господина Тредьяковскаго въ помянутомъ *Способѣ* стихосложенія на страницѣ 132, 133, 134 и 135. — Но какъ я не вижу въ нихъ такого образца, который мнѣ встретился въ одномъ манускриптѣ, писанномъ на Русскомъ языкѣ въ Китаѣ, съ котораго списокъ напечатанъ въ 1811 году у господина Шишкова въ «Разговорѣ» его о Россійской словесности (на стр. 154), который мнѣ показался тѣмъ отличнымъ, что съ окончательнаго слова предыдущей строфы начинается вторая, коихъ слияніе производитъ, какъ у Скальдовъ, весьма приятную гармонію, то и прилагаю тому примѣръ изъ того «Разговора», а другой новейшей.

...такъ Гипенфила

Обманула, хоть Язона и любила.
Повѣхаль Язонъ, оставилъ любую;
Но не такую.
Но не такую засталъ, какъ мысль была.
И Ариадна мало ли бранила
За то Фисея, что спознался,
Да злѣ расстался.
Да злѣ расстался, слезить Ариадна.
Ахъ мнѣ, коль твоя любовь беспощадна.
Столько невѣрна меня покидаетъ,
Самъ уплываетъ.

Самъ уплываетъ на быстрыя воды и прочая.

На конецъ, сюды же относятся *Акростиши*, или какъ у насъ въ Церковныхъ книгахъ называются, *Краегрании* (краестиши), въ которыхъ заглавныя каждою стиха буквы содержатъ въ себѣ имя, въ честь коего стихи писаны, или какое-нибудь значительное слово, коего Поэтъ открыто для всѣхъ сказать не хотеть. Примѣры тому видимъ древнейше въ Еврейской поэзи, а именно некоторые псалмы Давыдовы акростишными, какъ-то: 24 — Къ тебѣ Господи воздвигохъ; 33 — Благословлю Господа; 36 — Не ревнуй лукавствующимъ; 110 — Исповемся Тебѣ Господи; 111 — Блаженъ мужъ бояйся Господа; 118 — Блажени непорочни; 144 — Вознесу тя Боже мой, — потому что въ нихъ каждый стихъ либо полустистише начинается по Еврейскому азбучному порядку буквою азбуки.

Но вотъ примѣръ Русскаго акростиша въ честь Князя Кутузова:

Когда въ виду Ты всѣй вселенны
Наполеона посрамилъ,
Языки одолѣлъ сгущенны,
Защитникомъ полсвѣта былъ;
Когда Тебѣ судьбы превѣчны
Умъ дали — троны царствъ сберечь,
Трофеи заслужить сердечны,
Усилить АЛЕКСАНДРОВЪ мѣчь;
Злодѣевъ изстребить враждебныхъ,
Обрѣсть безсмертный Лавръ побѣдъ,
Въ вратахъ Европы растворенныхъ
Смыть кровью злобы дерзкій слѣдъ;
Москву освободить погранну,
Отечество спасти отъ золь,
Лѣзть далѣ путь пресѣчь тирану,
Единъ основывать престолъ; —
Не умолчить потомствъ Глаголь!
Се мать твоя, Россія, — зри:
Ко гробу руки простираетъ,
Ожившая тобой, рыдаетъ,
И плачуть о Тебѣ Цари!

1) Хотя еще въ 1752 году покойный профессоръ Тредьяковскій писалъ о семь предметѣ; но весьма кратко; показавъ только слегка свойство; назначеніе и главныя черты Оды; а о красотахъ ея, или о прямомъ достоинствѣ, равно и о противномъ тому, неизяснилъ въ подробности. Здѣсь Сочинитель; почерпнувъ изъ лучшихъ писателей и изъ собственныхъ своихъ долговременныхъ въ семь родѣ поэіи опытовъ; показываетъ всѣ принадлежности изящной Лиры. Но чтобъ представить съ одной стороны обиліе и силу, а съ другой гибкость и способность Россійскаго языка къ изображенію ясно и сладкозвучно всѣхъ чувствъ сердца человеческого, подлинныхъ прозведеній отечественныхъ Лириковъ, избѣгая при томъ елико возможно собственныхъ. Въ необходимыхъ же только случаяхъ, когда не зналъ въ чужеземныхъ и не находилъ въ Русскихъ, или думалъ, что они вполнѣ не объясняютъ его мыслей; употребилъ свои. Слово (Одіе), по Гречески пою; происходитъ отъ мѣста; называемаго (Оденон); где въ Афинахъ пѣвали рапсодіи или отрывки Гомеровою Иліяды и Одиссеи.

2) *Бардъ*; пѣвецъ; собственно Галламъ и Британцамъ принадлежащій.

3) И неугрюмые друиды/ Даютъ глухимъ выпьемъ отвѣтъ.

4) Въ простонарѣчьи — *отверница*.

5) Подобнаго сладкогласія исполнены всѣ сочиненія Хераскова, Богдановича, Нелединскаго, Дмитріева, Карабанова и проч.; превосходитъ же Ломоносова, въ разсужденіи его великолепія и громкаго слога. Но дабы яснѣе мысль мою сказать, въ чемъ состоитъ *сладкогласіе*: если въ искусномъ наборѣ словъ, къ выговоры удобнѣйшихъ, слуху пріятнѣйшихъ и приличнѣйшихъ описываему предмету и обстоятельствамъ, то въ вышеприведенномъ въ примѣръ четверостишіи, изображающемъ тишину, осмѣлился я отмѣнить рѣзкую букву (Р), дѣлающую нѣкоторую громкость, помѣстятъ, вмѣсто *предѣлъ*, -- *удѣлъ*.

6) *Эподъ*, или хоръ, слѣдующій въ Одѣ послѣ антистрофы. У Горация вся пятая книга составлена изъ эподовъ. *Пріомъ*: предпѣніе, или прелюдія. *Номъ*: настоящая пѣснь. *Просодія*: созвучное повтореніе. *Пеанъ*: пѣснь Аполлону. *Дивирамбъ*: пѣснь Бахусу. *Партенія*: пѣснь, одною дѣвою воспѣваемая, избрѣтенная Партеніемъ. *Гимнопедія*: пѣснь, во время игранія мячомъ и битвы на мечахъ поющаяся. *Эндиминція*: пѣснь спать идущаго. *Гипорхема*: пѣснь плясовая. *Артическая* пѣснь, поющаяся возвышеннымъ голосомъ.

7) Глава X, книга 1.

8) Ода II, книга 4.

9) Лирики, при Августѣ, Неронѣ и Домиціанѣ жившіе.

10) Подлинники на пергаментѣ находятся въ числѣ собраній древностей у г-на Селакадзева.

11) Бровнь: “О раздѣленіи музыки съ поэзіею”.

12) Матѳея главы XXVII стихъ 30: *Воспѣвше изыдоша въ гору Елеонску*.

13) Апостоль павель въ 1 посланіи къ Коринвяномъ, гл. XIV, ст. 26, говорить: *Что убо есть, братіе, егда сходитесь, кійждо васъ псаломъ имать?*

14) Въ посланіи къ Ефесеемъ, гл. V, ст. 19: *Глаголюще себе во псалмѣхъ и пѣніихъ* (на греческомъ имнахъ) и *пѣснехъ* (на греч. одахъ) *духовныхъ*. — Къ Колосаемъ, гл. III, ст. 16: *Во псалмѣхъ* (имнахъ) и *пѣснехъ* (одахъ) *духовныхъ*. Слово *пѣснь* и въ Апокалипсисѣ, гл. V. Ст. 9, и гл. XIV, ст 3, на греческомъ именуется *одою*; и въ гл. XV, ст. 3, *пѣснь* Моисея названа также *одою Моисеевою*.

15) Плиній въ письмахъ, книга X, письмо 97.

16) Бровнъ, въ Сочиненіи своемъ: о раздѣленіи поэзіи и музыки, въ XII отдѣленіи говорить: «Во II столѣтіи употребляема еще была въ христіанскихъ церковныхъ пѣсняхъ музыка язычниковъ съ нѣкоторымъ только ограниченіемъ ихъ своевольства и непристойностей; но какъ и та сладострастными женскими голосами своими приводила слушателей въ соблазнъ, то въ константинопольской Церкви Константиномъ Великимъ, а въ Александріи епископомъ Аванасіемъ сдѣлано о ней новое учрежденіе. Августинъ намѣренъ былъ совсѣмъ изгнать ее изъ западнаго христіанскаго богослуженія, но Амвросій Медиоланскій ввелъ особаго рода голосовую чрезвычайной важности».

17) Древняя Еврейская торжественная инструментальная музыка описана въ 1-й книгѣ Паралипоменонъ, гл. 13 и 15, и во 2-й кн. Царствъ, гл. 6. У Давида было учреждено въ храмѣ 288 пѣвцовъ, которые между собою очередились чрезъ каждый часъ въ сутки по 24 человекъ для безпрестаннаго пѣснопѣнія.

18) Они значать на нашемъ языкѣ: *октоихъ*, осмигласникъ; *триодъ*, трипѣснецъ; *ирмосъ*, связь, или звено цѣпи, на коемъ висятъ другія звенья; *антифонъ*, переключка двухъ клиросовъ; *стихира*, дланнословный стихъ; *тропарь*, оборотъ напѣва; *кондакъ* перечень похвалъ; *икосъ*, исключительное славословіе добродѣтелей; *акатста*, пѣснопѣніе, въ продолженіе котораго сидѣть возбраняется; *трисагіонъ-имносъ*, трисвятая пѣснь (Святый Боже); *еовиносъ-имносъ*, утренняя пѣснь (Слава въ вышнихъ Богу); *еспериносъ-имносъ*, вечерняя пѣснь (Свѣте тихій), и такъ далѣе.

19) Въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ и въ посланіи къ Титу.

20) Напечатана въ Шведской Исторіи Маллета; по—русски переведена г-мъ тайнымъ совѣтникомъ Львовымъ.

21) Во время поколѣнія швабскихъ государей перешли въ Нѣмецкую землю пѣсни трубадуровъ. Гердеръ въ 87 отдѣл. кпиги: «О подкрѣпленіи просвѣщенія», стр. 109 (Beforderung der Humanitüt).

22) Название трубадуровъ производять одни отъ *тромба*, италїанскаго слова; другіе отъ русскаго *труба*, потому что якобы при Генрихѣ I великая княжна Анна Ярославовна, вступивъ съ нимъ королею въ бракъ, принесла съ собою во Францію кїевскія увеселенія и пѣсни съ рїеммами, наигрываемыя на семь инструментовъ, и что будто съ тѣхъ только поръ появились во Франціи трубадуры и рїемы. Г. Дубровскій доказываетъ то привезеннымъ имъ рисункомъ, яко бы того времени, находящимся въ Императорской библиотекѣ, на коемъ изображенъ трубадуръ, сопровождаемый игрою на трубахъ.

23) Взята изъ библиотеки г. Дубровскаго .

- 24) Послѣдній стихъ очень темень, то переведенъ наугадъ, по связи смысла.
- 25) Одни говорятъ, что Греки и Римляне въ лучшія времена ихъ поэзиі избѣгали сколько можно риѣмъ, стараясь только объ одномъ безостановочномъ стопопаденіи. Другіе, напротивъ, приводятъ въ доказательство Анакреона и Овидія, что и у нихъ какъ будто бы ненарочно прибранныя встрѣчаются риѣмы. Сіе-де можно видѣть у перваго, въ изданіи Львова на стр. 6, 12, 68, 98, 108 и проч. — У втораго въ книгахъ Печалей, напримѣръ: элег. 31, кн. II, стихъ 4, 6, 8, 12, 18, 20, 28, 42, 44, 60 и далѣе. Впрочемъ, иные ищутъ начала риѣмъ у Арабовъ, другіе на сѣверѣ, какъ выше сказано. Гердеръ же въ книгѣ своей «О подкрѣпленіи просвѣщенія» въ VII части, на стран. 74 говорить, что риѣма не что иное есть, какъ игра словъ, которая видна издревле у всѣхъ народовъ: у Евреевъ, Арабовъ, Нѣмцевъ и прочіхъ. — Трубадуры не могли послѣдовать внутреннему составу высокой поэзиі Мавровъ; они послѣдовали духу своего времени, языку и образцамъ вышесказанной простонародной поэзиі монаховъ, которые писали на испорченномъ латинскомъ съ риѣмами.
- 26) Гердеръ въ книгѣ «О подкрѣпленіи просвѣщенія» въ VII части, на стран. 115.
- 27) У него же въ VII части «О подкрѣпленіи просвѣщенія», стран. 111.
- 28) О семъ говоритъ Бровнъ в Сочиненіи своемъ о раздѣленіи музыки с поэзіею въ 12 отдѣленіи; но сіе, кажется, опровергается тѣмъ, что какъ Западная Церковь съ восточною раздѣлилась еще въ IX столетіи, то и не могло быть Греческое пѣніе допущено въ Латинскую Церковь, развѣ только потому, что музыку заодно съ догматами брать не должно. — Въ прочемъ ученые о введеніи музыки и въ Западную Латинскую Церковь не согласны. — Плотинъ, писатель XV вѣка, относитъ оное къ VII столетію; но Западный же Писатель Фома Аквинскій, жившій въ половинѣ XIII вѣка, вопрѣки сему пишетъ въ книгѣ своей «Summa theologica»: «Церковь наша въ хвалу Божию не приѣмлетъ орудій мусикійскихъ, яко то: Цитръ и Псалтирей—да не явится иудействующею». Слѣдовательно, музыка и въ Латинское богослуженіе введена гораздо позже. — Касательно же нашей Грекороссійской Церкви, то въ ней никогда инструментальной музыки не было и нынѣ нѣтъ. — Но однотонное голосовое, или демественное, мелодическое, фигурное, а потомъ и гармоническое пѣніе принято нами отъ присланныхъ изъ Греціи Болгаровъ и Моравовъ, знавшихъ Славянскій языкъ, при великихъ князьяхъ Владимірѣ и Ярославѣ. — Созвучное же хоральное голосовое, или симфоническое,—по примѣру западной Церкви,—ввелъ къ намъ Никонъ Патриархъ уже въ XVII столетіи при царѣ Алексѣ Михайловичѣ.
- 29) Бровнъ о музыкѣ и поэзиі въ 12. Отдѣленіи.
- 30) У Грековъ были уставныя, или узаконенныя тоны, какъ выше явствуетъ: Фригическій и прочія.
- 31) Зюльцеръ въ Лексиконѣ о словесныхъ наукахъ подъ словомъ *Опера*.
- 32) Светоній, римскій историкъ, въ жизни сего Императора при случае рассужденія о войнѣ упоминаетъ о сей пословицѣ Августовой.
- 33) Плутархъ въ жизни Александра Великаго, который нѣкогда сказалъ Кассандру: «Такъ ты со временемъ почувствуешь, ежели угнѣтенъ народъ». Сей выговоръ во всю жизнь пребывалъ в Его памяти, такъ что онъ по смерти Его, увидя въ первый разъ статую сего Монарха, вострепѣталъ отъ Ужасу.

- 34) Черта характера, нрава или обыкновенія частнаго человѣка или цѣлаго народа.
- 35) Рапсодіи, или отрывки древнихъ Греческихъ поэмъ.
- 36) т.е. воинъ, бывшій въ крестовомъ походѣ.
- 37) Жаль только, что сей Сочинитель музыки всѣ наши старинныя пѣсни разделилъ на равныя такты. Сіе Русскому слуху нетерпимо, наипаче въ протяжныхъ пѣсняхъ, которыя почти суть всѣ вообще речитативы, по подобію Греческой древней музыкальной Поэзіи. Отъ сего-то въ устахъ русскаго мужика, поющего сіи пѣсни не по такту, а съ временною вытяжкою многихъ слоговъ, они чувствительнѣе, нежели какъ можно пѣть ихъ по нотамъ Прачевымъ. Тактовая музыка, какъ и равностопная Европѣйская Поэзія, утомительны своимъ единообразиемъ; а разнообразіемъ въ Греческой и Латинской поэзіи удобнѣе изображаются и страсти и дѣйствіи различныя. Напримѣръ: Европѣйская равностопная поэзія никакъ не можетъ выразить трудности работы Циклоповъ, кующихъ молотами, какъ выразилъ Вергилій:

Illi in / ter se / se mu / lta vi / brachia / tollunt.

Тредьяковский перевелъ этотъ стихъ такимъ образомъ:

Тамъ Ковачи съ крехтенъемъ млаты возводятъ, низводятъ.

Подобно и наши цѣрковныя Стихи, по образцу древней Греческой музыки, не имѣютъ тактовъ; но когда поеть ихъ искусный Пѣвецъ, съ вытяжкою всехъ отгѣнокъ, или разгласовъ голоса, а иногда съ речитативнымъ ускореніемъ, или говоромъ, то что можетъ (быть) умильнѣе сѣго пѣнія? Тутъ видна точная Греческая древняя музыка, сопровождающая Тимофѣя, или истинные чувства сердца и дѣйствій природы; но заключимъ все примѣчаніе тѣмъ, что нѣкто Матвѣй Гутри, заимствуя отъ Львова, написалъ и напечаталъ на Французкомъ языкѣ *Рассужденіе о Русскихъ пѣсняхъ*, сказавъ, что взялъ оное отъ Прача; а какъ сей Прачъ совсемъ не зналъ русскаго языка и не могъ разумѣть ни характера, ни красоть тѣхъ пѣсень, а клалъ только слова на ноты, по объявленію Львова, -- то изъ сѣго только то можетъ намъ служить къ замѣчанію, какъ Господа Иностранцы и въ самыхъ бездѣлицахъ вездѣ затмѣвають способность и славу Русскихъ.

- 38) Игра древняя Греческая, учрежденная въ память похищенія Прозерпины Плутономъ, гдѣ съ зажженными лучинами или головнями бѣгали и искали похищенной.
- 39) Напѣчатаны при его Сатирахъ.
- 40) Зюльцеръ и Гецель.
- 41) П. Бате, Зюльцеръ и Гецель.
- 42) Льютъ запахъ.
- 43) Переводъ сообщилъ г. Лебедевъ, переводчикъ Иностранной коллегіи, жившій въ Индіи 14 лѣтъ, искусный въ Шамскрито-Бенгальскомъ Индейскомъ языкѣ.
- 44) Индійское выраженіе для означенія предмѣта величественнаго или прекраснаго.
- 45) Татары, Остеки и Вогуличи.
- 46) Кучумъ изъ Царства своего ушелъ къ Калмыкамъ и убитъ ими.
- 47) Эдда — книга, содержащая въ себѣ Скандинавское баснословіе.

Вместо послесловия.

Цель настоящего издания, как уже было указано редактором, - ознакомить англоязычных читателей, студентов и аспирантов, изучающих русскую культуру, со стихотворным наследием Державина. Поэт впервые издается в таком объеме в переводе на английский язык. Поэтому наш комментарий и весь библиографический аппарат предназначен для общих нужд читателей и целиком включен в первую часть издания, напечатанную на бумаге синего цвета. В русской части издания стихи поэта напечатаны (с #2 по #43 арабскими цифрами) в полном соответствии с их нумерацией в англоязычной части. В книге также впервые почти целиком воспроизведен малодоступный трактат Державина *Разсуждение о Лирической Поэзии или объ Одѣ* (опущены лишь некоторые примеры поэта, касающиеся нерусских поэтических систем).

Этот трактат, как и вся вторая часть нашей книги, также предназначены и для русского читателя. Во-первых, все части *Разсуждения* издаются впервые в одном переплете, целиком сохраняя гражданский стиль эпохи Державина. Во-вторых, в книге приводятся произведения поэта в том порядке, в котором они напечатаны в последнем прижизненном собрании (*Сочинения*, 1808-16, с соответствующей нумерацией римскими цифрами) а также их полный перечень (с. 465-471). И, наконец, здесь воспроизведены впервые в цвете все виньеты, сопровождающие беловую рукопись 1й части *Сочинений*, посвященной Екатерине II, а также отдельные виньеты из других частей.

К сожалению, нам пришлось отказаться от намерения снабдить вторую часть книги исследовательским аппаратом (паралельным аппарату англоязычной части). По техническим причинам оказалось невозможным включить такой материал в настоящий однотомник, задуманный (в русскоязычной его части) лишь как предварение последующего его многотомного издания *Сочинений Державина* в России. Оно готовится нас отдельно и будет соответствовать по мере возможностей всем требованиям поэта, высказанным уже в первом издании его *Сочинений* в 1798 г.:

Сочинителю желалось было первую Часть напечатать въ такомъ точно порядкѣ, какъ она блаженной памяти покойной Государынѣ Императрицѣ поднесена была; а вторую скоро за тѣмъ издать съ прибавленіемъ многихъ написанныхъ пѣснь. Но по ошибкѣ дошелъ въ Типографію не вѣрной списокъ, бывший у Его Высочайшаго Преосвященства покойнаго Иванъ Ивановича Шувалова, въ которомъ безо всякаго разбора размѣщены были и внесены такія, которымъ въ первой Части, или совсѣмъ напечатанными быть не следовало; притомъ съ такими неисправностями, что вовсе бы лучше не издавать. Поелику же почтенная Публика давно ожидаетъ ихъ, то и предлагается здѣсь, въ такомъ видѣ, какъ оныя вышли изъ Типографіи. Впрочемъ ежели благосклонно приняты будутъ, то не замедлится второе изданіе въ двухъ Частяхъ, лучше размѣщенное и исправленное, съ присовокупленіемъ нарочитаго количества новыхъ пѣснь; а можетъ быть, ежели искусные Гравёры найдутся, и съ ихъ виньетами.¹

Отметим, что те же мысли об идеальном "размѣщеніи" пьес, об их "исправностяхъ"² и возможных "виньетахъ", которые поэт излагает в 1798 г., повторены в 1808 (но в другом порядке) при новом издании его *Сочинений* опять в "Предуведомленіи къ читателямъ" (см. наше издание, с. 257-259), а также повсеместно в "Объясненіяхъ" (см. напр. как "должно поместить" добавочные пьесы к 3й ч. *Сочинений* в нашем издании, #38, с. 464). Тем не менее, ни одно из изданий Державина, вышедших в свет после смерти поэта, не смогло удовлетворить всем его требованиям. Не касаясь отдельных установок издателей, которые подчиняли порядок публикации стихотворений поэта то эстетике последержавинских времен, то жанровым категориям, сразу подчеркнем, что даже уникальное и до сих пор не превзойденное

издание академика Я. К. Грота, не смогло выполнить одного из основных требований поэта, а именно: об идеальном “размѣщеніи” пьес. Грот подчинил все рукописное наследие поэта хронологическому принципу.³

Так, конечно, и должно было поступать при работе над академическим собранием. Но наступило время, когда сочинения патриарха русской поэзии надлежит представить и в том виде, в каком этого желал перед смертью сам поэт. По ряду причин данный одотомник (половину которого составляют наши переводы) не может претендовать на полное соответствие авторской воле. Но, по крайней мере, один из результатов двенадцатилетней работы над державинским наследием нашел свое воплощение здесь: наше издание составлено так, чтобы и у английского и у русского читателя возникло целостное представление об общих композиционных принципах поэта при составлении отдельных частей своих *Сочинений*.

Какие же это принципы? Прежде всего надо иметь в виду, что Державин мыслил не как академик, а как поэт и бывший государственный деятель; он располагал свои сочинения не в связи с хронологией их создания, но согласно осмыслению эпох, в которых он жил и чувствовал, а также имел в виду их вне-временное значение для вечности. Первые две части его *Сочинений* обращены к эпохе Екатерины II, в которой он достиг зрелости как поэт, и к эпохе Александра I, когда он был отставлен самим императором от государственной службы уже в 1803 г. и в которую ему суждено было умереть. То, что в 1808 году он обращается именно к “эпохе”, выражено в эпиграфе “О время благополучное...” к 1-й части *Сочинений* (см. наст. изд., с. 263). Но далее стихотворный материал уже располагается им (хотя и не во всех случаях) по степеням важности вневременного начала.

Это и есть первый очевидный принцип составления 1-й части *Сочинений Державина*, которую поэт открывает, как было принято на протяжении всего XVIII века, стихотворениями духовными, затем следуют панегирики Екатерине, после чего он воспевает ее заслуги перед отечеством, особенно успешные военные сражения, и далее он обращается уже к отдельным событиям и личностям ее времени и к частным событиям. Такое же построение можно легко усмотреть и во 2-й части (см. “Перечень всех произведений вошедших в *Сочинения Д.*”, наст. изд. с. 465-71) и в некотором смысле (об этом далее), в 5-й части. Поэт иногда менял порядок расположения отдельных пьес в своих рукописях, готовя их к публикации в разные годы, но к 1808 году у него уже сложилось четкое представление о том, как следует располагать свои стихи, - представление, имеющее мало общего с хронологией их создания.

Наряду с расположением пьес по степени важности вторым существенным принципом было наглядное подчеркивание объединяющей роли лирического “я” при создании всех стихотворений вошедших в *Сочинения*. Такое стремление очевидно в одах, обрамляющих каждую из его книг в начале и конце. Речь идет об одах “Бог” и “Памятник” в 1-й ч.; “Безсмертіе души” и “Лебедь” во 2-ой; “Приношение красавицамъ” и “Вънецъ безсмертія” в 3-й; и “Истина” и “Полигимніи” в 5-й (все, кроме “Истины”, даны в нашем издании), в которых лирическое “я” соприкасается с темой “безсмертія”: в начальных одах (1-й, 2-й и 5-й книг) поэт нас убеждает в своем личном бессмертии как неотъемлемой части мира созданного Богом, а в одах, помещенных в конце книг, он говорит о том же бессмертии, как о должной награде за заслуги, достигнутые его Лирой. Роль этих од - выражение функции того “я”, которое по сути внедряется в канву практически каждого стихотворения в *Сочиненияхъ*, независимо от того, по какому поводу, кому или когда были написаны их отдельные строки. В их совокупности лирическое “я” поэта, сдужившее на протяжении 18-го века в России лишь одним из приемов риторики, перерастает в грандиозный “образ автора”, - в “доминанту” лирики Державина, выраженную особенно четко в одах, завершающих каждую часть. Именно в них Державин подчеркивает, что он создал в своей поэзии этот совсем новый для русской литературы авторский образ, от которого лишь один шаг к изречению Маяковского:

“Себе любимому посвящает автор эти стихи.”

Примечательно, что Державин, создавая свой образ поэта-личности, обратился (как и Маяковский сто лет спустя) к теме любовной страсти. Она появилась уже в 70-е годы в его печатных трудах и рукописях, и к ней же он возвратился в “Полигимнии” - последнем, опубликованном при его жизни стихотворении, завершающим 5-ю часть *Сочинений*. В нем поэт обращается в следующих словах к молодой фрейлине императрицы, полутречанке Р. С. Стурдзе, которой привелось вслух читать в его присутствии его оду “Богъ”:

И еслиб мигъ еще продолжила
Твое беззвучное чтение,
Всю жизнь бы мою, какъ бывше, спалила,
Растаял бы и я въ восхищенъ,
Юной красой упоая;
Блаженства снести бы не могъ,
Умерь, любовью сгорѣвъ.⁸

Как мы убедились, Державин располагал стихи так, что они повторяли один и тот же мотив или образ в начале и конце каждой из книг. Ода “Полигимнии,” кончающаяся на стихе “Буду я, буду безсмертенъ!” и написанная под впечатлением от чтения Стурдзой знаменитой державинской оды “Богъ”, намекает на повторение более широкого плана: это не только намек поэта на своеобразно выраженное значение оды, с которой он начал 1-ю часть, но и сигнал читателям, что он подошел к завершению “цикла” всех частей своих лирических *Сочинений*. Подчеркнем, что описывая чтение адресаткой-красавицей духовной оды поэт выражает любовные *страсти* к ней (а не к Богу), используя приемы изображения таких страстей из од Сафо. Сочетать духовную лирику и лирику любовных страстей было немислимо до Державина. Это наблюдение лишь подтверждает насколько широко он раздвинул возможности лирического “я” русской поэзии и насколько глубоко он дал ему совпасть со своей личностью.

Промежуточным звеном между этими двумя одами является целая книга жемчужин русской лирики, *Анакреонтичекихъ пѣсенъ*, составивших в расширенном виде 3-ю часть *Сочинений*. Обращение к анакреонтике закономерно в лирике поэта, постоянно стремящегося к выражению своих сокровенных чувств. Он предстает в них в образе поэта-старика, вдохновленного теперь не только Богом и мирозданием, Фелицей и ее деяниями, заслугами полководцев России, но и просто женской красотой. Наиболее наглядно это опять выражено в стихотворениях, обрамляющих анакреонтическую часть (“Приношение красавицамъ” и “Вънецъ безсмертія”). Читая их параллельно с одами типа “Памятникъ” или “Лебедь” (из предыдущих частей) становится очевидно, что Державин не только первый русский поэт, оды которого, говоря словами Буало, могли и “возлетать славно до небес”, но и “прославлять танцы, веселый пир и смех, и с уст поцелуя полученнаго успех.”⁹ Он также поэт, который сумел совместить в одном самодавяющем и многогранном образе, объединяющем его *Сочинения* в одно целое, все отдельные “я” в стихах на разные темы. Этот образ включает в себя и голос пророка, выраженный ранее в его переложениях псалмов, и Мурзы, и “жителя реки Ра”, - так он зашифровал свою личность в первой печатной оде, и старика Анакреона.

В рукописи, преподнесенной Екатерине в 1795 году,¹⁰ некоторые из стихотворений, которые вошли позднее в том “Анакреонтичекихъ Пѣсенъ” (напр. На рождение въ Северѣ Порфиророднаго Отрока, К Евтерпѣ, Амурь и Психѣя, Пчелка, К Граціям, Мечта, Спящій Эроть), еще спокойно уживались вместе с произведениями типа “Богъ” и переложениями псалмов. В ней Державин еще не доработал сложную концепцию “безсмертія” поэта, которая будет присутствовать в каждой книге его *Сочинений*. Первоначально рукопись обрамляли два стихотворения: в начале - “Приношение” Екатерине, перед коим была помещена

акварель (воспроизведенная в нашем издании) со следующей программой: "Киргиз-Кайсацкой мурза посвещает лиру свою Фелицъ; Богоподобная Царевна взирает на него с высоты Эфириной"; в конце - "Къ ласточкѣ", которую сопровождал образ надгробия Пленире со вписанными в него стихами: "Возстану - и в безднѣ Эфира / Увижу ль тебя я Пленира?"¹¹ Можно, следовательно, предполагать что до 1795 г. Державин осознавал свое "безсмертіе" лишь в контексте задуманной им симметрии, проявившейся в оформлении его рукописи 1795 г. Две Екатерины смотрели из "бездны Ефира" на его лиру с противоположных концов рукописи. Они сошлись не случайно в этом первом собрании его сочинений: они обе его вдохновляли своим "эфирнымъ безсмертіемъ" на сочинение стихов, создавших уже к 1795 г. новую эпоху в истории русской литературы.

Но время прославления двух Екатерин подошло к концу: В 1794 г. умерла его жена, в 1796 г. - императрица. Видно не случайно именно после смерти последней Державин и начинает работу по созданию *Анакреонтическихъ Пѣсень*,¹² в которых любовь служит уже самоцелью, отделенной от времени. Если сборник посвящен "красавицамъ" вообще, то заканчивается он на "гѣсни" "Венѣцъ безсмертія", уже третьим по счету (после "Памятника" и "Лебеда") стихотворении, посвященном поэтом себе самому и теме личного "безсмертія". Это подчеркивает новую ориентацию в создании и планировке отдельных частей *Сочинений*, из которых он подготовил к 1808 году четыре, а к 1816-му семь.¹³ Поэт, только что отставленный от государственной службы, теперь более заинтересован в выражении личного, чем общего, частных дел нежели государственных, жизни Эванки, скорее чем Петербурга.¹⁴

Именно в это время его разные друзья и художники начинают готовить беловые рукописи первых трех частей *Сочинений*, которые сопровождают виньетами и многие из которых включены в наше издание. И если его друг, А.Н. Оленин, сумел сопроводить своими акварелями одну дарственную рукопись "Сочинений Державина" Екатерине II, то к 1808-му году у Державина в руках их было целых три в личном пользовании, с роскошными виньетами в каждой из них.¹⁵ Имея перед собой сотни чудесных изображений отдельных образов, идей, аллегорий и символов из его лирики, сопровождающих почти каждое стихотворение при его начале и конце, и исполненных разными художниками того времени, поэт одновременно готовил свое печатное издание *Сочинений*. Он, конечно, мечтал воспроизвести их хотя бы в гравюрном изображении в этом издании, о чем и писал в предисловии к нему. Но такое издание было просто невозможно осуществить из-за недостатка денег, и во все его части *Сочинений* вошло только несколько гравюр.

Иронией судьбы те-же ограничения существенно повлияли как на судьбу так и на графическое оформление нашего издания. По финансовым соображениям, только 98 его страниц (с. 251-348) можно было выполнить в цвете, и именно в них надо было вместиť не только тексты стихотворений избранных нами для публикации и сопровождающие их акварели, но и те акварели, которые имеют отношение к остальным произведениям в беловой рукописи первой части "Сочинений," находящейся в Р. О. Пушкинского дома. Одной из главнейших целей этого издания было желание осуществить мечту Державина "украсить картинками" как можно большее число его напечатанных стихотворений; в то же время мы стремились дать читателям ощущение пространства, возникающего при чтении стихотворений, если они сопровождаются виньетами - как это и было сделано на отдельных листах его рукописей. Не трудно догадаться насколько противоположны эти цели при изначально ограниченных возможностях нашего издания. Нам, однако, удалось воспроизвести впервые в цвете все виньеты взятые из вышеупомянутой рукописи и даже несколько виньет Оленина из дарственной рукописи *Сочинений* преподнесенной Екатерине II в 1795 г., которая находится в бывшей Публичной Библиотеке. Нам, кажется, так же удалось, при всех ограничениях такого рода издания, представить и лирику Державина в достойном виде для англоязычного читателя.

Принципы расположения виньет в нашем издании следующие:

1. Виньеты без указанных под ними римских цифр принадлежат текстам, которые они сопровождают.

2. Виньеты с указанными под ними римскими цифрами не принадлежат текстам, которые они сопровождают. Но такое расположение применяется в нашем издании в редких случаях, так как большинство виньет с цифрами находится в приложении (без стихотворений), названном "Дополнительные виньеты к 1 части Сочинений Державина" (см. с. 332-345). Римская цифра обозначает # стихотворения, под каким Державин привел его в соответствующей части *Сочинений* (см. полный Перечень на с. 465-471), в то время как буквы "а" или "б" латиницей, следующие непосредственно за ними, обозначают их место или (а) фронтисписа или (б) концовки стихотворения.

3. Несколько виньет не снабжено опознавательными цифрами, хотя и не принадлежат непосредственно к текстам, которые они сопровождают. Среди них виньета к стихотворению #XLVIII "Провидѣніе" (изображающая ангела поднимающего из воды тонущую девушку), которая помещена и на суперобложке и на фронтисписе русскоязычной части и виньета к стихотворению #X "Щастливое семейство" на стр. 255. (Обе из рукописи РО ИРЛИ, ф. 96, Оп. 1, # 1). Среди изображений без цифр приведены также виньеты, исполненные рукой А. Н. Оленина и воспроизведенные по рукописи РО РНБ Ф XIV. 16, а именно виньета к стихотворению "Мечта" (перенесенного впоследствии Державиным из группы стихотворений в этой рукописи в часть 3-ю под #XVII), которая помещена и на суперобложке и на с. 346 русскоязычной части; виньета к стихотворению #VII "Побѣдителю", помещенная нами под одой #1, "Богъ" (на с. 267, так как Державин сам просил дополнить это место "приличною *cul-de-lampe*, или кашкой, ежели мѣсто въ новомъ изданіи позволить"); виньета к стихотворению #VIII "Помощь Божія" и подписаная им виньета к стихотворению #XII "Фелица", - обе приведены на с. 246 как прототипы для виньет, которые были повторены в рукописи РО ИРЛИ, ф. 96, Оп. 1, # 1. с незначительными изменениями.

4. Цветная часть нашего издания также снабжена изображениями не связанными с рукописным наследием. Их только четыре и они просто обозначены буквами латиницы a, b, c, d.. Первое (с. 251) - акварельное изображение зимнего Петербурга нач. XIX в. неизвестного художника (из нашего частного собрания). Второе (с. 251) - вид Званки рукой Е.М. Абрамова, исполненный в 1807 г. (акварель из собрания ИРЛИ Пушкинского Дома, инв. 77). Третье (с. 257) - акварельное изображение русской зимы нач. XIX в. неизвестного художника, писавшего по-немецки путевые впечатления об обычаях северо-западной России (на бумаге *Pro Patria* 1809 г., из нашего частного собрания). портретное изображение Г. Р. Державина в молодом возрасте, но с орденами полученными им уже в XIX в. (из собрания ИРЛИ Пушкинского Дома, инв. 64647). Четвертое (с. 254) - портретное изображение Г. Р. Державина в молодом возрасте, но с орденами полученными им уже в XIX в. (из собрания ИРЛИ Пушкинского Дома, инв. 64647).

Наше издание воспроизводит также отдельные виньеты рукописей Р.О. ИРЛИ, Ф. 96, Оп. 1. ## 2-3, сопровождающие державинские стихотворения в частях II и III, но теперь уже монохроматическим способом. Принципы их нумерации одинаковы с вышеуказанными. Издание не снабжено примечаниями на предмет этих изображений, так как выявление работ отдельных художников, которые участвовали в художественном оформлении различных рукописей Державина еще окончательно не установлено.

Орфография Державина сохраняется полностью. Большое количество текстов выверено по рукописям и печатным изданиям, при том, что мы восстановили в изначальном виде изменения, внесенные Гротом. Статус промежуточного издания, равно как и технические причины, привели к тому, что оказалось невозможной абсолютно точная проверка всех текстов, за что мы приносим извинения читателю.

Считаю приятным долгом выразить глубокую признательность следующим друзьям и коллегам в Санкт Петербурге, оказавшим столь ценную помощь в моей работе:

Директору Всероссийского Музея имени А. С. Пушкина, Сергеем Михайловичу Некрасову, а также Виктору Михайловичу Фейбисовичу, Георгию Эдишеровичу Введенскому, Сергею Сергеевичу Петрову, Евгению Александровичу Вильку и всем настоящим и бывшим сотрудникам музея; Директору Музея Г. Р. Державина, Андрею Всеволодовичу Татаринovu, а также фотографу и всем сотрудникам музея; Михаилу Пантелеевичу Лепехину и друзьям в Библиотеке Академии Наук; Маргарите Михайловне Павловой и Елене Обатниной Р.О. ИРЛИ Пушкинского Дома; Илье Аскольдовичу Дороченкову; Академия Художеств; Наталье Дмитриевне Кочетковой и всем членам Сектора по изучению русской литературы XVIII в., РАН, ИРЛИ Пушкинского Дома, Елене Вениаминовне Карповой, Зав. сектором скульптуры XVIII-нач. XX в., Гос. Русского Музея; Герману Николаевичу Ионину, Зав. каф. лит. РГПУ; Людмиле Игоревне Бучиной, Брониславе Александровне Градовой и другим сотрудникам О. Р. Российской Национальной Библиотеки; Николаю Николаевичу Калинин, Владимиру Евгеньевичу Москвину и всем остальным членам ОДЫ.

Особую и сердечную благодарность выражаю за всегашнюю любовь, домашний уют, и ежедневную поддержку в моей работе и жизни в России, АLINE Николаевне Кононовой; благодарю также всех членов семьи Киры Николаевны Савченко (Рябовой), семьи Сергея Сергеевича Петрова, Якова Сергеевича Сидорина и Михаила Пантелеевича Лепехина, за их столь родственные ко мне отношения.

Наконец благодарю дирекцию О. Р. Российской Национальной Библиотеки и дирекцию Р. О. ИРЛИ Пушкинского Дома за разрешение воспроизведения виньет из вышеназванных рукописей Державина, и Алексея Алексеевича Савкина за высококачественную работу по съемке многих из виньет.

А. Левицкий

---

¹См. "Предуведомление къ читателямъ" *Сочинения Державина*, ч. 1. Москва. Въ Университетской Типографіи. У Ридигера и Клаудія. 1798, с. iii-iv

²В этих словах заложено также начало полемики автора с его издателями о погрешностях того или другого издания его произведений, детали которой можно перечислить только в специальном исследовании. Отметим лишь то обстоятельство, что когда поэту наконец представилась возможность в 1808 г. заново издать свои *Сочинения* (уже в 4х чч. и под своим контролем) и напечатать рукопись "В такомъ точно порядкѣ какъ она блаженной памяти покойной Государынь Императрицѣ поднесена была" в 1795 г., он этого не сделал, а даже наоборот, сохранил некоторые особенности издания 1798 г. в части 1й. (см. о причинах А. Левицкий, "Две Екатерины...", 1997)

³Надо также всегда учитывать, что бывший "лицеист" Грот ввел в издание свое личное представление о стилистических "исправностяхъ" и зачастую сглаживал отдельные "шероховатости" Державина путем редакторских исправлений.

⁴4я часть не в счет, так как не содержит поэзии.

⁵Даже незабываемое, грандиозное "я" ломосовских од, в которых лирический "восторг" то ведет поэта "наверх горы высокой," то даже погружает в "бездну" вселенной, по сути своей, является не более, чем приемом обсуждаемым в его же "Риторике".

⁶См. А. Левицкий, "Две Екатерины...", 1997.

⁷См напр. тетрадь “Песни, Сочиненные Г..... Р..... Д.....” опубликованную Г. Н. Иониным, в серии “Литературные памятники” под назв. *Г. Р. Державин. Анакреонтические песни.* // Издание подготовили Г. П. Макогоненко, Г. Н. Ионин, Е. Н. Петрова, М., 1986 [далее как “АП86”, с указанием страницы]; в этом издании именно Ионин первым обратил детальное внимание на “анакреонтический” контекст ранней лирики поэта.

⁸Ионин приводит следующее обстоятельство чтения:

П. Н. Львова (одна из дочерей Н. А. Львова) вспоминает, как незадолго до смерти Державина читала ему это одно из последних его стихотворений: “Желая развлечь дядюшку, который показался мне не весел, я предложила ему прочесть что-нибудь из его V тома. Он выбрал небольшую оду в греческом вкусе под заглавием *Полигимнии*, имя вымышленное для означения девицы Стурдзы, которая однажды очаровала его на вечере гжи Свечиной, прочитав ему в совершенстве всю оду “Бог”. [АП86, Стр. 461]

⁹Пользуюсь тут словами переводом Буало, сделанным Третьяковским в кн. “Наука о Стихотворении и Поэзии с французских стихов БОАЛО-ДЕПРЕОВЫХ стихами ж. Песнь Вторая.” // *Сочинения и переводы как стихами так и прозою...* СПб.: Имп. Ак. Наук, 1752. Т. 1. Цит. по Третьяковский, В. К. *Сочинения...* СПб., 1849 Т. 1. С. 43-44.

¹⁰См. Подносной экземпляр “Сочинений Державина” Екатерине 1795 г. (описанный у Грота как рук. 5. В начале 1го тома, с оригиналами Оленинских акварелей и работ тушью), хранящийся в Российской Национальной Библиоте под шифром F. XIV. 16 (389 нумер. страниц + Оглавление + Объяснение; составл. цел. 210 лл).

¹¹Окончательное помещение в конце рукописи стихотворения “Флот”, написанного незадолго до ее поднесения императрице, очевидно проявление вторичной воли автора; это решение было принято спешно, поскольку окончательный выбор последней виньеты к этому стихотворению не был осуществлен.

¹²См. исследование Ионина “Творческая история сборника “Анакреонтических песен”// АП86, С. 296-378

¹³Кроме изданных пяти, Державиным были подготовлены “Разсуждение о Лирической Поэзии,” и целый (7й) том мелких жанров (надписей, надгробий, записок, эпиграм и мадригаллов) состоящий из 282х единиц. См. Р.О. Российской Национальной Биб-ки, ф. 246, тт. 5 и 3.

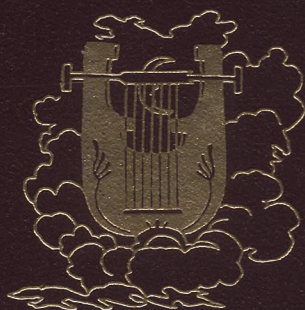
¹⁴К 1816 году в пятой части это предпочтение выражено особенно наглядно, так как она не посвящена никакому конкретному мирскому лицу и только в конце поэт опять обратился к своему “безсмертию” в оде “Полигимнии.” Некоторые элементы распределения по важности предметов сохранены (эта часть начинается, как и первые две, с од духовных), но сразу после них идет обращение не к императору, а к П. Львову - опять таки указание на приоритет частной жизни.

¹⁵См. РО ИРЛИ, ф. 96, Оп. 1, # 1-3.

¹⁶Мы, конечно, хорошо осведомлены с трудами таких специалистов, как С. Алпатова, Е. Г. Григорьева, Е. Я. Данько, В. М. Фейбисович, Е. В. Карпова, Е. Н. Петрова, Л. В. Тимофеев, и многих других, которые внесли существенные коррективы в представления об этом вопросе Я. К. Грота. Все их мнения и настоящие открытия по этому поводу будут учтены в нашем последующем многотомном издании *Сочинений Державина в России.*

G. R. Derzhavin
Poetic Works
A Bilingual Album

Edited by
Alexander Levitsky

Translated by
Alexander Levitsky
and
Martha T. Kitchen.

Catherine Bastidon (†1794),
Derzhavin's first wife.

Daria Diakova,
Derzhavin's second wife

